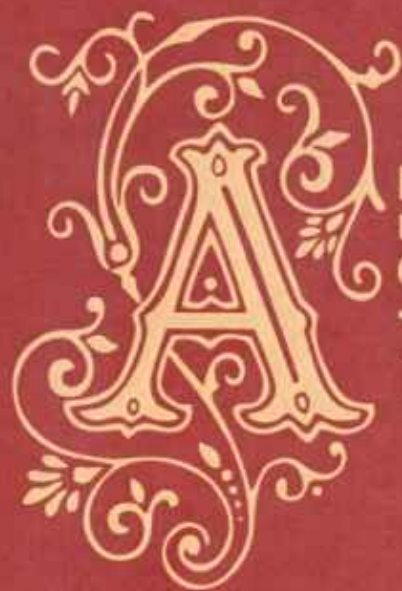


ISSN 3034-2597



Археология
и источниковедение
Сибири

1(43)





Г. Коопер

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ



Новосибирск
2024

УДК 94 (093+003.3)
ББК 63.3(2):63.211+63.212



Ответственный редактор С. Г. Петров

Редколлегия

Н. С. Гурьянова, И. Л. Манькова, Н. П. Матханова,
А. В. Мельников, С. И. Николаев, Т. В. Панич,
В. А. Ромодановская, В. М. Рынков, И. В. Силантьев,
А. В. Сиренов, Л. В. Титова (ответственный секретарь),
И. А. Шипилов (секретарь), Е. М. Юхименко

Рецензенты

доктор исторических наук Г. М. Запорожченко
доктор филологических наук М. А. Федотова

Серия основана в 1975 г.

ISBN 978-5-93889-424-2

© Институт истории СО РАН, 2024

DOI: 10.31518/3034-2597-2024-1(43)

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В Новосибирском Академгородке 12–14 октября 2023 г. состоялась очередная, пятая по счету, Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии» (Покровские чтения 2023), посвященная памяти выдающегося историка России академика РАН Николая Николаевича Покровского (1930–2013). Проведение конференции было приурочено к 10-й годовщине его ухода из жизни. Пленарные и секционные заседания прошли в очном и дистанционном форматах в Институте истории СО РАН и Новосибирском государственном университете.

В работе форума приняли участие свыше 100 ученых из разных научных центров России: Абакана, Барнаула, Екатеринбурга, Иркутска, Кирова, Москвы, Мурманска, Новосибирска, Омска, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Смоленска, Сыктывкара, Томска, а также из Афин (Греция) и Белостока (Польша). Всего было заслушано 79 докладов в двух пленарных заседаниях и пяти секциях: «Современные опыты изучения книжного наследия XVI–XIX вв.», «Актуальные проблемы изучения истории России», «Источниковедение: Проблемы и практики», «История и культура старообрядчества», «История Русской Православной церкви в пространстве источников XVI–XX вв.».

В докладах участников конференции в полной мере отразились научные интересы, идеи и разносторонняя тематика исследований Н. Н. Покровского, присущие ему широта научного поиска и творческие подходы. Во многом этому способствовало и то обстоятельство, что среди участников конференции были не только исследователи, представляющие научные направления, в которых трудился Н. Н. Покровский, но и те, кому посчастливилось работать и общаться с ним — сотрудники созданного им сектора, младшие его коллеги, многочисленные ученики и ученики учеников, научные «внуки» и «правнуки».

Переработанные в статьи доклады четырех предшествующих конференций были опубликованы в сборниках научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири» (вып. 33, 34, 36, 39).¹ В соответствии с этой традицией, в настоящий выпуск нашей серии включены статьи, написанные на основе докладов, прозвучавших на «Покровских чтениях 2023».

¹ Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI вв. Новосибирск, 2015; Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск, 2016; Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017; Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020.

Более полувека назад, к началу 1970-х гг., археографическая группа Института истории, филологии и философии СО АН СССР и организованное в 1969 г. Сибирское отделение Археографической комиссии фактически составили третий в стране археографический центр — после двух старейших, в Москве и Ленинграде, издававших ежегодные сборники научных трудов. Перед сибирскими археографами встала задача создания своего ежегодника, который планировалось назвать «Археография и источниковедение Сибири». Именно под этим наименованием вышел в свет в 1975 г. первый выпуск. Однако реалии тогдашней академической жизни не были благоприятными для создания археографической серии в Новосибирске.² В сложившихся обстоятельствах было решено издавать каждый год сборник научных трудов под оригинальным названием, варьирующим название серии. Только в 1982 г., с шестого выпуска, на титульном листе над названием появилось наименование серии — «Археография и источниковедение Сибири», а с 1998 г. стал указываться номер выпуска. Казалось, что сложившийся порядок оформления серийных сборников, каждый из которых имеет самостоятельное тематическое название, останется неизменным. Однако, накануне пятидесятилетия серии, со сборника научных трудов этого года (выпуск 43), было решено вернуться к первоначальному замыслу основателей серии и претворить в жизнь их идею о ежегоднике с постоянным названием «Археография и источниковедение Сибири», одним и тем же для всех выпусков. С 2024 г. сборники научных трудов нашей серии будут выходить в свет с этим названием как издания периодической печати, причем каждый выпуск будет иметь двойной номер: начиная с первого — с года утверждения периодического ежегодника, с сохранением в скобках порядкового номера выпуска с года фактического основания серии.

² Об этом см.: Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022. С. 397, 400, 421.

Н. С. Гурьянова

Институт истории СО РАН, Новосибирск

О НОВОСИБИРСКОЙ ШКОЛЕ ИЗУЧЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА*

В статье продолжена характеристика научной школы Н. Н. Покровского, начатая классиком американской русистики Р. О. Крамми. Освещен вклад основателя школы и ее членов в углубление знаний о религиозно-общественном движении, в увеличение количества научных публикаций исторических источников, в которых нашло отражение мировоззрение старообрядцев, их религиозная жизнь. Сделан вывод, что можно говорить о научной школе Н. Н. Покровского в более широком значении, не только о новосибирской школе изучения старообрядчества, но и об источниковедческой школе.

Ключевые слова: старообрядчество, научная школа, Н. Н. Покровский, Новосибирск

Классик американской русистики Р. О. Крамми для сборника, составленного из опубликованных им ранее в научных сборниках и периодических журналах статей о русском религиозно-общественном движении, известном как старообрядчество, написал текст, в котором представил новосибирскую школу изучения старообрядчества в ряду других инновационных советских и российских исследовательских направлений. Автор кратко охарактеризовал ключевые моменты биографии основателя школы Н. Н. Покровского, его труды, в которых были предложены новые подходы к изучению религиозно-общественного движения. После этого автор достаточно полно представил работы его учеников, составивших научную школу, отметив высокий исследовательский уровень этих публикаций.¹

Попытаемся дополнить статью Р. О. Крамми, акцентировав внимание при характеристике школы, основанной Н. Н. Покровским, на иных аспектах ее формирования и дальнейшего существования. В 1965 г. Н. Н. Покровский переехал в Новосибирск. С этого времени его жизнь была неразрывно связана с Академгородком, с Сибирским отделением АН СССР (РАН). В Институте истории, филологии и философии СО АН СССР Н. Н. Покровский возглавил большой научный проект, который академик Д. С. Лихачев справедливо и очень точно назвал «археографическим открытием Сибири». Это было на-

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций», № FWZM-2024-0006.

¹ *Crummey R. O. The Novosibirsk School of Old Believer Studies // Old Believers in a Changing World. DeKalb, IL, 2011. P. 167–189.*

чалом формирования исследовательской школы, которая первоначально была связана с созданием третьего в стране археографического центра — Сибирского. Междисциплинарные подходы к решению научных проблем были для Николая Николаевича естественным исследовательским направлением, поэтому в состав руководимого им коллектива были включены историки и филологи.

Параллельно с работой в академическом институте Н. Н. Покровский стал преподавать на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета. Университетские ученики стали надежной основой созданной им научной школы. Исследовать проблемы общественного сознания на материале рукописного наследия старообрядцев в период, когда приветствовались атеизм, а методология базировалась на марксистско-ленинской идеологии, разумеется, было непросто, тем более с прошлым Николая Николаевича, но это его не остановило. В результате ему удалось предложить и реализовать новый подход к изучению общественного сознания населения России, который Р. О. Крамми справедливо сравнил с разработанным французской школой анналов и утвердившимся в то время в европейской гуманитарной науке.

Н. Н. Покровский при этом не только использовал новые подходы к изучению общественного сознания, но и, продолжив традицию русской исторической школы XIX — начала XX века, особое внимание обратил на важность для историка расширения круга источников и усовершенствование способов извлечения из них информации. В монографиях и статьях Николай Николаевич подвел своеобразный итог многолетнего изучения документальных и нарративных источников, представив убедительную картину эволюции идеологии старообрядческого движения в XVIII веке как формы социального и антиправительственного протеста значительной части населения России.²

В трудах Н. Н. Покровского указаны перспективные направления дальнейших исследований старообрядчества. В статье «О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества» он писал о важности исследования круга чтения участников бунта для понимания особенностей их системы политических и социальных взглядов. В статье впервые была четко сформулирована идея необходимости для углубления представлений о мировоззрении старообрядцев изучать процесс оформления систе-

² Очерк научной, педагогической и общественной деятельности, указатель трудов Н. Н. Покровского см.: Николай Николаевич Покровский / Сост. З. В. Бородина, О. Д. Журавель, И. А. Шипилов; Автор вступ. статьи Н. Д. Зольникова. М., 2010. (Материалы к биобиблиографии ученых. История. Вып. 34).

мы книжных авторитетов в религиозно-общественном движении как в целом, так и в каждом отдельном согласии.³

Разумеется, этот подход к изучению идеологии старообрядчества был использован Н. Н. Покровским при анализе нарративных и документальных источников при написании монографии «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в.».⁴ Еще более убедительно результативность нового подхода была продемонстрирована в статье «Книги Тарского бунта 1722 г.». Публикацию «Реэстра старопечатным и рукописным книгам», изъятого в ходе следствия по делу выступления жителей в г. Таре против присяги государю по новому Указу императора, предваряет вступительная статья. В ней представлен анализ содержания списка книг, соотнесенный с документальными свидетельствами, в которых нашли отражение реальные события бунта, с идеологией религиозно-общественного движения и составом реальных старообрядческих библиотек, захваченных в ходе розыска. Автору удалось показать, насколько ценными являются знания о книжной культуре старообрядцев, поскольку они дают возможность получить сведения об аргументации участниками бунта права открытого выступления против государственной власти.⁵

Ученики продолжили развитие идей, сформулированных Н. Н. Покровским. Ярким примером могут служить работы А. Т. Шашкова. Изучая судьбу творческого наследия Максима Грека в рамках старообрядческой книжности, он сумел восстановить историю создания старообрядцами в начале XVIII века поморской редакции свода сочинений афонца, показать процесс складывания и эволюции системы догматико-богословских авторитетов старообрядчества. Междисциплинарные подходы при решении научных проблем, которые свойственны школе Н. Н. Покровского, предполагали достаточно глубокое знание богословских и обрядовых вопросов, а также применение при анализе памятников письменности филологических и современных источниковедческих методов.⁶

³ Покровский Н. Н. О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 19–40. (Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Вып. 14).

⁴ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

⁵ Покровский Н. Н. Книги Тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 155–190.

⁶ Шашков А. Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 93–123.

Все это позволило А. Т. Шашкову охарактеризовать проделанную в начале XVIII в. поморцами работу по разоблачению подделки, осуществленной представителями официальной Церкви в пылу полемики со старообрядцами.⁷ Впервые после работ академика В. Г. Дружинина, вышедших в начале XX в., старообрядцы были представлены не только сохранившими традиции книжников Древней Руси, но и владеющими самыми передовыми методами работы с рукописями. А. Т. Шашков нашел свидетельства вполне научного подхода выговцев к доказательству того, что оппоненты совершили подлог. Он описал те приемы, которые позволили в свое время В. Г. Дружинину назвать старообрядцев палеографами, освоившими научные методы на век ранее, чем это произошло в официальной российской науке.⁸

После переезда в Свердловск А. Т. Шашков стал активным участником формирования Уральского археографического центра, который создавался и развивался при непосредственном участии Н. Н. Покровского. Занимаясь полевой, камеральной археографией, Анатолий Тимофеевич продолжил исследовательскую работу, акцентируя внимание на творчестве сибирских крестьянских писателей. В результате анализа вновь вводимых им в научный оборот документальных и нарративных источников ему удалось реконструировать и описать в ярких образах биографии видных деятелей староверия Урала и Сибири, а также показать важную роль религиозной составляющей в общественном сознании населения России. Об актуальности и востребованности исследований А. Т. Шашкова свидетельствует издание в 2013 г. его «Избранных работ».⁹ В русле этого исследовательского направления работал и другой ученик Н. Н. Покровского из Екатеринбурга — Виктор Иванович Байдин, защитивший в 1979 г. диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII в. — 1860 г.».

Широта научных интересов Н. Н. Покровского позволяла ему успешно сначала руководить научными изысканиями, а позже, при необходимости, давать советы по любой теме, связанной с историей России, в широком хронологическом диапазоне — от древности до современности. Н. Д. Зольникова начинала как историк РПЦ, изучала сибирское духовное сословие. Участие в археографических экспе-

⁷ Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII века: Подделка и ее разоблачение // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 80–87.

⁸ Об этом подробно см.: Дружинин В. Г. Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1921.

⁹ Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. 736 с.

дициях постепенно расширило тематическое поле ее исследований. В результате внимание было акцентировано на анализе сочинений современных старообрядцев. В ее статьях введены в научный оборот новые тексты, в которых исследователь отметила не только сохранение старообрядцами традиций древнерусского книжника, но и влияние на мировоззрение авторов изменяющихся условий политической, социальной и культурной жизни страны.¹⁰

В вышедшей в 2002 г. монографии «Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания», написанной Н. Д. Зольниковой совместно с Н. Н. Покровским, были представлены результаты анализа документальных и нарративных источников, выявленных в ходе новосибирских и екатеринбургских археографических экспедиций. В них нашли отражение история малоизученного часовенного согласия, эволюция социальных, политических взглядов его членов на протяжении нескольких веков. Авторы монографии представили догматико-полемические и исторические сочинения старообрядцев в качестве народной, крестьянской литературы, в которой нашло отражение мировоззрение авторов.¹¹

Новые подходы к изучению старообрядчества, анализ документальных источников и памятников с целью получить представление об истории согласий, о богослужебной практике, об эволюции религиозных, политических и социальных взглядов общин, дали возможность ученикам Н. Н. Покровского углубить наши представления об этом сложном религиозно-общественном движении. Для новосибирской школы характерно разнообразие тем в широком хронологическом диапазоне — от XVII до XXI в. Работы О. В. Чумичевой, посвященные изучению Соловецкого восстания, не только подвели определенный итог в исследовании открытого противостояния монастыря и власти, но и внесли существенные коррективы в характеристику идеологии выступления. Убедительность выводов обусловлена значительным количеством вновь введенных в научный оборот источников. Об актуальности и востребованности монографии свидетельствует ее переиздание в дополненном варианте.¹²

Другая ученица Н. Н. Покровского Т. А. Опарина обратилась к одной из частных проблем формирования системы книжных автори-

¹⁰ См., например: Зольникова Н. Д. Традиции средневековых ехемпла в творчестве староверов востока России: XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 11–15.

¹¹ Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

¹² Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009.

тетов старообрядчества, к включению двух печатных дониконовских изданий в качестве основополагающих при оформлении идеологии движения. Это позволило продемонстрировать широкие возможности нового подхода к изучению старообрядчества. В центре внимания автора были «Кириллова книга» и «Книга о вере», которым предстояло сыграть важную и неоднозначную роль в российской истории: официальная Церковь отрицала их ортодоксальность, а противники реформы, наоборот, доказывали что в этих текстах нашла отражение традиция Русской Церкви. Т. А. Опариной удалось, введя в научный оборот рукописные сборники, показать, что, издавая эти книги, официальная Церковь вполне сознательно ориентировалась на достижения богословской мысли Литовской митрополии. Старообрядцы, разумеется, были осведомлены об этом, но сделали эти тексты основополагающими при оформлении идеологии движения, утверждая, что они — часть традиции Русской Церкви.¹³

Н. Н. Покровский, следуя традиции русской исторической школы конца XIX — начала XX в., считал необходимым изучать не только историю и идеологию религиозно-общественного движения в целом, но делать это через углубление знаний об отдельных согласиях. Характерным примером результата деятельности его учеников в этом плане являются работы А. И. Мальцева, посвященные изучению филипповского и страннического согласий. Автору удалось внести существенные дополнения в исследование истории согласий и формирования их идеологии. Сделано это было благодаря новым подходам к анализу уже известных и введению в научный оборот новых документальных и нарративных источников.¹⁴ Научная публикация сочинений основателя страннического согласия инок Евфимия обусловила убедительность и достоверность выводов исследователя.¹⁵

В своей последней монографии А. И. Мальцев большое внимание уделил малоизученной проблеме взаимоотношений между старообрядческими согласиями в XVIII — начале XIX в. Он предложил решение важных научных задач, обозначенных в конце XIX — начале XX века профессором Санкт-Петербургской Духовной Академии П. С. Смирновым, работы которого в начале XX века пользовались уважением не только в академических кругах, но и в среде старообрядцев. Его монографии остаются актуальными до сегодняшнего дня,

¹³ Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998.

¹⁴ Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996.

¹⁵ Сочинения инок Евфимия: Тексты и комментарии / Сост., подгот. текстов, предисловие, коммент., приложения А. И. Мальцева. Новосибирск, 2003.

поскольку поднятые им научные проблемы не только не решались, но и не обсуждались с тех пор.¹⁶ Тем большую ценность представляет последняя монография А. И. Мальцева, в которой автор, опираясь на большой круг источников, в том числе впервые введенных в научный оборот, используя современные методы их анализа и подходы к решению научных проблем, сумел охарактеризовать методы ведения полемики между старообрядческими согласиями, не признающими попов, суть догматико-обрядовых споров и решение вопросов религиозной жизни. Автор кроме споров и разделений, которые рассмотрены им на новом уровне по сравнению с работами П. С. Смирнова, показал сложность и противоречия попыток объединения родственных согласий перед лицом официальной Церкви.¹⁷

В состав научной школы Н. Н. Покровского, как ранее отмечено, были органично включены филологи. Яркий пример — выпускница Ленинградского университета, ученица Н. С. Демковой Л. В. Титова. Ее монографическое исследование «Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества» внесло существенный вклад в изучение формирования идеологии раннего этапа религиозно-общественного движения. Характерной чертой исследований, осуществленных в рамках научной школы, стала публикация письменных источников, результаты анализа которых представлены в работе. Монография Л. В. Титовой не стала исключением. В Приложении были опубликованы основные сочинения дьякона Федора.¹⁸

О. Д. Журавель, окончив НГУ и защитив кандидатскую диссертацию под руководством Е. К. Ромодановской по теме, связанной с литературой Древней Руси, принимала участие в археографических экспедициях. Привлекательность книжной культуры старообрядцев постепенно сделало центром ее исследовательского внимания литературу защитников старого обряда. Об этом свидетельствует тема докторской диссертации и монографического исследования: «Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: Темы, проблемы, поэтика» (2012). В этой работе автор представила новый взгляд на литературное творчество защитников старого обряда. Очень убедительно охарактеризованы авторы-выговцы как опирающиеся

¹⁶ Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным СПб., 1898; Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909.

¹⁷ Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 2006.

¹⁸ Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003.

на традиции книжников Древней Руси и использующие достижения современных европейских стратегий в области литературы. Для анализа привлечено большое число старообрядческих сочинений более позднего времени, включая ХХI в., с целью показать эволюцию литературного творчества старообрядцев с выявлением народно-утопических представлений, архетипических сюжетов и мотивов, которые, по мнению автора, формировали единое пространство национальной духовной культуры. В Приложении к монографии, традиционно изданы не опубликованные ранее оригинальные авторские произведения XVIII–ХХI вв.¹⁹

Важной составляющей нового подхода к изучению старообрядчества Н. Н. Покровский считал расширение круга документальных и нарративных источников, а также интерпретацию уже известных с использованием современных исследовательских подходов. Все это стало характерной чертой создаваемой им научной школы, в которой приоритетным считается научное издание памятников письменности, созданных участниками религиозно-общественного движения, а также использование при их анализе и классических, и новейших методов археографии и источниковедения, дополненных междисциплинарным подходом. В результате была продемонстрирована уникальность и богатство источниковой базы, дошедшей до нас благодаря старообрядцам, представлена ее ценность для изучения общественного сознания этой части населения России.

Научные издания старообрядческих памятников письменности значительно увеличивают возможности для исследователей углубить представления о таком сложном явлении как старообрядчество, получить дополнительные знания об истории движения, о формировании идеологии согласий. В основанной Н. Н. Покровским серии «История Сибири: Первоисточники» вышли три тома «Духовная литература староверов востока России XVIII–ХХ вв.», которые посвящены научной публикации догматико-политических сочинений писателей-староверов, в том числе обнаруженных новосибирскими археографами и вводимых в научный оборот. Кроме текстов сочинений разных жанров авторов различных согласий опубликованы документальные источники — старообрядческие письма, соборные постановления. В научный оборот введены ценные источники для изучения истории религиозно-общественного движения, идеологии согласий, творчества народных писателей-старообрядцев.²⁰ Еще

¹⁹ Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XIX в.: Темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012.

²⁰ Духовная литература староверов востока России XVIII–ХХ в. В 3-х т. Т. 1. Новосибирск, 1999. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 9); Т. 2. Новосибирск, 2005.

один проект — издание в трех томах под руководством и при участии Н. Н. Покровского (совместно с Н. Д. Зольниковой и О. Д. Журавель) историко-агиографического сочинения «Урало-Сибирский патерик», созданного в старообрядческом часовенном согласии в конце 1940-х — начале 1990-х гг.²¹

В статьях и публикациях серии «Археография и источниковедение Сибири» в полной мере были реализованы основные принципы научной школы Н. Н. Покровского — междисциплинарный подход к интерпретации событий истории России, который основан на профессиональном анализе возможно большего количества источников. При необходимости, для того, чтобы придать убедительность выводам, в приложении публиковался текст источника. В 43 сборниках представлена тематическая и хронологическая широта интересов представителей научной школы, которая обусловлена широтой интересов ее основателя.

Разумеется, можно продолжить перечисление работ, свидетельствующих о вкладе новосибирской школы в изучение старообрядчества как религиозно-общественного движения, в увеличение научных публикаций документальных и нарративных источников, способных расширить наши представления об этом сложном явлении. Уже названные со всей очевидностью показывают значимость научной школы Н. Н. Покровского, в статьях и монографиях организатора и ее представителей предложены современные подходы для решения актуальных вопросов, стоящих перед гуманитарными науками. При этом особое внимание уделено расширению круга источников и их научной публикации, что позволяет рассматривать эту школу как источниковедческую.

Методы медиевистики, усовершенствованные и дополненные возможностями использования современных цифровых технологий, были успешно применены при подготовке научных публикаций источников. Первая осуществленная в 1971 г. Николаем Николаевичем публикация «Судных списков Максима Грека» заложила основы для реализации будущих издательских проектов. Текст источника обязательно не только сопровождался аналитической вводной статьей, научными комментариями, но в статьях, монографиях продолжалось его исследование. Все это позволяет говорить о научной школе Н. Н. Покровского в более широком значении, не только о школе изучения старообрядчества, но и о школе источниковедческой.

(История Сибири: Первоисточники. Вып. 12); Т. 3. Новосибирск, 2011. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 13).

²¹ Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. В 3-х т. Кн. 1 (Т. 1–2). М., 2014; Т. 3. М., 2016.

Список литературы

- Дружинин В. Г.* Поморские палеографы начала XVIII столетия. Пг., 1921. 66 с.
- Духовная литература староверов востока России XVIII–XX в. В 3-х т. Т. 1. Новосибирск, 1999. 799 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 9); Т. 2. Новосибирск, 2005. 584 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 12); Т. 3. Новосибирск, 2011. 403 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 13).
- Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XIX в.: Темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012. 442 с.
- Зольникова Н. Д.* Традиции средневековых ехемпла в творчестве староверов востока России: XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 11–15.
- Мальцев А. И.* Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1996. 267 с.
- Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 2006. 574 с.
- Николай Николаевич Покровский / Сост. З. В. Бородина, О. Д. Журавель, И. А. Шипилов; Автор вступ. статьи Н. Д. Зольникова. М., 2010. 100 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. История. Вып. 34).
- Опарина Т. А.* Иван Наседка и полемическое богословие Киевской митрополии. Новосибирск, 1998. 413 с.
- Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 394 с.
- Покровский Н. Н.* Книги Тарского бунта 1722 г. // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск, 1986. С. 155–190.
- Покровский Н. Н.* О роли древних рукописных и старопечатных книг в складывании системы авторитетов старообрядчества // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 19–40. (Вопросы книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Вып. 14).
- Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на Востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 466 с.
- Смирнов П. С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII веке: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным СПб., 1898. 504 с.
- Смирнов П. С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. 531 с.

- Сочинения инокa Евфимия: Тексты и комментарии / Сост., подгот. текстов, предисловие, коммент., приложения А. И. Мальцева. Новосибирск, 2003. 400 с.
- Титова Л. В. Послание дьякона Федора сыну Максиму — литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003. 311 с.
- Урало-Сибирский патерик: Тексты и комментарии. В 3-х т. Кн. 1 (Т. 1–2). М., 2014. 464 с.; Т. 3. М., 2016. 595 с.
- Шашков А. Т. Избранные труды. Екатеринбург, 2013. 736 с.
- Шашков А. Т. Максим Грек и идеологическая борьба в России во второй половине XVII — начале XVIII века: Подделка и ее разоблачение // ТОДРЛ. Т. 33. Л., 1977. С. 80–87.
- Шашков А. Т. Поморский кодекс сочинений Максима Грека // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 93–123.
- Чумичева О. В. Соловецкое восстание 1667–1676 годов. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. 352 с.
- Crummey R. O. The Novosibirsk School of Old Believer Studies // Old Believers in a Changing World. DeKalb, IL, 2011. P. 167–189.

Н. П. МАТХАНОВА

Институт истории СО РАН, Новосибирск

Научно-просветительная деятельность Н. Н. Покровского как продолжение Тихомировских традиций*

Приведены сведения о значении научно-просветительной деятельности для М. Н. Тихомирова и его научной школы. Рассматриваются понятия «популяризация науки», «научно-просветительная деятельность». Показаны основные мотивы, обусловившие занятия ею Н. Н. Покровским, сопоставлены темы его научно-исследовательских и научно-популярных работ, отмечены характерные черты популяризаторских, публицистических и учебных текстов.

Ключевые слова: научно-просветительная деятельность, популяризация науки, научная школа, М. Н. Тихомиров, Н. Н. Покровский

В последние годы все активнее разрабатывается история науки и такой составной ее части, как популяризация. Несколько лет тому назад Л. П. Репина констатировала возрастающее значение «взаимодействия-диалога исторической науки и общества, формирования общей зоны понимания между научным и общественным дискурсом».¹ Возникли новые явления и обозначающие их термины, близкие, но не тождественные научно-просветительной деятельности — такие, как публичная история («public history»). По определению И. М. Савельевой, «публичная история представляет собой совокупность подходов и практик, направленных на идентификацию, сохранение, интерпретацию и презентацию исторических артефактов, текстов, структур и ландшафтов во взаимодействии историков-профессионалов с широкой публикой».² Л. П. Репина сочла возможным несколько сократить и упростить эту дефиницию, обозначив «весь этот разношерстный набор практик, сопротивляющийся дисциплинарному определению, как комплекс средств для представления научного исторического знания широкой публике и для формирования знания о прошлом в обыденной жизни».³ И. М. Савельева предложила

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций», № FWZM-2024-0006.

¹ Репина Л. П. Наука и общество: Публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 63.

² Цит. по: Репина Л. П. Наука и общество. С. 63.

³ Репина Л. П. Наука и общество. С. 63.

и критерии, отличающие «традиционную публичную деятельность ученых» (что, очевидно, может быть названо и научно-просветительной деятельностью), — она не предполагает их активного взаимодействия «с самыми разными объединениями граждан», и сводится к трансляции «профессионального знания общественности».⁴ По еще одной трактовке публичной истории («академическая история ничуть не более объективна, чем история, которую создает сам для себя “потребитель” исторического знания... и нет оснований ставить одну выше другой»⁵), различие между нею и научно-просветительной деятельностью становится радикальным.

В. П. Корзун и М. С. Носова, говоря о публичной истории, подчеркивают, что в историографии «процесс дисциплинаризации этого направления рассматривается изолированно от ранее существовавших форм публичности науки». И все же под влиянием «конструирования предметного поля публичной истории» актуализировался «интерес к маршруту от академического знания к массовой аудитории».⁶ Авторы подчеркивают важность изучения опыта «презентации научного знания за пределами академических институтов» для формирования «культурной памяти по отношению к национальной науке».⁷

В настоящей статье мне представляется более уместным использовать понятие «научно-просветительная деятельность». Во-первых, оно типичнее для 1960-х — 1990-х гг. Во-вторых, его можно трактовать довольно широко, включая в него как популяризацию научных знаний, так и просвещение в широком смысле слова. В-третьих, оно ближе к учебной, преподавательской деятельности.

Замечу, что в рамках научно-просветительной деятельности использовались многие формы и методы из характерных для современной популяризации науки — за исключением, разумеется, таких, как онлайн-лекции и семинары, вообще интернет-проекты и т. п. Такое разнообразие было характерно и для М. Н. Тихомирова и представителей его научной школы.

Николай Николаевич Покровский нередко говорил о научной школе академика Тихомирова и «тихомировцах», неизменно относя к ним и себя. Общая характеристика школы и «уроков» Тихомирова

⁴ Савельева И. М. Таланты и посредники: Граница между академической и публичной наукой // *Общественные науки и современность*. 2015. № 1. С. 26.

⁵ Шевелева А. П. История: Академическая, популярная, публичная // *Артикульт*. 2013. № 3 (11). С. 7. Автор приводит данную точку зрения, не солидаризируясь с нею.

⁶ Корзун В. П., Носова М. С. «Увидеть небо в чашечке цветка»: Журнал «Знание — сила» как коммуникативная площадка популяризации советской науки // *Диалог со временем*. 2023. Т. 84. С. 144.

⁷ Корзун В. П., Носова М. С. «Увидеть небо в чашечке цветка». С. 145, 146.

дана одной из первых учениц Тихомирова Е. В. Чистяковой.⁸ В «Археографическом предисловии» к переписке М. Н. Тихомирова с учениками отмечено, что «ученики Тихомирова обладали устойчивым scholarly сознанием, называя себя “тихомировцами”»,⁹ Многие студенты и аспиранты завидовали «тихомировцам» — их сплоченности, взаимопомощи, научным и человеческим связям. Эту сплоченность сознательно поддерживал и культивировал учитель. Думается, что такие правила были не случайными, «общая для школы идентичность» поддерживалась и «межпоколенческой коммуникацией».¹⁰ Н. Н. Покровский вспоминал: «У Михаила Николаевича был добрый обычай: старшие его ученики помогали младшим, так сказать, курировали их. За моими первыми шагами в науке “приглядывали” двое “тихомировцев” — Сигурд Оттович Шмидт и Дина Исааковна Тверская. И должен сказать, что я очень многим обязан им в науке и в жизни — не только квалифицированными профессиональными советами, но и примером поведения в разных жизненных ситуациях. Оба они не прервали знакомства со мною и моей женой Зоей в мои лагерные годы... И в годы моей работы в Академгородке Новосибирска... и Дина Исааковна, и Сигурд Оттович продолжали ощущать себя моими научными кураторами, весьма умело и профессионально поддерживая в столице наши первые результаты».¹¹ В другом своем мемуарном тексте Николай Николаевич приводит еще один пример — в трудное время, когда в Новосибирске его стали преследовать «идеологические доносы», еще раз «выручила дружеская спайка учеников Тихомирова» — помогла Л. Л. Муравьева, которая была тогда ученым секретарем Отделения истории АН СССР.¹²

С. О. Шмидт считал, что к тихомировским традициям относятся «не только исследования высокого класса, но и широкое распространение научных знаний в соответствии с демократическими традициями отечественной науки, создание научно-популярных трудов... теснейшая связь исследовательской и преподавательской работы».¹³

⁸ Чистякова Е. В. Школа академика М. Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 352–368. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 14).

⁹ Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.: СПб., 2022.

¹⁰ Леонтьева О. Б. Научная преемственность как историографическая проблема // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М., 2022. С. 157.

¹¹ Устные мемуары Светланы Николаевны и Николая Николаевича Покровских // Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022. С. 545–546.

¹² Покровский Н. Н. Годы пятидесятые и шестидесятые [О М. Н. Тихомирове] // Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. С. 554.

¹³ Шмидт С. О. Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 9.

Подчеркну важную мысль С. О. Шмидта: это традиции отечественной науки в целом, а не только конкретной научной школы. Современные историографы считают одной из определяющих черт «научного этоса историка дореволюционной России» «просветительскую компоненту профессиональной научной деятельности историка».¹⁴ Однако понятно, что практически ценности и традиции профессионального сообщества транслировались и воспринимались в рамках школы, от ее главы, учителя. Е. В. Чистякова писала: «Отличительной чертой ученого было стремление сделать достижения науки достоянием народа. Его статьи и книги написаны ярко и доходчиво. Он был неутомимым пропагандистом науки: выступал в массовых аудиториях, писал учебники для школ, техникумов и вузов».¹⁵ Позже она отмечала, что М. Н. Тихомиров «требовал хорошо написанных работ» и указывал: «Забота о выразительности исторических сочинений не должна отбрасываться в сторону, ей следует отвести одно из первостепенных мест».¹⁶

Список научно-популярных и публицистических работ Н. Н. Покровского весьма внушителен: это газетные заметки во владимирской областной газете «Призыв» (2), многотиражке Сибирского отделения АН «За науку в Сибири» (8, в 11 номерах), «Правде» (3), «Российской газете», «Вечернем Новосибирске», «Советской Сибири» (2), «Сибирской газете» (3); статьи в журналах «Знание — сила» (3), «Новый мир» (3), «Наука из первых рук» (3), «Россия» (8), и др.¹⁷ И, конечно, знаменитое «Путешествие за редкими книгами», вышедшее тремя изданиями общим тиражом более 100 тыс. экз., а ныне представленное на сайте Института истории СО РАН.¹⁸

Можно выделить основные мотивы создания Н. Н. Покровским научно-популярных работ. Во-первых, это понимание значения просветительской деятельности, восприятие заветов учителя. Влияла и эпоха, «характерной чертой которой» были «представления о воз-

¹⁴ Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: Анализ отечественных историографических исследований. Екатеринбург; Омск, 2000. С. 218–219; Леонтьева О. Б. Научная преемственность как историографическая проблема. С. 160.

¹⁵ Чистякова Е. В. Михаил Николаевич Тихомиров: 1893–1965. М., 1987. С. 143.

¹⁶ Тихомиров М. Н. Летопись нашей эпохи // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 16. Цит. по: Чистякова Е. В. Школа академика М. Н. Тихомирова. С. 356.

¹⁷ См.: Список опубликованных работ Николая Николаевича Покровского // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 20–55. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).

¹⁸ Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. М., 1984; 2-е изд., доп. М., 1988; 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005.

возможности науки перестроить мир».¹⁹ Во-вторых, стремление к самореализации, склонность к педагогике, учительству — не случайно Николай Николаевич не только преподавал более 30 лет в Новосибирском университете, но и читал лекции в Новосибирской православной гимназии. Н. Д. Зольникова писала: «Школьники, учителя, преподаватели технических институтов и все те, кому довелось слушать его захватывающие рассказы о русской истории, помнят их многие годы».²⁰ В-третьих, убеждение в важности исторических знаний и для общества, и для отдельного человека. Научное сообщество в это время «стремится к укоренению ценностей науки».²¹ С полным правом можно отнести эту характеристику и к гуманитариям вообще, и к историкам в частности. Покровский активно участвовал в некогда знаменитом Клубе межнаучных контактов новосибирского Дома ученых, где встречались естественники и гуманитарии, организовывал публичные лекции Н. Я. Эйдельмана, И. Г. Спасского и других известных историков.²² В-четвертых, публикации в газетах и журналах были способом решения такой важной задачи, как спасение книжных памятников. И, наконец, написание публицистических, а иногда и научно-популярных текстов было своеобразной формой участия в политической жизни.

В разное время и в конкретных случаях действовали и другие мотивы. В суздальский период газетные заметки были формой возвращения в профессию после шести лет лагерей. Были случаи прямого заказа не только общества, но и непосредственно редакции, пожелания начальства, коллег и друзей. Так, заметки в газете «За науку в Сибири», статьи в журнале «Наука из первых рук» появились вследствие просьб начальства и редакций. Статьи в журнале «Знание — сила» и сборнике «Писатели рассказывают о науке» — по совету Н. Я. Эйдельмана и заказу редакции.²³

Некоторые тексты Н. Н. Покровского настолько образны и выразительны, что приближаются к художественным. Так, он писал: «Основу будущего сибирского характера заложит дух этой казачьей вольницы Волги, Донца, Терека и Днепра рубежа XVI и XVII столе-

¹⁹ Корзун В. П., Носова М. С. «Увидеть небо в чашечке цветка». С. 149, 153.

²⁰ Зольникова Н. Д. Николай Николаевич Покровский: Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Николаевич Покровский / Сост. З. В. Бородина, О. Д. Журавель, И. А. Шипилов; Авт. вступ. ст. Н. Д. Зольникова. М., 2010. С. 18. (Материалы к библиографии ученых. История. Вып. 34).

²¹ Корзун В. П., Носова М. С. «Увидеть небо в чашечке цветка». С. 144.

²² Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. С. 478.

²³ Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. С. 408–409.

тий — дух людей азартных и выносливых, свободолюбивых и легких на подъем, бесстрашных и алчных».²⁴

Как правило, темы научно-популярных сочинений и основных научных исследований Н. Н. Покровского четко коррелируют. Приведу несколько примеров.

Первый связан с находкой, изучением и публикацией Судного списка Максима Грека. Научные²⁵ и научно-популярные²⁶ работы появились практически одновременно. Второй относится к организации и результатам археографических экспедиций. Эти вопросы освещены в научных статьях,²⁷ говорится о них и в научно-популярных.²⁸ Третий пример — работы по истории управления и крестьянства. К ним можно отнести научные труды, в том числе написанные в соавторстве с В. А. Александровым.²⁹ Параллельно появились научно-популярные работы.³⁰ Изучение архивов по истории Русской Православной

²⁴ Покровский Н. Н. «...А налоги здесь всего “пятый сноп”»: Первые сибиряки России // Россия. 1997. № 5. С. 72.

²⁵ Покровский Н. Н. Сибирская находка: Новое о Максиме Греке // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 128–138; «Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки» / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971; и др.

²⁶ Покровский Н. Н. Эхо шестнадцатого века: Находка древней рукописи на Алтае // За науку в Сибири. 1969. № 24. 11 июня. С. 5; № 25. 18 июня. С. 2; № 26. 25 июня. С. 6–7; Покровский Н. Н. Максим Грек: Загадки судьбы // Знание — сила. 1973. № 5. С. 42–44.

²⁷ Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н. Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 171–177; Покровский Н. Н. Методика комплексных археографических экспедиций: Опыт экспедиций Сибирского отделения АН СССР // Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 22–27, 182–183; Покровский Н. Н. Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири XVIII века // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 51–57. (Сборник научных трудов ГПНТБ СО АН СССР. Вып. 19); и др.

²⁸ Покровский Н. Н. Археографы пополняют коллекции // За науку в Сибири. 1970. № 13. 25 марта. С. 4; Покровский Н. Н. Охота за фолиантами // За науку в Сибири. 1970. № 35. 19 авг. С. 5; Покровский Н. Н. Книга глаголемая: Записки из археографических экспедиций // Знание — сила. 1973. № 3. С. 36–40; Покровский Н. Н. Пути древних книг // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978. С. 321–364; Покровский Н. Н. За редкими книгами // Вечерний Новосибирск. 1984. № 298. 28 дек. С. 3; Покровский Н. Н. Путешествие за редкими книгами.

²⁹ Покровский Н. Н. Сибирские мирские организации и сословно-представительная монархия XVII века // Феодализм в России. М., 1985. С. 74–78; Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. 1986. № 1. С. 47–68; Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII веке. Новосибирск, 1991.

³⁰ Покровский Н. Н. Демократические традиции русской общины // Наука в Сибири. 1989. № 14. 14 апр. С. 4–5; Покровский Н. Н. Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225–231.

Церкви 1920-х гг. увенчалось и научными,³¹ и научно-популярными статьями,³² и фундаментальной и новаторской публикацией ценнейших источников.³³ И, наконец, подготовка к публикации известного памятника³⁴ сопровождалась появлением статьи в научно-популярном журнале.³⁵

Примеров можно было бы привести еще немало, но общей картины это не изменит.

Научно-популярные и исследовательские работы Н. Н. Покровского близки не только по тематике. И в тех, и в других явственно виден искренний интерес к человеческим судьбам, стремление показать исторические события и процессы сквозь призму жизни обычных людей, приоритет источника, умение продемонстрировать его значение, акцент на важности сохранения памятников

Он умело включает в тексты газетных и журнальных статей цитаты из источников или пересказ их, неизменно подчеркивает значение источников, иногда даже показывает методику поиска и анализа. Классическая формула дана в статье «Эхо шестнадцатого века», в которой рассказывается о самой знаменитой находке — фолианте с судным списком Максима Грека. «Строка за строкой разбирается выцветшая скоропись, новые данные сопоставляются с уже известными, решаются некоторые старые споры, возникают новые недоразумения».³⁶

В журнале «Знание — сила» за 1975 г. была опубликована статья о бунте населения сибирского города Тара в 1722 г., закончившемся массовыми казнями, но и фактической негласной отменой местными властями двойного подушного оклада для старообрядцев, бывших основной движущей силой и идеологами протеста.³⁷ Повествуя о по-

³¹ Покровский Н. Н. Документы Политбюро и Лубянки в борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Ученые записки Российского православного университета св. Иоанна Богослова. Вып. 1. М., 1995. С. 125–174; Покровский Н. Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18–46.

³² Покровский Н. Н. Власть и Церковь на Руси. Заметки историка: 1. Киевская и Московская Русь // Россия. 1997. № 8. С. 70–75; 2. Петербургская Россия. // Россия. 1997. Часть 1. № 9. С. 76–79; Часть 2. № 10. С. 64–68; 3. Россия советская. // Россия. 1997. Часть 1. № 11. С. 43–47; Часть 2. № 12. С. 54–57.

³³ Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Кн. 1. 1997; Кн. 2. М.; Новосибирск, 1998.

³⁴ Латухинская Степенная книга: 1676 год / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов. М., 2012.

³⁵ Покровский Н. Н. Латухинская Степенная книга — история единого Государства Российского // Наука из первых рук. 2011. № 6 (42). С. 58–75.

³⁶ Покровский Н. Н. Эхо шестнадцатого века // За науку в Сибири. 1969. № 26.

³⁷ Покровский Н. Н. Пропавший бунт // Знание — сила. 1975. № 5. С. 42, 44.

исках документальных свидетельств о событиях и особенно главного — «противного письма» с торжественным отказом» бунтовщиков от присяги, Покровский описывает безуспешные поиски в ЦГАДА и переходит к рассказу о фонде Г. Ф. Миллера, в котором имелись копии многих документов из архивов сибирских городов, в том числе и Тары. «С понятным нетерпением заказал я соответствующий том копий. Увы, когда я раскрыл его, оказалось, что именно этот лист был кем-то выдеран. Грубо, “с мясом” — в переплете книги остались слева клочья бумаги, на одном из них даже угадывались две буквы. Я проверил — это была единственная утрата текста на все 15 томов! <...> Поиски в хранившихся в ЦГАДА “портфелях Миллера” также ничего не дали». Через три года он «решил предпринять еще одну отчаянную попытку поисков “противного письма”: перебрать подряд все документы “портфелей”, хронологически относящиеся к 1722–1735 гг.». И вот, — продолжает автор, — «когда я перебирал документы одной из папок, из нее тихо выскользнул лист, явно выданный раньше из какого-то переплета. Грубо, “с мясом” — слева на одной из строк не хватало даже двух букв. Это была копия тарского “противного письма” с собственноручными заметками Миллера».³⁸

Небольшое отступление. Рассказывая о работе над «портфелями» Миллера, Николай Николаевич заметил: «...Здесь русский текст рукописи обрывался, и следовало продолжение рукою Миллера, крайне неразборчивым готическим почерком, со многими недописанными или сокращенными словами. Мы долго сидели над этими тремя строками с Крыловой, специалистом ЦГАДА по западной палеографии, но разобрали далеко не все».³⁹ Когда Покровский дал своему аспиранту А. Х. Элерту тему, связанную с изучением наследия Миллера, он предупреждал о трудности прочтения. Позже, комментируя блистательные результаты Элерта, потребовал включать в характеристики его работ над рукописями Миллера слово «дешифровка».

Нередко просветительство переплетается с публицистикой. И в публицистических сочинениях находим образность и выразительность. Даже в заметке (письме) в сверхофициальную «Правду» о важности археографического поиска и необходимости создания единого центра для его координации, каким должна стать Археографическая комиссия АН, имеются яркие и необычные для этого издания строки. Рассказывая о значении переданной М. Н. Тихомировым коллекции для сибирских гуманитариев, Николай Николаевич писал: «И вскоре произошло чудо: коллекция памятников древней письменности стала

³⁸ Покровский Н. Н. Пропавший бунт. С. 44.

³⁹ Покровский Н. Н. Пропавший бунт. С. 44.

расти, как кристалл, опущенный в насыщенный раствор».⁴⁰ Во многих публицистических текстах присутствует научно-просветительное содержание, а научно-популярные работы часто заканчиваются вполне публицистическим посылом. Есть случаи, когда эти две составляющие — точнее, три, т. к. неотъемлема еще и чисто научная составляющая — трудно и даже невозможно разделить. Это относится, например, к статье «За страницей Архипелага ГУЛАГ».⁴¹ Тема ныне не модная, но не утратившая своего огромного значения для русской истории и культуры. Эта небольшая статья предваряет публикацию «Повести о Дубчесских скитах» Афанасия Герасимовича Мурачева, названного тогда из предосторожности Афанасием Герасимовым. Покровский рассказывает об открытых им и его учениками и сотрудниками, а через несколько лет опубликованных замечательных произведениях крестьянской литературы. Вот как повествуется об обстановке, в которой произошло первое знакомство с «Родословием часовенных»: «Под спокойный, мелодичный шум горного ручья, где в специально отгороженном садике плескались пойманные странниками хариусы, я читал... сочинение о преследованиях старообрядцев», принадлежавшее к «неизвестному дотоле жанру — “Родословие целого старообрядческого согласия”».⁴²

Не случайно в 1989 и 1994 гг. в газете «Наука в Сибири», а также в «Новом мире» появляются статьи о демократических традициях русского крестьянства и о системе управления на Руси.⁴³ В доступной и в то же время полемической форме Покровский проводит мысли, доказанные в ранее упоминавшемся серьезном труде, написанном вместе с В. А. Александровым. «Освоение Сибири было невозможно без повседневного тесного сотрудничества между обеими властями — правительственной и земской — <...> мирские (общинные. — Н. М.) сословные организации были принесены в Сибирь уже первыми волнами русских переселенцев. По самой своей сути это были социальные организмы, выстроенные на демократическом земском принципе выборности».⁴⁴ Ученый отстаивал доброе имя русских крестьян и отечественных историков. Он писал: «В самые трудные для добыва-

⁴⁰ Лихачев Д. С., Шмидт С. О., Покровский Н. Н. Из дали веков // Правда. 1969. № 189. 8 июля. С. 6.

⁴¹ Покровский Н. Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–90.

⁴² Покровский Н. Н. За страницей «Архипелага ГУЛАГ». С. 79.

⁴³ Покровский Н. Н. Демократические традиции русской общины; Мирская и монархическая традиции в истории российского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225–231; Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси // Наука в Сибири. 1994. № 41. С. 4.

⁴⁴ Покровский Н. Н. Правительственная административная вертикаль. С. 4.

ния исторической истины времена появлялись серьезные, основанные на огромном массиве подлинных источников работы, шедшие вразрез с официальным трафаретом. <...> В серии детальных работ А. И. Копанева, Н. Е. Носова, В. А. Александрова, М. М. Громыко, Н. А. Миненко и других показана та огромная роль, которую играли общинные традиции и общинная структура власти и в трудовом процессе, и в функционировании местного самоуправления». Далее образно, популярно и точно рассказывается — с конкретными фактами, именами и цифрами — о том, как именно действовали «миры». Затем следует чисто публицистический пассаж: «Таким образом, далеко не одни традиции опричнины были в распоряжении государственной власти в конце 1920-х годов». Публицистически же звучат итоговые слова о неправомерности и несоответствии «выводам настоящих историков» утверждений о том, «что сталинские колхозы явились современной формой старого общинного коллективизма, уравнительности». Далее утверждается: «В серьезных исторических трудах В. А. Александрова, М. М. Громыко, Н. А. Миненко, И. В. Власовой и других доказано», что «передельная община — явление сравнительно позднее и <...> к тому же лишь одна из трех форм общины. Уравнительность насаждалась сверху, помещиками и государством, в первую очередь — как средство обеспечить всеобщую платежеспособность. <...> Основу этики крестьянской общины составляли не эти уравнительные тенденции, а обычаи и нормы трудового права. <...> Вольно же было XX веку из общинных традиций выбирать не крестьянское трудовое право, обычаи взаимопомощи, а насаждавшуюся помещиком уравнительность, к тому же в модернизированной форме — равенства всех в бедности и несправии».⁴⁵

Научно-популярные работы были близки к учебным. В Новосибирском университете Покровский читал, наряду с традиционными учебными курсами, спецкурсы на темы, близкие к его научным интересам (например, «История изучения старообрядчества»), вел спецсеминары, руководил дипломниками и аспирантами в НГУ и в Институте истории. Многие студенты, даже не специализировавшиеся у него, помнили — и помнят — его лекции по истории древнерусского искусства. В последние годы жизни он читал лекции в Новосибирской православной гимназии, большая часть их издана руководством гимназии во главе с протоиереем Б. И. Пивоваровым.⁴⁶ Лекции по

⁴⁵ Покровский Н. Н. Демократические традиции русской общины. С. 5–6.

⁴⁶ Покровский Н. Н. Смутное время на Руси: Курс лекций [лекции 2010 г.] // Источниковедение в школе. 2020. № 1 (15): Время издавать источники: К 90-летию со дня рождения академика Н. Н. Покровского. С. 7–90 (Лекция 1: Начало Смуты. С. 9–31; Лекция 2: Восстание Болотникова и Лжедмитрий II. С. 32–51; Лекция 3: Польская интервенция. Первое ополчение. С. 52–68; Лекция 4: Второе ополчение Минина и

истории Русской Православной Церкви легли в основу учебного пособия.⁴⁷ Этот учебник, предназначенный школьникам и студентам, широко используется преподавателями средних и высших учебных заведений, его читают и родители, и просто, как пишется в издательских аннотациях, «широкий круг читателей». Преподаватели Новосибирского педагогического университета отметили в рецензии: «Николай Николаевич Покровский демонстрирует не просто умение филигранно воссоздавать прошлое на основе работы с разными источниками, но и редкую для исследователей способность доступно и интересно излагать трудные для понимания читателей проблемы». Авторы подчеркивали, что пособие «может успешно использоваться в <...> общеобразовательных школах, колледжах, высших учебных заведениях».⁴⁸

В учебных текстах видим органичное сочетание научной, популярной и публицистической составляющих. Так, говоря о традиции печалования и о «страшном конфликте, который произошел между Церковью и государством из-за террора, начавшегося во вторую половину царствования обезумевшего государя Ивана Грозного», Н. Н. Покровский писал: «Церковь пыталась как-то поставить преграду этому страшному, бессмысленному разгулу беззакония, не только богопротивному, но и противному интересам самого же государя и России».⁴⁹

В своей научно-просветительной деятельности Н. Н. Покровский использовал разнообразные формы популяризации науки: публикации в научно-популярных и общих средствах массовой информации,

Пожарского. Конец Смуты. С. 69–90); *Покровский Н. Н.* Проблемы отношений Церкви и государства в 1921–1925 годах (лекция [2003 г.]) // *Источниковедение в школе*. 2018. № 1 (14): Патриарх Тихон. С. 5–35 [сокращ. вариант]; *Покровский Н. Н.* Проблемы отношений Церкви и государства в 1921–1925 годах (лекция [2003 г.]) // *Источниковедение в школе*. 2022. № 1 (17): Стояние за веру Православную. С. 13–46 [полный вариант]; *Покровский Н. Н.* Три важнейших источника по нашей истории [лекции 2011 г.] // *Источниковедение в школе*. 2023. № 2 (20): В память академика Николая Николаевича Покровского. С. 5–109 (Лекция 1. «Повесть временных лет. С. 5–35; Лекция 2. «Степенная книга царского родословия». С. 35–69; Лекция 3. «Латухинская Степенная книга». С. 69–109); *Покровский Н. Н.* Поиски и находки древних библейских текстов [лекции 2007 г.] // *Источниковедение в школе*. 2023. № 2 (20): В память академика Николая Николаевича Покровского. С. 109–159 (Лекция 1. Синайский кодекс. С. 109–125; Лекция 2. Каирская гениза. С. 125–139; Лекция 3. Кумранские рукописи. С. 139–159).

⁴⁷ *Покровский Н. Н.* Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. Новосибирск, 2013.

⁴⁸ *Горьковская З. П., Давыденко Н. А.* Учебное пособие Н. Н. Покровского «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках» — книга для чтения «со вниманием и интересом» // *Сибирский педагогический журнал*. 2014. № 2. С. 226.

⁴⁹ *Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках*. С. 61.

открытые лекции, книги, организация выставок и т. п. Все его и научно-популярные, и учебные работы написаны живо, увлекательно, доступно — это был особый талант. Он умел писать просто и интересно, но не в ущерб научной точности и верности источнику.

Список литературы

- Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб., 2022. 784 с.
- Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество: Сибирь в XVII веке. Новосибирск, 1991. 400 с.
- Александров В. А., Покровский Н. Н. Мирские организации и административная власть в Сибири в XVII веке // История СССР. 1986. № 1. С. 47–68.
- Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997. 600 с.; Кн. 2. М.; Новосибирск, 1998. 648 с.
- Горьковская З. П., Давыденко Н. А. Учебное пособие Н. Н. Покровского «Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках» — книга для чтения «со вниманием и интересом» // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 222–226.
- Дергачева-Скоп Е. И., Покровский Н. Н. Задачи археографического изучения Сибири // Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970. С. 171–177.
- Зольникова Н. Д. Николай Николаевич Покровский: Краткий очерк научной, педагогической и общественной деятельности // Николай Николаевич Покровский / Сост. З. В. Бородина, О. Д. Журавель, И. А. Шипилов; Автор вступ. статьи Н. Д. Зольникова. М., 2010. С. 7–20. (Материалы к биобиблиографии ученых. История. Вып. 34).
- Корзун В. П. Образы исторической науки на рубеже XIX–XX вв.: Анализ отечественных историографических исследований. Екатеринбург; Омск, 2000. 226 с.
- Корзун В. П., Носова М. С. «Увидеть небо в чашечке цветка»: Журнал «Знание — сила» как коммуникативная площадка популяризации советской науки // Диалог со временем. 2023. Т. 84. С. 143–159.
- Латухинская Степенная книга: 1676 год / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, А. В. Сиренов. М., 2012. 880 с.
- Леонтьева О. Б. Научная преемственность как историографическая проблема // Профессиональная идентичность и самосознание историка. М., 2022. С. 149–184.
- Лихачев Д. С., Шмидт С. О., Покровский Н. Н. Из дали веков // Правда. 1969. № 189. 8 июля. С. 6.

- Покровский Н. Н.* «...А налоги здесь всего “пятый сноп”»: Первые сибиряки России // Россия. 1997. № 5. С. 72–77.
- Покровский Н. Н.* Археографы пополняют коллекции // За науку в Сибири. 1970. № 13. 25 марта. С. 4.
- Покровский Н. Н.* Власть и Церковь на Руси: Заметки историка 1. Киевская и Московская Русь // Россия. 1997. № 8. С. 70–75; 2. Петербургская Россия // Россия. 1997. Часть 1. № 9. С. 76–79; Часть 2. № 10. С. 64–68; 3. Россия советская // Россия. 1997. Часть 1. № 11. С. 43–47; Часть 2. № 12. С. 54–57.
- Покровский Н. Н.* Демократические традиции русской общины // Наука в Сибири. 1989. № 14. 14 апр. С. 5–6.
- Покровский Н. Н.* Документы Политбюро и Лубянки в борьбе с Церковью в 1922–1923 гг. // Ученые записки Российского православного университета св. Иоанна Богослова. Вып. 1. М., 1995. С. 125–174.
- Покровский Н. Н.* За редкими книгами // Вечерний Новосибирск. 1984. № 298. 28 дек. С. 3.
- Покровский Н. Н.* За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–90.
- Покровский Н. Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18–46.
- Покровский Н. Н.* Книга глаголемая: Записки из археографических экспедиций // Знание — сила. 1973. № 3. С. 36–40.
- Покровский Н. Н.* Латухинская Степенная книга — история единого Государства Российского // Наука из первых рук. 2011. № 6 (42). С. 58–75.
- Покровский Н. Н.* Максим Грек: Загадки судьбы // Знание — сила. 1973. № 5. С. 42–44.
- Покровский Н. Н.* Методика комплексных археографических экспедиций: Опыт экспедиций Сибирского отделения АН СССР // Тихомировские чтения 1970 года: Материалы научной конференции, посвященной опыту организации археографических экспедиций в РСФСР. М., 1970. С. 22–27, 182–183.
- Покровский Н. Н.* Мирская и монархическая традиции в истории русского крестьянства // Новый мир. 1989. № 9. С. 225–231.
- Покровский Н. Н.* Новые находки произведений крестьянской литературы Урала и Сибири XVIII века // Вопросы истории книжной культуры. Новосибирск, 1975. С. 51–57. (Сборник научных трудов ГПНТБ СО АН СССР. Вып. 19).
- Покровский Н. Н.* Охота за фолиантами // За науку в Сибири. 1970. № 35. 19 авг. С. 5.

- Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. СПб., 2022. 720 с.
- Покровский Н. Н.* Поиски и находки древних библейских текстов [лекции 2007 г.] // Источниковедение в школе. 2023. № 2 (20): В память академика Николая Николаевича Покровского. С. 109–159 (Лекция 1. Синайский кодекс. С. 109–125; Лекция 2. Каирская гениза. С. 125–139; Лекция 3. Кумранские рукописи. С. 139–159).
- Покровский Н. Н.* Правительственная административная вертикаль и органы местного сибирского самоуправления в Московской Руси // Наука в Сибири. 1994. № 41. С. 4.
- Покровский Н. Н.* Проблемы отношений Церкви и государства в 1921–1925 годах (лекция [2003 г.]) // Источниковедение в школе. 2018. № 1 (14). С. 5–35 (Патриарх Тихон) [сокращ. вариант].
- Покровский Н. Н.* Проблемы отношений Церкви и государства в 1921–1925 годах (лекция [2003 г.]) // Источниковедение в школе. 2022. № 1 (17). С. 13–46 (Стояние за веру Православную) [полный вариант].
- Покровский Н. Н.* Путешествие за редкими книгами / Вступ. ст. Д. С. Лихачева. М., 1984. 191 с.; 2-е изд., доп. М., 1988. 285 с.; 3-е изд., доп. и перераб. Новосибирск, 2005. 339 с.
- Покровский Н. Н.* Пути древних книг // Пути в неизвестное: Писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978. С. 321–364.
- Покровский Н. Н.* Русская Церковь и государство в XIII–XVI веках: Учебное пособие. Новосибирск, 2013. 443 с.
- Покровский Н. Н.* Сибирская находка: Новое о Максиме Греке // Вопросы истории. 1969. № 11. С. 128–138.
- Покровский Н. Н.* Сибирские мирские организации и сословно-представительная монархия XVII века // Феодализм в России. М., 1985. С. 74–78.
- Покровский Н. Н.* Смутное время на Руси: Курс лекций [лекции 2010 г.] // Источниковедение в школе. 2020. № 1 (15): Время издавать источники: К 90-летию со дня рождения академика Н. Н. Покровского. С. 7–90 (Лекция 1: Начало Смуты. С. 9–31; Лекция 2: Восстание Болотникова и Лжедмитрий II. С. 32–51; Лекция 3: Польская интервенция. Первое ополчение. С. 52–68; Лекция 4: Второе ополчение Минина и Пожарского. Конец Смуты. С. 69–90).
- Покровский Н. Н.* Три важнейших источника по нашей истории [лекции 2011 г.] // Источниковедение в школе. 2023. № 2 (20): В память академика Николая Николаевича Покровского. С. 5–109 (Лекция 1. «Повесть временных лет. С. 5–35; Лекция 2. «Степенная книга царского родословия». С. 35–69; Лекция 3. «Латухинская Степенная книга». С. 69–109).

- Покровский Н. Н.* Эхо шестнадцатого века: Находка древней рукописи на Алтае // За науку в Сибири. 1969. № 24. 11 июня. С. 5; № 25. 18 июня. С. 2; № 26. 25 июня. С. 6–7.
- Репина Л. П.* Наука и общество: Публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2015. Т. 157. Кн. 3. С. 55–67.
- Савельева И. М.* Таланты и посредники: Граница между академической и публичной наукой // Общественные науки и современность. 2015. № 1. С. 26–36.
- Список опубликованных работ Николая Николаевича Покровского // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 20–55. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
- Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. 186 с.
- Тихомиров М. Н.* Летопись нашей эпохи // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 15–17.
- Чистякова Е. В.* Михаил Николаевич Тихомиров: 1893–1965. М., 1987. 160 с.
- Чистякова Е. В.* Школа академика М. Н. Тихомирова // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 352–368. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 14).
- Шевелева А. П.* История: Академическая, популярная, публичная // Артикульт. 2013. № 3 (11). С. 4–8.
- Шмидт С. О.* Издание и изучение наследия М. Н. Тихомирова. Тихомировские традиции // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 2–21.

Н. А. СТАРУХИН

Институт истории СО РАН, Новосибирск

АКАДЕМИК Н. Н. ПОКРОВСКИЙ В ПИСЬМАХ К ПРОФЕССОРУ З. Я. БОЯРШИНОВОЙ*

Изучение источников личного происхождения, связанных с жизнью и деятельностью ключевых фигур исторической науки, остается важной составляющей научных исследований. В статье вводятся в научный оборот письма академика Н. Н. Покровского, адресованные профессору Томского государственного университета З. Я. Бояршиновой. Письма академика ученому-сибиреведу отложились в ее личном фонде Государственного архива Томской области. Они во многом расширяют наши представления не только о личных взаимоотношениях крупнейших представителей отечественной историографии, но и особенностях развития исторической науки в 1970-е — 1980-е гг.

Ключевые слова: академик Н. Н. Покровский, З. Я. Бояршинова, эпистолярные источники, Институт истории СО РАН, Томский государственный университет

Источники личного происхождения, связанные с жизнью и деятельностью академика Н. Н. Покровского, в последние годы все больше привлекают внимание историков и филологов.¹ Тем не менее, открытие эпистолярного наследия ученого еще во многом продолжается. Актуальность работы в этом направлении видится и в связи с разработкой экспедиционного архива Центра хранения ИИ СО РАН: полевых дневников, сохранившейся документации, фото- и аудиоколлекций. Важным представляется и сбор устных свидетельств о стремительно уходящем от нас периоде, который сам Николай Николаевич определял в свое время как героический.² Перечень исследовательских задач, конечно, можно продолжить.

Как отмечалось Н. П. Матхановой, изучавшей эпистолярий томских и новосибирских ученых, именно переписка историков в последние годы приобретает особое значение в качестве источника, способного раскрыть не только важнейшие аспекты истории исторической науки, но и дать новые представления об участниках этой переписки.³

В статье привлекается часть указанных источников: письма Николая Николаевича Покровского виднейшему представителю рос-

* Статья выполнена в рамках госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций», № FWZM-2024-0006.

¹ См., в частности: *Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. СПб., 2022.

² *Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. С. 566.

³ *Матханова Н. П., Старухин Н. А.* З. Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков // Вестник Томского государственного университета. История. (в печати).

сийской исторической науки профессору Томского государственного университета З. Я. Бояршиновой, отложившиеся в личном фонде Зои Яковлевны в Государственном архиве Томской области.⁴

Фонд Бояршиновой начал формироваться в 1988 г., спустя два года после ее ухода из жизни. Предварительный разбор и описание дел провели А. Н. Жеравина и Э. Л. Львова. Видимо, кем-то из них была проведена и датировка части писем. Общая характеристика фонда была в свое время дана сотрудником Томского архивного управления Валентиной Кузьминичной Филипповой, по мнению которой, переписка Зои Яковлевны является «одним из наиболее ценных разделов».⁵

Отметим, что круг ученых из Новосибирска в переписке представлен рядом знаковых фигур сибирской исторической науки: А. П. Окладниковым, Л. М. Горюшкиным, М. М. Громыко, А. Х. Элертом и другими. Хронологически письма Николая Николаевича к Зое Яковлевне ограничены январем 1972 — августом 1980 г. Они включают в себя пять небольших по объему, но весьма емких по содержанию посланий. Все письма написаны Николаем Николаевичем от руки, синей шариковой ручкой, на стандартных листах писчей бумаги. Исключение составляет одно письмо — на поздравительной открытке с 8 марта.⁶ Обращает внимание на себя тот факт, что во всех эпистолиях отсутствуют даты. И это достаточно серьезно осложняет работу с ними. Особняком стоит редакторская правка авторских статей Зои Яковлевны, написанных для первого тома «Истории крестьянства Сибири». Машинописная копия правки, заверенная личной подписью Покровского, вероятнее всего, могла быть выслана Николаем Николаевичем летом 1980 г.⁷ Характерно, что развернутый ответ Бояршиновой на замечания от 16 августа 1980 г., отложившийся в другом деле фонда, также представляет собой машинописную копию.⁸ Но несмотря на явно деловой характер того и другого отправления, оба они содержат элементы частного письма. Так, Николай Николаевич сопровождает свое послание припиской, что письмо было им отправлено из больницы, называет свой диагноз (делалось это им неоднократно и в других письмах). И адресант, и его адресат именуют друг друга словом «дорогой». И это как нельзя лучше характеризует их взаимоотношения, поскольку не просто доброжелательный, но

⁴ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 1–10.

⁵ Филиппова В. К. Личный фонд З. Я. Бояршиновой // Человек в истории: Памяти профессора З. Я. Бояршиновой. Томск, 1999. С. 67.

⁶ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 3.

⁷ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 8–10.

⁸ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 9–15.

скорее доверительный, теплый характер этих отношений прослеживается и по всем известным нам письмам. Более того, это можно отнести к подавляющему большинству новосибирских корреспондентов Зои Яковлевны.⁹

Обратимся к деловым темам переписки. Они касаются нескольких взаимосвязанных блоков: подготовкой к изданию сборников научных трудов и публикаций статей, рецензий, вышедших изданий источников, обсуждением их тематики; организаций конференций, информации о них; подготовки и проведения публичных лекций и — в меньшей мере — о конфликтных ситуациях.

В одном из писем 1978 г. говорится о «бурном» обсуждении докторской диссертации преподавателя НГУ Юрия Борисовича Стракача.¹⁰ Лишь однажды упоминается в письме 1978 г. о недовольстве дирекции института статьей Н. А. Миненко в сборнике «Источниковедение и археография Сибири», подвергшей резкой критике монографию А. Д. Колесникова 1973 г.¹¹ Безусловно, большая часть переписки относится к обсуждению обобщающего труда «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма», увидевшего свет в Новосибирске в 1982 г.¹² З. Я. Бояршинова, как известно, была автором ряда глав, членом редколлегии, как и Н. Н. Покровский. Глубокие переживания об этом издании можно заметить в нескольких письмах. Например, в весеннем письме 1978 г. Николай Николаевич дважды касается вопроса подготовки. В начале письма он пишет: «...После всевозможных событий и изменений у нас здесь что-то начало определяться. Недавно мне приказом по институту было велено заниматься в качестве заместителя главного редактора всем первым томом истории крестьянства; секретарские дела по первому полутому будет вести Наталья Дмитриевна Зольникова, а по второму полутому по-прежнему

⁹ Матханова Н. П., Старухин Н. А. З. Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 6. Докторская диссертация Ю. Б. Стракача «Сибирский север Российской Федерации (региональное исследование хозяйственного освоения, населения и управления 1926–1970 гг.)», была подготовлена еще в 1976 г., но степень Юрию Борисовичу присудили лишь в 1979 г. Как писала в свое время в связи с этими событиями Марина Михайловна Громыко, «изучать современность всегда было непросто, а уж в те годы в особенности!» Позднее Ю. Б. Стракач будет заниматься общественной работой, связанной с охраной природы, особенно активно — после вынужденного переезда в Москву и перевода его в Центральную лабораторию охраны природы Министерства сельского хозяйства, позже преобразованную во Всесоюзный научно-исследовательский институт охраны природы.

¹¹ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 5 об. См.: Миненко Н. А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII — первой половины XIX в. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 41–58.

¹² Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

Тамара Семеновна Мамсик...».¹³ Возвращается к этому вопросу он и в конце послания: «Как подвигается Ваша работа над авторским текстом “Истории сиб[ирского] крестьянства”? Вы понимаете, как сильно мы заинтересованы в ее скорейшем завершении, очень хотелось бы что-то поставить осенью на обсуждение...»¹⁴ Эта была важная, но достаточно обременительная лично для Николая Николаевича обязанность. Позднее, в одном из писем своему другу Натану Яковлевичу Эйдельману осенью 1981 г. он делился: «...Почти весь год ухлопал на два ненужных дела — первый том “Истории крестьян Сибири” и ермаковскую конференцию. Скинул оба и никак в себя не прийду. К тому же начальство работать не дает — институт стал учреждением совершенно бюрократическим, одни отчеты и нужны...»¹⁵ Обратим внимание и на другое — отдельные части «Истории крестьянства» совпадают или близки докторской диссертации и монографии Н. Н. Покровского 1974 г.¹⁶

Как о своем любимом детище Н. Н. Покровский пишет о сборниках будущей серии «Археография и источниковедение Сибири». Упоминания о попытках организации издания встречаются в уже приводившемся письме от 11 января 1972 г.: «...Увы, у нас в СО АН мы который год не можем пока пробить сборник...»¹⁷ С явным удовлетворением Николай Николаевич отмечает выход второго сборника — «Источниковедение и археография Сибири» — в одном из писем начала 1978 г.: «Как Вам понравился наш сборник...? Мы получили много хороших писем о нем от историков и филологов, даже из Оксфорда от Дж. Симмонса...»¹⁸ Н. Н. Покровский неоднократно просил З. Я. Бояршинову принять участие в сборнике, поделиться, как он выражался, «источниковедческими отходами».

В письмах содержится достаточно много сведений о семинарах, открытых лекциях, прочитанных Н. Н. Покровским в разные годы и для разных аудиторий. В нашем случае упоминается лекция, прочитанная в Свердловске и получившая достаточно большой резонанс публичная лекция в Томском государственном университете в 1976 г., красочно описанная выпускником истфака ТГУ Александром Христиановичем Элртом. Идея пригласить Николая Николаевича принадлежала Зое Яковлевне, как следует из письма весны-лета 1975 г.

¹³ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 5.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 6 об.

¹⁵ Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. С. 651.

¹⁶ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск 1974.

¹⁷ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 2.

¹⁸ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 5 об.

Тема лекции в письме, к сожалению, не указана. Если попытаться ее реконструировать, исходя из приведенного в письме отрывка, то она могла бы быть следующей: «Общественное сознание крестьян России».¹⁹ Как писал А. Х. Элерт, «лекции состоялись в аудитории 120 главного корпуса — самой большой в ТГУ и единственной в виде амфитеатра. Зал был заполнен до отказа, не осталось свободного места даже в трех проходах-лестницах, занятых студентами, которые не догадались прийти раньше объявленного времени».²⁰

И, конечно, особое внимание Н. Н. Покровский уделял в переписке с томским профессором работе Сибирского отделения Археографической комиссии, экспедиционным находкам. Организация Сибирского отделения Археографической комиссии, его работа — отдельная и большая тема. Отделение было образовано в 1969 г. решением Президиума Академии наук.²¹ В его задачу входила координация археографической работы на территории Сибири, «спасение» книжных памятников, в том числе путем их издания. Кроме этого, Сибирское отделение брало на себя подготовку и издание справочников, имевших всесоюзное значение.²² На 1979 г. в состав Сибирского отделения Археографической комиссии входили 1 академик, 3 доктора наук, 6 кандидатов наук, общее число было не меньше 20 сотрудников. Раз в год проводились пленумы, два раза в год — заседания бюро. К 1979 г. Отделением было организовано три научные конференции. Из числа приобретенных рукописей, в том числе упомянутых в письме академика Покровского профессору Бояршиновой, три стали предметом глубоких исследований: Торжественник, сборник XV в. с паремийными чтениями о Борисе и Глебе и, конечно, Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки.²³ В одном из писем

¹⁹ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 4.

²⁰ Элерт А. Х. Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 731–736. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).

²¹ Архив Центра хранения рукописей, старопечатных книг и редких изданий Института истории СО РАН.

²² См., например: Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства / АН СССР. Сибирское отделение. Институт истории, филологии и философии; Сибирское отделение Археографической комиссии. М., 1978; Описание рукописей Чудовского собрания / АН СССР. Сибирское отделение. Институт истории, филологии и философии; Сост. Т. Н. Протасьева; Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1980.

²³ См.: Черторицкая Т. В. Торжественник из собрания ИИФиФ: Опыт описания сборников постоянного состава // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 162–198; Соболева Л. С. К вопросу об эволюции минейного текста, посвященного Борису и Глебу // Сибирская археология и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 5–12; Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971.

академик, явно пытаясь сыграть на исследовательском азарте Зои Яковлевны, сообщал: «У нас было очень удачное и интересное экспедиционное лето. Три книги XV века...» Сообщал о трудной экспедиции: «Летом мы с Зоей Васильевной были опять на Рудном Алтае. Попали в наводнение, тонули, выбирались на вертолетах и привезли хорошую крестьянскую литературу XVIII в.»²⁴

Николай Николаевич не только делился экспедиционными находками. Он и лично, и через председателя Археографической комиссии С. О. Шмидта пытался вовлечь Зою Яковлевну в более активную археографическую работу. Так, в январе 1972 г. Покровский писал: «Ей-же-ей, пришла пора Томску заняться больше археографией, и экспедициями, и коллекцией университетской библиотеки. И, конечно, пора кончать с тем, что Сибирское отделение археографической комиссии ассоциируется с одним Новосибирском. В связи с этим нижайшая просьба: мы формируем сейчас бюро этого отделения и очень хотели бы видеть Вас в нем».²⁵ Решение о создании Комиссии по археографической работе в Томске будет принято в 1985 г.²⁶ За этим стоит стремление расширить географию экспедиционных поисков, привлечь как можно большее количество специалистов. В то же время прослеживается и вполне объяснимая усталость. В частности, в письме матери в июне 1971 г. Покровский писал из Усть-Каменогорска: «...Не хочется уже летом работать в экспедициях, уезжать...»²⁷

Тот бешеный ритм, то напряжение, в котором жили Николай Николаевич и его коллеги, постоянно чувствуется в письмах. Он неоднократно жалуется на «катастрофическую», даже «отчаянную» нехватку времени. Но все же рефреном звучит его известное жизнелюбие. Так, свое январское письмо 1972 г. Зое Яковлевне Николай Николаевич заканчивает следующим пожеланием: «Да будет 7480^й год для Вас радостным. Кержаки говорят, что ровно в середине 8^й тысячи все кончится. Так что нужно торопиться жить».²⁸

²⁴ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 1 об.

²⁵ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 2.

²⁶ Архив Центра хранения рукописей, старопечатных книг и редких изданий Института истории СО РАН; *Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. С. 635.

²⁷ *Покровский Н. Н.* Письма и воспоминания. С. 393.

²⁸ ГАТО. Ф. Р. 1863. Оп 1. Д. 277. Л. 2 об.

Список литературы

- Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства / АН СССР. Сибирское отделение. Институт истории, филологии и философии; Сибирское отделение Археографической комиссии. М., 1978. 239 с.
- Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. 504 с.
- Матханова Н. П., Старухин Н. А. З. Я. Бояршинова в письмах новосибирских историков // Вестник Томского государственного университета. История. (в печати).
- Миненко Н. А. Массовые источники по демографии крестьянского двора XVIII — первой половины XIX в. // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 41–58.
- Описание рукописей Чудовского собрания / АН СССР. Сибирское отделение. Институт истории, филологии и философии; Сост. Т. Н. Протасьева; Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1980. 233 с.
- Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 394 с.
- Покровский Н. Н. Письма и воспоминания. СПб., 2022. 720 с.
- Соболева Л. С. К вопросу об эволюции минейного текста, посвященного Борису и Глебу // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 5–12.
- Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки / Изд. подгот. Н. Н. Покровский; Под ред. С. О. Шмидта. М., 1971. 186 с.
- Филиппова В. К. Личный фонд З. Я. Бояршиновой // Человек в истории: Памяти профессора З. Я. Бояршиновой. Томск, 1999. С. 67–70.
- Черторицкая Т. В. Торжественник из собрания ИИФиФ: Опыт описания сборников постоянного состава // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 162–198.
- Элерт А. Х. Волшебная бумага // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 731–736. (Археология и источниковедение Сибири. Вып. 39).

Н. А. МИНИНКОВ

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Начало родного города Н. Н. Покровского по документам

Первые десятилетия истории родного города Н. Н. Покровского Ростова-на-Дону нашли отражение в документах фонда 518 ГАРО «Канцелярия обер-коменданта крепости Святого Дмитрия Ростовского». В этих документах содержатся сведения о внутреннем положении и управлении в крепости и на прилегающих территориях с 1762 по 1806 гг. Документация относится прежде всего к управлению гарнизоном. В ней имеются документы вышестоящих инстанций в копиях, приказы обер-комендантов и других командиров, рапорты и другая отчетная документация, которая шла снизу по команде, разного рода прошения и покорные прошения отдельных лиц. В них имеются сведения о повседневной жизни «военнослужителей» разных рангов и гражданских лиц. Это своего рода мозаика повседневных миниатюр, которая дает представление о положении в гарнизоне и в поселениях за пределами крепости, где проживало гражданское население и приезжие.

Ключевые слова: Темерницкая таможня, крепость Святого Дмитрия Ростовского, А. И. Ригельман, А. А. Скальковский, М. Б. Краснянский

Родной город Н. Н. Покровского, Ростов-на-Дону, к старым русским городам, истоки которых уходили в средневековье, не относится. Тем не менее, начало его представляло интересную и своеобразную историю жизни городского поселения, возникшего на южной окраине Российской империи.

Крепость Святого Дмитрия Ростовского, положившая начало городу, была основана по указу императрицы Елизаветы Петровны от 15 апреля 1761 г., когда «строенную вновь на Дону крепость» было «велено: именовать крепостью Святого Димитрия Ростовского».¹ На этом основании историк Ростова-на-Дону А. А. Скальковский датировал этим годом основание города.² По мнению известного донского краеведа М. Б. Краснянского, началом города было основание в 1749 г. Темерницкой таможни³ при впадении в Дон правого притока Темерника. Эта дата основывалась на двух документах. Одним из них была грамота Войску Донскому от 15 декабря 1749 г.⁴ Другим

¹ ПСЗ. Т. 15: С 1758 по 28 июня 1762. СПб., 1830. № 11235.

² Скальковский А. А. Ростов-на-Дону. СПб., 1847. С. 14.

³ Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам // Записки Ростовского-на-Дону общества любителей истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1912. С. 32.

⁴ Материалы по истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864. С. 246–248.

документом был сенатский указ от 16 декабря того же года.⁵ Дата, предложенная М. Б. Краснянским, принята официально; в 1999 г. было торжественно отпраздновано 250-летие города. В пользу точки зрения М. Б. Краснянского свидетельствует сообщение, что уже в 1762 г., когда крепость начала строиться, в поселении имелся свой бургомистр, которым был Семен Кожемякин, и своя купеческая ратуша во главе с ратманом Андреем Каторжановым.⁶ С самого начала своей истории в поселении, которое позже стало городом Ростовом, торговля занимала очень большое место. Имелась также Свято-дмитриевская церковь, в которой в 1777 г. священником был Павел Яковлев.⁷

Управление крепости было военным, обер-комендант или комендант крепости был единоначальником. Ему подчинялось управление не только военное, но и гражданское. В его подчинении была даже такая неармейская структура, как управа благочиния, в которой по обер-комендантскому приказу назначался один из офицеров крепости.⁸ Поэтому документация крепости, которая сохранилась в фонде 518 ГАРО «Канцелярия обер-коменданта крепости Святого Дмитрия Ростовского», в котором сосредоточены дела с 1762 по 1816 г., при том, что сама канцелярия была ликвидирована в 1825 г.,⁹ велась военными структурами, самой канцелярией крепости и расквартированными в ней полками. Документы, которые исходили от гражданских лиц, жителей крепости или прибывавших с разными делами в крепость людей, также направлялась в обер-комендантскую или комендантскую канцелярию. Крепость с 1797 г. была по своему рангу понижена ввиду удаления южных рубежей Российской империи на Кубань и Северный Кавказ, где создавалась по Кубани укрепленная линия. Она стала крепостью комендантской, ее обер-комендант стал комендантом. С 1828 г. должность коменданта крепости была вообще упразднена.¹⁰

Обер-комендантам крепости Святого Дмитрия, в свою очередь, подчинялись комендантские крепости в Таганроге, Азове и Ейске. Это была отдаленная периферия. С запада к крепости примыкал солдатский Форштадт. Он был обозначен на карте 1767 г. генерала Ме-

⁵ ПСЗ. Т. 13: 1749–1753. СПб., 1830. № 9699.

⁶ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.–2.

⁷ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 236.

⁸ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 67. Л. 60 об.

⁹ Государственный архив Ростовской области: Путеводитель. Ростов-на-Дону, 1961. С. 33.

¹⁰ Тимофеева Г. Коменданты крепости Святого Дмитрия Ростовского // REGLA. Научно-культурологический журнал. [2010]. № 3. <http://www.relga.ru/Enviro/Objects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2567&level1=main&level2=articles>.

дера, на которой, как писал М. Б. Краснянский, были также указаны примыкавшие к западу слободки купеческая и казачья, а также восточнее, по берегу Дона, поселение Полуденка.¹¹ Форштадт был также обозначен на карте 1768 г., опубликованной ростовским краеведом Б. В. Чеботаревым,¹² где была обозначена и Доломановская слобода. Имело место упоминание «Генералитецкого поселения»,¹³ располагавшегося вблизи балки к северу от крепости. С 1780 г., после переселения армян из Крыма, к востоку от крепости возникло армянское поселение Нахичевань. Далее, к востоку, начиналась территория Войска Донского, что хорошо отражено на карте земель донских казаков с их границами, данной в 1793 г. Екатериной II.¹⁴ К югу от крепости, на левом берегу Дона, в 1768 г. были основаны крестьянские села Батайск и Койсуг. В Батайске жили преимущественно великороссы, в Койсуге — малороссияне.¹⁵ Также в документах указаны некоторые незначительные объекты, расположенные вблизи крепости. Это упоминание ниже крепости поселения «в Гниловском стану», а на островах дельты Дона — «верфи Рагожинской», от которой проводились суда через «фарватер Котюремской».¹⁶ Выше крепости и города Нахичевани по Дону располагались поселения «Александровской станицы», а еще выше, у впадения в Дон справа притока Аксай, — «Усть Аксайского стана».¹⁷ Некоторые из указанных географических объектов отражены на карте Екатеринославского наместничества 1792 г. и на карте 1793 г., данной Войску Донскому Екатериной II. Окружающая местность была безлесной. Тем не менее, некоторое количество леса, даже «кряжей дубовых», заготавливали при необходимости в близлежащих «миюсских и леонтьевских буераках».¹⁸

Среди документов крепости некоторую часть составляют указы вышестоящей власти. Это именные императорские указы, а также документы Военной коллегии и распоряжения командующего Кавказским корпусом, которому подчинялась крепость. Эти документы сохранились в копиях. В документах самой крепости, которыми являлись приказы и распоряжения обер-комендантов и комендантов, а

¹¹ Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам. С. 32.

¹² Чеботарев Б. В. Очерк о начальном периоде истории г. Ростова-на-Дону и окрестных селений // Из истории Дона: XVII–XX вв. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1956. С. 60–61.

¹³ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 267.

¹⁴ Подлинник карты хранится в Новочеркасском музее истории донского казачества.

¹⁵ Грачев В. И., Решетняк Н. И. Батайск: Историко-краеведческий очерк. Ростов-на-Дону, 1981. С. 7–8.

¹⁶ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 67. Л. 56 об., 95 об.

¹⁷ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 67. Л. 20.

¹⁸ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 239, 261.

также некоторых других начальников, в необходимых случаях излагались положения этих документов вышестоящей власти.

К исходящим документам относились приказы обер-комендантов и комендантов по крепости. В приказах отражено место крепости Святого Дмитрия Ростовского в системе обороны государства на юге, а также разные стороны внутренней жизни крепости, относившейся к подчиненным обер-комендантам «военнослужителям» в разных чинах и к гражданскому населению крепости и ближайших мест, много распоряжений по хозяйственным вопросам и вопросам быта и повседневной жизни. В соответствии с канцелярской практикой того времени, приказы содержали в себе две части, объяснительную и распорядительную. В объяснительной шло описание или упоминание обстоятельств, вызвавших появление приказа, во второй — распоряжения по существу дела. В ряде случаев обер-коменданты писали в приказе слово «рекомендую», касавшееся подчиненных им офицеров, но за этим словом, отражавшим этику отношений в офицерской среде, стоял настоящий приказ.

К входящим документам относилось то, что составлялось на местах, прежде всего в полковых канцеляриях. Такие документы назывались рапортами, доношениями или покорными доношениями от полковых канцелярий или от отдельных лиц, ведомостями по хозяйственным делам, содержащими цифровые данные. Помимо этих документов, имелись также промемории, которыми обменивались друг с другом равнозначные учреждения, вроде канцелярии крепости Святого Дмитрия и какой-нибудь местной канцелярии. Встречаются «скаски», в которых излагаются показания отдельных лиц в связи с определенными событиями. К документации учетного характера относятся сводные сведения, собиравшиеся обер-комендантской канцелярией по полкам, например, о солдатских детях, а также материалы следствия, например, описи разного имущества, в том числе похищенного.

Не удивительно, что в документах крепости больше всего сведений о служивших в гарнизоне солдатах, унтер-офицерах и офицерах. Содержатся имена командиров полков и батальонов, плац-майоров, которые были ответственны за поддержание в гарнизоне дисциплины, а также ряда штаб- и обер-офицеров. Несколько документов исходили от строителя крепости, инженер-капитана А. И. Ригельмана, будущего историка Малороссии и Дона, вышедшего в отставку в чине инженер-генерал-майора.¹⁹ Он, кроме того, был автором первого описания поселения, от которого пошел Ростов, составленного по

¹⁹ Аваков П. А. Труды и дни Александра Ивановича Ригельмана (1714–1789) // В тени великих: Образы и судьбы. СПб., 2010. С. 351–367.

указу Сената в 1769 г.²⁰ Описание было весьма обстоятельным, с приведением множества цифровых данных, что соответствовало формировавшемуся в России эпохи Просвещения интересу к статистике. Автор исключительно знающий и заинтересованный, А. И. Ригельман давал сводные сведения о составе населения крепости, которую он иногда называл городом. В нем четко выделялись три категории. Это были прежде всего военные, в составе четырех пограничных батальонов, артиллерийской и инженерной команд, причем сам автор служил командиром инженерной команды в чине инженер-капитана еще с самого основания крепости. Также он указал стоявший в крепости конный Азовский казачий полк и писал, что к этому полку были определены калмыки. К неслужилой части населения относились «купечество, маркитанты, приписные однодворцы, малороссияне», а также «отставные, малолетки, вдовы и сироты». Наконец, третью часть составляли «выезжие из турецкой области греки, грузины и прочие нации»,²¹ которые, вероятно, проживали временно. Все указанные категории населения крепости упоминаются в крепостной документации.

Особенно много сведений в ней о нижних чинах. Общее положение о тяготах солдатской службы подтверждается вполне, поскольку зафиксировано много случаев побегов солдат и наказаний за разные правонарушения. Более всего из правонарушений в документах отмечены, помимо бегства, случаи кражи разного имущества или нарушения по службе. Из приказа по артиллерийской команде от 9 ноября 1777 г. известно, что ночью четверо «военнослужителей» отлучились из крепости «для воровства». Начальник команды капитан Василий Загряжский объяснял, что это произошло «от слабого смотра». Для усиления надзора приказывалось поручику Пучкову и штык-юнкеру Кузнецову «по очереди, переменяясь понедельно, ходить в ночное время в казармы, и служителей перекликать».²²

Из ордера от 8 мая 1781 г. от обер-коменданта Гурьева капитану Загряжскому известно, что канонир артиллерийской команды Василий Вахрушев выкрал из магазина умершего купца Василия Карасева «холстинного паруса» «у себя в доме». Обер-комендант требовал от капитана поступить с Вахрушевым «по законам и учинить ему достойное за то наказание».²³

С появлением по соседству с крепостью города Нахичевани для серой и постылой солдатской повседневности появился новый со-

²⁰ Ригельман А. И. Ростов-на-Дону 150 лет назад. Ростов-на-Дону, 2013.

²¹ Ригельман А. И. Ростов-на-Дону 150 лет назад. С. 28.

²² ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 269 об.

²³ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 29. Л. 157.

блазн. Из приказа от 11 апреля 1794 г. известно, что рядовой Петр Чалов был отпущен с караула при гауптвахте на обед в ротную казарму. Но он пошел не в казарму, а «в город Нахичеван, отъкуда приведен пьян». Обер-комендант писал в приказе, что сам замечал, как «многие военнослужители нижния чины, обращаясь в пьянствах, шетаются в великом безобразии, а другия валяются по дорогам». Он требовал от батальонных командиров принять меры к прекращению этого и заявлял, что если «военнослужители» будут повторять подобные безобразия, то «отъветствовать» за это станут перед ним «сами господа баталионныя командиры».²⁴

Из наказаний чаще всего указываются такие, как содержание на «гоубдвахте», битье «батоги нещадно». Случаев наказаний шпицрутенами не так много. Подобным образом был наказан в 1780 г. фузелер Долгополов, который трижды бегал со службы, но по существу без особых для него последствий. По приговору кригсрехта в Елизаветинской крепости (на правом берегу Днепра) «за зделанной им третичной побег» его должны были «прогнать спицрутен сквозь тысячу человек шесть раз». После же наказания, «дабы ему впредь сего делать было неповадно, протчим же в страх», он направлялся дослуживать в Ростовскую крепость.²⁵ Отдельные командиры могли проявлять особую ретивость в наложении наказаний и даже инициативу, выходящую за рамки закона. Из ордера обер-коменданта генерал-майора Семена Гурьева от 26 февраля 1781 г. следовало, что начальник артиллерийской команды капитан Загряжский за какой-то проступок даже по его приказу «канонирскую жену секли батожьем». Генерал за это выговаривал слишком строгому капитану, указывая, что к тому времени уже «и салдат батожьем сечь в силу указов запрещено», и писал в ордере, что «рекомендую» впредь такого беззакония «не чинить».²⁶

С другой стороны, длительный срок службы предусматривал, что солдаты могли иметь семью и детей. При этом само заключение браков было поставлено командованием под свой контроль. На это был направлен приказ обер-коменданта генерала Ратаева, согласно которому отмечалось как негативное явление, что «нижния чины, начиная от унтер афицеров, капралов и редовых женятца так же совершенно на неизвестных бродячих. А тем самым происходит между ими беспорядок, от оного же могут произойти дурныя следствия». На командиров батальонов он возлагал задачу, «впредь, ежели кто из унтер афицеров и редовых возъимеет желание женитца, то, раз-

²⁴ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 67. Л. 28 об., 29.

²⁵ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 29. Л. 45 об.

²⁶ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 29. Л. 71.

смаатривая их состояния их состояние и равенство, кто и с кем именно желает совокупитца законным браком». Батальонные командиры должны были выяснять «особливо женской пол, откуда и какия», а обер-комендант требовал обо всем «доносить мне и испрашивать на то моего позволения».²⁷ Вообще вступление подчиненных в брак находилось под контролем начальства. Это заметно из доношения 1777 г. от плотника артиллерийской команды Василия Маркелова, который просил «милостиво дозволить» вступление в брак с солдатской вдовой Анной Максимовой.²⁸ В том же году такое же доношение поступило от канонира Алексея Машлыкова на брак его с девицей Натальей Семеновой, проживавшей в крепости в доме умершего отставного солдата Дмитрия Потапова.²⁹

Есть сведения о том, что отдельные солдаты еще с самого начала существования крепости проживали на квартирах, отдельно от казармы. В 1762 г. на квартире жил солдат Прокофий Салмин, и у него на квартире жил другой солдат, Никифор Фралов.³⁰ Некоторые солдаты обладали немалыми средствами. У них имелись дома в солдатском Форштадте. О богатстве некоторых солдат свидетельствуют сведения об ограблении дома рядового Максима Турова в ночь на 16 мая. К обер-комендантскому приказу по этому делу была приложена опись награбленного. Из нее видно, что у солдата оказалось 170 рублей ассигнациями, 25 серебряных рублей и на 17 рублей медью, женские вещи, свидетельствующие, что он жил с женой.³¹ Эта сумма сопоставима с тем, что накопил за свою жизнь офицер капитан Готфритов, после смерти которого, судя по приказу от 9 декабря, нашли 305 рублей ассигнациями и медью на 11 рублей 15 копеек.³²

В одном из приказов отмечалось состояние солдатского лазарета. В приказе от 8 мая 1794 г. обер-комендант Ратаев обвинил штаб-лекаря Марцынкевича в том, что «в лазарете 3-го баталиона положен обще между другими во одном покое одержимой совершенною венерическою болезнию», у которого от нее «все лицо в ранах» и от которого «происходит тяжелой дух». Он также требовал от командиров батальонов «по крайней мере осматривать лазареты в неделю два раз и чинить наблюдение и взыскание за нечистотою».³³

²⁷ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1 Д. 67. Л. 11.

²⁸ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 31.

²⁹ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 213.

³⁰ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 191 об.

³¹ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1 Д. 67. Л. 42–42 об.

³² ГАРО. Ф. 518. Оп. 1 Д. 67. Л. 94.

³³ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1 Д. 67. Л. 38, 38 об.

Из гражданского населения выделялось купечество. Эта среда не была замкнутой и пополнялась. Когда в 1762 г. бывший дворовый человек сержанта Беляева Фирс Степанов захотел «приписатца» к «здешней крепости купечеству», последовала резолюция, что его «здешняя купеческая ратуша принять желает».³⁴ Свою сословную организацию имели однодворцы во главе со старостой. Однодворцы занимались хозяйством, вроде Ивана Салдовцева, у которого было в работе несколько человек «из малороссиан работников». Он просил разрешения на поездку в калмыцкие «Тургушovy и Дербетевы улусы» «для покупки и привозу в здешнюю крепость на приплод домашняя рогатой скотины».³⁵ Купечество пополнялось, причем комендантская власть крепости этому способствовала. По доношению в Воронежскую губернскую канцелярию, подписанному комендантом крепости Сомовым, в купечество пожелал вступить воронежский однодворец Иван Петров Москвин. В доношении указывалось, что по подписке от местной ратуши он имеет «товару мелкой рухледи» на пятьсот рублей, и у него была «лавка». Право его на причисление к купечеству в доношении обосновывалось со ссылкой на сенатский указ, но до окончания ревизии он должен был по-прежнему своему положению «платить... во обществе аднадворческом».³⁶ Купцы продавали товары, необходимые не только для потребления частными лицами, но и для работ в крепости, которые вел гарнизон. В 1777 г. артиллерии фельдцейхмейстер Иван Алексеев сообщал о закупке у местного купца Павла Васильева различного товара для проведения плотницких работ на сумму пять рублей девять копеек.³⁷ Для лечения больных артиллерийской команды в том же году у местного купца Ивана Кательникова было закуплено «уксусу ренскогога одно ведро за один рубль за восемьдесят копеек», а на «здешнем питейном дворе» «вина горячего одно ведро за один рубль за восемьдесят копеек».³⁸ Для этих же целей несколько позже было куплено полведро виноградного вина у местного купца Павла Балабина за девяносто копеек.³⁹

«Город», как характеризовал крепость А. И. Ригельман, «по новосте своей» не имевший герба и «привилегию не пожалован»,⁴⁰ только устраивался в бытовом отношении. Поэтому немало документов относится к ремонту дорог и мостов, к состоянию казарм и противо-

³⁴ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

³⁵ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

³⁶ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 148.

³⁷ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 86–86 об.

³⁸ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 145.

³⁹ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 17. Л. 231.

⁴⁰ Ригельман А. И. Ростов-на-Дону 150 лет назад. С. 28.

пожарной безопасности, а также к отоплению казарм и жилищ. Что касается отопления, то военнослужащие и жители использовали для отопления камыш, который нарезали на левом берегу Дона и доставляли в «город» через реку на паромках, принадлежавших купцам, за плату. В 1794 г. обер-комендант Ратаев поставил военный паром. Военнослужащие могли перевозить на нем камыш бесплатно, «для одной только домашней топки, а отнюдь не на продажу». В случае продажи камыша за его перевозку надо было платить, «ибо оной паром с канатом стоит немалой суммы».⁴¹

В летний сезон частью повседневности была ночная жизнь. Сведения о ней содержит обер-комендантский приказ от 30 июня того же года. Согласно приказу, «в солдатском форштате и Доломановской слободе умножилось праздношатающихся людей, от коих в ночные времена чинятца воровствы и разбои», он приказывал «управе благочиния» «делать в ночное время казачьи при квартальных смотрителях разъезд по улицам форштата и Доломановской слободы». Эти разъезды должны были «всяких людей», «не в обокновенное ночное время шатающихся, брать под караул и представлять ко мне». Но, конечно же, «кроме благородных чинов и купечества». Он также обращал внимание командиров батальонов, чтобы было приказано «нижним чинам, чтобы в ночное время никто по улицам шетатца не могли, в противном же случае, естли кто попадетца, без наказания не останетца».⁴²

Имел место случай, когда на крепость народ рассчитывал как на защиту от произвола со стороны донских старшин. И если в XVII в. освобождались «от всяких бед» на Дону, то во второй половине XVIII в., в условиях развития старшинского хозяйства и начала распространения на Дон крепостного права,⁴³ положение в Войске Донском резко изменилось. Это заметно по делу 1762 г. крестьянина Ивана Алексеева Михайлова, который «уговорен» был донским старшиной Клейменом Фроловым «для работы» в его хозяйстве в Скородумовской станице главного города Войска Донского Черкаска с обещанием «заработных денег в год ста пятнатцати рублей». Но Фролов убыл на войну «в Пруссию», а зять Фролова отказался платить и пообещал посадить его «под караул», с угрозой: «Оттуда выпущен не будешь, докуда умрешь».⁴⁴ В гарнизонной канцелярии дело было рассмотрено. Крестьянин заявил, что он рассказал «сущю правду», после чего было решено отослать его «на прежнее жилище» «при слу-

⁴¹ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 67. Л. 77–77 об.

⁴² ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 67. Л. 63 об.–64.

⁴³ Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. С. 204–206.

⁴⁴ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 105–105 об.

чайной оказии», при «доношении» в Воронежскую губернскую канцелярию.⁴⁵

Таким образом, крепость Святого Дмитрия Ростовского как важное звено в системе обороны Российской империи в последней трети XVIII в. становилась важным центром торговли, сосредоточением экономической и гражданской жизни, со своим своеобразным укладом. Разные стороны внутренней жизни ее самой и окружающих поселений нашли отражение в документах архивного фонда этой крепости. На первый взгляд, эти сообщения представляют собой набор несвязанных или мало связанных между собой эпизодов, или своего рода мозаику бытовых миниатюр. Но в целом они дают представление о весьма напряженной и активной жизни на Нижнем Дону времени существования этой крепости, об общности, которую представляло собой население, военно-служилое и гражданское, при всех социальных различиях между разными его слоями. С самого своего начала город, к которому примыкали соседние поселения, составившие в дальнейшем его часть, складывалось как место с пестрым в социальном и этническом отношении населением, военное значение которого со временем отходило на второй план, а на первый план выдвигалось его торгово-экономическое значение.

Список литературы

- Аваков П. А. Труды и дни Александра Ивановича Ригельмана (1714–1789) // В тени великих: Образы и судьбы. СПб., 2010. С. 351–367. Государственный архив Ростовской области: Путеводитель. Ростов-на-Дону, 1961. 472 с.
- Грачев В. И., Решетняк Н. И. Батайск: Историко-краеведческий очерк. Ростов-на-Дону, 1981. 80 с.
- Краснянский М. Б. Прошлое Ростова-на-Дону по городским планам // Записки Ростовского-на-Дону общества любителей истории, древностей и природы. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1912. С. 27–38. Материалы по истории Войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, 1864. 332 с.
- Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов-на-Дону, 1961. 375 с.
- ПСЗ. Т. 13: 1749–1753. СПб., 1830. 958 с.
- ПСЗ. Т. 15: С 1758 по 28 июня 1762. СПб., 1830. 1052 с.
- Ригельман А. И. Ростов-на-Дону 150 лет назад. Ростов-на-Дону, 2013. 84 с.
- Скальковский А. А. Ростов-на-Дону. СПб., 1847. 74 с.

⁴⁵ ГАРО. Ф. 518. Оп. 1. Д. 1. Л. 108.

Тимофеева Г. Коменданты крепости Святого Димитрия Ростовского // REGLA. Научно-культурологический журнал. [2010]. № 3. <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2567&level1=main&level2=articles>.

Чеботарев Б. В. Очерк о начальном периоде истории г. Ростова-на-Дону и окрестных селений // Из истории Дона: XVII–XX вв. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1956. С. 51–71.

Н. Н. Покровский-младший
Новосибирск

Один день Николая Николаевича

Увидев название, читатель вправе подумать, что речь пойдет об одном дне академика Николая Николаевича Покровского. Однако это не так. Я буду говорить об одном дне другого Николая Николаевича. Тоже Покровского. Я буду говорить об одном дне сына академика Покровского. В ту пору ему было 11 лет. Жил он вместе со своими папой и мамой в Суздале. Как же эта московская семья оказалась так далеко от родных мест? Дело в том, что «отсидев» в длительной мордовской «командировке» положенные шесть лет, Николай Николаевич-старший, согласно приговору суда, не имел права вернуться на постоянное место жительства к себе домой в Москву, не мог устроиться там на работу. Приютил бывшего ЗК старинный город Суздаль. Не удивительно, что суздальский период жизни воспринимался им и его близкими как продолжение ссылки. Конечно, теперь никто не гонял его на принудительные работы, никто не кормил его баландой и жил он относительно свободно среди прекрасных людей, имея возможность каждый день любоваться красотами владимирской земли. И все же — ссылка.

Итак, некогда стольный град Суздаль, Кремлевская улица, служебная квартира в Архиерейских палатах, середина лета 1964 года.



Архиерейские палаты, где была наша квартира.
Фото А. В. Сиренова

9:00 Я только что проснулся и лежу на половинке дивана в маленькой длинной комнате с высоченными потолками, на половину перегороденной деревянными полатами. На них обычно отдыхают мои родители, а я, соответственно, — внизу на диване. Позади меня входная дверь, вешалка для верхней одежды и небольшой столик с электрической плиткой, чайником и другой нехитрой кухонной утварью. Мама готовит завтрак. Судя по запаху и шипению масла на сковороде, это консервированный зеленый горошек из банки, поджаренный вместе с сосисками. В противоположной стене узкое оконце со сводчатым верхом, хранящее следы металлической решетки. Стены кирпичные, очень толстые. Изнутри покрыты извештковой побелкой.



Мама. 1964 г. Снимал Коля-маленький

Это папина служебная квартира. Папа называет ее кельей. Он уже на работе. Папа работает в музее экскурсоводом. На работу его взяла Алиса Ивановна. Никто не хотел брать папу на работу, а она взяла. Алиса Ивановна — директор музея. Алиса Ивановна живет во Владимире. А здесь у папы есть другая начальница — Тамара Ивановна, по фамилии Трофименко. Красивая. Она собирается замуж и станет после этого Лапшиной. Но пока это почему-то секрет. Хотя все об этом знают.



Алиса Ивановна Аксенова



Тамара Ивановна Лапшина

В музее много интересного. Наша келья находится на втором этаже. Рядом с ней расположена канцелярия. Когда нечего делать, я хожу туда и печатаю на печатной машинке. Это здорово! Машинка старая. Называется «Москва». Лента у нее высохла. Получается очень бледно. И одной буквы не хватает. На нижнем этаже есть еще несколько квартир для сотрудников, а также расположены фонды. Чего там только нет! Главное — макет трактора «Владимирец». Он с настоящим мотором и, наверное, может ездить. Оказывается, наш музей раньше был краеведческим музеем и там собиралось много всего.

9:30 Умылся, позавтракал и иду в музей. Мой путь лежит через длинную открытую балюстраду, с которой открывается очень красивый вид на городские валы, речку Каменку и бесчисленные огороды местных жителей. Огороды на владимирской земле особые. И сама земля очень черная и мягкая, а грядки пышные и плодовые. Тут даже лопаты специальные, без упора для ноги. И вскапывают грядки особым образом, прижимая древко лопаты коленом. За Каменкой с древних времен растет много хрена. Раньше этот хрен выращивали специально для царского стола. Я тоже копал за рекой хрен и отправлял его бабушке в Москву.

Быстро сбегаю по каменной лестнице во двор. Между Архиерейскими палатами и городскими валами простирается огромная лу-

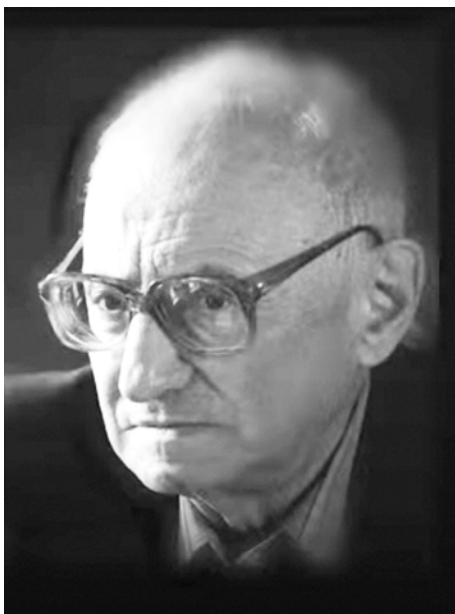
жайка. Или поляна, такая она большая. Посреди нее стоит маленький деревянный домик. Точнее будочка. Она выполняет санитарные функции. Рядом с будочкой — Готовская церковь. Она тоже деревянная. На самом деле она не Готовская, а Никольская. Ее привезли из села Готово, поэтому все называют ее Готовской. Она строилась без единого гвоздя. Это удивительно. Я специально осмотрел все ее стены и нашел немало гвоздей. Папа разъяснил мне, что гвозди современные. Что изначально гвоздей не было. Но при перевозке и сборке ее на новом месте наши мастера не смогли обойтись без гвоздей.



Дядя Боря и тетя Таня Семенченко. 1964 г., снимал Н. Н. Покровский-младший

Между маленькой деревянной будочкой и Готовской церковью на складном стульчике сидит дядя Боря. Он художник. Перед ним мольберт и масляные краски. Дядя Боря и тетя Таня Семенченко — мамыны друзья. Они приехали к нам погостить. Когда папа был в длительной командировке, тетя Таня поддерживала маму морально.

Тетю Таню Семенченко не надо путать с дядей Мишей Семененко. Дядя Миша тоже наш друг. Они с папой вместе были в длительной командировке. Но дядя Миша вернулся раньше. Однажды, когда папы еще не было, к нам пришла дяди Мишина мама, Елизавета Натанна. Пришла и почему-то очень тихо сказала: «Миша вернулся!» Только это и сказала. Мама быстро собралась, и они вместе куда-то ушли. Потом и сам дядя Миша приходил к нам. Они с мамой долго о чем-то разговаривали. Бывало, что вместе куда-то ходили. Иногда они брали с собой и меня. Дядя Миша очень хороший. С ним интересно. Он инженер.



Дядя Миша Семененко

Папа очень любит фотографировать. Но пока он был в длительной командировке, его, подаренный бабушкой Таней, фотоаппарат «Экзакта», пришел в негодность. По правде говоря, это я испортил его. Мне показалось, что он не совсем правильно работает. И все бы было хорошо, но несколько важных деталей мы так и не смогли найти. Когда папа уезжал в Суздаль, дядя Миша подарил ему свой но-



Фотоаппарат дяди Миши

вый фотоаппарат «Кристалл». Однажды папа купил мне в «Военторге» на проспекте Калинина фотоаппарат «Смена-8», и я тоже стал учиться фотографировать. У моего московского друга Вовки тоже «Смена». Но у него «Смена» старой модели, а у меня самой последней, за 13 рублей 50 копеек.

11:00 Немного помог дяде Боре. Он забыл в Москве разбавитель красок и мне пришлось идти за разбавителем к дяде Юре. Дядя Юра — музейный художник. Этим утром он работает с другой стороны Архиерейских палат. Там, куда выходят южные золотые врата Рождественского собора. Очень красивый пятиглавый собор Рождества Святой Богородицы с синими главками и золотыми звездами на них, входит в ансамбль суздальского Кремля. Экспозиция музея находится тоже в Архиерейских палатах. Евдокия Лопухина, царевич Алексей, настоящий камзол Петра I и еще много всего интересного. Я уже почти наизусть знаю все, о чем рассказывают экскурсоводы. Наверное, я уже смог бы и сам провести такую экскурсию. С сотрудниками музея пьем чай. Чаем тут называют крутой кипяток вприкуску с рафинадом.



Коля-маленький со своей «Сменой». 1964 г., во дворе родного дома на Авиамоторной улице. Снимал Вовка на свою «Смену»



Эскиз дяди Бори

11:30 Пробежался по залам музея. В последнем, с выставкой продукции завода в Гусе-Хрустальном, завершалась очередная экскурсия. Не понимаю, какого ляда тут, в исторической экспозиции, стоят эти кувшины, рюмки и бокалы? Видно, нечем было заполнить выставочное пространство. Папа в этом со мною полностью согласен. Сейчас экскурсия поедет по всему городу осматривать достопримечательности, созданные руками древних суздальских зодчих. Садимся в автобус. Довольно старый «носатый» ГАЗик. С трудом нахожу свободное место. Степенно едем по кривым узким улочкам города. На некоторых нет асфальта. То тут то там высятся колокольни, блестят закомарные крыши, сияют кокошники, купола и кресты. Часто останавливаемся, выходим, осматриваем, снова едем. Древний колорит дополняется современным киношным реквизитом.

Суздаль летом 1964 года похож на огромную киносъемочную площадку, декорацию для какого-то фантастического театрального действия, где смешались века и люди. Дело в том, что в Суздале работало сразу несколько киностудий нашей страны. Все началось ранней весной. На не растаявшем еще снегу шла работа над фильмом «Андрей Рублев». Летом начались съемки фильмов «Женитьба Бальзамино-

ва», «Царская невеста» и «Метель». Выстроенные мастерами Тарковского декорации и архитектурные памятники старины позднего средневековья соседствуют с бальзаминовским реквизитом, отражающим эпоху нового времени. То тут, то там на домах можно увидеть стилизованные под середину XIX века вывески, оставшиеся от съемок, — «Расклюев и К°», «Для любителей и знатоков» — с изображением кружки пива и большого красного рака. Нередко на улице или даже в магазине можно было увидеть артистов, свободно разгуливающих в театральных костюмах разных эпох. Бывало и такое: с гиканьем и свистом по проезжей части проносилась киношная пролетка, запряженная лошадьми. И все это в маленьком, тихом, по-настоящему провинциальном городке, пешком пересечь который с севера на юг можно менее чем за час.*

12:00 Следуем в автобусе по экскурсионному маршруту. Останавливаемся у Спасо-Евфимиева монастыря. Сейчас там расположена женская трудовая колония малолетних преступниц. Детей туда не пускают. Рядом с нашим автобусом стоит автобус другой группы экскурсантов. Слышу знакомый голос экскурсовода: «Территория монастыря окружена каменными стенами с двенадцатью мощными башнями. Входная башня прорезана двумя проездными арками, украшенными киотами...» Это папа ведет группу экскурсантов из Баумановского института.

Присоединяюсь к ним. Экскурсия, судя по всему, близится к концу. Осталась небольшая поездка в Кидекшу, где расположен архитектурный ансамбль церкви Бориса и Глеба. На этом экскурсия должна закончиться. После нее пойдем с папой домой на обед. Мама готовит «Кокоший супчик» из пакета и жареную картошку с котлетами. Супчик куриный с лапшой. Сделан в Польше. Картошка местная, из огорода тети Евдокии. Она дружит с папой. Тут все с ним дружат. Он интересный и веселый. Тетя Евдокия — хранительница фондов.

* Замечу в скобках, вернувшись ненадолго в наше время, что в дальнейшем я не мог полноценно смотреть все эти фильмы. Картинка упорно не хотела складываться в моей голове. Ну, представьте: вот герой Георгия Вицина из фильма «Женитьба Бальзаминова» в своих честолюбивых мечтах выезжает на коне в образе справедливого царя и обращается к расположившимся подле него подданным с речью. Мы видим его фигуру в проеме арки Преподобенской колокольни Ризоположенского монастыря, расположенного на северной стороне Суздаля. По смыслу происходящего, внимающий его словам народ, должен стоять где-то рядом. Точнее напротив колокольни. Но я-то знаю, что там стоять невозможно. Там просто нет места. Действительно, ликующий народ показан стоящим в нескольких километрах к югу от Ризоположенского монастыря, на центральной площади рядом с Торговыми рядами, на фоне Воскресенской церкви. Картинка в голове никак не складывается.



Папа ведет экскурсию для сотрудников Баумановского института.
1964 г., фото Коли маленького

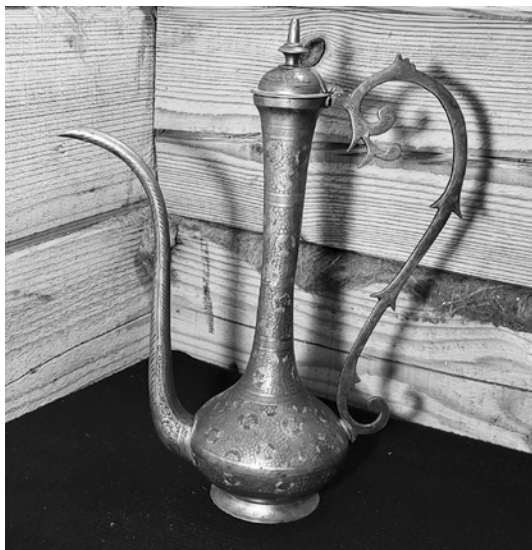
Неожиданно папа останавливает автобус около большого длинного барака. В нем квартирует «Мосфильм». Он берет меня за руку и ведет в барак. Мой друг Мишка, сын музейного истопника, снимался в массовке у бальзаминовцев. Заработал 12 руб. 50 коп. Я попросил папу устроить на съемки и меня. В бараке царила суета. Все бегали туда и сюда. «Вон, видишь, дядя Володя разговаривает с кем-то. Он здесь главный. Когда дядя Володя поговорит, подойди к нему и представься. Он все устроит». Я подошел к дяде Володе с странной фамилией Басов и он, действительно, все устроил.

Меня удивила любезность, с которой я был встречен дядей Володей. Он, известный уже деятель культуры (я видел его в фильме «Я шагаю по Москве»), поздоровался со мной за руку, обращался на Вы и вообще выказывал всяческие знаки внимания. Позже все объяснилось. Оказывается, папа был официальным представителем музея и отвечал за выдачу разрешений киношникам на съемку с использованием памятников культуры, охраняемых государством. От его решения зависело очень многое в съемочном процессе. Вот киношники и дружили с папой. Вообще-то они оказались очень хорошими людьми

и некоторые из них потом, после съемок, все равно продолжали дружить с папой. Уже просто так.*

Я не раз видел дядю Володю на улицах Суздаля. Он снимал фильм «Метель». Ее, эту самую метель, у нас-то и снимали. Точнее, сцену венчания. Снимали весь день и как раз в той самой Готовской церкви, которую утром рисовал дядя Боря. Метели, как известно, бывают зимой. Но «Мосфильм» решил снимать метель летом. С самого утра на лужайку перед церковью выкатили ветродуй. Это такой самолет чкаловских времен без крыльев. Ближе к вечеру приехали осветители со своим оборудованием. За ними появились звуковики с тонвагеном и начали на всю округу пробовать звук. Подтягивались другие участники съемки. Вокруг, как обычно, собралась толпа зевак. Площадку вкруговую огородили веревкой и никого за нее не пускали. Когда совсем стемнело, запустили лихтвагены и зажгли юпитеры. Пуская из выхлопных труб струи огня, что было силы затарахтел ветродуй.

Двое пиротехников подожгли несколько дымовых шашек. По поляне зловеще потянулся удушливый дым. Его подхватил ветродуй. Закрутила настоящая метель. Сквозь нее в острых лучах юпитеров металась какие-то странные фигуры, хрипел мегафон помрежа, продолжал прочищать глотку тонваген. Я стоял растерянный и оглушенный происходящим, глядя как завороченный на весь этот шабаш.



Кувшин Солоницына

* Еще одно замечание в скобках. Известный актер театра и кино Анатолий (Отто) Солоницын не раз гостил в нашем доме, в том числе и в Академгородке. Ведь некоторое время Солоницын жил и работал в Новосибирске, в «Красном факеле». Бывало, он заходил к нам со своими «двумя Ларисами»: супругой и маленькой дочерью, которых он страстно любил. Однажды Толя, как называл его папа, принес с собой удивительный латунный кувшин, наполненный удивительным вином. Вино, естественно, выпили, а кувшин остался в нашем доме. Навсегда.

Неожиданно из метели возникла фигура моего папы. Он схватил меня за руку и потащил за ограждение. Его там все знали и пропускали беспрепятственно. Мы зашли в церковь с какого-то заднего хода и оказались внутри очень тесного пространства, задрапированного темными портьерами. В кругу яркого света стоял дядя Володя и, активно жестикулируя, что-то говорил молодому худощавому человеку в черном плаще. По-видимому, шли приготовления к съемке. Грохот ветродуя и лихтвагенов здесь звучали довольно глухо. Можно было разговаривать. «Свет в кадре!» — слышу из темноты знакомый голос Вронского. Только теперь я разглядел громадную кинокамеру на штативе и двух человек позади нее. Сергей Аркадьевич Вронский — оператор картины. Два дня назад я катался на его операторском кране. Это такая штука с длинной стрелой на колесах. Если быть точным, то Вронский катался не со мной, а с папой. Они что-то там решали по поводу крана. Ну, и взяли с собой на высоту меня.

Дождавшись, когда худощавый молодой человек закончит беседу, папа подвел меня к нему и представил. «Разреши, Коля, познакомиться тебя с нашим тезкой», — обратился он к нему. «Он тоже Коля. Коля — мой сын». Мы немного поговорили. Оказалось, что Коля — артист. Снимается у дяди Володи Басова. Я сфотографировал Колю на память. Вдруг все засуетились. Ветродуи взвыли с новой силой, на крышу гульбища залезли рабочие и начали сыпать лопатами вниз какие-то белые бумажки. Тетенька с мегафоном крикнула: «Коля, Бурляев, в кадр!» Подбежала другая тетенька и поправила Коле прическу. На этом мы распрощались. Больше Колю я никогда не видел. Только в кино.

14:00 Жарко! Идем с мамой на речку. Рядом с Архиерейскими палатами протекает речка Каменка. Некогда большая и полноводная, теперь она обмелела и только в некоторых местах могла скрыть меня с головой. Папа говорил, что в древние времена по ней ходили торговые суда немалой величины. Через Нерль, Клязьму и Оку попадали в Волгу и Каспий. Речка протекает прямо за городскими валами. В этот жаркий день на берегу и в воде полно народа. Я плаваю плохо, а мама хорошо. Она умеет плавать очень редким стилем, не снимая своих очков. Глядя на нее, один какой-то не совсем, как мне показалось, трезвый гражданин уставился на маму. «Смори, очкастая тонет!» — промычал он стоящему рядом не менее угрюмому другу. «Нет, плывет», — возразил тот, приглядевшись. И, помолчав, добавил: «Как дельфин!» Папа вырос на Черном море и тоже очень хорошо плавает. В молодости он даже участвовал в спортивных заплывах.



Коля-маленький
с мамой.
ВДНХ, 1964 г.
Снимал Вовка

Ко мне подплыла мама. «Смотри, вон там Шагалова плывет вместе со Смирновой. Какой у нее забавный купальник!» Я не знаю, кто такая Шагалова и кто такая Смирнова и зачем мне смотреть на их купальники.

21:00 Вечерняя прохлада опустилась на город. После ужина все идем гулять. Папа, мама и я. Вчера вечером мы ходили в кино. На 10 часов. Смотрели чешский фильм «Король королю». Рядом с нами оказались и другие папины сослуживцы: тетя Тамара, тетя Антонина и еще кто-то. После сеанса мы все шли домой пешком в свои Архиерейские палаты и по дороге обменивались впечатлениями от увиденного. «Вот видите, Антонина Ивановна, и чехи умеют снимать неплохие детективы», — говорил папа нашей молодой соседке с первого архиерейского этажа. Вообще мы часто ходим в

кино. Делать-то после работы нечего. Правда, недавно в лес за грибами ходили. За Нерль. Нашли огромное количество маслят. Полночи их чистили. От этого наши руки почернели. Папа — заядлый грибник. Он везде грибы найдет. Даже в своем родном Ростове, где грибы никто никогда не ищет. О нашем походе папа рассказал своим друзьям из «Мосфильма», и они на следующий день отправились в лес на своем грузовике всей киностудией. Привезли полный грузовик грибов.



Справа налево: А. И. Антонова, заведующая отделом древнерусского искусства, Н. Н. Покровский, Е. И. Бекетова, хранитель коллекций, Т. И. Лапшина, директор Суздальского филиала музея-заповедника, подруга Е. И. Бекетовой (ее фамилия неизвестна). 1965 г. Фотография из личного архива Т. И. Лапшиной

Завтра тоже в кино пойдем. Будет польский фильм «Загадочный пассажир». Папа прочитал название по-польски. Оказалось, что это совсем и не «Загадочный пассажир», а «Поезд». Кто же так переврал название? Играет очень красивая тетя — Люцина Винницка. Папа хорошо читает по-польски. Особенно детективы и фантастику. А мама еще и чешский, и сербохорватский, и болгарский знает. Она в театральной библиотеке работает. Переводит иностранные статьи. Рань-

ше мама часто брала переводы на дом. Вечером, когда все ложились спать, она садилась за стол, зажигала маленькую настольную лампу-грибок и работала. С тех пор у нас много разных иностранных журналов по современному кино и театральному искусству — «Loutkář», «Film a doba», «Film a divadlo», «Uroda». Папе нравится польский «Ekran». Мне он тоже нравится. Там много красивых актрис.



Мамина лампа

Когда-то городские валы защищали суздальский Кремль от набегов врагов, а теперь от них остались только маленькие возвышения. Валы — традиционное место прогулок местных жителей. Гуляют семейные пары с детьми, гуляют влюбленные и просто одинокие граж-

дане. Как-то, прогуливаясь таким образом, мы встретили Тамару Трофименко с каким-то молодым человеком. Она очень смутилась и попросила не рассказывать никому. Чего бы это? Все и так уже знали, что это ее будущий муж Лапшин.

22:00 На город спускается вечер. Темнеющие дали подернулись туманом. Тишина и покой овладевают нашими чувствами. Мы идем вдоль валов. В руках у папы большой транзисторный приемник. Его дал папе папин шеф Михаил Николаевич. Летом Михаил Николаевич собирался к нам в гости, но заболел и не приехал. А приемник так и остался у нас. Из глубины эфира слышится папина любимая мелодия. «Звезд огни горят и мерцают, и в высь посылают струны нежный звон». Он тихо подпевает. Но у папы нет слуха. Получается очень забавно.



Радиоприемник шефа



Баба Дуся



Дедушка Вася и баба Шура. 1950-е гг.



Справа налево: Н. Н. Покровский-старший, З. В. Бородина, Н. Н. Покровский-младший, А. А. Бородина, М. В. Бородина, ее муж В. А. Парахин, внизу — их сын Сергей. Таруса, 1977 г.

23:00 Я снова лежу на своем диване. Снова передо мной высокие своды нашей кельи. В оконную бойницу проникает тусклый свет уличного фонаря. Фонарь стоит прямо напротив окна рядом с водоразборной колонкой городского водопровода. Из этой колонки мы носим домой ведрами воду. Водопровода-то у нас нет. Папа крутит все тот же шефский приемник. Он по вечерам слушает «врагов». Приемник французский и очень хорошо умеет отстраиваться от наших глушилок. На мгновение сквозь эфирные свисты и трески прорывается знакомый голос старика Утесова: «Затихает Москва, стали синими дали, ярче блещут кремлевских рубинов лучи...» Неожиданно мне становится немножечко грустно. Я вспоминаю свою родную Авиамоторную улицу, где я родился и почти вырос, моих дорогих москвичей — бабу Шуру, бабу Дусю, дедушку, тетю Риту, тетю Лилию, брата Сережу и еще многих, многих моих родных и близких людей, навсегда оставшихся в памяти моего детства.

Упоминаются

Алиса Ивановна — Алиса Ивановна Аксенова (род. 1931), советский и российский музейный и общественный деятель. Кандидат исторических наук (2003). Заслуженный работник культуры РСФСР (1980), Герой Труда Российской Федерации (2014), Лауреат Государственной премии Российской Федерации и Государственной премии РСФСР в области архитектуры. В 1960–2010 генеральный директор Государственного Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Под ее руководством Владимиро-Суздальский музей-заповедник, образованный в 1958 на базе двух небольших музеев во Владимире и Суздале, превратился в одно из ведущих музейных объединений России (55 памятников, из которых 10 вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО, и 47 музейных экспозиций в трех городах). Анатолий (при рожд. Отто) Алексеевич Солоницын (1934–1982), советский актер театра и кино; заслуженный артист РСФСР (1981). В 1968–1970 играл в Новосибирском театре драмы «Красный факел».

Антонина Ивановна, тетя Антонина — Антонина Ивановна Антонова, заведующая отделом древнерусского искусства Суздальского филиала Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Бабушка — см. Шура, баба.

Боря, дядя Боря — Борис, супруг Татьяны Давыдовны Семенченко.

Вовка, московский друг — Владимир Сабирзанович Ахмитзанов (род. 1953), школьный друг Николая Николаевича Покровского-младшего. Позже работал в системе общепита.

Володя, дядя Володя — Владимир Павлович Басов (1923–1987), советский актер кино, кинорежиссер и сценарист; народный артист СССР (1983), лауреат Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых (1982).

Георгий Михайлович Вицин (1917–2001), советский и российский актер театра и кино. Народный артист СССР (1990).

Дедушка — Василий Архипович Бородин (1901–1966), отец Зои Васильевны Бородиной, инженер, позже — руководитель технического отдела в Центральном институте авиационного моторостроения им. П. И. Баранова (ЦИАМ).

Дуся, баба — Евдокия Николаевна Забелина (1878–1966), мать Александры Александровны Бородиной. Учитель начальных классов.

Евдокия, тетя Евдокия — Евдокия Ивановна Бекетова (1923–1991), художник-реставратор и хранитель музейных коллекций Суздальского филиала Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

- Елизавета Натанна — Лия-Елизавета Натановна Семененко (1912–1992), мать Михаила Ивановича Семененко.
- Коля — Николай Петрович Бурляев (род. 1946), советский и российский актер театра и кино, кинорежиссер, писатель, общественный деятель; народный артист РФ (1996). Лауреат премии Ленинского комсомола (1976). Член Союза писателей России, член Патриаршего Совета по культуре.
- Лапшин — Александр Лапшин, супруг Тамары Ивановны Лапшиной.
- Лариса Оттовна Солоницына (род. 1968), киновед. Первый заместитель Председателя Союза кинематографистов России с 2020. Директор Музея кино (2014–2022). Член Союза кинематографистов РФ, член Гильдии организаторов производства. Дочь А. А. Солоницына.
- Лариса Семеновна Солоницына, искусствовед, супруга А. А. Солоницына.
- Лиля, тетя — Людмила Васильевна Гарбузова (урожд. Бородина; 1937–2009), сестра Зои Васильевны Бородиной. Окончила МВТУ им. Баумана. Инженер, работала в НИИ автоматики и приборостроения (АО «НПЦАП имени академика Н. А. Пилюгина»), Главном управлении архитектуры и градостроительства Московской области.
- Люцина Винницка (*польск.* Lucyna Winnicka; 1928–2013), польская актриса, жена Ежи Кавалеровича, известная, в основном, по его фильмам.
- Мама — Зоя Васильевна Бородина (1929–1988). Окончила МГУ. Работала в ГМИИ имени Пушкина (Выставка подарков И. В. Сталину от народов СССР и зарубежных стран), Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина, Государственной центральной театральной библиотеке, ГПНТБ СО АН СССР, библиотеке ИИФиФ СО АН СССР.
- Михаил Николаевич, папин шеф — Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965), советский историк-славист, источниковед, специалист в области истории и культуры России X–XIX вв. Доктор исторических наук (1939), профессор, академик АН СССР (1953, член-корреспондент 1946). Научный руководитель Н. Н. Покровского-старшего.
- Миша, дядя Миша — Михаил Иванович Семененко (род. 1931–?), окончил Станково-инструментальный институт, инженер-конструктор на заводе Туполева. Арестован в 1957 и осужден по делу Л. Н. Краснопевцева на 8 лет лагерей, досрочно освобожден в 1962.
- Мишка — друг, сын истопника.

- Папа — Николай Николаевич Покровский-старший (1930–2013), советский и российский историк, специалист по истории Сибири, старообрядчества, археографии и источниковедению. Доктор исторических наук (1974), профессор (1977), действительный член Российской Академии наук (1992; член-корреспондент АН СССР с 1987). В 1964–1965 заведующий отделом, заместитель директора Суздальского филиала Владимиро-Суздальского музея-заповедника.
- Рита, тетя — Маргарита Васильевна Бородина (род. 1932), сестра Зои Васильевны Бородиной. Окончила МВТУ им. Баумана (1957). Инженер. Работала в ОКБ-2 2-го Управления ГКАТ (с 1967 г. МКБ «Факел» им. академика П. Д. Грушина), МВТУ им. Баумана (кафедра начертательной геометрии).
- Сергей Аркадьевич Вронский (1922–2003), советский и российский кинооператор, режиссер и сценарист, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1969).
- Сережа, брат — Сергей Валентинович Парахин (род. 1959), сын Маргариты Васильевны Бородиной (сестры Зои Васильевны Бородиной). Реставратор-краснодеревщик.
- Смирнова — Лидия Николаевна Смирнова (1915–2007), советская и российская актриса; народная артистка СССР (1974), лауреат Сталинской премии III степени (1951). В фильме «Женитьба Бальзамина» сыграла роль свахи Акулины Гавриловны.
- Тамара Ивановна, тетя Тамара — Тамара Ивановна Лапшина (урожд. Трофименко; 1936–2023), краевед, директор Суздальского филиала Владимиро-Суздальского музея-заповедника, Лауреат Государственной премии СССР (1974), Почетный гражданин города Суздаля (1995), Заслуженный работник культуры Российской Федерации.
- Таня, бабушка Таня — Татьяна Андреевна Прасолова (1897–1987), врач-невропатолог, мать Н. Н. Покровского-старшего.
- Таня, тетя Таня — Татьяна Давыдовна Семенченко, подруга и коллега Зои Васильевны Бородиной. Работала в Отделе редкой книги Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.
- Тарковский — Андрей Арсеньевич Тарковский (1932–1986), советский режиссер театра и кино, сценарист; народный артист РСФСР (1980), лауреат Ленинской премии (1990, посмертно). Оказал значительное влияние на мировой кинематограф. Его фильмы «Андрей Рублев» (1966), «Солярис» (1972), «Зеркало» (1974) и «Сталкер» (1979) периодически включаются в списки лучших кинопроизведений всех времен.

Шагалова — Людмила Александровна Шагалова (1923–2012), советская актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР (1977). Лауреат Сталинской премии первой степени (1949). В фильме «Женитьба Бальзаминова» сыграла роль Павлы Петровны Бальзаминовой.

Шура, баба — Александра Александровна Бородина (урожд. Александрова; 1905–1988), мать Зои Васильевны Бородиной.

Юра, дядя — художник Суздальского филиала Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

СТАТЬИ

УДК: 821.161.1 + 930.272

А. А. МАНОХИН

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Вновь найденный список «Сказания о скончании седьмой тысячи» и вопрос об источниках «Просветителя»

В статье разобраны аргументы, касающиеся взаимоотношений «Сказаний о скончании седьмой тысячи» и аналогичных им Слов «Книги на новгородских еретиков», или «Просветителя» Иосифа Волоцкого. На основании проверки филиграней и внутренней датировки подтвержден вывод, что список «Сказаний», считавшийся древнейшим, моложе списков «Книги». Однако в 1974 г. был обнаружен еще более ранний список «Сказаний», разделенный между ГИМ. Епархиальное собрание. № 404 и РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 8757. В дальнейшем список пропал из поля зрения, и данная статья возвращает его в научный оборот. Кроме того, весь комплекс текстов об окончании седьмой тысячи лет упомянут в «Надгробном слове» Досифея (Топоркова), хотя и не в хронологическом порядке. В результате автор приходит к выводу, что скорее «Сказания о скончании седьмой тысячи» послужили источником «Книги», а не наоборот, и необходимо вернуться к выводу Я. С. Лурье.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, архиепископ Геннадий Новгородский, Досифей (Топорков), эсхатология, кодикология, датировка

«Сказания о скончании седьмой тысячи» — аналоги 8, 9 и 10 Слов «Книги на новгородских еретиков», или «Просветителя» — изданы Я. С. Лурье.¹ Исследователь использовал неопубликованные материалы Н. А. Соколова с выводами о важных отличительных чертах «Сказаний»: в них нет упоминания автора и нет имен еретиков. К аргументам Н. А. Соколова Я. С. Лурье добавил также куда более мягкий тон полемики с анонимными противниками и счел «Сказания» первичными по отношению к «Просветителю» по нескольким причинам:

1) Слова в составе «Просветителя» содержат явную хронологическую ошибку. Речь в них идет о событиях после окончания 7000 года (1 сентября 1492), но среди еретиков указан протопоп Алексей, смерть которого отнесена как Геннадием Новгородским («Послание митрополиту Зосиме»), так и Иосифом Волоцким («Сказание о новоявившейся ереси») ко времени до 26 сентября 1490 года.²

¹ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 391–414.

² Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 376, 472.

2) Древнейший список «Сказаний», РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.). № 2469 (ныне РГБ. Ф. 236 (собрание А. Н. Попова) № 18; далее — Попов. 18) старше списков «Просветителя».

3) После создания «Просветителя» не имело смысла удалять имена еретиков, с ними можно было открыто полемизировать.

4) В «Сказаниях» автор обращается к «брату»-читателю на «ты», в то время как в Словах «Просветителя» такое обращение сохранено лишь отчасти.

5) Тексты «Сказаний» более исправны.

Наконец, вероятной датой написания «Сказаний» Я. С. Лурье считал 1495 год, а автором — Иосифа Волоцкого, хотя и допускал возможности кандидатур Геннадия Новгородского и Юрия Траханиота. Исследователю было известно 16 списков памятника.³

Попытку пересмотреть датировку «Сказаний» и их отношение к «Просветителю» предпринял А. И. Алексеев.⁴ Он указал, что список Попов. 18 относится к первой четверти XVI в.⁵ Аргумент о бессмысленности элиминирования имен еретиков А. И. Алексеев отвел аргументом, что имена были удалены для придания тексту более универсального характера. Относительно текстологических наблюдений А. И. Алексеев, приводя разночтения, заключает, что нельзя однозначно решить вопрос о первичности какого-либо из текстов, но склоняется к большей древности «Просветителя».⁶

Между тем А. И. Алексеев упустил из виду первый аргумент Я. С. Лурье — о хронологической ошибке. Имя протопопа Алексея, умершего в 1490 году, явно вставлено в текст в связи с обсуждением сроков конца света после 1492 года. И доказательство Я. С. Лурье в пользу первичности «Сказаний» остается в силе.

На основании изучения истории текста «Сказаний» и «Просветителя» мне удалось выявить еще больше разночтений между сочинениями.⁷ Динамика функционирования обращений к «брату» наблюдается не только между списками первого из «Сказаний» («Сказание от божественных писаний, яко его же Бог не повеле ведати...») и 8 Словом «Просветителя», но и между самими списками «Сказания». Наибольшее число апелляций к личности содержит список, положенный Я. С. Лурье в основу издания — РНБ. Софийское собр. № 1460,

³ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения... С. 391–393.

⁴ Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI века: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. С. 330–334; Алексеев А. И. «Бодроопасный воин Христов»: Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М.; СПб., 2019. С. 266–269.

⁵ Алексеев А. И. «Бодроопасный воин Христов». С. 266, прим. 220.

⁶ Алексеев А. И. «Бодроопасный воин Христов». С. 269.

⁷ Манохин А. А. «Новгородские злые ереси» конца XV века. М., 2023. С. 254–255.

наименьшее — Попов. 18. Таким образом, постепенное исчезновение обращений к «брату» предшествовало переходу первого из «Сказаний» в 8 Слово. Такую же картину развития текста дает и второе из «Сказаний».⁸ Поэтому и этот аргумент Я. С. Лурье в пользу первичности «Сказаний» остается в силе.

Однако главным аргументом А. И. Алексеева служила датировка списков, и конкретно Попов. 18. Мне удалось уточнить время составления рукописи, обнаружив в ней следующие филигранные:

1) Корона с аркой и крестом («папская тиара») — л. 1–6. Таких филигранных довольно много за 1506–1515 гг. Однако у той, что в Попов. 18, есть характерное повреждение — отсутствие центрального кружка в полосе. Сходство Piccard-online, № 53173 (1514 г.).⁹

2) Голова быка под крестом с пятиконечным цветком, на морде крест — л. 7–42. Сходство Piccard-online, № 71528 (1519 г.).¹⁰

Необходимо отметить, что ранее филигранные в этой рукописи были определены Т. В. Анисимовой (ее фамилия значится в листе использования от 15.02.2007) по альбому Н. П. Лихачева как № 1351 и 1350 соответственно. Эти же водяные знаки находим в рукописи 1507/08 года РНБ. Собр. М. П. Погодина. № 186.

Однако как Я. С. Лурье, так и Т. В. Анисимова упустила из виду, что в тексте Попов. 18 содержится указание на точную дату — «написано бысть в лето 7024-м в 6 каланд февраля» (Попов. 18. Л. 41 об.). Это обстоятельство было известно А. И. Плигузову и И. А. Тихонюку.¹¹ В переводе на нынешнее летоисчисление от Рождества Христова это февраль 1516, а не 1513 года. Дата 1513 год взята в статью из Послания Дмитрия Траханиота. В нем указана дата 7021 год, и расчет лет привязан к ней, на что обращал внимание Я. С. Лурье.¹²

Таким образом, Попов. 18 несомненно моложе древнейших списков «Просветителя»,¹³ состоит только из 4 произведений о 7000 годе (три «Сказания» и Послание Дмитрия Траханиота с послесловием переписчика) и представляет собой оформленный комплекс произве-

⁸ Манохин А. А. «Новгородские злые ереси» конца XV века. С. 258–259.

⁹ <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=001.004.004.001.002&ordnr=53173&sprache=en>.

¹⁰ <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=002.002.009.003.003&ordnr=71258&sprache=en>.

¹¹ Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 60–61.

¹² Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 135, прим. 13; Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота... С. 57.

¹³ Манохин А. А. «Новгородские злые ереси» конца XV века. С. 313–322, 333–335.

дений по одной теме. Однако неизвестно место написания рукописи, откуда она попала в суздальский Спасо-Евфимьев монастырь.¹⁴

В статье А. И. Плигузова и И. А. Тихонюка содержится указание еще на один список, который не был известен Я. С. Лурье.¹⁵ Речь идет о рукописи ГИМ. Епархиальное собр. № 404 (далее — Епарх. 404) и РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.) № 8757 (далее — Муз. 8757). На самом деле Муз. 8757 является частью Епарх. 404, а именно его л. 204–230. Это обстоятельство было установлено Н. П. Дубовик.¹⁶ Проверка филиграней подтверждает ее вывод:

1) Голова быка с крестом и змеей — л. 1–71, 93–160, 164–174, 206–222). Под головой примечательная петля, сходство Piccard-online, № 71233 (1506 г.).¹⁷

2) Весы в круге под шестиконечной звездой — л. 72–92, 160а–163, 175–179, 185–186, 195–196, 202–205). Парные листы оказались в разных рукописях: л. 202 находится в Епарх. 404, а л. 205 — в Муз. 8757. Сходство Piccard-online. № 117264 (1501 г.).¹⁸

3) Лист 222 об. остался не заполненным, а с л. 223 начинается новым почерком на новой бумаге Повесть о Евстратии. Ее филигрань — Корона с аркой под крестом («папская тиара») — л. 223–228). Сходство Piccard-online, № 53372 (1502 г.).¹⁹

4) Другая голова быка с крестом и змеей, без украшений — л. 229–239). Л. 229 тоже принадлежит Муз. 8757, а остальная часть — Епарх. 404. Таких филиграней довольно много за вторую половину 1490-х — 1500-е гг., сходство Piccard-online, № 71047 (1495 г.).²⁰ На л. 237 (210), возможно, разновидность этой филигрании с более тонкими рогами и более квадратной мордой. Сходство Piccard-online. № 70897 (1499 г.).²¹

5) Последний лист с текстом — л. 240 (213). Текст написан менее убористым почерком, а филигрань более в рукописи не встречается.

¹⁴ Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота... С. 62.

¹⁵ Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота... С. 61, прим. 23.

¹⁶ Дубовик Н. П. К изучению Повести о Евстратии // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 336–337.

¹⁷ <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=002.002.009.003.002&ordnr=71233&sprache=en>.

¹⁸ <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=005.003.001.002.002&ordnr=117264&sprache=en>.

¹⁹ <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=001.004.004.001.002&ordnr=53372&sprache=en>.

²⁰ <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=002.002.009.003.001&ordnr=71047&sprache=en>.

²¹ <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=002.002.009.003.001&ordnr=70897&sprache=en>.

Это голова быка с крестом и змеей, с ноздрями, под мордой кольцо. Сходство Piccard-online, № 77720 (1516 г.).²²

6) Л. II–III — Якорь в круге под шестиконечной звездой. Подобен Лихачев, № 3717 (1546 год). Это время переплета книги.

Таким образом, перед нами список 1500-х гг. волоколамского происхождения (первые 432 номера Епархиального собрания переданы из библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря).²³ Следовательно, Епарх. 404 — прижизненный список сочинений Иосифа Волоцкого, происходящий из его монастыря, и он современен волоколамским же спискам его «Просветителя» — ГИМ. Епархиальное собр. № 339 и 340.²⁴ Ошибка списывания текста позволяет полагать, что и этот список не был первым. Л. 190 об. заполнен не до конца, на л. 191 вычеркнут текст с середины фразы: «ся домышляти, яко седмичен есть век... а не от св. Апостол». ²⁵ Вычеркнутый текст уже был ранее в первом из «Сказаний». Очевидно, писец, возобновив работу, начал с листа, предшествующего тому, на котором остановилось переписывание. Это обстоятельство позволяет отнести «Сказания о скончании седьмой тысячи» к 1490-м гг.

Данный список был известен Н. П. Дубовик, А. А. Зимину²⁶ и А. И. Плигузову и И. А. Тихонюку, но остался неведом составителям описания Епархиального собрания и А. И. Алексеу.²⁷ Между тем его существование вновь актуализирует аргумент Я. С. Лурье о древности «Сказания».

Свидетельство о написании Иосифом «Сказаний о скончании седьмой тысячи» до Собора 1504 года содержит «Надгробное слово» Досифея Топоркова. Племянник Иосифа упоминает о первом из них в единственном, ныне утраченном списке, бывшем за № 664 по описи волоколамской библиотеки 1854 г., и переданном в Епархиальную библиотеку (далее — Вол. 664).²⁸ В тексте Вол. 664 идет дубликат

²² <https://www.piccard-online.de/detailansicht.php?klassi=002.003.019.006.003.001&ordnr=77720&sprache=en>.

²³ Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, И. В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 122–483.

²⁴ Манохин А. А. «Новгородские злые ереси» конца XV века. С. 313–322.

²⁵ Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения... С. 401.

²⁶ Зимин А. А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей. Вып. 38. М., 1977. С. 26, прим. 11.

²⁷ Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря... С. 399, прим. 126.

²⁸ Невоструев К. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому, ученика и сродника его, инока Досифея // ЧОЛДП. 1865. Ч. 2. Приложения. С. 171, прим. 108; Казаков А. А. Иосиф Волоцкий: От агиографического повествования к научной биографии. М., 2022. С. 140–145.

фразы: «Отец же Иосиф, слышав таковая и зело болезноваше душею» и «Отец же слышав таковая, болезноваше душею».²⁹ Слова «услышав таковая» в обоих случаях свидетельствуют о распространении иудаизантазма из-за маловерия в связи с окончанием 7000 года. Необходимо отметить, что Досифей пишет только об этих еретических воззрениях, и больше ни о чем. Первый отец назван по имени — это Иосиф Волоцкий. Далее в тексте сказано, что Иосиф «своим писанием потщася исторгнути таковое злочестивых веление», то есть создал «Сказание о скончании 7 тысячи». В результате «таковое смущение верным отец Иосиф устави своим писанием».

Но кто второй отец? Он «нача обличати богоборную ересь, и писание посылати к самодержцем и ко архиереям и к болшим от боярского совета», призывая обличать и заточать еретиков.³⁰ Нам не известны послания Иосифа Волоцкого к многим архиереям, кроме как к Нифонту Суздальскому, и только о неназванном по имени сквернителе митрополичьего престола — Зосиме. К самодержцам (очевидно, Ивану III и Василию III), Иосиф пишет позже. Это реалии ситуации перед Собором 1504 года, и она тоже описана в «Надгробном слове»: «Отец же не престае посылать к самодержцем великим князем Ивану и сыну его Василию и ко всем благочестивым князем писание».³¹

Следовательно, «отец», писавший им раньше, — это другое лицо. Персонаж, рассылавший архиереям и правительству антиеретические послания, имеется, это Геннадий, архиепископ Новгородский. Во фразе «Написа же и книгу на них» речь идет о «Книге на еретиков», а вновь не именованный автор действия — снова Иосиф Волоцкий.

И далее: «писа же и к Новгородскому архиепископу Генadiю, и воздвиже его на ревность Божию, и бысть, яко Илия, на них». Это предложение — яркий пример того, как резко меняются действующие лица под пером Досифея. Кто был «яко Илия» известно, это Геннадий, о чем сделал примечание К. И. Невоструев.³² Но кто писал к Геннадию и воздвиг его на ревность Божию? Это вовсе не обязательно герой предыдущего предложения, Иосиф Волоцкий, писавший книгу. Здесь надо вспомнить о «больших из боярского совета». Послание одного из таких «больших» к Геннадию по календарному

²⁹ Невоструев К. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 171, прим. 108, с. 172.

³⁰ Невоструев К. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 172.

³¹ Невоструев К. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 173.

³² Невоструев К. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому... С. 173, прим. 110.

вопросу (единственная связанная с ересью тема у Досифея) имеется, это Послание Дмитрия Траханиота.

Таким образом, в «Надгробном слове» вперемешку даны указания на все источники по ереси. Сначала под именем Иосифа идут ссылки на его «Сказания о скончании седьмой тысячи». Внутри текстов «Сказаний» есть относительные ориентиры по датировке, что тоже отмечалось исследователями.³³ Все они сходятся на 1492/93 годе как времени написания всех трех текстов. Потом речь идет о безымянном отце, Геннадии, и его антиеретических посланиях, среди прочего, и Дмитрию Траханиоту, написанных в 1487–1490 гг. Далее упомянута «Книга на еретиков», созданная на рубеже веков. Затем сказано об ответе Дмитрия Траханиота Геннадию. И наконец, в «Надгробном слове» снова с именем Иосифа упомянуты его антиеретические послания к великим князьям — «Послание Митрофану Андрониковскому», духовнику Ивана III, «Послание Ивану III о еретике Кленове» и «Василию III о еретиках».³⁴ Авторы антиеретических текстов — Геннадий, Иосиф и Дмитрий Траханиот — оказались перемешаны. Но, замечу, в тексте «Надгробного слова» нет упоминаний о Зосиме и его ереси, и, следовательно, о посланиях Иосифа против него.

Итак, остались не опровергнутыми аргументы Я. С. Лурье о хронологической ошибке в 8 Слове «Просветителя» (умерший Алексей упомянут как живой) и о динамике удаления личного обращения к брату-читателю. Подводя итог, следует признать необходимость вернуться к концепции Я. С. Лурье: три «Сказания о скончании седьмой тысячи» предшествовали созданию «Просветителя».

Список литературы

- Алексеев А. И. «Бодроопасный воин Христов»: Иосиф Волоцкий и его сочинения в свете данных современной науки. М.; СПб., 2019. 376 с.
- Алексеев А. И. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI века: Стригольники и жидовствующие. М., 2012. 560 с.
- Дубовик Н. П. К изучению Повести о Евстратии // ТОДРЛ. Т. 28. Л., 1974. С. 335–344.
- Зимин А. А. Из истории собрания рукописных книг Иосифо-Волоколамского монастыря // Записки Отдела рукописей. Вып. 38. М., 1977. С. 15–29.

³³ Плигузов А. И. Книга на еретиков Иосифа Волоцкого // История и палеография. Вып. 1. М., 1993. С. 133; Манохин А. А. «Новгородские злые ереси» конца XV века. С. 263.

³⁴ Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 171–179, 229–232.

- Казаков А. А. Иосиф Волоцкий: От агиографического повествования к научной биографии. М., 2022. 292 с.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. 545 с.
- Лихачев Н. П. Палеографическое значение водяных знаков. В 3 ч. СПб., 1899. ССХII, 510 с. + 424, 248, IV, [5] с. + [4] с., XVI с. ил., XVII–XX л. ил., XXI–DCXXXVI с. ил.
- Манохин А. А. «Новгородские злые ереси» конца XV века. М., 2023. 462 с.
- Невоструев К. Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому, ученика и сродника его, инока Досифея // ЧОЛДП. 1865. Ч. 2. Приложения. С. I–II, 153–180.
- Описание рукописей библиотеки Иосифо-Волоколамского монастыря из Епархиального собрания ГИМ / Сост. Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, И. В. Поздеева // Книжные центры Древней Руси: Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 122–483.
- Плигузов А. И. Книга на еретиков Иосифа Волоцкого // История и палеография. Вып. 1. М., 1993. С. 90–139.
- Плигузов А. И., Тихонюк И. А. Послание Дмитрия Траханиота новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову о седмичности счисления лет // Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 51–75.
- Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. 390 с.

В. А. МЕЛЬНИЧУК

Новосибирский государственный университет

**ЧУДЕСА-ЗНАМЕНАНИЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ КНЯЗЕЙ:
ПО МАТЕРИАЛАМ СТЕПЕННОЙ КНИГИ**

Рассматриваются сюжеты, в которых описаны различные астрономические явления: солнечные и лунные затмения, падение метеоритов, явление гало, движение комет. Кроме этого — различные стихийные бедствия и природные катастрофы. В большинстве случаев они не просто фиксируются книжником, но сопровождаются назидательным толкованием, призванным объяснить их смысл. Рассказы отличаются объемом, степенью подробности. Небесные явления указывали на покровительство русским князьям со стороны Бога, предвещали победу над врагами в будущих сражениях, подчеркивали важную для составителя Степенной книги генеалогическую линию князей Рюриковичей, ведущую к Ивану IV. Они предваряли описание стихийных бедствий, трактуемых как казни Божьи, напоминали о необходимости покаяния и исправления.

Ключевые слова: Степенная книга, жизнеописания князей, явления-знамения, казни Божьи

Статья посвящена анализу известий, включающих сообщения о небесных и земных знамениях, в Степенной книге, ярком памятнике, созданном на рубеже 1550-х — 1560-х гг. История России изложена в этом памятнике как история правящей династии, при этом, как отмечал Н. Н. Покровский, весь ход отечественной истории представлен как череда «государственно-мудрых и богоугодных деяний самодержцев, потомков святого князя Владимира, и одновременно как цепь чудесных свидетельств небесного покровительства Русской земле и ее правителям».¹ Составитель Степенной книги подчеркивал постоянную заботу Бога о Руси на протяжении всей русской истории. Воплощением постоянного вмешательства Бога в судьбу страны служили различные астрономические явления, а также стихийные бедствия, тесно связанные с теорией о «казнях Божиих». Они либо сами были свидетельством Божьего наказания или, напротив, — милости, либо предвещали их. Фиксация в повествовании этих явлений свидетельствовала об особом отношении книжников к окружающему миру, стремлении установить причинно-следственные связи между событиями.

¹ Покровский Н. Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. В 3 т. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007. С. 99.

Проблеме небесных и земных знамений посвящено значительное число исследований, среди которых труды Д. О. Святского, составившего свод описаний небесных явлений; Е. П. Борисенкова и В. М. Пасецкого, на материале летописных сводов и других памятников рассмотревших историю климата, а также различные метеорологические явления в России за последнюю тысячу лет; А. В. Лаушкина, описавшего природу необычных явлений, А. А. Пауткина, исследовавшего их структуру и символическое значение; А. А. Шайкина, рассмотревшего связь между знамениями и происходящими событиями; И. Н. Данилевского, предложившего наряду с традиционными методами анализа времяисчислительных систем ранних летописных текстов использовать сведения о проявлениях солнечной активности и др.² Отдельно стоит сказать о фундаментальном труде — академическом издании, вводящем в научный оборот памятник начала XVII века, хранящийся в рукописном отделе Библиотеки Российской Академии наук, — *лицевой рукописный сборник энциклопедического содержания, включающий единственный известный список «Летописца небесных знамений»*.³

В предшествующих Степенной книге памятниках русской историографии, летописных сводах отмечались природные явления и знамения, однако они рассматривались как отдельные проявления Божественной воли. Изложение различных исторических событий в летописных сводах не предусматривало немедленного вмешательства Бога.⁴ В Степенной книге описания чудес-знамений, включенных во многие рассказы, составляющие жизнеописания князей, последовательно подчеркивают проявление Богом заботы о Русской земле, его покровительство определенной генеалогической линии князей, ведущей от Владимира Святого к Ивану IV.

В степени I, посвященной святому равноапостольному князю Владимиру, в главе 18 (далее ст., гл.) описывается небесное знаме-

² *Святский Д. О.* Астрономия Древней Руси. М., 2007; *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988; *Лаушкин А. В.* Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // *Русское средневековье*. 1998 год: Книжная культура. Вып. 1. М., 1998. С. 26–58; *Пауткин А. А.* Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. С. 107–124; *Шайкин А. А.* «Сица знаменья не на добро» // *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2002. № 3 (9). С. 105–109; *Данилевский И. Н.* Солнечная активность и текстология древнерусского летописания // *Ученые записки Витебского государственного университета им. П. М. Машерова*. 2022. Т. 35. С. 5–9.

³ *Летописец небесных знамений: Лицевой рукописный сборник XVII века из собрания Библиотеки Российской Академии наук. В 2 т. / Изд. подгот. Г. В. Маркелов и А. В. Сиренов. Т. 1: Факсимильное воспроизведение сборника. СПб., 2018; Т. 2: Тексты, исследование, комментарии. СПб., 2018.*

⁴ *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. Л., 1970. С. 83.

ние. Оно выделено в отдельный сюжет с заголовком «О знамении на небеси на позорной ловитве». В нем повествуется о том, как во время охоты князя за Вышгородом с неба произошло падение змея (исследователь Д. О. Святский трактует его как падение метеорита).⁵ Это событие вызвало страх людей и стон земли. В литературе отмечен тот факт, что подобное явление в древности воспринималось как предвестник эсхатологических событий. Само знамение, названное «ужасным» и осуждающее пагубную страсть, не было случайным, как его трактует книжник, — оно является предостережением внуку князя Владимира, сыну Ярослава Мудрого, Всеволоду не заниматься охотой. Так Бог оберегает «любящих Его»: «Зде же вmale предложим, како преблагий Бог, храняи любящих Его, възбраняи и пресекая таковыя в ловитвах утехы, с небеси являя ужасное знамение».⁶ В Степенной книге сюжет заканчивается указанием на то, что князь отказался от «таковых потешении».

В Никоновском своде об этом событии сказано кратко: «Того же лета бысть знамение в солнци, яко погибнути ему, и мало ся его оста, акы месяц, в час 2 дне, месяца мая в 21 день. Того же лета Всеволоду ловы деующю за Вышегородом, заматавшем тенета и кличаном кликнувшем, спаде превеликий змий от небесе, и ужасошася вси люди, и земля стукну, и мнози слышаше».⁷

Это известие продублировано в ст. III, посвященной Всеволоду Ярославичу, гл. 6, — оно повторяет предыдущий рассказ, однако составлено более подробно и эмоционально за счет распространения авторского комментария: «И тако ради многих его добродетельных исправлений хотя ему человеколюбивый Бог възбранити от самоутешнаго в человецех обычая, иже в ловитвах животных позоров вавилоньския прелести, иже с богопротивным влѣхвованием начат таковыя позоры проклятый отрод отчеругателя Хама именем Неврот гигант, създавыйи Вавилон».⁸ Возможный источник сюжета — Никоновская летопись.⁹ Заметим, что осуждающий ловитвы и прочие увеселения мотив прослеживается не только в некоторых фрагментах

⁵ Святский Д. О. *Астрономия Древней Руси*. С. 241–242.

⁶ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. В 3 т. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007. С. 234. Тексты цитируются с упрощением орфографии.

⁷ ПСРЛ. Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1862. С. 118.

⁸ Степенная книга... Т. 1. С. 390.

⁹ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. В 3 т. Т. 3: Комментарий / Подг. Г. Д. Ленхофф. М., 2012. С. 86. См. также: ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. С. 4. Как и в рассказе Степенной книги, в Воскресенской летописи уточняется, что охота была на зайцев.

Степенной книги, но характерен для многих произведений древнерусской книжности. Применительно к середине XVI века можно говорить о сложившейся традиции осуждения охот и прочих увеселений как занятий, недостойных православного государя.¹⁰

В этом дублирующем рассказе о небесном знамении — падении змея подробно описан ужас людей, когда «самая земля не стерпе, но яко от грома тресновена бысть»;¹¹ «Мнози людие, сие стонание земли слышаще, и сугубо ужасошася, и недоумевающеся, что сътворити, но страхом одрѣжими разыдошася».¹² В Летописце небесных знамений, на рисунке, передающем это событие, князь Всеволод Ярославич изображен в княжеской шапке и шубе. Он закрывается рукой от падающего с облаков крылатого змея, рядом находятся люди его свиты, а в кустах прячутся зайцы.¹³

Описанные в Степенной книге различные небесные явления интерпретировались книжником как проявление покровительства Бога русским князьям, предвещающее победы в военных сражениях.

Приведем пример из ст. IV, гл. 3, в которой помещен рассказ «Преславное знамение, в Русьстей земли на небеси явльшеся, честнаго и животворящаго креста Господня». Описание знамения следует после сообщения о договоре князей не вступать в пределы друг друга. Именно во время «мирнаго» и «любовнаго» их соединения произошло небесное знамение — явление гало (светящаяся окружность вокруг солнца с крестом и касательной дугой) и паргелий (два ложных солнца), лунное гало и антиселена: «Три дни и три ночи непременно стояше солнце в кругу, а посреде круга крест, посреде же креста солнце, а вне круга над солнцем оба полы два солнца, едино от другаго кроме рогама на север. Таково же знамение и тем же образом и в луне бысть».¹⁴

Необычное явление, длившееся в течение трех дней, как трактует его книжник, предвещало победу князя над половцами: «Зде же ныне заповеда Бог трисианному сему на небеси знамению честнаго и животворящаго креста явитися в триех солнчих, тако же и в луне три дни и три ночи непременно сиати ради любовнаго в боголюбивых самодръжателях съединения, наипаче же веры ради и незлобиваго нрава богомудраго Владимира Манамаха, ему же и братии его прежде сего и потом дарова Бог многи победы на безбожныя половцы».¹⁵

¹⁰ Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С. 656–662.

¹¹ Степенная книга... Т. 1. С. 390.

¹² Степенная книга... Т. 1. С. 390.

¹³ Летописец небесных знамений. Т. 1. С. 155–156.

¹⁴ Степенная книга... Т. 1. С. 405.

¹⁵ Степенная книга... Т. 1. С. 405–406.

Нить этого рассказа прослеживается в дальнейшем повествовании, в ст. XIII, посвященной князю Василию Дмитриевичу. В гл. 15 описывается аналогичное явление — «Знамение на небеси трисолнечного явления и посреди луны знамение честного креста Господня воображением». Книжник напоминает, что такое же явление наблюдалось и при греческом царе Константине, и при Владимире Мономахе: «Подобно иже бысть древле явление греческому святому царю Коньстянтину, яко же некогда и в Руси бысть при великом князе Владимире Манамасе, тако и zde при великом князе Василии Димитриевиче в лето 6911 дивно бысть трисолнечное явление на небеси и знамение честного и животворящего креста Господня».¹⁶ Описание небесного явления подчеркивает важную для составителя Степенной книги генеалогическую линию престолонаследования, ведущую к Ивану IV.

По сравнению с использованными при составлении рассказа источниками,¹⁷ повествование об этом событии в Степенной книге значительно расширено. Вот как сообщается о нем в Никоновской летописи: «Того же лета бысть знамение в солнце: явишася аки три солнца, от нихъже изхожаху лучи сини, зелены, багряны, аки дуга. Того же дни явися знамение в луне: вечере, возходящи луне, явися крест велик зело посреди луны и стояв с полчася».¹⁸ В повествовании Степенной книги известие распространено за счет комментария книжника, в котором не только подчеркивается благочестие «держателей», но также формулируется один из важнейших принципов теории казней — причина казни не в гневе, а в милости, которую оказывает Вседержитель знаменами, приводящими к покаянию и предвещающими победы над половцами:¹⁹ «О, великое человеколюбие Божие, яко тако возлюби в Русеи земли благочестия держатели, идеже исполняя и преумножаа всегда неотъемлемую свою благодать, идеже всякия божественныя вещи и многочисленныя мощи святых и всякаа святыни от конецъ земли отвсяду принашаемы. И таковому благочестия в Руси исполнению сведетельствоваху многажды и небесная знамения, ова к наказанию нашему, ими же от злобы к благодати превращаа наше не исправление, всячески претя нам и устрашая нас, да быхом покаялися от злб своих, ово же милуя нас, промышляя полезная нам и враги наша супостатныя прогоняя, иже бысть тогда к милованию нашему благосугубно знамение, иже на враги победительно».²⁰

¹⁶ Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. В 3 т. Т. 2: Степени XI–XVII. М., 2008. С. 83.

¹⁷ Степенная книга... Т. 3. С. 241.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 188.

¹⁹ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997. С. 32–33.

²⁰ Степенная книга... Т. 2. С. 83.

Небесное явление трактуется книжником как предвестник победы над половцами в VI ст., гл. 8, посвященной князю Всеволоду Юрьевичу, сыну Юрия Долгорукого. Описание солнечного затмения предваряет рассуждение книжника: «Премилостивый же Бог показа дивно знамение на небеси, проображая хотящую быти победу на лукавную половци».²¹ Само небесное явление описано подробно в сюжете с заголовком «Знамение»: «В лето 6694 месяца маиа 1 день, в час 11 в годину вечернюю толма бысть мрачно, яко в нощи, и звезды на небеси видети. Человеком же въочию яко зелено зряшеся. Солнце же яко месяц учинися, из рог ему яко огонь горящ исхожаше, еже бе страшно человеком видети. Таковое же ужасное знамение бысть боле часа».²²

Выражение «огнь горящ исхожаше» описывает извержение раскаленного газа во время солнечного затмения. Д. О. Святский обращает внимание на то, что истечения из рогов солнца названы по-разному в разных летописях: «угль жаров» — в Лаврентьевской и в рукописи Татищева, «угль горящ» — в Тверской и в печатном издании Татищева, «огнь жарящий» — в Новгородской II, «огнь горящий» — в Псковской I, «огнь палящий» — в Никоновской. Редакция Лаврентьевской наиболее метко определяет происходящее: розоватые язычки протуберанцев более точно описывает сравнение с жаром — так до сего времени в народе называются раскаленные угольки.²³

Небесные знамения могут не только предвещать победу русских князей, но и указывать на поражение их врагов — половцев и татар. Например, в ст. XII, гл. 2 сказано о том, что солнечное затмение предвещает гибель «нечестивых агарян»: «Человеколюбивый же Бог, Иже сирым отец и печальным утешение, въскоре разори съветы нечестивых агарян и прочих неправедно дръжавствующих низложи, яко же тогда и самое солнце знамением страшным проявляя на поганных иногую пагубу. Иже бысть в пост Христова Рожества, явися солнце, кровию покровено на чисте небеси, и в другии пост святыя и великия Четыредесятници от вьстока явишися, аки огненныя зря чрез небо восходяху».²⁴

Еще одно символическое значение астрономических явлений — указание на смерть князя. Древнерусские книжники видели связь исключительных астрономических явлений с человеческой историей.²⁵

²¹ Степенная книга... Т. 1. С. 454.

²² Степенная книга... Т. 1. С. 454.

²³ Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. С. 49.

²⁴ Степенная книга... Т. 2. С. 48.

²⁵ Комендова И. Необычные природные явления в древнерусской и чешской историографии XII–XIII вв. в сравнительной перспективе // Slověne. 2022. Vol. 11. № 2. S. 14.

Подобную «интерпретацию» лунного затмения находим в VI степени, в сюжете, описывающем гибель черниговского князя Изяслава Давыдовича. Сообщению о смерти князя предшествует красочное описание лунного затмения. Книжник описывает движение луны через все небо, разные фазы затмения, указывает цветовые превращения светила: «И в время брани тоя явися на небеси дивно знамение. Идяше бо луна чрез все небо от востока и до запада, образ свои изменяючи. Пръвие бо явися яко сукно черно, и паки бысть яко кроваво, и потом пременися, яко две лица имущи, едино зелено, а другое желто, и посреде их яко дваи ратника, секушася мечема. Единому же идяше яко кровь из главы, а другому бело, яко млеко течаше. И потом нача помалу оскудевати луна, дондеже и вся погибе».²⁶

Приведенные слова старцев раскрывают символический смысл необычного астрономического явления: «Сие же видевше в Киеве старци и прорекоша, яко сие знамение прообразует князю Изяславу Давыдовичю смерть, еже и бысть».²⁷ Картина лунного затмения включает описание двух всадников, у одного из которых из головы текла кровь. Поскольку погибший черниговский князь Изяслав Давыдович скончался от удара в голову, ее смысл очевиден. По мнению Д. О. Святского, летописец после гибели князя соотнес два факта, добавив обращение к старцам.²⁸

Не только небесные явления, но и описания природных бедствий сопровождалось толкованиями назидательного характера, интерпретировались книжником как знамения. Такой пример находим в рассказе ст. VI, гл. 14, названном «Чюдо о преставлении Коньстантина митрополита и знамение страшное». В нем описана буря, которая произошла в Киеве: сверкали молнии, люди падали на землю; громом поразило двух пресвитеров, дьякона, двух простолюдинов. В тексте уточняется, что все это происходило в то время, когда в Чернигове скончался митрополит Константин. Согласно его завещанию, тело никто не трогал. Буря, как сообщает книжник, утихла после того, как его погребли.

Правящий в это время в Киеве князь Ростислав Мстиславич воспринял разбушевавшуюся стихию как воздействие карающей руки Бога и велел совершать всенощные молитвы: «В время же страшного того знамения великий князь Ростислав Мстиславичъ въспоману смерть митрополичю, о неи же преже възвести ему князь Светослав Олговичъ Черниговьскый, и наплньнися страха Божиа и посла по всем церквам, повеле творити в молитвах к Богу всенощная стояния,

²⁶ Степенная книга... Т. 1. С. 476.

²⁷ Степенная книга... Т. 1. С. 476.

²⁸ Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях. С. 147.

и к всем с умилением глаголаше, яко сию казнь посла на нас Бог грех ради наших».²⁹

В других примерах описанные в Степенной книге небесные знамения связывались с негативными последствиями, которые неизбежно должны были привести к покаянию, рассматривались в свете теории казней Божьих.

В ст. VII, гл. 5, в рассказе «О знамениях на небеси и о брани, иже на Калке реце» описано монгольское нашествие и поражение русских князей на реке Калке. В начале рассказа книжник перечисляет те наказания (голод, мор, пожар, пленение русских людей «погаными»), которые посылает на людей Господь. Различные природные катаклизмы, нападение врагов истолковываются как знаки божественной воли: «И паки Бог по мере гнев свои и с безмерною милостию по малу наводя на ны многообразными наказанми, овогда убо голодом, овогда же смъртоносием, овогда же пожаром, иногда же пленением от поганных. Прежде же проявляя Бог хотящий гнев Его быти на ны грех ради наших многими знаменми небесными».³⁰

Далее в повествовании Степенной книги помещен сюжет с отдельным заголовком «Знамение», в котором описано солнечное затмение: «В самый бо праздник Благовещения Прсвятыя Богородица в пол утра явися над солнцем месяц мал и наплньися вскоре, и не достиже наплньнения своего яко триех днеи, и наиде на нь облак черн. Постояв же на нем мало и съступи, и паки бысть мал месяц и нача наполнятися вьскоре, и паки наступи тои же черныи облак, и сице бысть четверицею».³¹

Завершая рассказ о небесном явлении, книжник сетует на то, что попытки Бога привести людей к покаянию, предотвратить бедствия тщетны — на Русь приходят «безбожные маовитяне»: «Всеми же сими знаменми и скорбьми преблагии Бог хотя нас свободити от работы греховныя, мы же не наказахомся. И попусти на ны приити языком незнаемым, иже суть безбожнии маовитяне, рекомии татарове...»³²

В этой же ст. VII, гл. 8 перечисляются природные катаклизмы — массовая гибель людей в Смоленске, голод в Новгороде. Затем описано затмение солнца, сопровождаемое разноцветными столпами,³³

²⁹ Степенная книга... Т. 1. С. 476.

³⁰ Степенная книга... Т. 1. С. 493–494.

³¹ Степенная книга... Т. 1. С. 494.

³² Степенная книга... Т. 1. С. 494.

³³ Д. В. Пузанов пишет о том, что в древнерусской литературе образ огненного столпа был чрезвычайно распространен и воспринимался исключительно как положительный символ. Исследователь обращает внимание на то, что разноцветные столпы книжник не называет огненными. См.: Пузанов Д. В. Огненные и световые столпы в древнерусской литературе XI–XIII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 109.

схождением с неба огня. Люди, предчувствуя смерть, смогли вымолить у Бога прощение и таким образом предотвратить негативные последствия пожара: «Паки же скоро по сем в граде Киеве всем людем зрящим бысть солнцу яко месяц и явишися оба полы его столпи сини, и чръвлены, и зелены. Та же сниде огонь с небеси, яко облак велик, на ручаи Лыбеди. Людие же отчаяшися живота, и друг к другу прощение творяху, мняще уже кончину сушу, и с плачем велиим гръце возопиша к Богу. И тако огонь бес пакости преиде весь град».³⁴

Описывая голод в Новгороде, книжник подчеркивает милосердие Бога, который не хотел погубить согрешивших людей и направил из заморья немцев, спасших людей мукой и житом: «Бог же милосердый, не хотя до конца погубити гладом съгрешившая люди, и Своим Промыслом подвиже из замория немецких людей, и приидоша с мукою и з житом. И аще не бы сице сътвори Бог милость Свою, то уже при кончине бяху вси людие града того».³⁵

Глава, состоящая из кратких сообщений о стихийных бедствиях в разных городах, заканчивается морализаторским пассажем, в котором различные небесные знамения объясняются тем, что с их помощью Бог стремится привести людей к покаянию: «Паки же по единому лету бысть знамение в солнци месяца августа в 3 день. Тма прииде от запада в солнце, от востока же светло солнце остана, яко пяти дний месяц. И паки тма прииде от вѣстока тако же в солнце, от запада же светло бысть. И паки исполнися солнце и бысть по обычаю. И тако милосердый Бог таковыми многосугубными знаменми небесными устрашая нас, да быхом покаялися от злб своих».³⁶

Группы сообщений о природных бедствиях, небесных явлениях, отмеченные в Степенной книге, характерны и для «Повести временных лет». Например, под 6573 г. летописец рассказывает о появлении кометы, о том, как рыбаки в неводе вытащили ребенка, о солнечном затмении. Он обращает внимание, что подобные явления бывают не к добру: «Знаменья бо в небеси, или звездах, ли солнци, ли птицами, ли етеромъ чим, не на благо бывають, но знаменья сиця на зло бывають, ли проявление рати, ли гладу, ли смерть проявляють».³⁷ В качестве другого примера можно привести сюжет под 6600 г., где сказано о небесном знамении, а затем перечисляются различные бедствия, среди которых засуха, бесконечные рати с половцами («рать велика бяше от половец»); мор. В этом фрагменте прослеживается мотив казней

³⁴ Степенная книга... Т. 1. С. 496.

³⁵ Степенная книга... Т. 1. С. 496.

³⁶ Степенная книга... Т. 1. С. 496.

³⁷ Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1996. С. 72.

Божьих, необходимости покаяния: «Се же бысть за грехы наша, яко умножишася греси наша и неправды. Се же наведе на ны Бог, веля нам имети покаяние и встыгнутиися от греха, и от зависти, и от прочих злых дел неприязнин».³⁸

Астрономические явления и природные катаклизмы в Степенной книге могли быть просто зафиксированы книжником и не соотносились с происходящими событиями. Например, в ст. VI, гл. 19 помещен рассказ «Начало монастыреи Рожественаго и Хутынскаго, и знамениа, и брани, и победа на половци, и о пострижении Рюрикове и княгини его, и взятие Царяграда». Автор пишет о создании князем Всеволодом монастыря и церкви Рождества Пресвятой Бородицы во Владимире, об основании игуменом Варлаамом Хутынского монастыря и строительстве церкви Преображения в Великом Новгороде. В кратком известии — после указания на многие нестроения и брани — описано природное знамение: «Знамениа в лето 6710. В лета же она быша многа нестроения и брани и пременения въ дръжателях киевских. Тогда же бысть необычно знамение на небеси. В время зимы в пятый час нощи потече небо и все и бысть чръвлено, на земли же и по храминам на снегу видети яко кровь пролиану, и мнози с небеси звезды оттръгахуся, человеци же мняше кончину уже».³⁹

Д. О. Святский пишет о том, что данное явление («потече небо и все бысть червлено») совпало с наблюдавшимся 18 октября 1202 года потоком Леонид. Метеоритный дождь описан как падающие звезды.⁴⁰ Прямой связи между природным явлением и происходящими событиями в русской земле книжник не устанавливает, хотя и упоминает о них (см. выше: «В лета же она быша многа нестроения и брани и пременения в дръжателях киевских»). В рассказе Никоновского свода в комментарии книжника причинно-следственная связь прослеживается: «И сиа видяше человеци ужасошася зело, мняше, яко конец миру грядет, понеже убо знамениа в небеси, или в звездах, или в солнце, или в луне или инем чим явиться, сиа убо не на добро бывають, но на зло; проявляют бо зло, да зряще человеци возвратятся от зла, и обратятся ко Господу Богу и покаются. Таковая бо знамениа проявляют или глад, или смерть, или ратных нашествие, или межусобныя брани и рати».⁴¹

В исследовательской литературе отмечен тот факт, что летописцы, воспринимая небесные предзнаменования, в своем поиске Божьих

³⁸ Повесть временных лет. С. 90.

³⁹ Степенная книга... Т. 1. С. 481.

⁴⁰ Святский Д. О. Астрономические явления в русских летописях. С. 237–238.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1885. С. 34.

знаков были осторожны, не увлекались тем, чтобы как-то «прочитать» то или иное знамение, формальной связи между событиями и знаменами предпочитали не проводить. Они ограничивались описанием увиденного, воздерживались от общих рассуждений и замечаний относительно того, что может прообразовывать разбушевавшаяся стихия.⁴²

В Степенной книге небесные явления и природные катаклизмы чаще всего (за некоторыми исключениями) рассматривались в прямой связи с теми или иными событиями. Они напоминали людям о важности покаяния и исправления, предостерегали воздержаться от противных вере дел, неугодных Богу. И в этом прослеживается влияние теории о казнях Божьих, сформулированной в «Повести временных лет». Эта теория не сходила со страниц летописей и на многие столетия определила оценки исторической действительности.⁴³ Включение в повествование весьма объемных толкований, назидательных пассажей, украшенных эпитетами, которые в некоторых случаях отличались сложным стилем, повторами и т. п., было призвано воздействовать на читателей, внушить им благочестивый страх.⁴⁴

В комментариях книжника, сопровождающих описание различных небесных явлений-знамений, указывается на покровительство со стороны Бога русским князьям, предвещается победа над врагами в будущих сражениях, подчеркивается важная для составителя Степенной книги генеалогическая линия князей Рюриковичей, ведущая к Ивану IV. Небесные знамения служили предупреждением о грядущих бедствиях, предвещали гибель князей. Описание стихийных бедствий как формы Божьего гнева, трактовка предваряющих их астрономических явлений в качестве кода, который необходимо прочесть, прослеживается во многих гранях Степенной книги. Их роль — воздействовать на сознание людей, призвать к покаянию и исправлению, предотвратить будущие бедствия. Включение в жизнеописания князей описаний солнечных и лунных затмений, падений метеоритов, движений комет, явлений гало, различных стихийных бедствий — свидетельствует об интересе со стороны книжника к необычным природным явлениям, стремлении понять их символический смысл, включить их в событийный ряд истории, руководимой волей Бога.

⁴² Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения... С. 45–51.

⁴³ Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. С. 31.

⁴⁴ Лихачев Д. С. Литература периода «второго монументализма» // Лихачев Д. С. Избранные работы. В 3 т. Т. 1. Л., 1987. С. 169.

Список литературы

- Борисенков Е. П., Пасецкий В. М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988. 522 с.
- Данилевский И. Н. Солнечная активность и текстология древнерусского летописания // Ученые записки Витебского государственного университета им. П. М. Машерова. 2022. Т. 35. С. 5–9.
- Комендова И. Необычные природные явления в древнерусской и чешской историографии XII–XIII вв. в сравнительной перспективе // Slověne. 2022. Vol. 11. № 2. S. 7–27.
- Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское средневековье. 1998 год: Книжная культура. Вып. 1. М., 1998. С. 26–58.
- Летописец небесных знамений: Лицевой рукописный сборник XVII века из собрания Библиотеки Российской Академии наук. В 2 т. / Изд. подгот. Г. В. Маркелов и А. В. Сиринов. Т. 1: Факсимильное воспроизведение сборника. СПб., 2018. 588 с.; Т. 2: Тексты, исследование, комментарии. СПб., 2018. 528 с.
- Лихачев Д. С. Литература периода «второго монументализма» // Лихачев Д. С. Избранные работы. В 3 т. Т. 1. Л., 1987. С. 159–171.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. Л., 1970. 234 с.
- Мильков В. В. Осмысление истории в Древней Руси. М., 1997. 197 с.
- Пауткин А. А. Беседы с летописцем: Поэтика раннего русского летописания. М., 2002. 286 с.
- Повесть временных лет / Подг. текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева. 2-е изд. СПб., 1996. 669 с.
- Покровский Н. Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. В 3 т. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007. С. 89–119.
- ПСРЛ. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856. 362 с.; Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1862. 282 с.; Т. 10: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1885. 250 с.; Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1897. 262 с.
- Пузанов Д. В. Огненные и световые столпы в древнерусской литературе XI–XIII вв. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 108–116.
- Святский Д. О. Астрономия Древней Руси. М., 2007. 664 с.

- Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарии. В 3 т. Т. 1: Житие св. княгини Ольги. Степени I–X. М., 2007. 598 с.; Т. 2: Степени XI–XVII. М., 2008. 568 с.; Т. 3: Комментарий / Подг. Г. Д. Ленхофф. М., 2012. 472 с.
- Усачев А. С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. 760 с.
- Шайкин А. А. «Сица знаменья не на добро» // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2002. № 3 (9). С. 105–109.

Л. Д. ДЕМИДОВА

Институт истории СО РАН, Новосибирск

О НЕВОСТРУЕВСКОМ СПИСКЕ ЧЕЛОБИТНОЙ ИНОКА АВРААМИЯ*

В статье рассматриваются особенности Невоструевского списка (РГБ, ф. 579 (собр. Братства Петра митрополита), № 45, нач. XVIII в.) Челобитной инока Авраамия (1670 г.). В ряду многочисленных списков Челобитной эта ранняя рукопись выделяется благодаря тому, что авторский текст прошения к царю в ней подвергнут целенаправленной обработке. Помимо редактирования она включает в себя методично составленные отсылки к Толковому Апокалипсису, которые играют роль комментариев, дополняя, а местами углубляя аргументацию Авраамия. Пересмотрен вопрос о принадлежности списка ко второй редакции Челобитной, выдвинуты аргументы в пользу выделения его в особый вариант первой редакции.

Ключевые слова: раскол русской церкви XVII в., старообрядчество, инок Авраамий, Челобитная (1670), рукописное собрание Братства Петра митрополита

Челобитная инока Авраамия (1670 г.) является одним из значимых памятников полемики против реформ, инициированных патриархом Никоном. Сочинение аккумулировало основные аргументы раннего старообрядчества, оформленные, к тому же, в достаточно непротиворечивую идеологическую концепцию. Благодаря этому Челобитная получила широкое распространение в рукописях XVII–XIX вв., несмотря на свой внушительный объем. Однако ее изучение, в сущности, ограничивается работами конца XIX в. Несмотря на то, что Челобитная дважды издавалась, речь о дальнейшем серьезном археографическом и текстологическом изучении памятника в XX в. практически не заходила. Некоторое исключение в этом отношении представляет собой известная монография Н. Ю. Бубнова. Однако в силу того, что она посвящена раннестарообрядческой книжности в целом, раздел о Челобитной ограничивается отдельными интересными наблюдениями.¹

Среди многочисленных выявленных на сегодняшний день рукописей Челобитной не имеется автографа, хотя известно несколько ранних (последняя треть XVII — начало XVIII в.) списков. Почти все старейшие рукописи были привлечены для подготовки двух упомянутых научных публикаций Челобитной. Принято считать, что па-

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций», № FWZM-2024-0006.

¹ Бубнов Н. Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. С. 145–147, 343–346.

мятник сохранился в двух редакциях, которые нумеруются в порядке появления его печатных изданий: первая опубликована Е. Е. Замысловским,² вторая — Н. И. Субботиным.³ За основу публикации Замысловского взят список ГИМ, собр. Уварова, № 719 (кон. XVII в.; далее Ув. 719), за основу публикации Субботина — список ГИМ, собр. Хлудова, № 148-Д (кон. XVII — нач. XVIII в., далее — Хлуд. 148-Д). В настоящее время традиционной стала исследовательская практика, в которой Челобитная цитируется по наиболее доступной публикации Н. И. Субботина, т. е. второй редакции. Кроме того, она очень удобна тем, что текст разбит здесь на части, снабженные заголовками (которые, по-видимому, эволюционировали из маргиналий).

Однако кроме Хлудовского списка в издании Н. И. Субботина в подстрочных примечаниях варианты текста подведены по списку начала XVIII в., который назван публикатором Невоструевским (с уточнением, что список из коллекции покойного археографа передан библиотеке Московской Духовной Академии⁴). Но ни в собрании МДА, ни в собрании К. И. Невоструева, хранящихся в Отделе рукописей РГБ, список найти не удалось. Н. И. Субботин, по всей вероятности, рукопись в библиотеку не вернул, потому что ныне она обнаружилась там же, в РГБ, но в собрании Братства Петра митрополита, под номером 45, очевидно, благополучно пережив в 1918 г. переезд из Епархиального дома, где располагалась библиотека Братства, в Румянцевский музей, а затем — переформирование фондов Отдела рукописей.⁵ Поскольку список был опубликован вместе с Хлудовским, создается впечатление, что он, хотя и имеет отличия, относится к той же второй редакции. Это указано, в частности, в каталоге В. Г. Дружинина.⁶

При публикации список был охарактеризован Н. И. Субботиным как неполный (это видно невооруженным глазом по объему рукописи — всего 27 листов в 16°, в то время как обычный объем полного текста Челобитной — около 127 листов в 4°). Издатель указал место в тексте, на котором заканчивается список (отметив последнее со-

² Замысловский Е. Е. Челобитная старца Авраамия // *Летопись занятий Археографической комиссии*. Т. 6. СПб., 1877. Отд. II. С. 1–129.

³ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 7. М., 1885. С. 258–385.

⁴ Материалы для истории раскола... С. XXV–XXVI.

⁵ Список кратко описан И. М. Кудрявцевым: *Собрание рукописей и гектографов Братства Петра митрополита*. Ф. 579. Составлено И. М. Кудрявцевым и Ю. А. Неволиным. Т. 1. М., 1968. С. 34 (машинописная опись фонда). О формировании фонда Братства Петра митрополита: *Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель*. Т. 1. Вып. 2. М., 1986. С. 259–265.

⁶ Дружинин В. Г. *Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленных по печатным описаниям рукописных собраний* СПб., 1912. С. 33.

впадающее с Хлудовским списком слово), и по публикации создается впечатление, что это механический обрыв. В рукописи имеется также несколько небольших пропусков, по большей части гаплографических, Н. И. Субботиным не отмеченных.

Между тем, значимые разночтения текста, которые делают правомерным выделение опубликованного Н. И. Субботиным текста в особую, вторую, редакцию, находятся в Хлудовском списке в основном во второй части, которая в Невоструевском списке отсутствует. Важным маркером второй редакции является особое вступление («Снискание и труды от божественных писаний свидетельства...»⁷), которого нет в списках первой редакции (здесь Челобитная начинается с обращения: «Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю... бьет челом богомолец твой, грешной чернец Авраамий на властей великого Московского государства твоего»). Из печатной публикации не понятно, есть ли это вступление в Невоструевском списке. Обращение к рукописи позволяет ответить на этот вопрос отрицательно, и это не единственный пример того, что названная публикация дает лишь самое общее представление о Невоструевском списке, не отражая некоторых существенных характерных для него черт и не давая пояснений о его отношении к Хлудовскому списку, а также к спискам первой редакции.

Тем не менее, Н. И. Субботин не зря заинтересовался Невоструевским списком: исследователь обнаружил в нем «любопытные разночтения», а также «достойные внимания» заглавия. Второе из них — «[Спи]сок с Челобитной соловецких страдалцов»⁸ публикатор, судя по его краткому замечанию, расценил как ошибку или заблуждение переписчика. Однако в рукописной истории Челобитной подобное наименование — не единственный случай. Уже в каталоге В. Г. Дружинина указан один из ранних списков Челобитной — ныне РНБ, собр. ОЛДП, О 72 (кон. XVII в.) с заглавием: «Челобитная Соловецкаго монастыря к московскому царю Алексею Михайловичу, писанная иноком Авраамием и о обличении Никона еретика та же». Мне известен также список середины XVIII в. — РГБ, ф. 17 (собр. Барсова), № 760 с заглавием «Подлинная челобитная с Соловецкаго монастыря с челобит[ь]ив».⁹ Следует отметить, что, по всей видимо-

⁷ ГИМ. Собр. Хлудова. № 148-Д. Л. 18.

⁸ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 1.

⁹ Кроме того, выписка из Челобитной под названием «От челобития Соловецкаго Авраамия старца к царю Алексею Михайловичу подавано было. Зде напишем слова его краткости ради», судя по каталогу, имеется также в составе старообрядческого сборника В-5305 (1810–1820 гг.) из собрания НБ ТГУ. См.: Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 3: XIX в., первая половина / Сост. В. А. Есипова. Томск, 2012. С. 76.

сти, схожие заголовки в этих рукописях не связаны с их происхождением. Список из собрания ОЛДП принадлежит к группе, в которой Челобитная копируется в составе устойчивого цикла из сочинений инока Авраамия и дьякона Федора, при этом название сочинения в этой группе вариативно, другие ее списки не имеют упоминания о Соловках. Барсовский список передает особую, позднюю редакцию Челобитной, он имеет ряд общих черт с Хлудовским и, вероятно, с ним опосредованно связан. По-видимому, можно предполагать независимое происхождение этого «ошибочного» заглавия в различных списках. Возможным объяснением его появления служит содержание Челобитной Авраамия, множественные фрагменты текста которой заимствованы из Пятой соловецкой челобитной (через посредство сборника «Христианоопасный щит веры...»). Вероятно, сыграл свою роль и сходный статус того и другого сочинения — принадлежность «отцам-основателям» движения, пострадавшим за свои убеждения: из раннестарообрядческих полемических текстов прошение Авраамия по частоте копирования стоит в одном ряду с соловецкими, это один из основополагающих текстов традиции. На это последнее обстоятельство указывает также витиеватость первого заглавия из Невоструевского списка: «[Спи]сок с Челобитной [пре]мудраго старца Авраамия страдалца за святую соборную и апостольскую церковь и обличителя нововводных ересей, иже бысть от Никона патриарха в России».¹⁰ Оба заглавия, очевидно, носят поздний характер.

Однако главной особенностью Невоструевской рукописи является наличие около десятка небольших по объему фрагментов, которые отсутствуют в других списках. Они раскрывают, дополняют и разъясняют аргументацию Челобитной. Например, после фразы: «Пишет бо Василий Великий: “Креститися подобает, якоже мы прияхом, а веровати, яко крестихомся”» стоит знак сноски, отсылающий к ремарке на нижнем поле листа: «То како ныне может кто веровати сице, яко не тако крещен есть и не тако верует, яко соборная апостольская церковь верует и святии отцы предаша нам?».¹¹ Несколько неуклюжая фраза, читаемая в Ув. 719 и Хлуд. 148-Д, упрек «новым учителям никонианам»: «И егда исправитесь сами совершенно по своей вере, тогда и прочиих учите, понеже учителю подобает учить и творить»¹² в Невоструевском списке сформулирована более отчетливо: «...Понеже учителю подобает учить, *так*о и творить; *но прежде творити, тогда и учить подобает*»¹³ (здесь и далее текст, характерный только для

¹⁰ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. I об.

¹¹ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 6 об.

¹² ГИМ. Собр. Уварова. № 719. Л. 6 об. – 7; ГИМ. Собр. Хлудова. № 148-Д. Л. 30.

¹³ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 7.

Невоструевского списка, выделен курсивом). В обращении к царю с просьбой дать праведный суд с «никонианами» обличительная риторика, по сравнению с Ув. 719 и Хлуд. 148-Д, не только усилена, но и дополнена цитатами из Евангелия и Апостола: *«Аще zde ныне не разсудиши по правде, вся тяготы церковныя ныне на твоей выи лежат; а на властей ныне ни на которых нечего смотреть, времени бо служат, а напред не озираются, беднии пастуси. Заблудили прелестию от истиннаго стада Христовых овец. А ты, государь, аще на суде Христове хощеши прав стати, дай нам zde суд прям. А то не христианское дело, что мучити и озлобляти за правду. Но понеже гонимый христианин Христа в себе носит. “Вси бо, — рече апостол, — хотящии благочестно жити о Христе Иисусе, гоними будут”. А гонящии сатане работают. И паки Господь рече: “Но приидет час, да всяк убьет вы, мнитися службу приносити Богу”»*¹⁴. Дополнение: «Понеже время люто, и дние злии приходят, по святому апостолу Павлу, глаголющему: “Будут бо время, егда здрава учения не послушают, но по своим похотех изберут себе учителя, чешими слухом, и от истины слух отвратят и к басням уклонятся” и прочая»¹⁵ — усиливает эсхатологическую окраску фрагмента «о пестрообразной прелести антихристовой». Кроме того, внизу листа стоит явно связанная с этим пассажем ссылка на авторитетные книги, призванные подтвердить мысль о наступлении в настоящем «последних времен» и усилении гонений на немногих оставшихся «верных»: «Зри Апок[алипсис], Книгу о вере, Кирилову, Ипполита, Иоанна Дамаскина и Златоустаго и иных проч[их]».¹⁶

Обращает на себя внимание оформление в Невоструевском списке двух небольших фрагментов, посвященных критике изменения, внесенного в ходе никоновской книжной sprawy в текст 7-го члена Символа веры. Первый фрагмент в двух редакциях Челобитной фрагмент изложен по-разному, поэтому привожу текст Невоструевского списка в сравнении:

¹⁴ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 13.

¹⁵ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 5 об.

¹⁶ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 5 об.

...воцарившуся Христу, глаголет церковь: «Егоже царствию несть конца». А они, отступницы, ученицы Никоновы, начало царствия Христова отвращающиеся, глаголют, яко прежде рождества Христова глагола архангел: «Царствию Его не будет конца». То вправду глаголют; но сия глагола архангел прежде рождества Христова, Бога нашего, яко предгрядущему царствию Христову.

Егда родится Христос, егда воцарится Христос, тогда царствию Его «несть конца»; прежде бо рождества Христова несть мощно было рещи: «несть конца»; егда еще не бе начала царствию. Сие несть мощно было рещи: «несть конца», егда еще не бе начала царствию. Сие несть мощно рещи: «не будет конца», егда царствует Христос и не преста царствовать, то «несть конца».

...воцарившуся Христу, глаголет церковь: «Егоже царствию несть конца». А они, отступницы, ученицы Никоновы, начало царствия Христова отвращающиеся, глаголют, яко-де прежде рождества Христова глагола архангел: «Царствию Его не будет конца». То вправду глаголют; но сия глагола архангел прежде рождества Христова, Бога нашего, яко предгрядущему царствию Христову.

Егда родится Христос и егда воцарится Христос, тогда царствию Его «несть конца». Прежде бо рождества Христова несть мощно было рещи: «Царствию его несть конца»; егда же царствует Христос и не преста царствовать, то «несть конца».

...воцарившуся Христу, глаголет церковь: «Егоже царствию несть конца». А они начала царствия Христова отвращаются, глаголют, яко прежде рождества Христова глагола архангел: «Царствию Его не будет конца». Аще то и вправду глаголют; но сия глагола архангел прежде рождества Христова, Бога нашего, яко предгрядущему царствию Христову.

Егда родится Христос, егда воцарится, тогда «царствию Его не будет конца»; прежде бо рождества Христова несть мощно было рещи: «несть конца»; егда еще не бе начала царствию. Сие несть мощно было рещи: «несть конца». Егда же царствует Христос и не преста царствовать во христианах, тогда глаголати подобает: «Егоже царствию несть конца». Егда же еще в настоящем времени. А в будущем тогда «не будет конца».

Необходимо отметить, что редкая рукопись Челобитной Авраамия не содержит разнообразные текстуальные вариации во втором абзаце этого отрывка («Егда родится Христос...»), причина которой отчасти — некоторая путаница со значением употребленных времен, отчасти — риторические повторы, из-за которых при переписывании, как правило, возникают гаплографические пропуски. Яркий пример тому — Хлудовский список, в котором рассуждение редуцировано до такой степени, что его смысл стал крайне неясен. В Невоструевском списке, напротив, рассуждение представляется не только оформленным наиболее непротиворечивым образом, исключаям двойное понимание приведенного полемического аргумента, но и оканчивается специальным пояснением о значении употребляемых

грамматических форм времени. Несколькими строками ниже этот аргумент еще раз повторен — в Невоструевском списке — прямо-таки с исчерпывающим разъяснением:

Ув. 719, л. 13 об.	Хлуд 148-Д, л. 43	Невостр. (БПМ 45), л. 14 об. — 15
Ученицы же Никона, сана изверженного Символ православныя веры раздрили: вместо: «несть конца» положили: «не будет конца», якоже унияты, егда на запад и в своем символе положили: «не будет конца».	Ученицы же Никоновы Символ православныя веры раздрили: вместо: «несть конца», положили: «не будет конца».	Ученицы же Никона, сана изверженного Символ православныя веры раздрили: вместо: «несть конца» <i>глаголати подобает в настоящем сем веце</i> , положили в будущее глаголати: «не будет конца» <i>вместо настоящего, якоже унияты, от восточныя церкви отступили на западный костел</i> и в своем символе положили: «не будет конца».

К этому наблюдению следует добавить, что сопоставление наглядно показывает: несмотря на разночтения, Невоструевский список гораздо ближе к первой редакции сочинения, нежели ко второй. Подобная картина характерна для всего текста рукописи.

Еще одной мало бросающейся в глаза, но не менее интересной отличительной чертой Невоструевского списка видятся расставленные на полях указания на источники некоторых цитат, используемых Авраамием (в основном, на Евангельские зачала и листы из старопечатных книг: Маргарита, Соборника и др.). Возможно, они не привлекли бы особого внимания, если бы среди них периодически не встречались ссылки на Апокалипсис. Авраамий действительно обильно цитирует Откровение, но ближе к концу Челобитной (т. е. в той части, которую Невоструевский список не передает). Шестнадцать же ссылок Невоструевского списка, за исключением двух-трех, маркируют не цитаты и аллюзии в авторском тексте инока, а представляют собой своеобразный интертекстуальный «комментарий» к Челобитной. Как правило, они находятся напротив тех фрагментов текста, в которых описываются реалии 1650–1660-х гг., связанные с церковными реформами патриарха Никона и последующей политикой властей в отношении защитников старого обряда. В ремарках произвольно обозначены то главы книги, то зачала. По всей видимости, замечания указывают на киевское издание Толкового Апокалипсиса 1625 г., это видно по ссылке: «Лист 2», которая стоит напротив фразы: «И о сем их мудровании лукавом писана в предисловии во Апокалипсисах толковых острожской [очевидно, киевской. — Л. Д.] печати, яко сия

прелесть Керинфа еретика».¹⁷ Хотя Авраамий вольно или невольно допустил ошибку в указании места выхода книги, ссылка, вероятнее всего, указывает на соответствующее место из предисловия «К читателю благочестивому» киевского издания, содержащее обличение ереси Керинфа.¹⁸

Ссылки-ремарки ориентируются как на смысл стихов Откровения (причем порой заключенные в них аллегории понимаются довольно буквально), так и на интерпретации толковой части. Например, обличению «гонителей христианских, нынешних властей настоящего времени, учеников окаяннаго Никона»¹⁹ автор ремарки, очевидно, находит подтверждение не в содержании стихов, а в содержании толкования на 18-е зачало Откровения (Откр. 6:12; «Разрешение шестыя печати»): «Нам же является прехождению zde быти от лет в гонениих, в время еже прежде пришествия антихристова, в нем же, [сиречь времени], толиким пророчествовано бысть быти язвам. Негли за еже не отрещися обучающимся в сих человеком противонаводимым от антихриста мукам [сицевым сущим], яковыя же никогдаже бывшия знахом». В свою очередь, это толкование в печатном издании имеет обобщающую, вынесенную на поле ремарку: «Антихрист гонение всех вящим суровети имать».²⁰ Таким образом, подчеркивается мысль, чрезвычайно близкая и Авраамию, что преследования старообрядцев знаменуют собой исполнение пророчеств о наступлении «последних времен».

В другом случае имеет место более сложная смысловая комбинация ремарок. Так, ссылка на стихи 63-го зачала Апокалипсиса поставлена напротив упоминания содержащегося в них пророчества в авторском тексте Авраамия: «Яко же и Писание глаголет, что Гог и Магог востающе друга на друга, и много кровопролитие будет по всей земли, всем воем секущимся».²¹ Однако несколько раньше, напротив текста: «В прошлом, государь, во 178 году, от праздника Христова Пасхи, было в твоем Московском государстве больши 35-ти пожаров и воздуху нерастворение и от великих зноев многая хлебная недо-

¹⁷ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 8.

¹⁸ Правда, в киевском издании это 5-й, а не 2-й лист (первого счета), однако поскольку упоминание о Керинфе является частью авторского текста предисловия, принадлежащего Тарасию Земке, отсылка к другому изданию маловероятна. Ошибка в номере листа может быть вызвана особенностью шрифта издания: верхний и нижний концы литеры «е» смыкаются со средней перекладиной, поэтому при беглом просмотре она может быть воспринята как литера «в».

¹⁹ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 3.

²⁰ Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. Киев, 1625. С. 29.

²¹ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 4.

рода; потом же и всепагубныя беды в державе царствия твоего»²² — сначала следует вынесенное на нижнее поле обобщающее заключение: «Зри: после Никона горее озлобление церкви Христовой». Далее стоит ссылка на Апокалипсис без обозначения конкретного места в книге, что, по-видимому, можно считать общим указанием на пророчества о различных знаменующих светопреставление бедах. Сразу же после нее находится ссылка на 8-е зачало Евангелия от Матфея (Мф. 4:12–17), которая, на первый взгляд, кажется не особенно уместной. Однако причиной ее появления послужила, скорее всего, завершающая зачало фраза: «Покайтесь, приблизися бо Царство Небесное»,²³ которую, очевидно, следует воспринимать как вывод из сказанного.

Не менее интересен также сделанный при помощи отсылки «комментарий» фрагмента: «Что они в том же символе напечатали: “И в Духа Святого, Господа, животворящего”, а “истинного” отъяли. И сим они нарушением не токмо всею церковию возмуща, но и всею тварию потрясоша, небом и землею, единым извержением “истинного” из Символа». Против него на поле стоит ремарка: «Трус велик. Апок[алипсис], зач[ала] 55, 52».²⁴ Содержание стиха (Откр. 16:18) из зачала 52 буквально соответствует смыслу этого замечания: «И быша [гласи, и молния и громи] и трус велий, яков же не бысть, отнележе человеци быша на земли, толикий трус сице великий».²⁵ Здесь ремарка, как и в рассмотренных выше случаях, углубляет риторику Челобитной, подчеркивая скрытую аллюзию Авраамия на книгу Откровения. Однако ссылка на 55-е зачало Откровения («О друзем ангеле, падение Вавилона являющем. И о небесном гласе, бежание из глада завещавающем. И о отложении красных, яже прежде стяжа»²⁶) предлагает более расширительную интерпретацию фрагмента, поскольку в указанных стихах рисуется впечатляющая картина падения Вавилона. Так как толкование видит в образе Вавилона Рим («Но мнитися, некако противлятися сему непшеванию, от древних церковных учителей реченное, яко сия пророкованная суть на Вавилон, иже у римлян...»²⁷), можно высказать осторожное предположение, что цель ремарки — обличение как «отпавшей от благочестия» официальной церкви, так и поддержавшей ее царской власти «Третьего Рима». И в этом случае также нельзя не отметить, что идейные взгляды челове-

²² РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 3 об. – 4.

²³ Библия. Острог, 1581. Л. 3 (пятого счета).

²⁴ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 15.

²⁵ Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. С. 78.

²⁶ Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. С. 85.

²⁷ Андрей, архиепископ Кесарии Каппадокийской. Толкование на Апокалипсис. С. 89.

ка, расставившего ремарки, чрезвычайно близки воззрениям самого Авраамия.

В силу того, что смысл отмеченных текстуальных фрагментов, характерных для Невоструевского списка, так же, как и интертекстуальных отсылок, очень хорошо монтируется с авторским текстом Челобитной, может возникнуть сомнение, не передает ли список ее неизвестный авторский вариант, ведь их содержание нисколько не противоречит ни тону, ни идейному содержанию Челобитной. Более того, настойчивые, посредством ремарок, указания на исполнение в современном мире пророчеств Апокалипсиса целиком соответствуют настроению Авраамия в начале 1670-х гг.

Представляется, что изложенные выше наблюдения не подтверждают подобное предположение. Кроме того, оно противоречит и текстологическим данным: поскольку Челобитная создана на основе «Христианоопасного щита веры...» Авраамия путем дословного копирования текста, сопоставление Челобитной со сборником является надежным путем проверить авторство, и его результаты показывают, что проанализированные фразы представляют собой поздние вставки в авторский текст. Кроме того, эти вставки — особенность именно Невоструевского списка: хотя они и сделаны тем же полууставом одной руки, которым переписана вся рукопись, но в ряде случаев более бледными чернилами. В нескольких местах для них специально даже оставлены пустые строки. Например, один из обличительных пассажей Авраамия не просто отредактирован: «А отступник сана изверженный Никон со Арсением еретиком напечатали: “Дух истины”, и тем хулу нанесли на Духа Святаго и пишут, яко не подобает нарицати Духа Святаго совершенно истинным, но “Дух истины”. И сие зело страшно есть. И подумать невозможно, каково ругательство Духу Святому Господу истинному. И по сему ругательству и зломудрию вонми, государь, яко не сам собою Дух истинный Бог будет, но от истинны часть некая. На свою им погибель тако мудрствуют».²⁸ В дополнение к изменениям текста после этого специально оставлены две строки, в которые вписано: «И сим зломудрием их вси человецы досаждают Духу Святому Господу истинному и животворящему». Еще один яркий пример находится в рукописи на л. 13: строка также оставлена пустой, но вставка в нее по каким-то причинам не сделана.

Не авторскими следует также признать изменения, которые претерпели в Невоструевском списке некоторые обращения к царю. В начале Челобитной значительно сокращен царский титул, в котором отсутствует перечисление земель, находящихся под «державной десницей». Далее, напротив, душевное обращение «Михайлович»,

²⁸ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 22–22 об.

возможно, использованное Авраамием в подражание прошениям протопопа Аввакума, в одном случае заменено официальным «государь», в другом — формально расширено до имени: «*государь царь Алексей Михайлович*».²⁹ Наряду со вставками эти изменения представляются свидетельствами закономерного процесса превращения Челобитной из сочинения с двойной адресацией (Челобитная, вероятно, была отчаянной попыткой повлиять на царя и одновременно аккумулировала антиреформенную аргументацию, накопленную ко времени ее написания защитниками старого обряда) в текст, предназначенный для чтения внутри общин и претендующий занять место в книжном каноне движения. В нем нет места ни особой задушевности, ни, по-видимому, особого интереса к царской персоне, превратившейся в формального адресата прошения.

Как было отмечено выше, текст Челобитной в Невоструевском списке неполон. Однако это не механический обрыв, как может показаться из публикации Н. И. Субботина. После фразы: «Такоже, государь, аще бы отступник Никон и Арсений еретик и нынешния темныя власти — аще бы последовали святых отец преданию, не разрушали бы законы запечатленныя и не прелагали бы предел вечных» находится особое окончание. Привожу его полностью (четыре последние строки частично утрачены из-за повреждения): «Лучше им было паче и благо со святыми во свете пребывати, нежели в таковое законопреступление уступивши, от Божия благодати отпасти и вечную клятву восприяти и родству огненному предатися, лучше бы и не родитися отнюдь. А и колико и народу погубиша, и от истинныя веры православныя отторгоша, и в ереси погибелныя уклонили от мала и до велика, всех купно отвели от Бога. [...] Господи, и дивна [дела Тво]я, кто доволен [...], яже твориши и не токмо от человек, но ниже ангел. Аминь».³⁰

За исключением поврежденных строк (они носят, очевидно, этикетный характер, кроме того, слово «Аминь», скорее всего, дописано позже другими чернилами), продолжение авторской мысли выглядит вполне уместным, и его следует признать целенаправленной попыткой изменить текст Авраамия. Однако было ли сокращение сочинения намеренным — вопрос открытый. Как отмечалось в самом начале, Челобитная Авраамия названа в этой рукописи «соловецкой», однако основные заимствования из Пятой соловецкой челобитной, которые имеются в сочинении инока и могли бы дать справедливое основание для такого заглавия, помещены в той его части, которая в Невоструевский список не вошла. Значит, есть вероятность, что в

²⁹ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 5 об., 12.

³⁰ РГБ. Ф. 579 (Братство Петра митрополита). № 45. Л. 26 об. — 27.

его протографе мог быть полный текст. Однако нельзя исключить, что создатель списка уже имел дело с дефектным текстом и дописал окончание вынужденно.

Тем не менее, независимо от ответа на этот вопрос, рассмотренные особенности Невоструевского списка свидетельствуют о том, что изменения внесены совершенно сознательно, а часть из них демонстрирует довольно явно выраженное желание подчеркнуть и сделать для читателя более явными эсхатологические воззрения Авраамия, а также подчеркнуть тему гонений. На основании этого представляется возможным выделить сохранившийся в списке текст Челобитной в особый вариант первой (а не второй, как это следует из существующей публикации списка) редакции.

Список литературы

- Бубнов Н. Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.: Источники, типы и эволюция. СПб., 1995. 436 с.
- Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев: Перечень списков, составленных по печатным описаниям рукописных собраний СПб., 1912. XIV, 534 с.
- Замысловский Е. Е.* Челобитная старца Авраамия // Летопись занятий Археографической комиссии. Т. 6. СПб., 1877. Отд. II. С. 1–129.
- Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 7. М., 1885. XXX, 433, [1] с.
- Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. Т. 1. Вып. 2. М., 1986. 381 с.
- Славяно-русские рукописи Научной библиотеки Томского государственного университета: Каталог. Вып. 3: XIX в., первая половина / Сост. В. А. Есипова. Томск, 2012. 687, [1] с.

Т. А. ОПАРИНА

Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова, Москва
Институт российской истории РАН, Москва

«ГРЕЧЕНИН» ИЗ ЭПИРА ФЕДОР ЮРЬЕВ МАКИДОНСКИЙ

В статье ставится задача проследить общее и особенное «греческой» светской миграции первой половине XVII в. на примере жизни в России одного человека — Федора Юрьева Макидонского. В биографии этого иммигранта из Эпира во многом отражаются общие черты. В Россию прежде всего переселялись представители военно-служилого сословия Османской империи и именно они были наиболее востребованы в Московском государстве. Федор Юрьев Макидонский вошел в военно-служилое сословие России. Он служил первоначально в Иноземском приказе, где в составе «греческой» роты принял участие в Смоленской войне (1632–1634). После завершения военных действий ему удалось повысить свой социальный статус и перейти в Разрядный приказ, где уже в составе подразделений дворян-иноземцев он продолжил военную службу. В то же время отличительная особенность его пребывания в России — способность находить покровителей, заступничество которых обеспечивало ему неуклонное повышение жалованья. Известно имя лишь одного из них — османского посла Мустофаракка, имена других пока не удастся восстановить из-за утраты документов. Безусловно лишь, что ходатайства влиятельных лиц обеспечило Федору Юрьеву Макидонскому успешную адаптацию в русское общество.

Ключевые слова: миграции в Россию в раннее новое время, иноземцы на русской службе, механизмы адаптации иностранцев в русское общество, греческая община Москвы

В 1631 г. на границу Речи Посполитой и Московского государства в Путивле прибыла группа «гречан», желающих остаться в России. Иммигранты происходили преимущественно из Эпира, который в русских документах назывался Македонией. Одним из выходцев был Федор Юрьев,¹ впоследствии получивший фамильное прозвище Макидонский.²

Для оформления русского подданства путивльские воеводы князь Андрей Федорович Литвинов-Мосальский и Игнатий Андреевич Уваров направили группу в Разрядный приказ. Доехав до Москвы, «гречане» давали показания: «Федор Юрьев сказался родом македонянин, служивый человек, а имал у турского салтана по десять алтын

¹ Кроме того в России действовал греческий купец из Константинополя Федор Юрьев.

² Опарина Т. А. Фамильное прозвище «Макидонский» у «греческих» иммигрантов в России в первой половине XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XIX международной научной конференции. Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 261–263.

на день».³ Где именно проходила служба Федора Юрьева, из текста неясно. Наиболее вероятно, он входил в состав османской армии. Обычно термин «служилый человек» русскими подьячими применялся к сипахи. Эта часть османской армии должна была состоять из мусульман. Очевидно, Федор Юрьев, как и другие его спутники, подвергся давлению: «И турки де хотели его мусульманить».⁴ Его мотивом миграции стало стремление сохранить православие: «Не хотя быть в мусульманской вере».⁵ Очевидно, угроза насильственной исламизации обозначилась в период, когда его подразделение находилось в столице Османской империи. В этой ситуации вместе со своими сослуживцами и иными земляками он принял решение отправиться в Россию: «Сговоряся с товарищи своими, с гречаны, поехал из Царягорода на государево имя служить в нынешнем, в 139 году в Великий пост».⁶ Беглецы выбрали сухопутный маршрут и двигались в Россию через Дунайские княжества и Речь Посполитую, посетив в том числе и Киев: «и ехали из Царягорода на Мултянскую землю да на Волохи да на Литовские города: на Могилевь, на Киев да на Прилуки».⁷ В Речи Посполитой у них возникли серьезные проблемы. Подданных султана, видимо, заподозрили в шпионаже в пользу Османской империи. «Гречан» задержали в Прилуках, возможно, как лазутчиков: «Прилуцкий державец, не хотя их пропустить, и держал у себя их три дня».⁸ В городе оказался некий Радужский митрополит (имя не названо), так же направлявшийся в Москву, но для сбора пожертвований. Греческий иерарх заступился за единоверцев: «И их де испечаловал митрополит Радужской, что едет ко государю для милостыни, а ныне он в Путивле».⁹ Власти Прилук согласились освободить мирян, но потребовали крупные суммы. Федору Юрьеву и его спутникам пришлось заплатить: «Тот де урядник, взяв с них золотых

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

и платье на 150 руб., и их отпустил».¹⁰ Далее они достигли Путивля, где поведали о своих злключениях.

Более того, иммигранты обладали и политической информацией: «И Федор Юрьев с товарищи вестей сказали: как они были в Царьгороде, и при них государевы послы у турскаго царя были на отпуске и к государю отпущены, тому четыре месяца, и чеуш ко государю отпущен с ними же; а кто именем чеуш, того не упомнят. Против Кизильбаш стоит Остров-паша, а в котором месте стоит и сколько с ним людей, того не ведают. А в 138 году летом турские люди у Кизильбашскаго поймали было около Вавилона пригородки и села многие, а имен пригородкам не ведают. А ныне, как они были в Царьгороде, слышали от басурман, что сего лета кизильбаши побили многих турских людей, а сколько числом турских людей побили, про то не слыхали. В Литовской земле, едучи ко государю, слышали, что крымские татарове Литовскую землю воюют, а в которых местех и многие ль люди татарове, про то не слыхали, что языка литовскаго не знают. А иных никаких вестей не ведают и не слыхали».¹¹

Подробно расспросив иммигрантов и собрав необходимые сведения, русские подьячие приступили к оформлению русского подданства. В соответствии с социальным статусом они определили размер «жалованья за выход». Федору Юрьеву назначили вознаграждение в размере 14 рублей и сорока куниц, а также сукна.¹² Поденный корм определили в 2 алтына и 3 деньги.¹³ Конфессиональных отступлений у Федора Юрьева, очевидно, не обнаружилось. Кроме того, в Разрядном приказе не проводилось верстание, его должны были осуществить по месту службы.

Всю группу, в том числе Федора Юрьева, отправили 11 октября 1631 г. в Иноземский приказ, где отметили: «Присланы из Розряду выезжеи греченя... Федор Юрьев сын... А в памяти за приписью дьяка Михаила Данилова написано: присланы они к государю к Москве ис Путивля. А в роспросе они сказались и знатцы про них сказали, что они служилые люди».¹⁴ В этом момент поденный корм Федора Юрьева был уже 3 алтына,¹⁵ что, возможно, было связано с женить-

¹⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 8–9; Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 16. Стб. 2. Л. 515; Оп. 13. Стб. 131. Л. 457; Ф. 210. Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 75. Л. 9.

¹² РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 13. Стб. 277. Л. 45; Оп. 6. Кн. 45. Л. 188. См. также: РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Кн. 287. Л. 1: «Сентября в 1 день (1631 г.) ...греченину Федору Юрьеву сорок куниц, цена 12 рублей; 4 аршина сукна настрафилю лазоревго, цена 2 рубли с четью. А пожаловал государь ево за выезд».

¹³ РГАДА. Оп. 12. Стб. 135. Л. 101; Оп. 13. Стб. 277. Л. 45.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 188.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 188 об.

бой и необходимостью содержания супруги. 12 августа 1632 г. ему и несколькими другим «гречанам» уже существенно повысили размер поденного корма, наиболее вероятно, в результате заступничества некоего влиятельного лица: «По государеву ...указу Федору Юрьеву государева жалованья поденного корму к прежнему прибавлено 2 алтына на день. Итого с прибавкою 5 алтын на день з деньгою».¹⁶ Но верстания так и не успели провести.

Шла подготовка к Смоленской войне (1632–1634 гг.), руководство Иноземского приказа главное внимание уделяло реформированию армии и выплатам воинам на снаряжение. Федор Юрьев, отнесенный как высокооплачиваемый воин к первой статье,¹⁷ получил 25 рублей.¹⁸ В полном обмундировании он прибыл на военный смотр перед отправкой на фронт,¹⁹ затем ему выдали в Иноземском приказе жалованье на три месяца.²⁰ На месте дислокации русской армии выплаты осуществлял уже Разрядный приказ. У Федора Юрьева и у других ратников, которым в 1632 г. повысили поденный корм, возникли проблемы. На фронте жалованья им выплачивали в размере, назначенном, видимо, после заключения брака — 3 алтына, а не 5 алтын, как было определено позже. Воины подали коллективную челобитную с просьбой учесть надбавки: «По... государеву указу имали... мы... твоего царьского жалованья поденного корму здесь на Москве ...и мне, Федьке Юрьиву было по 5 алтын. ...А на ...государеве службе под Смоленском идет мне поденного корму... по 3 алтына... Милосердый государь...пожалуй... вели, государь, то свое государеве жалованье поденной корм за нами справить. И вели, государь нам на своей государеве службе давать по-прежнему, чтоб нам, холопом твоим, будучи на твоей государеве службе, голодную смертью не умереть».²¹ Прошение было рассмотрено. Из Разрядного приказа направили запрос в Иноземский. Ответ гласил: «И в Иноземском приказе в росходной книге 140-го написано: нового выезду гречаном государева жалованья месячново корму давано с выезде августа по 12 число 140-го бес прибавок. И августа со 12 числа велено давать с прибавкою: Федору Юрьеву давано по 3 алтына на день. И прибавлено ему к прежнему по 2 алтына. Итого ему с прибавкою по 5 алтын на день».²² Выяснилось, что «из Иноземского в Разряд послали без

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 45. Л. 189 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 733 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 43. Л. 758 об.

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 929. Л. 32.

²⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 46. Л. 736.

²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845. Л. 10.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845. Л. 11.

прибавки».²³ Власти восстановили размер поденного корма и 15 января 1633 г. распорядились: «Жалованье кормовые деньги декабря с 1 числа нынешнего 141-го году велеть давать с прибавкою по сему нашему указу».²⁴ Федор Юрьев получал свое повышенное жалованье²⁵ с этого момента вплоть до завершения военных действий,²⁶ которые оказались крайне драматичными для русской армии. Но «греченин» стойко выдерживал трудности осады под Смоленском, за что и был вознагражден. Предварительно ему назначили поместно-денежный оклад. 2 мая 1645 г. было проведено запоздалое верстание: «...По государеву указу учинено ему государева жалованья поместной оклад 250 чети, денег 13 рублей».²⁷ Сразу после этого оклад был повышен: «Да ему ж прибавлено за подсмоленскую службу и за убитого мужика поместной 100 чети денег 4 рубли да корму по 3 деньги на день. Да мая ж в 8 день ему ж Федору на май месяц на корм с прибавкою 5 рублей 3 алтына 5 денег».²⁸ Таким образом, его оклад стал 350 чети и 17 рублей, а поденный корм — 5 алтын и 3 деньги. Воин продолжил службу в Иноземском приказе, где основным поручением ратников стала охрана южных границ.

На следующий год его направили на Тульскую службу.²⁹ «Греченин» получил и новое фамильное прозвище. Его стали именовать Федором Юрьевым Макидонским. Его поместно-денежный оклад и поденный корм привлек внимание сослуживцев. Так, приехавший в Россию в 1639 г. посланник молдавского господаря Василия Лупу Исаия Остафьев ходатайствовал перед царем за «гречан», с которыми Федор Юрьев Макидонский приехал в Россию. Вероятно, именно они обратили внимание дипломата на выплаты своего земляка. Во всяком случае, в челобитной к царю Михаилу Федоровичу Исаия Остафьев в качестве примера значительных выплат указывал на Федора Юрьева Макидонского, которому, по его словам, «идет государева жалованья... по 2 гривны на день».³⁰ Видимо, посланник чуть приукрасил действительность.

В любом случае, Федор Юрьев Макидонский относился к воинам, имевшим хорошее жалованье, и был теперь достаточно заметной фигурой в «греческом» сообществе. Его привлекали к процессу оформ-

²³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845. Л. 16.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845. Л. 14.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 845. Л. 16.

²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 47. Л. 157.

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 68.

²⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 48. Л. 68.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6. Кн. 49. Л. 84.

³⁰ РГАДА. Ф. 68. Оп. 1. 1639. № 1. Л. 62.

ления подданства новых «греческих» иммигрантов. Он несколько раз выступил в роли «знатца». Так, в 1635 г. Федор Юрьев Макидонский подтвердил показания Михаила Поликострийского,³¹ а в 1641 г. — Дмитрия Иванова.³² В каждом случае Федор Юрьев Макидонский подписывался по-гречески. В том же 1641 г. рядового воина Иноземского приказа повысили в должности, назначив поручиком «греческой роты». Возможно, получение чина или же ходатайство обусловило следующее увеличение оклада:³³ «По памяти из Иноземского приказу за приписью за приписью дьяка Василья Ртищева написано: ...в 149-м году ученен поместный и денежные оклад выезжему Федору Макидонскому 400 чети, денег 22 рубли».³⁴ Этого оклада уже было достаточно для получения чина московского дворянина. «Греченин» мог рассчитывать на изменение социального статуса.

В 1641 г. Федор Юрьев Макидонский смог перейти из Иноземского в Разрядный приказ, наиболее вероятно, вновь воспользовавшись рекомендацией. С сохранением прежнего жалованья³⁵ его включили в группу дворян-иноземцев.³⁶ В ней оказался рядом с «гречанами», с которыми был знаком еще в качестве «знатца»: Дмитрием Альбертусом-Далмацким, Остафием Власовым и Петром Волошенином. Новые сослуживцы вовлекли Федора Юрьева Макидонского в конфликт двух кланов: Алибеевых-Макидонских³⁷ и Альбертусов-Далмацких.³⁸ Два княжеских рода боролись за первенство в «греческом» сообществе. Это привело к появлению двух встречных изветов. Сторонниками Альбертусов-Далмацких были Остафий Власов, Петр Волошенин и примкнувший к ним Юрий Трапезундский, к этому времени ставший ротмистром «греческой роты». Они говорили о необходимости подготовить поручную запись в защиту Дмитрия Альбертуса-Далмацкого и начали собирать подписи. Федор Юрьев Макидонский со-

³¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1635. № 12. Л. 18.

³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Стб. 131. Л. 455.

³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Стб. 848. Л. 6.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4. Л. 137 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4. Л. 14 об., 27.

³⁶ Белоусов М. Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 55–64.

³⁷ Шахова А. Д. Князья Макидонские и городское управление Москвы в XVII в. // Монфокоп: Исследования по палеографии, кодикологии, дипломатике. Вып. 8. М., 2022. С. 571–582.

³⁸ Опарина Т. А. Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.

гласился, расписавшись по-гречески под принесенными ему бумагами.³⁹ Однако вскоре он узнал, что документ был подан как извет на Алибеевых-Макидонских, в котором говорилось о подложности их княжеского титула В свою очередь Алибеевы-Макидонские подали свой извет на Дмитрия Альбертуса-Далмацкого и его сподвижников, в котором настаивали на многочисленных фальсификациях при подготовке извета против них и на подложности всего документа. В этой ситуации «гречане», поверившие Остафию Власову, Петру Волошенину и Юрию Трапезундскому, стали подавать явочные челобитные,⁴⁰ стремясь доказать свою невиновность в период начавшегося следственного дела по двум изветам. Федор Юрьев Макидонский самостоятельно подал в Посольский приказ явочную челобитную, в которой лаконично описал ситуацию. Он говорил, что желал оказать помощь Дмитрию Альбертусу-Далмацкому и даже согласился подписаться на пустых листах. Его убеждали, что на них появится текст в защиту Дмитрия Альбертуса-Далмацкого: «...Во 151-м году умысла греческие роты рохмestr Юрья Трапизонской да Петр Волошенин да Остафей Власьев, бранясь со князем Настасьем да со князем Федором князь Алибеевыми детьми Макидонскими, и принесли ко мне, холопу твоему, порозжеи столбец, только написано твое государево титла, а сказали мне взять на поруки князь Дмитрея Альбердовьского в статье. И я, холоп твои, к тому порозжему столбцу руку приложил. А того я не ведал, что оне написали в челобитную довод на князя Настасья да на князя Федора».⁴¹ Главное, Федор Юрьев Макидонский настаивал на отсутствии любых контактов с Алибеевыми-Макидонскими и на полном неведении об их происхождении: «А я, холоп твои, их не знаю и на них тебе, государю, не челобитчик».⁴² Это утверждение выглядит странным. Выходцы из Эпира, приехавшие в Россию почти в одно время, могли иметь общие связи еще на родине и обладать сведениями друг о друге. Федор Юрьев Макидонский, вероятно, располагал сведениями о подлинной родословной своих земляков Алибеевых-Макидонских. Но он предпочел полностью отстраниться от конфликта и не раскрывать никаких подробностей. На очной ставке с Остафием Власовым и Петром Волошениным он повторил свои аргументы и настаивал, что его ввели в заблуждение о будущем содержании «порозжих столбцов».⁴³ По завершении следствия все «гречане», оставившие свои подписи под изветом, были оправданы.

³⁹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 88.

⁴⁰ Явка — официальное уведомление властей о чем-либо.

⁴¹ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 113.

⁴² РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 113.

⁴³ РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. 1643. № 1. Л. 173–174.

Федор Юрьев Макидонский продолжил службу в Разрядном приказе. Летом 1642 г. его наряду с прочими дворянам-иноземцами направили на оборону южных границ.⁴⁴ Но, очевидно, на Тулу он все-таки не поехал: под его именем в списке стоит помета «н» (в «нетех»)⁴⁵ Тем не менее, это не отразилось негативно на его положении. Более того, 15 ноября 1644 г. «греченину» вновь повысили жалованье. На этот раз известно имя его покровителя. За Федора Юрьева Макидонского, а также за трех его сослуживцев — Дмитрия Селунского, Тимофея Али-Чеушева и Дмитрия Нехтория — вступился османский посол Мустофарак: «Нынешнего 153-го года ноября в 15 день в памяти ис Посольского приказу за приписью диака Степана Кудрявцева написано: государь... пожаловал иноземцов выезжих гречан Дмитрея Селунского, Федора Макидонского, Тимофея Али-Чеушева, Дмитрея Нектарьива, велел им давать своего государева жалованья поденного корму для челобитья турецкого посла Мустофорака Араслан-аги. И с прежним им по 10 алтын человеку на день».⁴⁶ Прощение было исполнено.⁴⁷ Видимо, дипломат попросил также и о предоставлении земельных наделов. Троим иноземцам выделили поместье за счет их поденного корма, который сократили первоначально до 8 алтын: «Федору Макидонскому государева жалованья поденного корму велено ему давать с убавкою по 8 алтына по 2 деньги».⁴⁸ Одновременно им выделили поместье: «Во 154-м году декабря в 23 день дано Федору Макидонскому, Тимофею Али-Чеушеву, Дмитрею Нектарьеву государева жалованья поместье всем трем человеком вопче за их поденной и за конской корм».⁴⁹ В том же году жалованье было понижено, видимо, уже «по старости»: «И им давать велено по 4 алтына по 3 деньги на день. Да Федору Макидонскому консково корму на 1 лошадь против государева указа».⁵⁰ На военном смотре в июне 1653 г. он продемонстрировал свое вооружение: «Федор Юрьев сын Мокидонской. На коне, людей 2 человеки. А по скаске, государева жалованья корму по полуполтине на день да конского корму на одну лошадь».⁵¹

⁴⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 176. Л. 364.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. № 176. Л. 367.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4. Л. 15.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4. Л. 79.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4. Л. 88.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4. Л. 178.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-е. Д. 4. Л. 178.

⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 1135. Стб. 1. Л. 4. Сведения предоставлены М. Р. Белосовым, за что приношу ему глубокую благодарность.

Подводя итоги, можно сказать, что «греченин» из Эпира приехал в Россию, по его словам, ради спасения веры и провел на новой родине более трех десятков лет. Он был принят на военную службу, которую первоначально нес в Иноземском, а затем в Разрядном приказе. Федор Юрьев Макидонский успешно сражался на Смоленской войне, за что был вознагражден, и медленно продвигался по службе. Самой высокой его должностью в Иноземском приказе стал чин поручика. Затем Федору Юрьеву Макидонскому удалось перейти в подразделение дворян-иноземцев Разрядного приказа. Все это время происходило устойчивое повышение его жалованья. Возможно, первый раз это было связано с женитьбой, а через несколько лет — с награждением за мужество на Смоленской войне. Во всех остальных случаях неизвестно, кто был покровителем (покровителями) Федора Юрьева Макидонского, просившего за «греченина» перед властями. Документы в большинстве своем не сохранились, только в одном случае мы знаем имя его заступника — османского посла Мустафорака. Федор Юрьев Макидонский был грамотным человеком, получившим образование на родине. Подписывался он по-гречески, русский язык, видимо, не освоил. Федор Юрьев-Макидонский сторонился любых конфликтов внутри «греческого» сообщества. Последнее упоминание о нем относится к 1654/1655 г. Дата дает основание предполагать, что «греченин» скончался или во время эпидемии чумы или же в ходе боев новой войны с Речью Посполитой. Его жизнь в России типична для большинства иммигрантов из Османской империи и ее вассальных государств рассматриваемого периода. Но умение находить покровителей все же выделяет его в «греческом» сообществе Москвы.

Список литературы

- Белоусов М. Р. Иноземцы в боярских списках середины XVII в. // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156. Кн. 2. С. 55–64.
- Опарина Т. А. Семейное прозвище «Макидонский» у «греческих» иммигрантов в России в первой половине XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XIX международной научной конференции. Москва, 13–15 апреля 2017 г. М., 2017. С. 261–263.
- Опарина Т. А. Иноземцы в России XVI–XVII веков: Очерки исторической биографии и генеалогии. Кн. 1. М., 2007. 383 с.
- Опарина Т. А. Западный опыт греческих светских мигрантов первой половины XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Материалы VI Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. Вып. 6. М., 2019. С.137–142.

Опарина Т. А. Следственное дело о княжеском титуле Алибеевых-Макидонских: Кодикологические и палеографические особенности // Палеография, кодикология, дипломатика: Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия доктора исторических наук, члена-корреспондента Афинской Академии Бориса Львовича Фонкича. Москва, 27–28 февраля 2018 г. М., 2018. С. 170–176.

Шахова А. Д. Князья Макидонские и городское управление Москвы в XVII в. // Монфоко́н: Исследования по палеографии, кодикологии, дипломатике. Вып. 8. М., 2022. С. 571–582.

С. А. Никонов

Центр гуманитарных проблем Баренц Региона Кольского научного центра
РАН, Мурманск

«СЧИТАЛИ У СЕБЯ В ВОЛОСТИ»: МЕХАНИЗМЫ КОНТРОЛЯ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНЫХ ПРИКАЗЧИКОВ РУССКОГО СЕВЕРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII в.*

В статье рассматривается практика проверки церковных старост (приказчиков) Богоявленского Ухтоостровского прихода в XVII–XVIII вв. Церковные старосты (приказчики) ведали церковными землями, финансами и продуктовыми запасами. Сдавая должность, церковный староста (приказчик) отчитывался перед волостью о доходах и расходах, что фиксировалось в специальных документах — счетных списках. Существовали и формы текущего контроля: присутствие наиболее уважаемых крестьян при приеме денег, совершении сделок и т. п. Нередко отчет церковного старосты (приказчика) оборачивался конфликтами, для разрешения которых приходилось обращаться к светской и церковной администрации.

Ключевые слова: счетный список, Богоявленский Ухтоостров, церковный староста (приказчик), церковный приход, Русский Север

Общим местом в исследованиях, посвященных истории Русского Севера, стало утверждение о демократических традициях крестьянского и посадского самоуправления, сохранявшихся вплоть до рубежа XVII–XVIII вв. Исключением не является и организация приходской жизни региона, где границы прихода и волости нередко совпадали, а во главе церковной структуры стояли выборные старосты (приказчики). Изучение приходской системы управления выводит ученых на решение таких вопросов, как взаимодействие органов самоуправления и крестьянского мира,¹ формирование священниче-

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц Региона Кольского научного центра РАН № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

¹ *Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 142–255; *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. *Юшков С. В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913; *Огризко З. А.* Землеустройство севернорусских волостных церквей в XVII в.: К вопросу о первичных формах феодальной собственности на землю // История СССР. 1961. № 3. С. 71–81; *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 214–231; *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 212–227 и др.

ских династий,² конфликты и их разрешение³ и ряд других. В этом контексте вопрос о формах контроля за финансовой и хозяйственной деятельностью церковных старост (приказчиков) также имеет значение, поскольку раскрывает внутреннюю организацию приходской жизни.⁴

Одним из первых обратил внимание на этот вопрос М. М. Богословский, всесторонне изучивший крестьянское самоуправление Русского Севера.⁵ Исследователь отметил, что инициатива в проверке деятельности старосты могла исходить как от мира, так и от духовной и светской власти.⁶ Последняя ситуация возникала в случае конфликтов, когда староста отказывался идти на счет или община не хотела принимать отчет выборного лица.⁷ По наблюдениям исследователя, чаще всего считала старосту специальная комиссия, в которую входили выборные от волости, носившие название «мирских счетчиков, счетных людей».⁸ В самой процедуре счета М. М. Богословский видел не сформировавшийся институт, а явление частного договора: «Это не столько акт контроля одного государственного учреждения над другим, сколько расчетная сделка между хозяином и его наемным слугою».⁹ Другие формы контроля, помимо итогового счета, исследователь не рассматривал.

² Макаров Н. А. Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007; Суслова Е. Д. Служители церкви в Карелии раннего нового времени: Складывание династий [электронный ресурс]. Петрозаводск, 2013; Суслова Е. Д. Приходское духовенство и его роль в управлении заонежскими и лопскими погостами во второй половине XVII — начале XVIII в.: Научное электронное издание. Петрозаводск, 2016, и др.

³ Суслова Е. Д. Церковный староста в повседневной жизни карельского прихода в конце XVII — начале XVIII века // CARELiCA: Научный электронный журнал. 2014. № 1 (11). С. 51–67. ([http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/_1_2014_\(11\)/Articles/Articles.html](http://carelica.petrus.ru/CARELiCA/_1_2014_(11)/Articles/Articles.html)); Суслова Е. Д. Обельные крестьяне и общинное самоуправление в Карелии XVII века: Социальный конфликт как подоплека убийства сельского священника // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 19–38; Суслова Е. Д. Православные приходы Олонецкого края в политике Российского государства и церкви в конце XV — начале XVIII века // Трансформация и интеграция: Карельская периферия в Российской империи. СПб., 2021. С. 285–286, и др.

⁴ Обстоятельная и глубокая характеристика взаимоотношений крестьянского мира и выборной приходской администрации в Сибири дана в исследовании Н. Д. Зольниковой. См.: Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990.

⁵ Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М., 1909; Т. 2.

⁶ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 165.

⁷ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 165–166.

⁸ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 164.

⁹ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 167.

Механизмы контроля крестьянского мира за деятельностью церковных старост констатировались и в работах других ученых. С. В. Юшков выявил широкие полномочия церковных старост в решении хозяйственных вопросов прихода, отметил, что те могли почти беспрепятственно распоряжаться церковной казной.¹⁰ Это создавало возможность для злоупотреблений, которые трудно было пресечь, поскольку «члены причта не играли никакой роли в приходе, а прихожане в этих злоупотреблениях были заинтересованы».¹¹ Наличие злоупотреблений отмечала З. А. Огризко, рассматривавшая проблему с позиций «классово ориентированной» истории. Стремление состоятельных крестьян либо закрепиться в должности старосты на более длительный срок, либо сохранить ее в пределах своей семьи.¹² Нередко старосты не отличали «церковных владений от своих личных», а также самовольно распоряжались денежными средствами. О последнем свидетельствуют значительные долги церковных старост, которые погашались в течение нескольких лет.¹³

Напротив, А. И. Копанев, изучая акты Двинской земли, видел зависимость «церковного земледельческого хозяйства от волости».¹⁴ После окончания срока службы церковный приказчик должен был дать общине отчет, в чем проявлялась заинтересованность мира в сохранении полноценного хозяйства церковного прихода.¹⁵

В 1682 г. была учреждена Холмогорская и Важская епархия. В. И. Верюжский отмечал, что это повлекло за собой изменение форм контроля. Архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий (Любимов) в 1685 г. передал функцию управления приходским имуществом от церковных старост священникам. Выборы и отчеты старост проходили под контролем архиерейской власти.¹⁶ В частности, недостающие средства взыскивались в резиденции архиепископа, Спасо-Преображенском соборе Холмогор, «под наблюдением его домовых людей».¹⁷

Таким образом, в историографии существует два подхода к вопросу о финансовой и хозяйственной ответственности церковных старост (приказчиков): первый — о слабом, второй — о строгом контроле над

¹⁰ Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни... С. 39.

¹¹ Юшков С. В. Очерки из истории приходской жизни... С. 39.

¹² Огризко З. А. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. С. 76–77.

¹³ Огризко З. А. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. С. 77.

¹⁴ Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 35.

¹⁵ Копанев А. И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. С. 36.

¹⁶ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 226–227.

¹⁷ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 228.

ними со стороны крестьянского мира. Наличие двух противоположных точек зрения, полагаем, объясняется отсутствием специальных исследований института счета выборных приходских должностных лиц.

Несмотря на неоднократное обращение в историографии к этой проблеме, практика использования счета, а также его эволюция специально не изучались. Проблема контроля волостного мира за деятельностью церковных приказчиков крайне важна, поскольку имеет выход на ряд общих вопросов: механизмы деятельности мирской администрации, взаимоотношения выборной волостной администрации с государственной и церковной властью и между крестьянами. Рассматриваемая проблема является частью более широкой темы — развитие механизмов контроля и привлечения к ответственности должностных лиц в русском обществе XVI–XVII вв. Нельзя не вспомнить о практике проверок в монастырях, осуществлявшихся как самой братией, так и светской и церковной властями.¹⁸

Безусловно, процедура счета была неразрывно связана с другими институтами волостного и приходского самоуправления Русского Севера. В частности, выбор должностных лиц, в том числе волостных и церковных старост, оформлялся письменно, с фиксацией обязательств выборного перед общиной.¹⁹ По окончании срока староста обязан был отчитаться о финансовой и хозяйственной деятельности, для чего и использовалась процедура счета. К сожалению, ни одного выбора старост (приказчиков) Богоявленского Ухтострова выявить не удалось.

В объективе нашего исследования находится счет церковных приказчиков Богоявленской Ухтостровской волости в XVII — начале XVIII в. Здесь приход и волость совпадали территориально, что было характерно для Русского Севера, а название главного храма общины — Богоявления Господня — закрепилось за поселением в целом. Богоявленский Ухтостров²⁰ находился в южной части острова Ухтостров в дельте р. Северная Двина. Он граничил с Ухтостровской Троицкой и Куростровской волостями.

¹⁸ Подробнее см.: *Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование приходо-расходных книг. СПб., 2005. С. 82–95.

¹⁹ О выборах должностных лиц волостей Русского Севера см.: *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 220–223; *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 265–266, 270, 287–290; *Проскурякова М. Е.* Механизм избрания крестьянских старост в карельской деревне (последняя четверть XVII века) // CARELICA: Научный электронный журнал. 2014. № 1 (11). С. 38–55. (<http://carelica.petrus.ru/CARELICA/Journal.html>), и др.

²⁰ В настоящее время это сельское поселение Холмогорского района Архангельской области.

Благодаря хорошо сохранившемуся архиву волости, становится возможным детальное изучение этого северного мира. Счет церковных старост (приказчиков) отразился в приходо-расходных книгах, которые велись ими. Здесь же мы находим данные о других формах контроля прихода, являвшихся не итоговыми, а текущими, используемыми в период нахождения церковных старост (приказчиков) в должности. Но первостепенное значение, конечно же, имеют счетные списки, фиксировавшие проверку выборных должностных лиц по окончании срока службы. В ходе проверки по приходо-расходным книгам сверялись доходы и расходы приказчика (старосты). Для этого могли привлекаться и другие документы, связанные с расходом или отдачей в долг средств церковной казны. По итогам проверки выявлялась разница между суммами прихода и расхода, которую приказчик (староста) должен был вернуть в церковную казну.

Для изучаемого периода были выявлены 27 счетных списков, которые хронологически распределены следующим образом.

Таблица 1

Счетные списки Богоявленской Ухтостровской волости

Период	Количество	% от общего числа
1621–1630	1	4
1631–1640	2	7
1641–1650	—	—
1651–1660	1	4
1661–1670	4	14
1671–1680	7	26
1681–1690	2	7
1691–1700	8	30
1701–1710	1	4
1711–1720	1	4
Всего:	27	100

Составлено по: ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 712. Л. 1–4 об.; Д. 723. Л. 1–1 об.; Д. 726. Л. 1–1 об.; Д. 755. Л. 1–1 об.; Д. 764. Л. 1–1 об.; Д. 768. Л. 1–1 об.; Д. 775. Л. 1–1 об.; Д. 779. Л. 1–1 об.; Д. 780. Л. 1–1 об.; Д. 781. Л. 1–2 об.; Д. 789. Л. 1–1 об.; Д. 801. Л. 1–2 об.; Д. 802. Л. 1–1 об.; Ф. 1025. Оп. 1. Д. 155. Л. 1–2 об.; Д. 436. Л. 1–2 об.; Оп. 2. Д. 2. Л. 1–2 об.; Д. 46. Л. 1–2 об.

Более 50 % списков приходятся на период 1660-х — 1700-х гг. В это время традиционный институт внутриобщинного контроля переживает изменения, связанные с организацией Холмогорской и Важской епархии (1682 г.): новым звеном контроля становится архиерей, требовавший от приходов отчета в хозяйственной и финансовой деятельности.

Счетный список имел определенный формуляр, менявшийся на протяжении XVII в. Он включал в себя следующие элементы: 1) начальный протокол (дата и место проведения счета); 2) состав счетной комиссии; 3) счет дохода и расхода денежной и хлебной казны старосты (приказчика); 4) разница между суммами прихода и расхода, которую требовалось вернуть в церковную казну; 5) завершающий протокол (имя составителя счетного списка).

С 1686 г. в начальном протоколе счетного списка содержится отсылка к указу архиепископа Холмогорского и Важского, инициировавшего проверку церковного приказчика (старосты). Как уже отмечалось, усиление контроля епархиальной власти над деятельностью церковного прихода нашло свое отражение в формуляре счетного списка.

Счет составлялся в двух экземплярах: один оставался в архиве церковного прихода, другой выдавался ушедшему с должности старосте (приказчику) после полного расчета по всем финансовым обязательствам. Только один счетный список из выявленных нами сохранился в двух экземплярах. Он был оформлен при проверке церковного приказчика Ивана Козмина сына Попова 25 мая 1680 г.²¹ Отметим, что в двух экземплярах составлялся и выбор должностных лиц общины и прихода.²² Как видим, прослеживается общая тенденция в порядке ведения делопроизводства северной волости.

Обязательное составление двух счетных списков после окончания срока службы церковного приказчика начиная со второй половины 1680-х гг. требовал и архиерей. Священник, должностные лица волости и крестьяне, участвовавшие в выборе приказчика, должны были его сосчитать «вправду» и «учинить всему два счетные». Один оставался в церковной казне, второй отвозился на Холмогоры, где находилась резиденция архиепископа, и передавался в архиерейский Казенный приказ.²³

В счетных списках Богоявленского Ухтострова 1620–1630-х гг. представлены счетчики, действовавшие по выбору волостных крестьян.²⁴ Именно об этой волостной коллегии в свое время писал М. М. Богословский.²⁵ В Богоявленском приходе в коллегию входило два-три человека.

С середины XVII в. состав счетчиков являет собой более широкое представительство. Среди них мы видим как действующих, так

²¹ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 789. Л. 1–2; Д. 801. Л. 1–2.

²² Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире. С. 270.

²³ ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 512. Л. 4.

²⁴ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 712. Л. 1–4; Д. 723. Л. 1–1 об.; Д. 726. Л. 1–1 об.

²⁵ Богословский М. М. Земское самоуправление... Т. 2. С. 164.

и отставленных должностных лиц волости (церковный приказчик, земский судья, судный целовальник, сотский, целовальник, церковный сборщик) и волостных крестьян. Во второй половине 1680-х гг. управление церковным имуществом было передано приходскому священнику, что отодвигало приказчика на вторые позиции. Этой мерой архиепископ Афанасий пытался укрепить авторитет приходского духовенства.²⁶ Священник, как и приказчик, выводился на счет, но материальная ответственность по-прежнему лежала на последнем.

Таблица 2

Состав счетчиков Богоявленского Ухтострова

Дата счета	Присутствуют у счета:				
	Должностные лица		Священ- ник	Крестьяне	Всего у счета
	действующие	бывшие			
1672 г. ноября 30	3	1	—	11	15
1677 г. марта 2	1	1	—	11	13
1678 г. декабря 14	1	2	—	11	14
1678 г. января 21	—	—	—	3	3
1678 г. января 24	—	—	—	3	3
1682 г. апреля 30	4	—	—	17	21
1686 г. декабря 28	4	1	1	11	17
1691 г. декабря	3	1	1	9	14
1696 г. декабря 28	4	2	1	10	17
1697 г. января 24	2	—	—	25	27
1697 г. декабря 19	3	—	—	11	14
1697 г. декабря 22	3	—	1	14	18
1699/1700 г.	2	—	—	11	13
1701 г. мая 4	2	1	1	23	27

Составлено по: ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 712. Л. 1–4 об.; Д. 723. Л. 1–1 об.; Д. 726. Л. 1–1 об.; Д. 755. Л. 1–1 об.; Д. 764. Л. 1–1 об.; Д. 768. Л. 1–1 об.; Д. 775. Л. 1–1 об.; Д. 779. Л. 1–1 об.; Д. 780. Л. 1–1 об.; Д. 781. Л. 1–2 об.; Д. 789. Л. 1–1 об.; Д. 801. Л. 1–2 об.; Д. 802. Л. 1–1 об.; Ф. 1025. Оп. 1. Д. 155. Л. 1–2 об.; Д. 436. Л. 1–2 об.; Оп. 2. Д. 2. Л. 1–2 об.; Д. 46. Л. 1–2 об.

Таким образом, количество участников проверки церковного приказчика не было постоянным, в разные годы составляя от 13 до 27 человек. Исключением является счет приказчиков Ксенифонта Климантова и Андрея Иванова сына Антоновых, проходивший на Холмогорах в январе 1678 г.²⁷ Здесь счетчиков было трое, что воспроизводило процедуру проверки церковных приказчиков более

²⁶ Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский. С. 226–227.

²⁷ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 779. Л. 1–1 об.; Д. 780. Л. 1–1 об.

раннего времени. Сокращение количества счетчиков в этом случае могло быть вызвано как экстраординарностью процедуры, так и ее проведением не в волости, а на Холмогорах. Счет происходил на митрополичьем подворье, в присутствии поповских старост. Он был инициирован челобитьем волостных крестьян Ф. А. Латкина, И. К. Попова, Г. М. Москвина. Один из челобитчиков, Иван Попов, в 1678–1679 гг. занимал должность церковного приказчика.²⁸ Отдаленность места счета²⁹ делала невозможным присутствие широкого числа выборщиков.

Состав счетчиков хорошо выявляется для периода 1686–1701 гг. Одним из индикаторов для нас выступают фамилии крестьян. В счете принимали участие представители таких фамилий, как Антоновы (Онтоновы, Онтоновых), Климушины, Кожины, Лушевы, Могутовы, Некрасовы, Полиектовы, Поповы, Скомороховы, Федосеевы, Худяковы, Шананины, Шмаковы. Последняя фамилия дала восемь представителей на счетах церковных приказчиков. Некоторые из перечисленных фамилий принадлежат порядчикам Богоявленского Ухтострова.³⁰

Рассмотренная ситуация 1678 г. показывает, что счет далеко не всегда был рутинной процедурой, в свой час завершавшей деятельность церковного приказчика. Конфликты, возникавшие между старым и новым приказчиками, могли быть разрешены в судебном порядке, при посредничестве светской или церковной власти. Насколько часто возникали такие ситуации? Богоявленский церковный староста Федор Кондратьев в 1621 г. составил челобитную с жалобой на своего предшественника Худяка Кустова³¹ «в Огафановых и в Левонтьевых в начетных денгах». ³² Упоминаемые в записи приходо-расходной книги Огафон и Левонтий — счетчики, ревизовавшие старосту. 31 января 1621 г. староста Федор Кондратьев подал челобитную двинскому воеводе князю А. В. Хилкову. Подача челобитной сопровождалась выплатами служащим воеводы, от чьего участия в немалой степени зависело решение дела.³³ Так, приставам было вы-

²⁸ ГААО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 789. Л. 1.

²⁹ По данным конца XIX в., расстояние между Холмогорами и Богоявленским Ухтостровом составляло 6 верст (6,4 км).

³⁰ Порядчик — крестьянин, бравший в аренду земли церковного прихода на определенных условиях, обговоренных в специальном договоре — порядной грамоте.

³¹ Занимал должность церковного старосты в 1617–1618 гг.

³² ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 122. Л. 22.

³³ О роли окружения воевод в решении различных вопросов и ранжировании им выплат см.: *Богословский М. М.* Земское самоуправление... Т. 2. С. 271–286; *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 216–258; *Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире. С. 291–324.

плачено 2 ден. («пошлин да поклонного»), сторожам («придверником») столько же, разрядному подъячему Ивану Рукавову «с товарищи» было выплачено 6 алт. 2 ден., воеводе была поднесена самая крупная сумма в размере 1 руб.³⁴ Приходо-расходная книга раскрывает и назначение этих платежей, обеспечивавших прохождение дела в приказной избе:³⁵ сторожа должны были пустить челобитчиков к воеводе «для церковного дела», подъячим полагалось рассмотреть «счетной и доходной», а князь должен был «безволокидно» учинить указ по рассматриваемому делу.³⁶ Подносы и ходатайства нужных людей оказались ненапрясными: 12 мая 1620 г. воевода Хилков приказал взыскать со старосты Худяка 5 руб. 3 алт. 2 ден. Видимо, такой суммы у бывшего старосты не оказалось, и его «на правезы держали». Незадачливый староста был взят на поруки, что потребовало выплаты приставу 3 алт. 2 ден.³⁷

Выплаты за старосту продолжались более десятилетия, и долг Худяка Кустова перешел на его ближайших родственников. 14 апреля 1633 г. церковный приказчик Герасим Чалов с волостными крестьянами взял на Семене Худякове, сыне Худяка, 28 руб. 5 алт.³⁸ Взыскание недостающих средств происходило на Холмогорах, о чем говорит присутствие подъячего Василия Григорьева, которому за работу было заплачено 5 алт.³⁹

Обращения старост (приказчиков) к воеводской власти для взыскания денег с оставивших должность крестьян неоднократно встречаются на листах богоявленских приходо-расходных книг.⁴⁰ Особую заботу составляло «выбивание» денег по кабалам. Сложность и запутанность этого рода дел заключалась в том, что кабалы, фиксировавшие передачу приходом крестьянину денег или хлеба в долг, могли быть не оплачены вовремя и переданы новому старосте. Получив «по наследству» такие долговые обязательства, старосты пытались снять их с себя, переложив ответственность на предшественника. Церковный приказчик Ксенифонт Клементьев в январе 1670 г. вышел на очную ставку в съезжей избе с прошлым приказчиком Матфеем Вавильевым, отказываясь от приема «кабал Захаровы роздачи».⁴¹ Сложивший в 1668/69 г. полномочия Матфей Вавильев попросту

³⁴ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 122. Л. 23–23 об.

³⁵ В приходо-расходной книге приказная изба называется розрядом.

³⁶ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 122. Л. 22–23 об.

³⁷ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 122. Л. 24 об.

³⁸ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 166. Л. 8 об.

³⁹ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 166. Л. 19.

⁴⁰ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 335. Л. 20 об.; Д. 560. Л. 8 об.; Д. 594. Л. 10 об.–11, 13 об.

⁴¹ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 594. Л. 10 об.

стремился передать кабалы вновь избранному приказчику. Запрет на передачу денежных и хлебных кабал вводится архиепископом Афанасием в 1690-х гг. При выборе нового приказчика «кабалы, которые объявятца в церковной казне, ...и тех кабал в казну ныне у них (священника и церковного приказчика — С. Н.) не принимать, толко их описать, и велеть по тем кабалам денги и хлеб збирать им, священнику и прежнему приказщику, собою, и те денги в церковную казну отдать им без задержанья».⁴²

Сумма прихода во всех случаях превышала сумму расхода церковного приказчика. Но выручка никогда не вносилась в казну в срок. Чем это могло быть вызвано, сказать сложно. По предположению З. А. Огризко, церковные старосты попросту злоупотребляли своим положением, а возвращая деньги в течение нескольких лет (и даже десятилетий), получали тем самым беспроцентный кредит.⁴³ В приходе-расходной книге церковного приказчика Захара Васильева 1659–1660 гг. содержится запись о взимании долга «по тяжбной записи» с приказчика Леонтия Митрофанова⁴⁴ в размере 19 руб. 11 алт. 5 ден.⁴⁵ Счетный список, фиксировавший долг, был составлен в 1626/27 г., т. е. более чем за 30 (!) лет до записи об уплате в приходе-расходную книгу.

Свободное распоряжение казенными средствами и продуктами было повседневной практикой не только церковных приказчиков, но и приказных старцев монастырей Русского Севера. В. И. Иванов, специально рассматривавший этот вопрос, выявил регулярные случаи не только махинаций и сокрытия денежных средств, но и подделки самих отчетных документов — приходе-расходных книг.⁴⁶ Что уж говорить о старостах и приказных старцах, если в таком подлоге был уличен казначей (!) Соловецкого монастыря старец Савва (Устамков).⁴⁷

На обороте счетных списков содержатся многочисленные записи об уплате долга приказчиками. Как и Леонтий Митрофанов, другие приказчики возвращали недостающие средства в церковную казну годами и даже десятилетиями. Показателен пример приказчика С. М. Палехова, сосчитанного 19 декабря 1691 г. Ему следовало вернуть в казну 27 руб. 40 ½ коп., а также 9 мер и 2 четверика жита.⁴⁸ Возвращение долга растянулось с января 1698 г. по 1745 г., на 47 (!) лет.

⁴² ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 702. Л. 2–3.

⁴³ Огризко З. А. Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в. С. 77.

⁴⁴ Занимал должность в 1624–1625 гг.

⁴⁵ ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 518. Л. 11.

⁴⁶ Иванов В. И. Бухгалтерский учет... С. 82–95.

⁴⁷ Иванов В. И. Бухгалтерский учет... С. 90–91.

⁴⁸ ГААО. Ф. 1025. Оп. 1. Д. 691. Л. 1–2.

Поскольку выплата долга растягивалась на десятилетия, приказчик нередко умирал, не успев рассчитаться полностью. В таких случаях расплачиваться за него продолжали близкие родственники, прежде всего дети.

Крестьянская община выработала действенные механизмы контроля за финансовой и хозяйственной деятельностью церковных приказчиков. Текущий контроль заключался в проверке разовых финансовых поступлений в церковную казну (выемка денег из кувшина, сбор на блюдо, продажа сена и зерна и т. п.) или тратах при найме работников, покупке предметов церковного культа и т. п. Итоговый контроль происходил во время процедуры счета, в котором участвовали либо выборные счетчики, либо представители крестьянского мира.

Обращение к власти происходило только в ситуации конфликта, когда приказчик отказывался выплачивать долг или выходить на счет. Учреждение Холмогорской и Важской епархии вводит определенные механизмы пресечения этих конфликтов: запрет передавать кабалы «по наследству» от приказчика к приказчику, обязательная отчетность в Казенном архиерейском приказе.

Список литературы

- Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1: Областное деление Поморья. Землевладение и общественный строй. Органы самоуправления. М., 1909. VIII, 322, 105 с., [1] л. карт.; Т. 2: Деятельность земского мира. Земство и государство. М., 1912. 311, 45, 30 с.
- Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. [4], VI, 683 с., 1 л. факс.
- Зольникова Н. Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. 288, [2] с.
- Иванов В. И.* Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв.: Историко-источниковедческое исследование прихода-расходных книг. СПб., 2005. 248, [2] с.
- Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. 244 с.
- Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. 245 с.
- Макаров Н. А.* Церковные приходы и монастыри Кенозерья и Среднего Поонежья. Архангельск, 2007. 431 с.
- Огризко З. А.* Землевладение севернорусских волостных церквей в XVII в.: К вопросу о первичных формах феодальной собственности на землю // История СССР. 1961. № 3. С. 71–81.

- Проскурякова М. Е.* Механизм избрания крестьянских старост в карельской деревне (последняя четверть XVII века) // CARELICA: Научный электронный журнал. 2014. № 1 (11). С. 38–55. (<http://carelica.petrstu.ru/CARELICA/Journal.html>).
- Суслова Е. Д.* Обельные крестьяне и общинное самоуправление в Карелии XVII века: Социальный конфликт как подоплека убийства сельского священника // Новый исторический вестник. 2016. № 4 (50). С. 19–38.
- Суслова Е. Д.* Православные приходы Олонецкого края в политике Российского государства и церкви в конце XV — начале XVIII века // Трансформация и интеграция: Карельская периферия в Российской империи. СПб., 2021. С. 229–302.
- Суслова Е. Д.* Приходское духовенство и его роль в управлении заонежскими и лопскими погостами во второй половине XVII — начале XVIII в.: Научное электронное издание. Петрозаводск, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Суслова Е. Д.* Служители церкви в Карелии раннего нового времени: Складывание династий [электронный ресурс]. Петрозаводск, 2013. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- Суслова Е. Д.* Церковный староста в повседневной жизни карельского прихода в конце XVII — начале XVIII века // CARELICA: Научный электронный журнал. 2014. № 1 (11). С. 51–67. ([http://carelica.petrstu.ru/CARELiCA_/1_2014_\(11\)/Articles/Articles.html](http://carelica.petrstu.ru/CARELiCA_/1_2014_(11)/Articles/Articles.html)).
- Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997. 285 с.
- Швейковская Е. Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. 366 с.
- Юшков С. В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV–XVII вв. СПб., 1913. 137 с.

Ю. С. БЕЛЯНКИН

Российская государственная библиотека, Москва
Московский государственный университет

БОРЬБА ЭСХАТОЛОГИЙ В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛЕМИКЕ конца XVII — начала XVIII в.

Статья посвящена исследованию «столкновения» различных эсхатологий, которое актуализировалось во второй половине XVII в. с началом церковного раскола. Впервые с конца XV в. эсхатологические ожидания проникли в широкие круги общества, стали предметом острейших дискуссий, одним из главных вопросов церковного раскола, точнее его следствием. Сочинения авторов-старообрядцев о последних временах и его знамениях расходились в рукописных списках, представляя большую опасность для церковных и светских властей. Главным официальным церковным ответом на всевозможные эсхатологические чаяния стала книга митрополита Стефана Яворского «Знамения пришествия антихристов», впервые увидевшая свет в 1703 г. Практически сразу это издание заняло свое место в ряду ключевых полемических книг, направленных против идеологии старообрядчества.

Ключевые слова: старообрядцы, эсхатология, полемика, патриаршая церковь, Стефан Яворский, церковный раскол

Эсхатология играла чрезвычайно важную роль в идеологии старообрядцев. Их учение о конце времен называло церковные реформы XVII века зримым воплощением замыслов врага рода человеческого, оправдывало сопротивление церковным и светским властям, «прислуживавшим» антихристу. В Русской Церкви вопросы эсхатологии наиболее активно обсуждались в связи с ожиданием последних времен в конце XV в. Однако с тех пор они были сформулированы в общем виде, получив новое развитие во время церковного раскола XVII в.¹ В полемической литературе изучаемого периода, направленной против «раскольников», проблеме их эсхатологических воззрений не было уделено практически никакого внимания. Только одно из последних изданий такого рода, вышедших на Московском Печатном дворе, «Знамения пришествия Антихристов» митрополита Стефана Яворского, увидевшее свет в начале XVIII в. (1703), уже после завершения наиболее острой стадии полемики, оказалось полностью посвящено данной теме, несмотря на то, что прямо в нем не упоминается кто-либо из лидеров старообрядческого движения. Этот памятник мы используем ниже для исследования полемики о конце времен между сторонниками «старой веры» и официальной церковной линии. Как и первые полемические книги раннего периода раскола,

¹ Гурьянова Н. С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. С. 7.

«Знамения» Стефана Яворского довольно быстро вошли в «канонический» ряд изданий, выступавших в качестве «орудия» церковных властей. Так, в рукописи Вологодского собрания (РГБ. Ф. 354 (Вологодское собр.). № 109; перв. пол. XVIII в.) присутствует датированный 1707 годом текст авторства Феодосия Васильева,² построенный в форме полемики «раскольника» с представителем официальной церкви, который начинается описанием «использованной литературы» (л. 1): «Прииде некий человек, имея с собою книги от никонова патриаршества изложенныя, Скрижаль, и Жезл, и Увет нарицаемый и еще две. Едину в тетратех, изложение Иова митрополита Новгородскаго писаную о знамениях пришествия антихристова. А другую о том же напечатану изложение Стефана митрополита Рязанскаго ради вопросов от прежних книг о церковных догматах и о пришествии последнего антихриста». Значительное место в рукописи отведено именно дискуссии о знамениях антихристова пришествия³. Писец сборника из собрания Егорова (РГБ. Ф. 98 (собр. Егорова). № 374; 1748 г.) «ростовец» Григорий Федоров также отмечает книгу Стефана Яворского, описывая в послесловии к своему рукописному «Цветнику» источники, которыми он пользовался (в их числе «Поморские ответы»), и косвенно цитируя при этом начальные строки уже упомянутой «Книжицы о антихристе» Феодосия Васильева (л. 358–359 об.), применяя их к истории появления «Поморских ответов»: «Прииде некто из Московскаго государства Сеноду старец именем Неофит, имея с собою книги, от Никонова патриаршества вновь изложенныя, Скрыжаль, и Жезл, и Увет нарицаемая, и еще две, едину в тетратех изложение Иова, митрополита Новгородскаго, писаную о знамениях пришествия антихристова, а другую о том же напечатану изложение Стефана, митрополита Рязанскаго, ради вопросов от прежних книг, иже печатаны и писаны быша до лета 7163 году о церковных догматах, таже и о пришествии последнего антихриста».⁴

² Подробнее об этом произведении: *Гурьянова Н. С.* Старообрядческие эсхатологические сочинения начала XVIII в. // *Общественное сознание и литература XVI–XX вв.* Новосибирск, 2001. С. 84–107. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 21).

³ В целом ряде мест рукописи книга Стефана Яворского прямо цитируется и используется в полемическом диалоге. Так, на л. 19–20 приводятся весьма сходные толкования Стефана и Иова Новгородского о тысяче лет, в течение которой был связан враг рода человеческого: согласно им, это время нуждается в символическом толковании, а не в буквальном, как о том писали авторы-старообрядцы, видевшие в церковной схизме рубежа тысячелетий явное и буквальное проявление сатанинских ухищрений. Таким же образом мнение Стефана приводится в вопросе о том, везде ли уже проповедано слово евангельское: «На востоце и на западе многа и пространна зело царствия обретошася, идеже ни следа, ни памяти проповеди евангельския обрести можно» (л. 42).

⁴ Другие интересные примеры использования книги Стефана Яворского в полемике той эпохи см. в статье: *Гурьянова Н. С.* Об использовании старообрядцами сочинений оппонентов // *Вестник НГУ. Серия История, филология.* Т. 17. № 8 (2018). С. 38–48.

Защитники «старой веры» полагали, что они отстаивают православное эсхатологическое учение, существовавшее до реформ патриарха Никона. В принципе это соответствовало действительности, и их изыскания на эту тему в общем не противоречили предшествующей традиции.⁵ В то же время в патриаршей Церкви это учение на тот момент не развивалось и не считалось актуальным, что должно было потребовать от книжников сформулировать внятный ответ на теории «раскольников». Обе стороны обращались к общехристианским текстам, касавшимся проблемы конца времен, вполне свободно их интерпретируя в полемических целях.

Рассматриваемый вопрос напрямую связан с одним из важнейших пунктов полемики — проблемой исправления Символа веры. Первым их связал в своей «Книге» Спиридон Потемкин, считавший «повреждение» Символа едва ли не главным признаком наступления последних времен в ближайшей перспективе. Одно из «Слов» (5-е) его трактата носит исчерпывающее название: «Слово о прелести антихристовой и предотечей его последних времен, и яко сатана мудрствует своими угодники, и яко не глаголати на Святаго Духа лаяния хульна»⁶ (т. е. о «неистинстве» третьей Ипостаси).

Одним из важных направлений рассуждений Стефана Яворского в «Знамениях пришествия» стало толкование «седмин Даниловых», на которых «ложное мнение свое утверждают» проповедники скорого наступления Второго пришествия. Кроме того, он стремился опровергнуть старообрядческие рассуждения на тему антихристового имени, вращавшиеся вокруг «числа звериного», которое в том числе и идеологи старообрядческой эсхатологии «славенскими писмены различне слагают исчислением лет» (л. 8⁷). Хотя во всем своем сочинении Стефан Яворский ни разу прямо не называет тех, против кого был направлен его трактат, замечание о том, что его оппоненты именуют «царствующий град Москву Вавилоном», а жителей — «слугами антихристовыми», прямо наводит на мысль именно о «раскольниках», нередко прибегавших к таким аналогиям в своих текстах. Кроме того, Стефан Яворский подчеркивал, что он полемизирует с «врагами нашими домашними», еще не в самые давние времена ходившими «с нами» в одни и те же храмы (л. 9 1-го сч.). Свт. Димитрий Ростовский прямо называл старообрядцев главными адресатами книги митрополита Стефана: «На кое их ложно учение довольно и истинно, от

⁵ См.: Гурьянова Н. С. Эсхатологический миф у старообрядцев. XVII в. // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 410.

⁶ Бубнов Н. Ю. Спиридон Потемкин и его «Книга» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1986. С. 361.

⁷ Здесь и далее листы указываются по московскому изданию 1752 г., листы 2-го счета указаны по умолчанию.

неложных писаний свидетельств отвеща преосвященнейший архиерей Стефан, книжецею малою, но великаго благоразумия».⁸

Митрополит Стефан в «Знамениях пришествия» предлагает «сугубое» толкование об антихристе. С одной стороны, под ним следует понимать любого противника Христова, которого можно найти в «мирской» жизни. Но собственно предметом обсуждения является второй, истинный «образ» антихриста, который есть «начальнейший супостат и враг Христов и гонитель великий, иже приити имать при кончине мира». Все прочие «антихристы» суть его предтечи.

В основе своей учение авторов-старообрядцев об антихристе не противоречило толкованиям Стефана Яворского. Так, поп Лазарь писал об антихристовых слугах, которыми враг Христов «место себе самодержавное царское готовит и всех прежде бывших его еретик превзойдет».⁹ Единственное существенное отличие, по-видимому, в том, что митрополит Стефан делал акцент именно на самой фигуре антихриста и описании знамений его пришествия. Старообрядцы же говорили об очевидности крайне яркой активности уже в то время его предтечей, в качестве которых выступали «никониане». Дьякон Федор обращал внимание всех «верных» на то, что «никонияне злы... не явные ли предотечи антихристовы».¹⁰

Митрополит Стефан в «Знамениях пришествия» подчеркивал невозможность для любой земной твари и даже для ангелов и святых «разрешать седмопечатную оную таинственную книгу», содержащую тайну Судного дня: «Ниединоже созданное естество может, ниже ангели, ниже человецы в плоти сущи, известное Божественных судеб постигоша ведение» (л. 7). Это же в качестве главного аргумента выдвигал коломенский священник Иоанн в «Споре православных с капитоны» (единственный список сочинения второй половины XVII в.): «В пагубу слушающим ведати пишут тайнам... вси апостолы вопросивши Господа о знамении пришествия Его и о кончине века..., но запрети им превосходящая ум человеческий яко не доведомая и ангелом Божиим».¹¹ С другой стороны, Геронтий Соловецкий тоже не отрицал недоступность знаний о последнем часе, но делал одно замечание, ко-

⁸ *Димитрий Ростовский, свт.* Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1855. С. 102.

⁹ *Лазарь, иерей.* Челобитная царю Алексею Михайловичу // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 4. М., 1878. С. 246.

¹⁰ *Федор, дьякон.* Послание из Пустозерска к сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 6. М., 1881. С. 208.

¹¹ РГБ. Ф. 310 (собр. Ундольского). № 1366. Л. 117.

торое, в конечном счете, разрешало это противоречие: «А еже о последнем дни и часе никто же от человек весть, ниже ведети может, его же отнюдь не сами ангели сведят о сем». Но, хотя точного дня и час знать невозможно, «простейшие человецы тогда слышаще и видяще, разумети могут: яко же во Апокалипсисе толковом во главе 13 пишет “Тогда бо время открытее и искусе целомудрствующим”».¹² Инок Авраамий также считал возможным для «малых» познать антихристову прелесть, что оправдывало неподчинение церковным и светским властям, перешедшим на его сторону.

Некоторые другие аргументы митрополита Стефана в «Знамениях пришествия» тоже не выглядели достаточно убедительно и не позволяли однозначно победить в полемике. Так, он ссылаясь на слова апостола Павла, что истинный антихрист, «человек беззакония и сын погибели», будет узнан как превозносящийся «паче всякаго глаголемаго Бога» (л. 5). Но признаков такового, по мнению митрополита Стефана, в мире еще не наблюдается. Однако инок Авраамий предложил такую фигуру, которая в его описании вполне походила на подлинного антихриста, «иже приити имать при кончине мира, прежде Суда Господня». Авраамий писал, что врагу Христову «зело подобится Никон пагубник яко построил Иерусалим в северной стране... и церковь такову построил».¹³ Аналогии, выстраивавшиеся старообрядцами, были весьма прозрачны: «Антихрист сядет на месте святе в церкви Иерусалимской и начнет себе изъявляти аки Бога».¹⁴ Мнение митрополита Стефана, будто антихрист, как ранее Спаситель, сначала явится среди иудеев («имже обещан бяхе от нихже... чаяшеся, потом же совокупи себе языки» (л. 66)), в общем не противоречило идее инока Авраамия, что защитники церковных реформ из-за исправления в Символе веры не верят в нынешнее совершенное царство Христово и тем уподобляются евреям, ждущим своего мессию. Идея «Москва — Новый Иерусалим», сформировавшаяся к началу XVII в., в этом контексте оказывалась «идеальным» обоснованием места явления антихриста новым «жидам». Со старообрядческими представлениями о патриархе Никоне как воплощении антихриста пред-

¹² Геронтий Соловецкий. Ответ вкратце Соловецкого монастыря к востязующим нас, чесо ради не оставляем истинныя своея благочестивыя веры // Памятники старообрядческой письменности. [Вып. 2]: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне / Сост. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2006. С. 276.

¹³ Послание отца Авраамия и страдальца за веру Христову к некоему боголюбцу // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 7. М., 1885. С. 421.

¹⁴ Во 175 году собор бысть отступников на нечестивого еретика Никона, его и из сана извергоша, и сами достойни извержения, и изложися от них сие соборное деяние // Материалы для истории раскола ... Т. 7. С. 134–135.

течи, основанными на идеях «Книги о вере», полемизировал Юрий Крижанич, защищая одновременно и римского понтифика от нападок протестантов: «зло соблазнишися раздорники и еже списатель книги о вере о Папе лжет, то они на невинного Никона привлекоша».¹⁵

Стремясь нивелировать ощущение последних времен, обостренно проступающее в сочинениях старообрядцев, митрополит Стефан в «Знамениях пришествия» замечает, что тайна беззакония, сама по себе, уже давно «деется» — собственно с тех пор, как произошли все евангельские события, и враг Христов, в том или ином виде, постепенно овладевает миром («Иоанн святыи глаголет, яко антихрист грядет и ныне в мире уж есть» (л. 5 об.)). Однако он присутствует не непосредственно и буквально, а в своих предтечах. Подобно Христову пришествию, которое предвозвещалось от создания мира («от начала мира тайна спасения нашего деется») через пророков, наступление антихристово тоже предваряется «пророками». В определенной мере схожими с этим выглядят идеи протопопа Аввакума: «А о последнем антихристе не блзнитеся, еще он последней черте не бывал. Нынешние бояре его комнатные... возятся, яко беси, путь ему подстилают. А тайна уже давно делается беззакония».¹⁶

Стефан Яворский в «Знамениях пришествия» кратко изложил всю историю эсхатологических ожиданий с момента зарождения христианской церкви, показывая их несостоятельность, проявлявшуюся в каждый конкретный исторический момент. Так, «бяху нецьи в первенствующей церкви, иже по первой тысяще лет от страстей Господних возмнеша настоящ Суд Господень, предваряюще антихристу» (л. 9 об.). Завоевание османами христианских земель, совпавшее по времени с окончанием седьмой тысячи лет, тоже не ознаменовало светопреставление («Еще бяху и иные мнози... мняще, яко в седмой тысяще лет от создания мира имяше Господь избранным своим дати упокоение в горних селениях» — л. 10).

Существовали также разногласия в понимании «мерзости запустения», места и времени ее наступления. Митрополит Стефан в «Знамениях пришествия» призывал понимать эту «мерзость» только

¹⁵ См.: Обличение на Соловецкую челобитную, сочиненное убо на сербском языке Юрием Сербянином, преведено же на славенский диалект московския типографии справщиком Феодором Поликарповым / Изд. И. Добровольский. Казань, 1878. С. 23. Юрий Крижанич, развивая эсхатологическую тему, предложил теорию о семи царствах: «Аще Бог сотворил семь дний, семь небес и семь начальных ангелов, кажется нам к истине прилично, еже и царств семь славнейших есть..., а седьмое новоримское еще не быше пришло».

¹⁶ Аввакум, *прот.* Послание ко всем верным // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 5. М., 1879. С. 250.

ретроспективно, подразумевая под этим вполне конкретные события — разрушение Храма в Иерусалиме и осквернение Святой святых: «Предвозвещает ангел Даниилу омерзение и опустение, еже сбытся при разорении Иерусалима. Мерзость бо запустения zde не разумеется антихрист. Разве прообразительне: по истине же разумеется кумир, его же внесоша в церкви Святой святых» (л. 24 об.). Для протопопа Аввакума мерзость заключалась в другом: «Мерзость запустения, непреподобно священство, и прелесть антихристова на святом месте поставится, сиречь на олтари неправославная служба».¹⁷ Об относительности значения «мерзости запустения» писал автор антистарообрядческой «Брозды духовной»: «Не ко единому времени антихристова пришествия прилагается. ...Мерзость бо явися запустения в сердцах каменосердых иудей, иже злобою Господа распяша. ...Мерзость бо запустения Иерусалиму мимошедшее от римлян пленение, яке бысть по Христове вознесении».¹⁸

Геронтий Соловецкий, опираясь на толкования Кирилла Иерусалимского, видел мерзость запустения в разделениях и раздорах в православной вере, которые ярко проявились в результате церковного раскола: «Той же Кирилл пишет внимлите, рече, мерзости запустения, яко еретицы егда в церквах христианских пребудут, жертвенники разорят».¹⁹ Знаменитые «седмины Даниловы», от которых «мнится быти ныне кончина мира» и на которые нередко ссылались «раскольники», Стефан Яворский рассматривает с тех же позиций: «Тайну седмин даниловых учителя церковнии исповедают быти о пришествии первом Христовом... крепкий довод восприяша противу безбожных иудеов, прящеся, яко исполнишася уже семьдесят седмин, ангелом Даниилу реченныя до пришествия Христова перваго» (л. 15–15 об.). Наступившее для иудеев в полном смысле запустение и рассеяние есть прямое исполнение пророчества. Кроме того, митрополит Стефан последовательно рассматривает традиционные и хорошо известные по Писанию знамения, которые непосредственно будут означать наступление последних времен. Ни одно из них (включая еще не свершившуюся повсеместную проповедь Евангелия), исходя из его описания, не проявилось, если не принимать в расчет «знамений общих, якоже суть брани, восстания языка на язык, царства на царство, грады, труси, пагубы, померчения солнца» (л. 34 об.), которые

¹⁷ См.: Кантерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. М., 1909. С. 462.

¹⁸ Цит. по: Смирнов П. Неизданное противораскольническое сочинение XVII в. «Брозда духовная» // Христианское чтение. 1900. № 7. С. 116.

¹⁹ Геронтий Соловецкий. Ответ вкратце Соловецкого монастыря к востязующим нас, чесо ради не оставляем истинныя свояя благочестивыя веры // Памятники старообрядческой письменности... С. 283.

не являются для него показательными. Впрочем, для старообрядцев недостатка в знамениях не было, и главное из них — «нигдеже бо от века не слыхано, еже верных верных убивали насмерть или христиан христиан мучили».²⁰

Митрополит Стефан в «Знамениях пришествия» и некоторые авторы-старообрядцы по-разному рассматривали в свете эсхатологии еще одно важнейшее историческое событие — церковную схизму между Западом и Востоком. Стефан Яворский расценивал случившееся лишь как один из рядовых эпизодов перманентного овладения дьяволом земным миром («римляне отступление ко отступлению приложиша, егда символ православныя веры разориша приложением “и от Сына”» (л. 38 об.)). С другой стороны, как известно, дьякон Федор и другие «идеологи» старообрядчества считали, что по прошествии тысячи лет от распятия Христова «развязан змей», отторгший часть православных при помощи римского понтифика: отсюда они отсчитывали время падения в веру населения древнерусских православных земель.

Наконец, одним из главных «маркеров», который мог бы означать пришествие антихриста, было падение Римского царства. Восприятие Рима традиционно было крайне негативным — и в сочинении митрополита Стефана, и в старообрядческих текстах. Как писал Стефан Яворский, «римстии кесари, наченше от времен апостольских во всей вселенней гониша церковь Божию. Сего же ради никому иному, разве Риму, прилична суть оная словеса: и видех жену, пьяну кровми святых и кровми свидетелей Иисусовых» (л. 102). Ему, по существу, вторил дьякон Федор, также считая «римское царство» источником всех ересей и нечестия. С данного места уже начинались принципиальные расхождения в толкованиях применительно к текущим временам. Если для митрополита Стефана здесь не было никакой двусмысленности, и «ветхий» Рим подразумевался напрямую, а не символически, то для дьякона Федора, например, Римское царство перемещалось на Русь, что переворачивало «наоборот» идею Московского царства как нового Рима. Такого же мнения придерживался и инок Авраамий: «Кирил же во многих местах во своей книзе во знамениях воспоминает, яко в Риме царствовать будет. И сие согласно, еже zde быти ему, в стране северной».²¹

Сопровождающее Второе пришествие падение Вавилона аллегорически толкуется митрополитом Стефаном как разорение ветхого, западного Рима: «Кий бо град имать царство над цари земными паче ветхаго Рима иже нарицашеся всея вселенныя владычица» (л. 104).

²⁰ Федор, дьякон. Послание из Пустозерска к сыну Максиму... С. 182.

²¹ Послание отца Авраамия и страдальца за веру Христову... С. 419.

Однако дьякон Федор, в частности, стремился выделить знамения, которые свидетельствовали о скором наступлении «разорения» именно на Руси, когда сатана после многих попыток «отторг» наконец и российское царство от православия. Согласно митрополиту Стефану, римское царство «аще уже и преклонесе к падению, но не весма падеся» (л. 43).

Свт. Димитрий оспаривал представления «раскольников» о фактическом наступлении царства антихриста «мысленного» — не уподобительный, а подлинный и единственный антихрист должен явиться только «существенне», а не «мысленне»: «Мы же разсудим сие: чувственному антихристу, существенне человеку, а не невидимому духу, быти имущему... Убо не о московском мысленном, но о самом существенном Халдейском Вавилоне во Апокалипси писашася».²²

Сам патриарх Никон в своих известных на сегодняшний день в историографии трудах не высказывался специально на тему конца времен. Единственным исключением является одно из его «возражений», включенных в обширное «Разорение против вопрогов и ответов». Паисий Лигарид обличал Никона, имея в виду Новоиерусалимский монастырь, что он «не называет тот монастырь новая обитель, но новый Иерусалим». Обращаясь к Никону, Паисий Лигарид писал: «Не были пророчества о твоём, не прямом Иерусалиме... Ново письмо начинаешь, котораго дожидаются себе жидове, ...что изыдет воплотится мессия в Новом Иерусалиме».²³ В связи с этими претензиями Никон посвятил пространное «возражение» теме пришествия антихриста («Слыши, ответотворче, како имать антихрист родитися и где» и т. д.). Приводя традиционные выписки о месте, времени и признаках пришествия антихриста и о наступлении последних времен («о антихристове пришествии вкратце реченная от святых книг»), Никон делает вывод о полном несовпадении этих фактов с рассуждениями Лигарида: «Како ты сводишь таковыми безумными приклады, яко антихристу изыти из Воскресенскаго монастыря Новаго Иерусалима».²⁴

²² Димитрий Ростовский, свт. Розыск о раскольниковской брынской вере. С. 111–113.

²³ Никон, патриарх. Труды / Научн. исслед., подгот. документов к изданию, сост. и общая редакция В. В. Шмидта. М., 2004. С. 229.

²⁴ Никон, патриарх. Труды. С. 230. В одном из писем царю Алексею Михайловичу патриарх Никон упомянул, что в Кирилловом монастыре его однажды обозвали антихристом: «Да у них же, государь, в Кириллове монастыре есть вкладчик Александр Борков, а ереси держится капитонские и исправленные книги называет еретическими, а меня, богомольца твоего, называет антихристом. А я несть антихрист, аще и грешен есмь, но благодатию Божию совершен христианин и святым крещением просвещен, а антихрист егда во свое время будет, аще что и сотворит — все по привидению и ложным действием». Далее Никон проявляет обеспокоенность активностью местного

За два столетия, прошедших с момента несостоявшегося светопреставления в конце XV века, ситуация кардинально переменилась.²⁵ Если раньше духовные власти находились в ожидании последних времен, а противостоявшие им «еретики» опровергали подобные идеи, то в новых условиях «официальная» Церковь явно нивелировала эсхатологические ожидания, активно развивавшиеся новыми «церковными раздорниками». Главным и, по существу, единственным сохранившимся известным источником об официальной церковной позиции в области эсхатологии того времени является рассмотренное и изученное в статье сочинение Стефана Яворского, которое появилось в момент последней актуализации общественного дискурса о конце времен и, вместе с тем, завершило эту тему, уходящую корнями в глубокое средневековье. Благодаря «Знамениям пришествия» митрополита Стефана удалось проследить места пересечения и точки различия церковной риторики с писаниями старообрядцев второй половины XVII — начала XVIII в. в момент последнего обострения дискуссий о перспективах конца истории и времени Судного дня.

Список литературы

- Аввакум, прот. Послание ко всем верным // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 5. М., 1879. С. 239–250.
- Беляков А. А., Белякова Е. В. О пересмотре эсхатологической концепции на Руси в конце XV в. // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992. С. 7–31.
- Бубнов Н. Ю. Спиридон Потемкин и его «Книга» // ТОДРЛ. Т. 40. Л., 1986. С. 345–363.
- Гурьянова Н. С. Об использовании старообрядцами сочинений оппонентов // Вестник НГУ. Серия История, филология. Т. 17. № 8 (2018). С. 38–48.
- Гурьянова Н. С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007. 377 с.

«капитона»: «А тебя, великого государя, называет он, Александр, изумившимся и прельстившимся того ради, что ты, великий государь, св. книги почитаешь справлены с старогрецких. И без всякого воздержания, хто справлены книги почитает, называет он, Александр, тех еретиками, и свою ересь везде прославляет, и многих учит, и привлекает к своей ереси. ...А как, государь, та ересь умножится, и у них то же будет, что и в Соловках» (Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: Исследование и тексты. М., 2007. С. 525–527).

²⁵ См. об этом подробнее: Беляков А. А., Белякова Е. В. О пересмотре эсхатологической концепции на Руси в конце XV в. // Архив русской истории. Вып. 1. М., 1992. С. 7–31.

- Гурьянова Н. С. Старообрядческие эсхатологические сочинения начала XVIII в. // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 84–107. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 21).
- Гурьянова Н. С. Эсхатологический миф у старообрядцев. XVII в. // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 410–418.
- Димитрий Ростовский, свт. Розыск о раскольнической брынской вере. М., 1855. 643 с.
- Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. М., 1909. 525 с.
- Лазарь, иерей. Челобитная царю Алексею Михайловичу // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 4. М., 1878. С. 223–266.
- Никон, патриарх. Труды / Научн. исслед., подгот. документов к изданию, сост. и общая редакция В. В. Шмидта. М., 2004. 1260 с.
- Обличение на Соловецкую челобитную, сочиненное убо на сербском языке Юрием Сербянином, преведено же на славенский диалект московския типографии справщиком Феодором Поликарповым / Изд. И. Добротворский. Казань, 1878. 112 с.
- Памятники старообрядческой письменности. [Вып. 2]: Сочинения Геронтия Соловецкого. История о патриархе Никоне / Сост. Н. Ю. Бубнов. СПб., 2006. 460 с.
- Послание отца Авраамия и страдальца за веру Христову к некоему боголюбцу // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 7. М., 1885. С. 417–426.
- Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: Исследование и тексты. М., 2007. 776 с.
- Смирнов П. Неизданное противораскольническое сочинение XVII в. «Брозда духовная» // Христианское чтение. 1900. № 7. С. 102–129.
- Стефан Яворский. Знамения пришествия антихристова и кончины века. М., 1752. 15, 152 л.
- Федор, дьякон. Послание из Пустозерска к сыну Максиму и прочим сродникам и братьям по вере // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита / Под ред. Н. Субботина. Т. 6. М., 1881. С. 90–261.

А. И. АЛЕКСЕЕВ

Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург

АВТОРСКОЕ НАЧАЛО В АНОНИМНЫХ ИСТОРИЯХ ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются сочинения, приписываемые авторству П. Н. Крекшина, графа А. А. Матвеева, а также две анонимные истории, повествующие о событиях царствования Петра I. Попытки изучить происхождение этих историй предпринимались в трудах М. П. Погодина, Е. Ф. Шмурло, М. Б. Плюхановой и некоторых других исследователей. Представлены результаты наблюдений над рукописной традицией этих текстов. На основании текстологического анализа впервые обоснована гипотеза о том, что традиционно относимые к творчеству графа А. А. Матвеева «Записки», а также «История о невинном заточении ближнего боярина А. С. Матвеева» следует считать сочинениями священника Иоанна Поборского. Представлены также текстологические доказательства в пользу атрибуции анонимной истории «Пятьдесят шестого правителя России Петра Первого» Феофану Прокоповичу. Выдвинута гипотеза в пользу авторства П. Н. Крекшина в отношении анонимного сочинения под заглавием «Славная Северная война и Житие Петра Великого». Обоснована необходимость изучения рукописных сборников XVIII в. исторического содержания.

Ключевые слова: рукописная книжность XVIII в., анонимные истории царствования Петра I, исторические сочинения П. Н. Крекшина, графа А. А. Матвеева, священник Иоанн Поборский

Академик Николай Николаевич Покровский с глубоким вниманием относился к методике атрибуции памятников русской литературы и истории. И я рад представить вниманию специалистов текст, подготовленный с опорой на труды его научной школы.

В первой половине XVIII в. появилось несколько анонимных историй, описывавших события царствования Петра Великого. Рассказы эти пользовались у читателей широкой популярностью, о чем свидетельствует большое количество списков исторических сочинений в архивах и библиотеках. На первое место по популярности следует поставить сочинение под заглавием «Сказание о зачатии и рождении Петра Первого». Эта история известна в сотнях списков XVIII в. Интерес читателей обусловлен вниманием Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского к чудесному предсказанию рождения царевича Петра Алексеича, которому они предрекали великое будущее. К изучению «Сказания» обращались ученые, начиная от академика Миллера до современных исследователей — М. Б. Плюхановой. Частично текст «Сказания» был впервые опубликован Василием Воробьевским в 1787 г. В публикации повествование (без указания ав-

торства) заканчивалось описанием стрелецкого бунта 15 мая 1682 г.¹ В том же 1787 г. другой рукописный список «Сказания», заканчивавшийся описанием событий 1683 г., Ф. О. Туманский включил в свое «Собрание записок о Петре Великом».²

В публикации И. П. Сахарова повествование доведено до неудачного исхода Первого похода под Азов в 1695 г.³ Это издание осуществлено по первой части рукописи, надписанной именем П. Н. Крекшина, под названием «Краткое описание блаженных дел великого государя императора Петра Великого, самодержца всероссийского, собранное через недостойный труд последнего раба Петра Крекшина, дворянина Великого Новгорода» хранится в РГАДА.⁴ Считается, что именно ее П. Н. Крекшин в 1742 г. поднес императрице Елизавете Петровне и стал «первым посмертным биографом Петра Великого».⁵ Текст рукописи излагает историю царствования Петра Великого от зачатия (август 1671 г.) до событий ноября 1705 г., когда Петр вручил командование армией князю А. Д. Меншикову и фельдмаршалу Огильви и отъехал в Москву. В публикации опущен значительный фрагмент о предсказании чудесного рождения Петра Симеоном Полоцким и Дмитрием Ростовским, а также Кириллом Новоезерским и Игнатием Римским-Корсаковым. Также опущено проречение о «Четвертой Северной монархии». Сравнение опубликованного текста с рукописью позволяет заключить, что публикация выполнена по другому списку, поскольку часть текста, читающегося в публикации, в рукописи РГАДА отсутствует.

На современном этапе изучения появляются обоснованные сомнения в авторстве П. Н. Крекшина. Пока можно признать, что «Сказание» является компиляцией. Установление ее источников и подготовка научного издания являются насущными задачами.

¹ Сказание о рождении, о воспитании и наречении на всероссийский царский престол его царского пресветлаго величества государя Петра Первого, находящееся в библиотеке его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева, изданное библиотекарем Васильем Вороблевским. М., 1787.

² Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / Сост. Ф. О. Туманский. Ч. 1: О состоянии Российской империи в 1699 году. СПб., 1787. С. 233–303. Другие издания этого же текста: *Олин В. Н.* О рождении Петра. Предания. СПб., 1835; *Козлов В. Н.* Материалы для истории Петра Великого // Отечественные записки. 1848. Т. 59. С. 152–210.

³ *Сахаров И. П.* Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 1–115.

⁴ РГАДА. Ф. 17. № 167.

⁵ *Плюханова М. Б.* История юности Петра I у П. Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 513. С. 17.

В большинстве рукописных сборников XVIII в. начальная часть «Сказания» соединяется с сочинением, которому И. П. Сахаров в публикации 1841 г. присвоил наименование «Записки графа А. А. Матвеева».⁶ Следует сказать, что это сочинение без указания автора было ранее издано дважды Ф. О. Туманским в 1793 г.⁷ В рукописной традиции оно получило широкое распространение под заглавием «Описание с совершенным испытанием и подлинным известием о смутном времени, приключившемся от возмущения бывших московских стрельцов и к тому воровскому бунту от возмутителей сообщников их». Ни в одном из просмотренных мною списков указания на то, что это сочинение вышло из-под пера А. А. Матвеева не встретилось. Главное доказательство в пользу авторства А. А. Матвеева со времен Сахарова усматривали в следующих строках: «Понеже при времени том сей автор, как самовидец, был верным свидетелем той злосчастной трагедии и в оной отца своего лишился...»⁸ Именно этого выражения нет ни в одной из просмотренных мною рукописях. Очевидно, его вставил публикатор И. П. Сахаров. Полагаю, что сделал он это на основании заявления В. Н. Татищева: «Сильвестр Медведев, монах Чудова монастыря и граф Матвеев описали стрелецкой бунт 1682 г., токмо в сказаниях по страстям весьма несогласны и более противны, потому что графа Матвеева отец в оном стрельцами убит, а Медведев сам тому бунту участником и тайных дел с Милославским предводителем был, за что после с Щегловитым и казнен».⁹

Свидетельство В. Н. Татищева нельзя признать основательным, так как оно указывает не на то, что история о стрелецком бунте вышла из-под пера графа А. А. Матвеева, но на то, что она создана в его окружении. Еще М. П. Погодин, убежденный публикацией И. П. Сахарова в авторстве А. А. Матвеева, считал необходимым отметить некоторые выражения в тексте, которые противоречили такому авторству: «вышеобъявленный Матвеев», «один молодец тот Матвеев», «и один из них молодой Матвеев».¹⁰

⁶ Алексеев А. И. Исторический нарратив об эпохе Петра Великого: компиляция из «Сказания о зачатии и рождении... Петра Первого» и «Записок» А. А. Матвеева в собраниях Отдела рукописей РНБ // История отечественной культуры в архивных документах. СПб., 2022. С. 7–19.

⁷ Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого / Сост. Ф. О. Туманский. Ч. 1: О состоянии Российской империи в 1699 году. СПб., 1787. С. 111–229; Ч. 6: Материалы о стрелецком бунте. СПб., 1787. С. 8–54, 86–96.

⁸ Сахаров И. П. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. С. 2.

⁹ Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Василем Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 1. М., 1768. С. XIII.

¹⁰ Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. СПб., 2020. С. 184.

Решить вопрос об авторстве анонимной истории о стрелецком бунте возможно путем анализа другого, тесно связанного с ним сочинения под названием «История о невинном заточении ближнего боярина А. С. Матвеева».¹¹ Это сочинение большинство исследователей также приписывает авторству А. А. Матвеева. Авторский текст «Истории о невинном заточении» сосредоточен, главным образом, в «Ведении»,¹² в котором излагается история возвращения к Московскому царскому двору боярина А. С. Матвеева, его трагическая гибель и воздаяние, которое получили его противники, последним из которых назван граф П. А. Толстой, подвергшийся опале и ссылке в Соловецкий монастырь в 1728 г.

В. И. Байдину удалось, на мой взгляд, представить веские доказательства в пользу версии о том, что автором «Истории о невинном заточении» являлся один из домочадцев А. С. и А. А. Матвеевых священник И. Поборский.¹³ Существуют все основания для того, чтобы отождествить И. Л. Поборского и священника при Великом посольстве 1697–1698 гг. и духовника царя Петра до 1703 г. Иоанна Поборского. Личность автора ярко проявляется в обоих сочинениях. Сравнивая тексты «Истории о невинном заточении» с «Историей стрелецкого бунта», В. И. Байдин отметил существенные различия между этими сочинениями. Представляется, что на его аргументацию повлияла убежденность в том, что «История о стрелецком бунте» вышла из-под пера графа А. А. Матвеева. Между обоими сочинениями обнаруживается много общего, а различия объясняются некоторыми отличиями жанра.

В обоих сочинениях обильно используются библейские тексты, а также неологизмы, заметно влияние знакомства составителя с западноевропейской политической философией. В. И. Байдин замечает, что новая лексика в этих сочинениях «не из разряда основной массы лексических заимствований петровской эпохи..., но со сферой поли-

¹¹ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, изданная Николаем Новиковым. М., 1776. С. 1–133.

¹² Объявление о возвращении из заточения ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева и о кончине его. Ведение, в которых годах и от кого самодержавнейших великих государей царей самодержцев всероссийских с начала службы боярина Артемона Сергеевича Матвеева он пожалован был чинами и повышен честию боярства, списанное с собственною его боярской руки ... // История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, изданная Николаем Новиковым. М., 1776. С. 333–397.

¹³ Байдин В. И. Священник И. Л. Поборский — писатель первой трети XVIII в.: К вопросу об авторстве «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева...» // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (27). С. 195–237.

тической жизни».¹⁴ Автор «Истории о невинном заточении» именуется «свидетель сей очевидный, всем оным бедствиям самовидец и присутственный страдалец». Автор «Истории стрелецкого бунта» называет себя «сей автор, как самовидец, был верным свидетелем той злосчастной трагедии». В обоих произведениях использована новая и редкая для русского языка терминология — «фавориты», «клевреты», «кредит».¹⁵ Есть в обеих историях дословные совпадения, одинаково говорится о болезненном состоянии царя Федора Алексеевича, в «Объявлении»: «И часто болезнуя от своей тогда бывшей естественной скорби скорбутики, то есть цынготной», в «Записках»: «От бывшей при детских его летах болезни скорбутики, или цынготной скорби».¹⁶ В «Истории» и в «Записках» есть ссылки на иностранные печатные источники о стрелецком бунте 1682 г., следовательно, автор обоих сочинений пользовался ими.¹⁷ Если исходить из того, что «История о невинном заточении» написана не ранее 1728 г. и является своего рода мемориальным памятником А. С. и А. А. Матвеевым, то следует допустить, что «История о стрелецком бунте» была написана несколько ранее.

Обращает на себя внимание оригинальный научно-справочный и поисковый аппарат, использованный автором «Истории о стрелецком бунте». Он встречается в единственном списке, по водяным знакам бумага датируется 1721 г., и я считаю его авторским оригиналом.¹⁸ Ближайшую аналогию ему находим в «Записной книге посольства А. А. Матвеева в Гравенгааге за 1709–1711 гг.».¹⁹ Как известно, священником посольской церкви был Иоанн Поборский.

Таким образом, пересмотрев атрибуцию двух важных исторических сочинений, мы обретаем весьма значительного автора первой трети XVIII в. — священника И. Л. Поборского. Не следует считать случайностью тот факт, что он вырастает из «контактной группы», соединяя западнорусскую образованность (знание латинского и польского языков, интерес к популярной в Европе политической

¹⁴ Байдун В. И. Священник И. Л. Поборский... С. 233.

¹⁵ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. С. 380, 390, 397, 419, 420; Сахаров И. П. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. С. 9, 12, 13, 21.

¹⁶ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. С. 372; Сахаров И. П. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. С. 4.

¹⁷ История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева. С. 425; Сахаров И. П. Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева. С. 2.

¹⁸ РНБ. ОСПК. Q.IV.68. Л. 2–41. Филигрань «Герб Амстердама с постаментом», под ним лигатура «НВ», литеры «MARCHAIХ». См.: Дианова Т. В. Филигранные XVII–XVIII вв.: Герб города Амстердама. М., 1998. № 409 (1721–1722 г.).

¹⁹ РНБ. ОСПК. F.IV.30. Л. 534–546.

философии) с обладанием священническим саном, подразумевающим начитанность в Священном Писании, с участием «самовидца» событий Петровской эпохи.²⁰ Широчайшая популярность «Сказания о зачатии и рождении Петра Первого» и сочинения И. Л. Поборского нуждается в объяснении. Одну из причин я усматриваю в том, что библиотека А. А. Матвеева оказалась в распоряжении правительства Анны Иоанновны. И тут мы переходим к тому очевидному факту, что рождение исторического нарратива о Петровской эпохе на самом деле складывается в царствование Анны Иоанновны.

Известно, что одну из историй Петра Великого написал Феофан Прокопович.²¹ В рукописной традиции получила распространение анонимная история Петра Великого, которую Е. Ф. Шмурло отнес к «аннинскому времени». Текст истории начинался словами: «Пятьдесят шестой сей всепресветлейший великодержавнейший первый император и первый Петр Великий, Всероссийский самодержец, родился в лето от сотворения мира 7180-е...»²² Это сочинение в некоторых списках предварялось историко-биографическим обзором, в котором содержались краткие жизнеописания 55 правителей России от Рюрика до брата и соправителя Петра, царя Иоанна Алексеевича.²³ В качестве художественного выражения концепта Петра как 56-го правителя России следует указать гравюру Алексея Зубова, на которой видим Екатерину I в окружении медальонов с изображением 56 великих князей и царей, начиная с Рюрика и заканчивая Петром.²⁴ Источником подписей к гравюре А. Зубова послужил реестр российских пра-

²⁰ О термине см.: *Шамин С. М., Янссон О.* «Контактные группы» Московского государства // Переводы и переводчики в России конца XVI — начала XVIII столетия. Материалы международной научной конференции. Вып. 2. Москва, 2021. С. 223–229.

²¹ *Феофан (Прокопович, Елеазар).* История императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии, и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно, сочиненная Феофаном Прокоповичем, после бывшим архиепископом Великого Новгорода и Великих Лук, изданная с обретающегося, в кабинетской архиве дел его императорского величества списка, правленного рукою самого сочинителя. СПб., 1773.

²² РНБ. ОСРК. F.IV.8. Л. 37. Подробнее об этой истории см.: *Алексеев А. И.* История Петра Великого аннинского времени в фондах ОР РНБ // «Прекрасная была сия самая первая печать: кругла, мерна, чиста»: Книжная культура эпохи Петра I: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2–3 июня 2022 г. М., 2022. С. 38–52.

²³ РНБ. ОСРК. F.IV.295. Л. 1–138.

²⁴ *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. СПб., 1887. Стб. 753–753, № 40; *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских гравированных XVI–XIX вв. Т. 1. СПб., 1895. Стб. 359, № 16; *Морозов А. В.* Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1. М., 1912. Стб. 427–428, № 34; *Зубов А. Ф.* Портрет Екатерины I в окружении медальонов с портретами русских князей и царей // Родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018. С. 114–123.

вителей в рукописи РНБ, предваряющий историю Петра Великого.²⁵ Обнаружение рукописи «Родословия» из 56 имен, представляющего собой текстовую часть к гравюре А. Зубова 1725 г., а также «Посвящение» императрице Екатерине I от имени Правительствующего Синода, позволяет уверенно отнести этот текст к творчеству Феофана Прокоповича. Сравнительный текстологический анализ указанного списка «Родословия» с его пространным вариантом в рукописи РНБ. ОСПК. F.IV.295. Л. 1–137 позволяет установить авторство Прокоповича и в отношении этого текста. Наконец, результаты предварительного исследования текста истории Петра Великого с текстами «Родословия российских государей» и с другими сочинениями Феофана Прокоповича заставляют также признать его авторство в отношении анонимной истории Петра Великого.²⁶

В качестве основного источника была использована «Гистория свейской войны» в последней редакции. Известно, что в 1722 г. рукопись «Гистории» была вручена Феофану Прокоповичу, а 14 июля из Астрахани Петр писал ему, чтобы он составил предисловие к истории.²⁷ Полагаем, что этим предисловием явилось «Родословие российских государей», в котором Петр Первый являлся 56-м по счету правителем России. В заключительной заметке о начале царствования Анны Иоанновны об ее избрании на царский престол говорится с отсылкой на избрание на царство Михаила Федоровича Романова: «О чем выше в ево гистории упомянуто». Таким образом, анонимную историю Петра Великого, начиная от известий о 55 его предшественниках на троне, вплоть до статьи с описанием начала царствования Анны Иоанновны, следует считать произведением Феофана Прокоповича.

Среди малоизвестных историй царствования Петра I существует и анонимное повествование под заглавием «Славная Северная война и Житие Петра Великого».²⁸ Сочинение датировано 1749 г. На его компилятивный характер указывает подзаголовок: «Собрано из раз-

²⁵ РНБ. ОСПК. F.XVII.12. Л. 130–135.

²⁶ Подробнее см.: Алексеев А. И. О неизвестном сочинении Феофана Прокоповича // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1350–1364; Алексеев А. И. История Петра Великого «Аннинского времени» // Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Вып. 1. Автографы Петра Великого и его сподвижников: Аннотированный указатель. М., 2022. С. 195–208.

²⁷ Майкова Т. С. История создания «Гистории свейской войны» // Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого. Вып. 1. М., 2004. С. 28.

²⁸ О ней см.: Бычков А. Ф. Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке. СПб., 1872. С. 127–128; Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1: XVIII в. СПб., 1912. Прим. 27. С. 64–68.

ных деяний, описуемых от разных авторов книг и журналов или повседневных записок».²⁹ Наблюдение над содержанием «Славной Северной войны» позволяет обнаружить основные источники, которые использовал неизвестный автор. События, описывающие период от смерти царя Алексея Михайловича до начала Северной войны, изложены на основании ранее рассмотренных сочинений псевдо-Крекшина и псевдо-Матвеева. Вторым основным источником интересующего нас сочинения является «Гистория Свейской войны» в поздней редакции. Автор также охотно цитировал сочинение П. П. Шафирова «Разсуждение о причинах Свейской войны».³⁰ Еще одним источником сочинения стало «Житие Петра Великого», принадлежавшее перу Антонио Катиоро.³¹ Можно утверждать, что автором был использован Двинской летописец в Краткой редакции.³²

Текст, написанный от лица самого анонимного автора, содержится в предисловии, послесловии, а также в нескольких авторских отступлениях внутри самой истории. Эти части представляют наибольшую ценность для установления его личности. Автор описывает Санкт-Петербург и Кронштадт с тремя гаванями и крепостью Кроншлот, который защищают батареи, насчитывающие 500 пушек, гаубиц и мортир. Он подробно останавливается на трудностях снабжения Санкт-Петербурга провиантом и необходимыми припасами, отмечая опасность Ладожского озера для плавания. Он также указывает, что «водный ход» к Петербургу существовал только из новгородских пределов, а свободное сообщение со всей Россией появилось с открытием Вышневолоцкого канала. Также в качестве этапа улучшения снабжения отмечается строительство вместо барок, которые массово разбивались в Ладожском озере, специальных морских судов. Указав, что работы по сооружению дока не были завершены по причине смерти императора, автор делает очень важное заявление о том, что он точно знал намерение Петра: «Описатель сего в том подлинно о вышеписанном намерении уверяет, понеже при том изустно его величество объявлено о ево намерениях самобытец».³³ Из этой фразы следует, что царь Петр лично объявил автору о необходимости постройки дока. Это обстоятельство дает основание считать автора

²⁹ РНБ. ОСПК. F.IV.40. Л. 1.

³⁰ Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всроссийский и протчая и протчая, и протчая: К начатию войны против короля Карола 12, шведского в 1700 г. имел. СПб., 1719.

³¹ Катиоро А. Житие Петра Великого. СПб., 1772. Сочинение А. Катиоро было переведено на русский язык Стефаном Писаревым в 1743 г. и с этого времени активно распространялось в рукописной книжности до конца XVIII в.

³² ПСРЛ. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. С. 160.

³³ РНБ. НСПК. F.38. Л. 71.

одним из лиц, которым были непосредственно поручены работы по сооружению Кронштадтского дока.

Анализ текста приводит к ряду выводов, позволяющих поразмышлять над установлением личности его составителя.³⁴ Во-первых, автора следует искать среди младших современников Петра Великого и жителей Санкт-Петербурга. Во-вторых, в поле зрения автора постоянно попадают известия о путях снабжения новой столицы: он фиксирует улучшения в системе снабжения Петербурга, вызванные строительством новых ластовых судов в Ладоге, новой системой оплаты за провоз товаров, исправлениями каналов вышневолоцкой системы, строительство Ладожского канала, сооружение грузовых терминалов в Кронштадте и строительство новых товарных амбаров в Петербурге. В-третьих, неоднократно автор демонстрирует свое особенное внимание к кругу обязанностей, связанных с должностями комиссаров. В-четвертых, автор принадлежал к узкому кругу лиц, которые получили личное распоряжение императора о строительстве дока в Кронштадте.

Известно, что в июне 1720 г. царь «изустно указал» очередность работ по строительству канала-дока Петру Никифоровичу Крекшину.³⁵ С весны 1719 г. П. Н. Крекшин стал управлять финансовой и снабженческой стороной строительства на острове Котлин. И эта сфера его деятельности совпадает с тем вниманием к вопросам логистики, которое проявляет анонимный автор «Славной Северной войны». Первое документальное упоминание о деятельности П. Н. Крекшина относится к 1712 г., когда он служил комиссаром при раздаче жалованья полкам.³⁶ Служба комиссаром при полках продолжалась до 1719 г.³⁷ Как мы видели, анонимный автор проявлял особенный интерес к деятельности комиссаров. На наш взгляд, приведенные аргументы позволяют обосновать гипотезу о том, что автором анонимной «Славной истории Северной войны и Жития Петра Великого» являлся П. Н. Крекшин.

Полагаю, что имеются все основания считать «Славную Северную войну и Житие Петра Великого» сочинением П. Н. Крекшина, отражающим практически неисследованный этап его творчества

³⁴ Подробно см.: Алексеев А. И. «Славная Северная война и Житие Петра Великого» // Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Вып. 1: Автографы Петра Великого и его сподвижников: Аннотированный указатель. М., 2022. С. 254–270.

³⁵ Кротов П. А. Битва под Полтавой. Начало Новой России. СПб., 2014. С. 149.

³⁶ Кротов П. А. Битва под Полтавой. С. 145.

³⁷ В доношении по делу с мичманом Никитою Пушкиным П. Н. Крекшин от 15 марта 1754 г. упоминает о себе как об обер-комиссаре, состоявшем при 27 полках (РНБ. ОЛДП. Ф.130. Л. 60).

1740-х годов. Установление авторства П. Н. Крекшина открывает новые возможности для исследования всего корпуса текстов, приписываемых этому замечательному автору XVIII в.

Представляется, что на пути изучения рукописных исторических сборников XVIII в. нас ждет еще немало значительных открытий как в области установления авторства, так и пересмотра атрибуции сочинений, приписываемых тому или иному автору.

Список литературы

- Алексеев А. И. Исторический нарратив об эпохе Петра Великого: Компильция из «Сказания о зачатии и рождении... Петра Первого» и «Записок» А. А. Матвеева в собраниях Отдела рукописей РНБ // История отечественной культуры в архивных документах. СПб., 2022. С. 7–19.
- Алексеев А. И. История Петра Великого «Аннинского времени» // Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Вып. 1: Автографы Петра Великого и его сподвижников: Аннотированный указатель. М., 2022. С. 195–208.
- Алексеев А. И. История Петра Великого аннинского времени в фондах ОР РНБ // «Прекрасная была сия самая первая печать: круга, мерна, чиста»: Книжная культура эпохи Петра I: Материалы Международной научной конференции. Москва, 2–3 июня 2022 г. М., 2022. С. 38–52.
- Алексеев А. И. О неизвестном сочинении Феофана Прокоповича // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 4. С. 1350–1364.
- Алексеев А. И. «Славная Северная война и Житие Петра Великого» // Документы и материалы Петровской эпохи в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Вып. 1: Автографы Петра Великого и его сподвижников: Аннотированный указатель. М., 2022. С. 254–270.
- Байдин В. И. Священник И. Л. Поборский — писатель первой трети XVIII в.: К вопросу об авторстве «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева...» // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (27). С. 195–237.
- Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого. Вып. 1. М., 2004. 632 с.
- Дианова Т. В. Филигрani XVII–XVIII вв.: Герб города Амстердама. М., 1998. 166 с.

- Зубов А. Ф. Портрет Екатерины I в окружении медальонов с портретами русских князей и царей // Родословные древа русских царей XVII–XVIII вв. / Сост. А. В. Сиренов. М., 2018. С. 114–123.
- История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева, изданная Николаем Новиковым. М., 1776. 440 с. + XV с.
- Катифоро А. Житие Петра Великого. СПб., 1772. 511 с.
- Козлов В. Н. Материалы для истории Петра Великого // Отечественные записки. 1848. Т. 59. С. 152–210.
- Кротов П. А. Битва под Полтавой. Начало Новой России. СПб., 2014. 568 с.
- Олин В. Н. О рождении Петра. Предания. СПб., 1835. 58 с.
- Морозов А. В. Каталог моего собрания русских гравированных и литографированных портретов. Т. 1. М., 1912. 139 л. + VIII с.
- Письма Петра Великого, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке, и описание находящихся в ней рукописей, содержащих материалы для истории его царствования, составленное А. Ф. Бычковым. СПб., 1872. [2], XX, 180 с.
- Плюханова М. Б. История юности Петра I у П. Н. Крекшина // Ученые записки Тартуского государственного университета. 1981. Вып. 513. С. 17–39.
- Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. СПб., 2020. 400 с.
- ПСРЛ. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977. 250 с.
- Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский и протчая и протчая, и протчая: К начатию войны против короля Карола 12, шведского в 1700 г. имел. СПб., 1719. 142 с.
- Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Т. 1. СПб., 1895. 344 с.
- Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. Т. 2. СПб., 1887. 340 с.
- Сахаров И. П. Записки русских людей: События времен Петра Великого. СПб., 1841. 472 с. + XX с.
- Сказание о рождении, о воспитании и наречении на всероссийский царский престол его царского пресветлаго величества государя Петра Первого, находящееся в библиотеке его сиятельства графа Петра Борисовича Шереметева, изданное библиотекарем Васильем Вороблевским. М., 1787. 63 с.
- Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра

Великого / Сост. Ф. О. Туманский. Ч. 1: О состоянии Российской империи в 1699 году. СПб., 1787. [6], 310 с.; Ч. 6: Материалы о стрелецком бунте. СПб., 1787. 262, 2 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором, Васильем Никитичем Татищевым. Кн. 1. Ч. 1. М., 1768. 600 + XXVIII с.

Феофан (Прокопович, Елеазар). История императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии, и взятии в плен остальных шведских войск при Переволочне, включительно, сочиненная Феофаном Прокоповичем, после бывшим архиепископом Великого Новгорода и Великих Лук, изданная с обретающегося, в кабинетской архиве дел его императорского величества списка, правленного рукою самого сочинителя. СПб., 1773. [8], 217 с.

Шамин С. М., Янссон О. «Контактные группы» Московского государства // Переводы и переводчики в России конца XVI — начала XVIII столетия: Материалы международной научной конференции. Вып. 2. М., 2021. С. 223–229.

Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1: XVIII в. СПб., 1912. 277 с.

О. В. ЭДЕЛЬМАН

Государственный архив Российской Федерации, Москва

КОМПЛЕКС ПИСЕМ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ К МАТЕРИ МАРКГРАФИНЕ АМАЛИИ БАДЕНСКОЙ: ПРОБЛЕМА ПОЛНОТЫ, ГРАНИЦ И СОХРАННОСТИ КОМПЛЕКСА

Письма императрицы Елизаветы Алексеевны к ее матери маркграфине Баденской Амалии сохранились в оригиналах в архиве Карлсруэ и в рукописных копиях XIX в. в ГАРФ, причем сохранность копий более полная. Среди писем преобладают отправленные по почте и подвергшиеся авторской самоцензуре, редкие письма, посланные с оказией, более откровенные. Матери писала и жившая с Елизаветой Алексеевной в Петербурге сестра, информация о событиях в русской столице распределена между их посланиями. В ранние годы, когда незамужние сестры жили с матерью в Карлсруэ, часть сведений Елизавета Алексеевна помещала в письмах к ним в расчете на общее семейное прочтение. Изучение всего комплекса ставит общую проблему границ такого рода эпистолярных семейных комплексов.

Ключевые слова: эпистолярный комплекс, императрица Елизавета Алексеевна, императорская семья

Императрица Елизавета Алексеевна, урожденная принцесса Луиза Баденская, очень любила свою мать и вела с ней аккуратную переписку начиная с отъезда из отчего дома в Россию в сентябре 1792 г. и до самой своей смерти весной 1826 г. Мать ее пережила, и после кончины императрицы многие ее вещи и бумаги были отосланы к маркграфине в Карлсруэ.¹ Письма Елизаветы, написанные по-французски, тем более содержательны, что к дочерней любви прибавилась ее неудачная семейная жизнь и сложные отношения с царской семьей. Именно мать была для нее тем искренне любимым, близким человеком, с которым существовало наиболее доверительное общение. Впрочем, доверительное не до конца, как заметно из самих писем. Так, в вопросах политических императрица была очень осторожна, а в 1812 году использовала домашнюю переписку, чтобы через мать донести до сестер (среди них была Каролина, королева Баварии) и другого круга потенциальных собеседников маркграфини русский

¹ Исмаил-Заде Д. И. Императрица Елизавета Алексеевна: Единственный роман императрицы. М., 2002. С. 328–329; Привалихина С. В. Русская императрица Елизавета Алексеевна в немецких источниках и исторических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 68–70; Морохин А. В. Николай I и «династические документы» Романовых: Из истории «засекречивания былого» в 1825–1855 гг. М., 2022. С. 162–174.

взгляд на текущую войну, или, как выражалась сама Елизавета, опровергнуть ложь, распространяемую пропагандой Наполеона.² Столь же осторожна была Елизавета и в том, что касалось ее потайной интимной жизни: в письмах нет ни намека на ее любовные отношения с кавалергардским офицером А. Я. Охотниковым или польским князем Адамом Чарторижским. Со сделанными оговорками, письма императрицы являются ценным, информативным источником о ней самой, жизни русского двора, отношений в царской семье, подоплеке многих решений (прежде всего матримониальных).

Оригиналы писем Елизаветы Алексеевны хранятся в Земельном архиве Карлсруэ. Благодаря межархивному обмену нам удалось получить полный комплект сканированных копий этого эпистолярного собрания.³ Всего в Карлсруэ имеется 1145 писем, нумерация сделана по письмам, но не по листам, суммарное количество которых не учтено. Марки-наклейки на папках указывают на то, что формирование дел было осуществлено в 1889 г. В Москве, в ГАРФ хранится комплект рукописных копий второй половины XIX в., составляющих основной объем архивного фонда императрицы Елизаветы Алексеевны.⁴ По правилам отечественного архивного учета пронумерованы листы дел, количество писем в каждом деле указано на сохранившихся старых обложках, но не в учетной документации. По этим копиям было осуществлено издание писем Елизаветы Алексеевны в трехтомном труде великого князя Николая Михайловича,⁵ причем в книгу вошли далеко не все письма, часть из них была купирована «ввиду их громадного количества», но также и по соображениям цензурного порядка. Как сообщил великий князь в предисловии, копии были сделаны для увлеченного личностью Елизаветы Алексеевны великого князя Сергея Александровича, который хотел, но не успел их издать, так что миссия эта перешла к Николаю Михайловичу. Он попросил и получил копии недостающих писем. Согласно его подсчетам, из 1145 хранившихся в Карлсруэ писем для Сергея Александровича было скопировано 555 и для самого Николая Михайловича — 590. Еще около 300 писем по его сведению находились в Дармштадтском архиве.⁶

² См. об этом: Эдельман О. В. Императрица Елизавета Алексеевна в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции. Москва, 8–11 октября 2012 г. М., 2013. С. 572–579.

³ Это стало возможным благодаря посредничеству коллег из Германского исторического института в Москве и любезности директора архива д-ра Циммерманна.

⁴ ГАРФ. Ф. 658. Д. 10–44.

⁵ Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1–3. СПб, 1908–1909.

⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна... Т. 1. С. V–VI.

Проделанное мною сопоставление комплекса архивных копий из собрания ГАРФ с комплектом сканированных копий, полученных из Карлсруэ, показало (поначалу к моему немалому изумлению), что копий значительно больше, нежели наличных в Карлсруэ оригиналов. В Карлсруэ вовсе отсутствуют письма за несколько лет царствования Павла I и начала царствования Александра I, за некоторые годы имеются значительные лакуны, причем за одни годы недостает переписки за целые месяцы, за другие годы оригиналы дополняются копиями, так сказать, «чересполосно». Так, в оригиналах из Карлсруэ за 1795 г. есть лишь одно письмо, в копиях — 32; за 1796 г. 5 оригиналов писем, в архивных копиях — 10; за 1797 г. в Карлсруэ наличествует единственное письмо, тогда как в архивных копиях их 65; за 1801 г. в Карлсруэ 13 писем, в ГАРФ — 31; за 1805 г. в оригиналах сохранились только письма начиная с сентября месяца, тогда как в копиях за весь год; за 1794, 1798, 1803, 1804 оригиналов писем в Карлсруэ вовсе нет, но есть копии в ГАРФ. Начиная с 1806 г. подлинники сохранились лучше, практически полностью, копии дополняют их в небольшом числе.

Каким образом могло получиться, что копий больше, чем оригиналов? По-видимому, это те самые письма, которые во времена великого князя Николая Михайловича находились в Дармштадте, резиденции герцогов Гессенских. Можно предполагать, что часть семейного архива была отдана младшей сестре Елизаветы Алексеевны — Марии Вильгельмине, вышедшей замуж за принца Людвига II Гессенского и позднее ставшей матерью императрицы Марии Александровны. По какой логике была выделена эта часть писем и какова их дальнейшая судьба, уцелели ли они там до настоящего времени — нам неизвестно.

Назвать общее число писем, имеющихся только в архивных копиях ГАРФ, на данный момент затруднительно, работа по сверке не завершена, но представляется, что цифра выйдет сопоставимая с названным великим князем Николаем Михайловичем числом около трехсот.

Уже проделанная сверка текстов показывает весьма высокую степень точности архивных копий. Лишь в единичных случаях на мой взгляд то или иное слово в подлиннике, написанном рукой Елизаветы Алексеевны, следует читать иначе, нежели прочел копиист. Можно отметить лишь ту сложность, что именно эти копии были использованы при подготовке к публикации в издании великого князя, причем прямо в них были добавлены такие знаки препинания, как вопросительный и восклицательный знаки, сделана разметка деления текста на абзацы (чего нет в автографах Елизаветы). Восклицатель-

ные знаки добавлены чернилами, и рассматривая архивную копию, зачастую сложно определить, какие из них поставлены при копировании оригинала — т. е. имелись в оригинале, а какие привнесены позднее, при подготовке рукописи к печати. Это составляет некоторое затруднение, ведь добавленные восклицательные знаки видоизменяют эмоциональный строй переписки. В остальном, имея дело с архивными копиями писем, неизвестных нам в оригинале, безусловно можно относиться к ним с полным доверием, они вполне воспроизводят подлинник.

Великая княгиня Елизавета Алексеевна хорошо знала, что ее корреспонденцию, как и письма других членов императорской фамилии, в Петербурге перлюстрируют, особенно опасной откровенность в письмах стала в царствование Павла I.⁷ Письма к матери в этот период стали чрезвычайно осторожными, великая княгиня ограничивалась рассказами о погоде и придворных праздниках. Это касается писем, отправленных по почте. Изредка, когда представлялась надежная оказия, т. е. в Германию ехал кто-то из близких ей лиц, Елизавета Алексеевна пользовалась этим и писала длинные откровенные письма. После восшествия на престол Александра I положение, казалось бы, переменилось — однако не вполне. Теперь, на фоне наполеоновских войн, императрица опасалась, что ее корреспонденция может быть перехвачена и вскрыта неприятельскими агентами в Германии. Ее письма изобилуют оговорками, что о тех или иных политических чувствительных делах (включая матримониальные планы относительно ее сестер и русских великих княжон) по почте говорить невозможно. В ход снова шли «надежные оказии». Следовательно, существовали две категории писем императрицы: прошедшие через почту и ограниченные самоцензурой и переданные с оказией — более откровенные. Вторые, конечно, представляют для нас наибольший интерес. Но именно они, по-видимому, зачастую уничтожались маркграфиней после прочтения. В письмах Елизаветы есть много упоминаний о том, что она готовит длинное письмо, которое собирается передать с тем или иным уезжающим, но подходящего письма среди сохранившихся нет. Завершая тему полноты сохранности эпистолярного комплекса, отметим еще забавные случаи, когда в письмах Елизаветы некоторые фразы оказались густо зачеркнуты чернилами другого цвета. Чаще всего это касается мест, где русская царица язви-

⁷ В. Н. Головина вспоминала, что перед отъездом из России великой княгини Анны Федоровны Елизавету Алексеевну, дружившую с Анной, некий верный чиновник предупредил, чтобы они ни в коем случае не прибегали в письмах ни к какой тайнописи, что все эти средства известны и навлекут на них беду. См.: Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. статья, примеч. В. М. Бокковой. М., 1996. С. 208.

тельно высказывалась о ком-то из баденских родственников, прежде всего о жене брата Карла принцессе Стефании, урожденной Стефании де Богарнэ, племяннице Жозефины, удочеренной Наполеоном, который настоял на ее браке с Карлом Баденским. Вполне возможно, что вымараны эти места были рукой матери маркграфини Амалии.

Между тем, вопросом полноты сохранности дошедшего до нас эпистолярного комплекса проблема не исчерпывается. В ранние годы, когда сестры императрицы были еще не замужем и жили при матери, Елизавета писала также и к ним. В письмах к матери того периода встречаются замечания, что о том или ином событии (бале, прогулке, своем наряде) она написала одной из сестер и, зная, что все письма будут прочтены совместно или показаны матери, теперь не будет повторяться и расскажет о другом. Таким образом, информация оказывалась распределенной между адресатами, и если нас интересует полнота описания жизни петербургского двора, сделанного Елизаветой Алексеевной, то комплекс ее писем к матери следовало бы дополнить корреспонденцией, адресованной сестрам. О сохранности ее нам ничего неизвестно, возможно, части эпистолярного наследия императрицы, принадлежавшего ее сестрам, еще могут быть выявлены в архивах Мюнхена (сестра Каролина, королева Баварии) и Стокгольма (Фредерика, королева Швеции). В архиве Карлсруэ этих писем нет, как не сохранилось и ответных писем от матери (уже великий князь Николай Михайлович указывал, что писем маркграфини к дочери сохранилось очень мало;⁸ некоторые фрагменты имеются в выписках среди копий писем императрицы в ГАРФ).

С другой стороны, с Елизаветой Алексеевной в Петербурге с осени 1801 по конец 1813 г. жила ее незамужняя старшая сестра принцесса Амалия (не путать с матерью, маркграфиней Амалией). По принятому в ту эпоху порядку, они писали матери раз в неделю поочередно, в одну неделю Елизавета, в другую Амалия, стало быть, каждая раз в две недели. (Точно так же, например, поступали И. Б. Пестель и его супруга Е. И. Пестель, когда писали сыновьям Павлу и Владимиру, учившимся в Германии.) В письмах Елизаветы часты упоминания о том, что в прошлый раз писала Амалия, встречаются пояснения, что сегодня должна была писать сестра, но Елизавета попросила ее уступить очередь. Нередки и ссылки на то, что о тех или иных событиях матери уже рассказала Амалия, или же Елизавета не знает, сказала ли Амалия матери о том или ином и просит извинить, если повторит уже сообщенное сестрой. Таким образом, и здесь информация оказывается распределена, но теперь между письмами двух сестер к одному и тому же адресату, матери. В этом случае также, если ставить задачу

⁸ Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна... Т. 1. С. VI.

формально, т. е. учесть, исследовать, опубликовать письма, написанные рукой императрицы, то границы эпистолярного комплекса очевидны. Если же говорить о полноте информации, то к корреспонденции Елизаветы Алексеевны следовало бы приобщить также и письма Амалии. Впрочем, в данном случае задача практически снимается тем обстоятельством, что после смерти принцессы Амалии в 1823 г. ее письма по-видимому были сожжены.⁹

Обозначенная проблема границ и полноты эпистолярных комплексов, когда письма одному адресату дополняются письмами к другому того же корреспондента, или же наоборот, письма двух авторов делят между собой рассказы о событиях, на самом деле не является специфичной проблемой переписки императрицы Елизаветы Алексеевны. Разве что, в силу плохой сохранности документов начала XIX в., мы не столь часто при изучении этой эпохи сталкиваемся с такого рода вопросами. Для второй половины XIX столетия, от которой архивы дошли лучше, вопрос более актуален. Хранящиеся в ГАРФ императорские и великокняжеские архивы являют собой разнообразие такого рода коллизий. Когда, к примеру, великий князь, писавший ежедневно по нескольку писем родным и еще ведший свой дневник, в сущности всюду повторял один и тот же текст с небольшими вариациями; очевидно, что публиковать все это в полном объеме бессмысленно и нужно выбрать какую-то одну категорию источников: дневник ли, письма ли к одному корреспонденту. Эпистолярное наследие к тому же, так сказать, обогащается и расслаивается: помимо писем, появляются открытки, граничащие с мелкими ситуативными записочками (приглашение зайти, поздравление с праздниками и пр.), а также множество телеграмм, использовавшихся августейшими особами в дополнение к частной переписке.

Другого рода примером могут служить сибирские письма декабристов, значительная часть которых, как известно, была написана декабристками, обходившими таким образом запрет на переписку для самих декабристов.¹⁰ Публикаторам приходится решать, какая часть корреспонденции должна быть отнесена к наследию каждого из ее участников.

⁹ Вел. кн. Николай Михайлович указал определенно, что после смерти Амалии были уничтожены письма к ней от Елизаветы Алексеевны (*Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна... Т. 1. С. VI*). Судьба писем самой Амалии не так ясна, но в архиве Карлсруэ их нет, письма матери маркграфини Амалии не сохранились и, вероятно, также были сожжены наследниками, так что скорее всего и писем принцессы Амалии к матери давно уже не существует. Впрочем, на архивные находки всегда можно надеяться.

¹⁰ Я глубоко признательна Н. П. Матхановой, в частной беседе обратившей внимание на эту параллель.

Очевидно, что можно обсуждать теоретические принципы решения вопроса о том, что относится к эпистолярному комплексу и как установить его границы, но в практическом плане все равно решение публикатора (исследователя) будет индивидуальным, учитывающим особенности, степень сохранности каждого эпистолярия и задачи именно его изучения и публикации.

Список литературы

- Головина В. Н. Мемуары // История жизни благородной женщины / Сост., вступ. статья, примеч. В. М. Боковой. М., 1996. С. 89–332.
- Исмаил-Заде Д. И. Императрица Елисавета Алексеевна: Единственный роман императрицы. М., 2002. 445 с.
- Морохин А. В. Николай I и «династические документы» Романовых: Из истории «засекречивания былого» в 1825–1855 гг. М., 2022. 400 с.
- Николай Михайлович, вел. кн. Императрица Елисавета Алексеевна, супруга императора Александра I. Т. 1–3. СПб., 1908–1909. 486+762+778 с.
- Привалихина С. В. Русская императрица Елизавета Алексеевна в немецких источниках и исторических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 334. С. 68–70.
- Эдельман О. В. Императрица Елизавета Алексеевна в 1812 году // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции. Москва, 8–11 октября 2012 г. М., 2013. С. 572–579.

Л. М. ДАМЕШЕК

Иркутский государственный университет

Россия и исторические судьбы народов Сибири XVIII — начала XX в.: Концепты, закон и ПРАКТИКА

Рассматриваются особенности формирования бурятского этноса и на этой основе анализируется политика империи в национальных районах, отмечается появление новых теоретических конструкций империи, связанных с осмыслением идеи «единой и неделимой России» и теорией «внутреннего империализма», появление русских анклавов, своего рода островков среди обширного азиатского мира, что неизбежно повлекло возникновение теорий «мирного завоевания», «оживления» окраин, «водворения русской гражданственности», а в конечном итоге — идеи обрусения народов. Анализируются проекты центральной и местной администрации на этот счет, концептуальные предложения и конкретные решения.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, история Бурятии, национальные окраины, имперская политика, концепты, закон, практика

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Процесс освоения Сибири, начавшийся в XVII в., сопровождался колоссальными усилиями русского народа и имел длительную историческую перспективу. Для народов Сибири, среди которых на первом месте по численности были буряты, процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты: полиэтничность, региональные, в том числе внешнеполитические особенности, личностный фактор, взаимодействие культур, формирование единого социокультурного пространства. Большое влияние на формирование бурятского этноса оказало чрезвычайно выгодное геополитическое положение — соседство с древнейшими культурами центральной Азии — Монголией и Китаем, пересечение миграционных потоков и торговых путей и, как следствие, знакомство с буддизмом, который оказал несомненно значительное влияние на формирование не только религиозных представлений, но и многих иных сторон жизни бурятского общества. Хронологически это явление совпало с началом распространения православия среди бурят, знакомством их с русской письменностью. Влияние этих двух мировых религий легко прослеживается и на примере современного бурятского общества.

Освоение Сибири, ее земледельческая колонизация и инкорпорация в состав России на всех этапах сопровождалась ее изучением,

а сам процесс познания, поднимаясь от примитивных «отписок» и «сказок» первопроходцев, на каждом этапе имел свои особенности, пока не принял современный вид. Характерной особенностью этого явления стало появление разнообразных проблем, диктуемых условиями времени, одна из наиболее значимых на всех этапах освоения и инкорпорации Сибири в состав России — осмысление судеб народов Сибири в составе России.

Важнейшей особенностью исторического развития России был фактор ее «огромности». Общая площадь Российской империи, в результате территориальной экспансии раскинувшейся на территории двух материков, Европы и Азии, увеличилась с 14,1 в 1649 г. до 21,8 млн кв. км к началу Первой мировой войны, т. е. в 1,55 раза. Романовская империя по площади стала крупнейшим государством мира, все европейские страны по этому показателю существенно отставали от России. За это же время численность населения возросла с 6,7 до 178,4 млн человек. Весь период истории империи характеризуется возрастанием удельного веса населения России в мире. Если к середине XVIII в. доля населения России в Европе составляла примерно 18 %, то к началу XIX в. она возросла до 22, к середине XIX в. — до 27, к началу XX в. — до 32 %. Россия стала самым населенным государством Европы. Каждый третий житель Европы был подданным российского монарха.

Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Постепенно Российская империя стала своеобразным союзом этносов, в котором различные народы и культуры научились жить вместе. На первом месте по численности находились русские, составляющие в 1915 г. примерно 44,6 %, далее следовали украинцы — 18,1 %, затем поляки — 4,2 %, евреи и белорусы — 4 %. Как видим, в отличие от середины XVII в., когда русские составляли 95 % населения государства, в романовской империи к началу XX в. титульная нация оказалась в меньшинстве. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Национальный вопрос был отнюдь не простым для российского правительства. Россию периодически сотрясали мощные национальные конфликты. С учетом того обстоятельства, что нерусское население в большинстве своем проживало на инкорпорированных в XVIII и XIX вв. окраинных и

сопредельных с иностранными государствами территориях империи, окраинная политика становилась важным фактором политической стабильности российского государства.

Здесь следует отметить, что Россия со времени своего возникновения была страной многонациональной. Уже в Древней Руси славянские племена, проживавшие в районе Новгорода, были тесно связаны с племенами неславянского происхождения, такими как чудь, карела, меря, весь... Именно с ними славяне и «ходили» за море, «к варягам, к Руси», приглашать Рюрика и его братьев Синеуса и Трувора на княжение. Дальнейшее развитие российской государственности, эволюция сословно-представительной монархии в империю происходили на протяжении длительного времени и не были результатом случайных процессов. Одним из наиболее характерных явлений этого периода стал процесс «собирания земель», а его важнейшей формой — внешняя политика, со времен Олега и Святослава направленная на укрепление и расширение границ государства.

Стремление России к расширению своих границ не было каким-то исключительным явлением, характерным только для русского государства. Этот процесс можно наблюдать на примере многих цивилизаций Европы и США. В большинстве случаев типология данных явлений вполне сопоставима. Как правило, для территориального роста того или иного государства характерно многообразие методов — от прямого завоевания до добровольного присоединения и подписания официальных документов. В Европе период складывания единых государств ознаменовался резким усилением борьбы за новые земли. Существующее до сих пор Британское содружество, или, к примеру, Франция с ее заморскими департаментами являются в известной мере наследниками этой борьбы. Не являются исключением и США, территория которых создавалась не только в результате подписания договоров с индейскими племенами, но и путем откровенного насилия, военной экспансии. Сопоставляя процесс формирования территориальных границ на примере европейских государств, США и России, нельзя не прийти к заключению о том, что зачастую сложно отделить понятие экспансии как насильственного присоединения земель от мирной колонизации как, прежде всего, земледельческого освоения, хозяйственного вовлечения в оборот новых территорий. На практике эти процессы тесно переплетались и усиливались интеграционной политикой, направленной на скорейшую ассимиляцию новых территорий с «основным» историческим ядром государства.

Территориальная экспансия России на всех этапах ее истории объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить прочность границ государства. Разумеется, в этом

колониционном движении присутствовали и экономические мотивы. В то же время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административное освоение новых территорий, затем наступала очередь экономической интеграции.

Это было одним из проявлений взаимосвязей между внутренней и внешней политикой, присущих каждой стране на любом этапе ее истории. В качестве рубежа (одного из этапов) этого процесса следует выделить середину XV — XVI в. — время, когда произошли резкие изменения политического порядка Евразии. В данном случае подразумевается падение империй Византии и Золотой Орды. Именно эта постимперская ситуация представляла собой исходный пункт для возникновения Российской империи.¹ Второй немаловажной составляющей рассматриваемой проблемы явилось взятие Казани в 1552 г. С Казанским ханством Московское государство впервые включило в свой состав вполне суверенное государство с неславянским и нехристианским населением. Именно опыт завоевания и включения Казанского ханства в Россию имел ключевое значение для имперской политики после 1552 г. Не случайно взятие Казани некоторые исследователи считают отправной точкой расширения границ России.² Однако определяющим, в терминологическом смысле, этапом возникновения Российской империи явилось правление Петра Великого. Именно Петр построил империю. Для Петра, который в 1721 г. принял титул императора, завоевание новых земель представлялось естественной обязанностью монарха, не нуждающейся в каких-либо оправданиях. В результате активной внешней политики к началу XIX в. Российская империя заняла одну шестую часть суши и подчинила себе целый ряд территорий и народов, стоявших значительно выше ее по уровню экономического и политического развития.

Между тем изменение политической и административной карты выступало только внешним признаком динамического развития слагающегося государства. За изменениями на административной карте России стоял процесс ее внутреннего строения. Именно мобильность, поливариантность управленческих моделей в различных регионах (окраинах) являлись мощным стабилизирующим фактором для Российской империи. В течение всего рассматриваемого периода задача,

¹ Каппелер А. Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: Наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 94–115.

² Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи: XVIII — начало XX в. М., 2001. С. 138.

стоявшая перед правительством, отнюдь не ограничивалась рамками административного устройства новых территорий. Параллельно с имперским административным строительством, на окраинах шел процесс вербального освоения новых территорий, осмысления их в привычных имперских терминах и образах.³

Таким образом, к началу XIX столетия Российская империя представляла собой многонациональное государство, располагающееся на двух континентах — Европе и Азии. В политическом отношении она являлась конгломератом множества регионов, как внутренних, так и окраинных. При этом следует отметить то обстоятельство, что процесс включения регионов в имперское пространство имел неоднородную типологию. Процесс «оцентрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «иностранческое» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Полномочия центра и периферии были просто несопоставимы.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах — Польша, Финляндия, Кавказ, Си-

³ Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 18.

бирь — наблюдалось стремление царизма опереться на национальную элиту. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в «массовом порядке» принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т. д.⁴ Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов.⁵ Предпринимались даже попытки их кодификации.⁶

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний. Сибирские инородцы, к примеру, освобождались от отбывания воинской повинности.⁷ Применительно к народам Сибири на первых порах процесс имперского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например, земских, мало или ничем не отличающихся от обычного крестьянского тягла.⁸ Следовательно, и сибирские аборигены, и русские

⁴ РГИА. Ф. 1281. Оп. 11. Д. 45. Л. 282; ГАИО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 24.

⁵ Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему империи в XVIII в.: К 280-летию со дня издания инструкции пограничным дозорщикам С. Л. Владиславича-Рагузинского и 250-летия именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...» // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 2 (10). С. 68–77.

⁶ Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти: XVIII — начало XX в. // Дамешек Л. М. Избранное. Т. 1. Иркутск, 2018. С. 211–223.

⁷ Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири. С. 68–77; Дамешек Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2014. Т. 7. С. 79–87; Дамешек Л. М. Первая мировая война и сибирские «инородцы» // Приграничное сотрудничество: Исторические события и современные реалии: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Ч. 2. Чита, 2014. С. 117–123.

⁸ Дамешек Л. М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2015. Т. 11. С. 51–57.

крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, не плативших налоги и, в соответствии с конституцией США, не считавшихся гражданами государства. США, продвигаясь с Востока на Запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России, по мере ее продвижения с Запада на Восток, правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновения колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству — уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи закрепления Сибири за Российским государством, московские, а в последствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.⁹

Продвижение русских на Восток не было исключительным явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно разнились между собой. В России этот процесс сопровождался распространением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же складывающаяся рыночная экономика молодого государства, наоборот, поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его

⁹ Артемьев А. Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья: Середина XVII в. — 1860 г. // Русская Америка и Дальний Восток: Конец XVIII в. — 1867 г. Владивосток 2001. С. 288.

проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности территории. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, к примеру, были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре¹⁰ и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия, и точного исполнения законов и распоряжений правительства».¹¹ Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью из них с высшими должностными лицами регионов.

Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления были тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так, генерал-губернатор Восточной Сибири, начиная со времени Н. Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной дипломатической канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги.¹² Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий. Исследование корпоративной этики чи-

¹⁰ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XIX — начала XX в. Saarbruchen, 2012; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XVIII — первой половины XX в. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3 (15). С. 85–100; Друнин В. П. Польша, Россия и СССР: Исторические очерки. М.; Л., 1928. С. 135.

¹¹ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Институт генерал-губернаторов Азиатской России: Люди и структура // Вестник Бурятского научного центра. 2019. № 1 (13). С. 10–22; Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея: К 210-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 3 (35). С. 10–24.

¹² Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 21–25.

новничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля.¹³

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах стали действовать специальные переселенческие отделы. Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т. п. На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи.

В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи и изживанию национального сепаратизма, становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства, исключающего какие-либо местные особенности. Не случайно именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный географизм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным зауральским краем во всех сферах — экономической, административной, социокультурной. Итогом стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссибирской

¹³ Сигов В. И. Корпоративная этика чиновничества Восточной Сибири в царствование императора Николая I. Автореферат ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001.

магистрала способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал. Понятие «окраина» давно присутствует в российской административной практике, однако внутреннее содержание его менялось. Процесс содержательного насыщения понятий «центр», «периферия», «окраина» неразрывно связан с периодом формирования единого Российского государства второй половины XV — начала XVI в., когда под окраиной стали пониматься земли, не только удаленные от «центра», но и находящиеся в подчиненном к нему положении. При выработке доктрины окраинной политики правительство пыталось руководствоваться тремя принципами: увеличение налоговых поступлений, удобство управления и безопасность границ. Однако реализация только одного из названных принципов — доходности края — применительно к столь различным по уровню экономического развития и другим параметрам территориям, как Польша и Сибирь, Кавказ и Финляндия, со всей очевидностью свидетельствовала о невозможности проведения единых мероприятий.¹⁴

Первым и основным принципом окраинной политики на вновь присоединенных территориях стало сохранение существующего порядка землепользования, верований и культуры в целом. Со времени вхождения Сибири в состав России она стала предметом эксплуатации, организованной центральной властью. Правительственная позиция в отношении коренного населения определялась на первых порах фискальными интересами. Объявив себя сувереном и собственником земли, московские власти вместе с тем стремились сохранить значительную часть сибирских территорий в пользовании местного населения, обеспечивая этой мерой выполнение ими основной обязанности — уплаты ясака пушниной. Поэтому центральная власть по мере возможности пыталась не нарушать традиционных форм землепользования аборигенов и не допускать столкновений коренного населения и колонистов из-за земли. Именно финансовые соображения предопределили позиции центральной власти в вопросах землепользования аборигенов. Уже первые правительственные указы требовали не допускать столкновения колонистов и «иноверцев» из-за земли.¹⁵ В XVII в. для московских Романовых

¹⁴ Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти: Начало XIX — начало XX в. Иркутск, 2005; Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма: Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в. Иркутск, 2002.

¹⁵ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.

Сибирь была неисчерпаемым источником ценной «мягкой рухляди». Правительственные указы требовали взимать ясак исключительно мехами.¹⁶ Однако к началу XVIII в. правильность такой политики оказалась под сомнением. Соболь был почти повсеместно выбит, и у многих «иноверцев» охота стала превращаться в подсобное занятие — с одной стороны. С другой, интенсивный приток русского населения, потребности в развитии надежной продовольственной базы на Востоке заставили правительство взглянуть на народы Сибири не только как на плательщиков ясака, но и как на потенциальных хлебопашцев. Правда, до конца XVIII в. поощрительные меры к занятию земледелием чередовались с попытками побудить аборигенов к занятию исключительно пушным промыслом. Однако в XIX в. попытки обеспечить приоритет звероловства над хлебопашеством были уже нежизненными, тем более что развитие в Сибири горной промышленности, начало массовой золотодобычи, рост численности городов и русского населения в целом порождали все возрастающий спрос на продукты земледелия. Экономические потребности, воздействие русской деревни, мероприятия администрации послужили толчком к развитию пашенного земледелия у народов Сибири и, как результат, возрастанию оседлости. В хозяйственном отношении возникновение земледелия и возрастание оседлости у аборигенов стали важнейшими результатами прихода русских в Сибирь.¹⁷

Здесь необходимо отметить, что распространение пашенного земледелия у народов Сибири имело целью не только их экономическую, но и социокультурную инкорпорацию в состав империи, а в итоге — превращение Сибири в Россию. В этом плане особая роль отводилась православному русскому крестьянину-земледельцу, который должен был духовно сплотить империю, научить сибирского «инородца» не только пахать, косить, строить дома, но даже молиться и думать по-русски. В этом смысле проблемы имперского и национального строительства тесно переплетались и были призваны обеспечить стабильность империи на перспективу. Следующим важным принципом окраинной политики стало широкое сотрудничество имперской администрации с местными элитами. Эта тенденция отчетливо прослеживается не только на примере анализа соответствующих разделов «Устава об управлении инородцев» М. М. Сперанского 1822 г., но и на материалах польской конституции 1815 г., в политике на Кавказе, выразившейся в приравнивании грузинского дворянства к русскому, на левобережной Украине.

¹⁶ Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII — начале XX в. Иркутск, 2014. С. 330–332.

¹⁷ История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М., 1995. С. 118.

Эпоха контрреформ¹⁸ начала 1880-х гг. характеризуется изменением имперских подходов к управлению всеми российскими окраинами. По характеристике известного американского русиста Марка Раева, «правительство Александра III вступило на путь воинствующего шовинизма», когда в остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации.¹⁹ Одним из направлений внутриполитической деятельности российского правительства в период конца XIX — начала XX в. было завершение инкорпорации окраин в империю. Ее осуществление предполагалось посредством постепенной «русификации-унификации» окраин с остальной территорией государства. Единая Россия должна была стать унифицированной не только в административном, но и в культурном, а значит, языковом смысле.²⁰ В остзейских губерниях, в Польше, на Кавказе, даже в Финляндии началась политика беспощадной русификации. Русский язык становится обязательным в административных учреждениях, а местные чиновники постепенно замещаются русскоговорящими. В отличие от первой половины века, когда в основе окраинной политики лежали принципы регионализма, со второй половины столетия в основе имперских подходов к управлению окраинами преобладающим стал жесткий централизм, подразумевающий унификацию и стандартизацию форм управления и государственно-административной структуры.

Список литературы

- Артёмьев А. Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья: Середина XVII в. — 1860 г. // Русская Америка и Дальний Восток: Конец XVIII в. — 1867 г. Владивосток 2001. С. 287–297.
- Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. 346 с.
- Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти: Начало XIX — начало XX в. Иркутск, 2005. 264 с.
- Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма: Компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в. Иркутск, 2002. 207 с.

¹⁸ Автор вполне сознает условность этого понятия и разделяет точку зрения, высказанную в новейших исторических исследованиях (Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3: Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2016. С. 185–186).

¹⁹ Раев М. Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990. С. 225.

²⁰ Саломон А. П. Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 133.

- Дамешек Л. М. Мобилизация сибирских инородцев на тыловые работы в годы Первой мировой войны // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2014. Т. 7. С. 79–87.
- Дамешек Л. М. Налоги и повинности народов Сибири в пореформенный период // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2015. Т. 11. С. 51–57.
- Дамешек Л. М. Первая мировая война и сибирские «инородцы» // Приграничное сотрудничество: Исторические события и современные реалии: Материалы международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы советских и монгольских войск на реке Халхин-Гол. Ч. 2. Чита, 2014. С. 117–123.
- Дамешек Л. М. Потестарные институты власти народов Сибири и их эволюция в административную систему империи в XVIII в.: К 280-летию со дня издания инструкции пограничным дозорщикам С. Л. Владиславича-Рагузинского и 250-летия именного указа Сенату «Об отправлении капитана Щербачева в Сибирь...» // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 2 (10). С. 68–77.
- Дамешек Л. М. Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти: XVIII — начало XX в. // Дамешек Л. М. Избранное. Т. 1. Иркутск, 2018. С. 211–223.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Азиатское приграничье и внешнеполитические полномочия генерал-губернаторов Азиатской России // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 61. С. 21–25.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Институт генерал-губернаторов Азиатской России: Люди и структура // Вестник Бурятского научного центра. 2019. № 1 (13). С. 10–22.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XVIII — первой половины XX в. // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3 (15). С. 85–100.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Особые комитеты как органы управления окраинами империи XIX — начала XX в. Saarbruchen, 2012. 441 с.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Социальный портрет генерал-губернаторского корпуса Азиатской России в свете одного юбилея: К 210-летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н. Н. Муравьева-Амурского // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 3 (35). С. 10–24.
- Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII — начале XX в. Иркутск, 2014. 303 с.

- Друнин В. П.* Польша, Россия и СССР: Исторические очерки. М.; Л., 1928. 219 с.
- История Усть-Ордынского бурятского автономного округа. М., 1995. 542 с.
- Каппелер А.* Формирование Российской империи в XV — начале XVIII в.: Наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе. М., 2004. С. 94–115.
- Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской Империи: XVIII — начало XX в. М, 2001. 358 с.
- Раев М.* Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990. 314 с.
- Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. Т. 3: Вторая половина XIX — начало XX в. М., 2016. 765 с.
- Саломон А. П.* Ссылка в Сибирь: Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. 342 с.
- Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. 368 с.
- Сигов В. И.* Корпоративная этика чиновничества Восточной Сибири в царствование императора Николая I. Автореферат ... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 23 с.

П. В. Ильин

Санкт-Петербургский Институт истории РАН

НЕКОТОРЫЕ НЕРЕШЕННЫЕ ЗАДАЧИ АРХЕОГРАФИИ В ИСТОРИИ ДЕКАБРИСТОВ

Несмотря на богатый и разнообразный фонд публикаций источников и достигнутые значительные результаты в изучении дошедших до нас документальных материалов, в декабристоведении остается немалое количество невыполненных и незавершенных источниковедческих и археографических работ. Опираясь на анализ достижений и недостатков декабристоведческой археографии, автор обсуждает некоторые наиболее значимые и актуальные задачи, относящиеся к выявлению и публикации источников. К их числу относятся: составление свода основных памятников идейного наследия декабристов (комментированная научная публикация программных и идеологических документов), сборника политической публицистики участников тайных обществ, издание источников личного происхождения из архивов декабристов и их современников, подготовка указателей как опубликованных, так и неизданных документов, до сих пор не написан полный обзор достижений декабристоведческого источниковедения и археографии. В статье поднимается проблема обращения к письменному наследию малоизученных и неизученных деятелей декабризма, предлагается задача поиска некоторых архивных материалов, еще не подвергавшихся специальному исследованию.

Ключевые слова: история России XIX в., декабристы, декабристоведение, источниковедение, археография, сборники документов, идеологические документы, публицистика, источники личного происхождения, библиографические указатели опубликованных источников, архивные указатели

В преддверии 200-летнего юбилея событий 1825 г. возникает потребность в составлении обзора результатов, достигнутых в области декабристоведческой археографии, а также инвентаризации того, что еще можно сделать. Шесть лет назад нами был затронут историографический контекст осмысления археографических и источниковедческих задач в области декабристоведения — выводы и предложения наших предшественников, касающиеся введения в оборот и изучения письменного наследия декабристов, документальных памятников современной им эпохи.¹ Приведем в более развернутом виде важнейшие оценки и предложения, высказанные историками-источниковедами и археографами.

В год 150-летнего юбилея появились две обзорные статьи Р. Г. Эймонтовой, анализирующие публикации источников по исто-

¹ Ильин П. В. Актуальные проблемы и перспективные задачи археографии в области истории декабристов: Историографический контекст // Академическая археография в России XVIII–XXI вв. (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М., 2017. С. 139–150.

рии декабристов за 1917–1975 гг.² Оценивая «огромный размах и значительные результаты» проделанной работы, исследовательница писала: «Опубликовано практически труднообозримое количество первоисточников о декабристах. Первое по значению место среди них занимает документальный комплекс материалов следствия и суда над участниками движения... Осуществлены научные издания важнейших программных документов тайных обществ. Прделана огромная работа по выявлению, изучению и изданию тщательно выверенных и комментированных текстов агитационно-пропагандистских, литературно-художественных и иных сочинений декабристов, их воспоминаний и писем. Проведена библиографическая регистрация опубликованных многих архивных и даже не сохранившихся источников...».³ Как отмечала автор обзора, «труд публикаторов декабристских материалов сыграл заметную роль в выработке и совершенствовании общих принципов и приемов советской археографии».⁴ Выводы Р. Г. Эймонтовой базировались на приведенном в ее статьях большом перечне публикаторских трудов исследователей декабристов.

В то же время Р. Г. Эймонтова специально подчеркивала: «Хотя основной массив важнейших источников можно считать выявленным, опубликовано далеко не все. Архивные поиски должны быть продолжены. Они могут дать еще немало интересного».⁵ В другом месте историк делала следующий вывод: «Издано пока далеко не все, заслуживающее внимания... Нет сомнения, что в архивах, частных собраниях, библиотеках таится немало материалов, еще не ставших достоянием науки. Часть известных уже источников... нуждается в переиздании».⁶

Несмотря на внушительный перечень сделанного в области источниковедения и археографии декабристovedения, Р. Г. Эймонтова утверждала, что издано «далеко не все, заслуживающее внимания», а немалая часть опубликованных источников нуждается в качественной републикации. Примечательна осторожность исследовательницы, которая, казалось бы, могла сделать вывод о введении в научный оборот целиком основного массива источников по данной проблематике, но предпочла вести речь лишь об «основном массиве *только важнейших источников*».

² Эймонтова Р. Г. Советские публикации источников по истории движения декабристов // Вопросы истории. 1975. № 12. С. 19–31; Эймонтова Р. Г. Источники по истории декабристов в советских изданиях // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 222–243.

³ Эймонтова Р. Г. Советские публикации источников... С. 31.

⁴ Эймонтова Р. Г. Советские публикации источников... С. 31.

⁵ Эймонтова Р. Г. Советские публикации источников... С. 31.

⁶ Эймонтова Р. Г. Источники по истории декабристов в советских изданиях. С. 242.

В том же 1975 г. на юбилейной конференции в Иркутске состоялся доклад С. В. Житомирской о нерешенных задачах источниковедения и археографии в области декабристоведения.⁷ С. В. Житомирская уже в те годы отмечала «устойчивую иллюзию известной исчерпанности темы», сложившуюся, по ее мнению, после выхода в свет монографии М. В. Нечкиной «Движение декабристов» и других исследований 1950-х гг. Высоко оценив сделанное исследователями и архивистами на протяжении 1920-х — 1970-х гг., С. В. Житомирская критически отнеслась к современному положению дел. Она акцентировала внимание на трех основных «нерешенных» проблемах источниковедения, археографии и архивной эвристики.

1) *Отсутствие полных и научно выверенных изданий документов.* С. В. Житомирская констатировала наличие большого числа публикаций с купюрами и изъятиями, а также изданий, в основе которых неполный или некачественный рукописный текст: «В результате сама “известность” тех или иных источников лишь кажущаяся: считается, что источник опубликован, его постоянно используют, опираясь на это издание, но при более внимательном рассмотрении обнаруживается, что он издан неполно или неточно».⁸ Наиболее яркий пример — публикация писем И. И. Пущина, изданных к тому времени выборочно и с купюрами.⁹ Указывая на отдельные «выдающиеся по качеству издания» (тома серий «Литературное наследство», «Литературные памятники», «Библиотека поэта»), С. В. Житомирская подчеркивала: появлению этих изданий «мы обязаны не общему замыслу и историческому уровню крупного и единого научного предприятия — к сожалению, не существующего, а высоким культурным и научным традициям указанных серий...».¹⁰ Сложившаяся ситуация могла быть исправлена, если бы осуществлялось «систематическое научное издание особыми сериями памятников декабризма, потребность в котором давно назрела».¹¹

2) *Необходимость широкого подхода к поиску, анализу и публикации источников.* По мнению С. В. Житомирской, если отвлечься от «первого слоя источников», оставленного видными деятелями тайных обществ, который привлекал к себе «преимущественное внимание и особенно настойчиво приводился в известность», на современном этапе изучения требуется обращение к другим, еще не затронутым

⁷ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 28–40.

⁸ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 33.

⁹ Пущин И. И. Записки. Письма / Изд. подгот. С. Я. Штрайхом. М., 1956.

¹⁰ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 34.

¹¹ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 33.

слоям. К ним относятся «источники, просто не заподозренные в своей причастности к истории движения декабристов или не вскрытые по какой-либо особой своей трудности, а за ними еще более глубокие слои документов эпохи, не использованные главным образом потому, что историки не научились пока обращаться к ним новые вопросы».¹² Автор привела примеры таких материалов: опубликованный Н. Я. Эйдельманом дневник С. Ф. Уварова, содержащий уникальные сведения о М. С. Луние, и дневник Н. Д. Дурново, проанализированный в работе Ю. М. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни».¹³ Отсюда вытекает задача широкой поисковой и исследовательской работы, причем видный исследователь и архивист полагала важным отметить, что внимание ученых должно быть «устремлено не только на узкий круг общеизвестных имен, но на целый социальный слой».¹⁴ Такой «широкий охват» приносит свои плоды и счастливые находки — автор приводит примеры, среди которых приобретение Отделом рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина коллекций известных собирателей и ученых.¹⁵

3) *Отсутствие указателя неопубликованных (архивных) документов.* Как полагала С. В. Житомирская, определенную проблему для исследователей образует отсутствие свода систематизированных данных о неизданных источниках: «Предшествующий этап [источниковедческой и археографической работы] далеко не полностью решил некоторые существенные источниковедческие задачи, казалось бы, именно ему присущие. Мы имеем в виду прежде всего учет сохранившихся источников и адекватную информацию исследователей о них».¹⁶

Кроме того, С. В. Житомирская намечала (но не раскрыла подробно) еще одно неразработанное направление археографической работы — написание истории публикации документов по теме «история декабризма», составление хроники научного освоения источниковой базы декабристоведения.

Важнейшие итоги, к которым пришла С. В. Житомирская, заключались в выдвижении следующих источниковедческих и археографических задач: 1) полноценная публикация многих (в том числе основных) источников, изданных ранее с погрешностями и изъятиями

¹² Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 38.

¹³ Из дневника С. Ф. Уварова / Публ. С. В. Житомирской, Н. Я. Эйдельмана // Записки Отдела рукописей. Вып. 36. М., 1975. С. 114–160; Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.

¹⁴ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 39.

¹⁵ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 40.

¹⁶ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 31.

текста; 2) систематическое издание источников частного происхождения, для чего следует учредить новое крупное археографическое предприятие — многотомную серию, «где на современном уровне были бы изданы или переизданы разбросанные по множеству почти недоступных изданий памятники декабристской мысли и творчества, их документы и письма»; 3) широкий охват источников, не только «первого слоя», но и материалов, оставленных современниками; 4) учет сохранившихся документов, подготовка указателя архивных материалов по истории декабристов, «хранящихся хотя бы в крупнейших архивохранилищах страны».¹⁷

В 1987 г. была опубликована обзорная статья С. В. Мироненко о центральном по своему значению археографическом проекте в области декабристovedения — документальной серии «Восстание декабристов».¹⁸ В статье излагалась история замысла и публикации томов серии, намечались перспективы издания, которое, по оценке автора, далеко от завершения. О перспективах многотомника позволяют также судить статья С. В. Мироненко, вышедшая в связи с 175-летним юбилеем событий 1825 г., и принадлежащее ему введение к 21 тому документальной серии.¹⁹ В 2001 г. С. В. Мироненко оценивал потенциал серии следующим образом: «Тщательный анализ остающихся еще пока не опубликованными материалов убедил нас, что продолжать издание необходимо. Среди архивных документов есть еще достаточное количество материалов, достойных публикации».²⁰ Было предложено издание томов, содержание которых должны были составить: 1) программные и уставные документы тайных обществ; 2) материалы переписки членов семьи П. И. Пестеля и другие бумаги, отложившиеся в фонде следствия и суда; 3) дела участников польских тайных обществ; 4) доносы на тайные общества; 5) дела об имущественном положении арестованных; 6) аннотированная опись фонда следствия и суда.²¹

Наконец, в 1990 г. А. В. Семенова констатировала, что благодаря усилиям специалистов выявлено и опубликовано множество разнообразных и ценных источников, прежде всего отметив серию

¹⁷ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 31.

¹⁸ Мироненко С. В. 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 24–34.

¹⁹ Мироненко С. В. Государственный архив РФ к 175-летию юбилею восстания декабристов // АЕ за 2000 г. М., 2001. С. 3–7; Мироненко С. В. Введение // Восстание декабристов: Документы. Т. 21. М., 2008. С. 3–8.

²⁰ Мироненко С. В. Введение. С. 8.

²¹ Мироненко С. В. Введение. С. 8; Мироненко С. В. Государственный архив РФ... С. 7.

«Восстание декабристов».²² Не менее важна начатая в 1979 г. серия «Полярная звезда», которая «дала в руки исследователя не только биографические материалы об отдельных декабристах, но и ценные сведения о всем движении».²³ Далее А. В. Семенова обратилась к проблемам изучения и публикации источников: «...Немало неизданных документов эпохи декабризма... ждут своей публикации и дальнейшего изучения». Современные подходы к анализу декабристского движения выводят на передний план необходимость «более широкого изучения общественного фона», окружавшего тайные общества, что требует «расширения источниковедческой базы».²⁴

Отмечая необходимость продолжения основополагающих серий, историк обратила внимание на следующие, по ее мнению, важнейшие направления источниковедческих и археографических занятий: 1) Изучение фондов III Отделения, которые, несмотря на сравнительную изученность, все еще хранят множество неисследованных документов (например, обнаруженные А. В. Семеновой данные об управе декабристских обществ на периферии, отголосках событий 1825 г. в провинции, неизвестные ранее доносы). 2) Привлечение внимания к личным архивным фондам декабристов: «Во многих из них хранятся неизученные или недостаточно исследованные записки, проекты, другие документы».²⁵ В качестве примера автор приводит собственные находки в фондах Ф. П. Шаховского, Г. А. Римского-Корсакова.²⁶ 3) Изучение архивных фондов современников, сохранивших множество заслуживающих внимания источников. 4) Наконец, нельзя упускать из виду материалы областных архивов, где хранится переписка поднадзорных декабристов с местными властями, и возможны самые неожиданные находки (например, записи метрических книг, позволяющие уточнить биографические данные).²⁷

Необходимо с удовлетворением отметить, что значительная часть замыслов и рекомендаций видных источниковедов и археографов была реализована. Через несколько лет после юбилейных конференций 1975 г. началась публикация томов документальной серии «Полярная звезда», где одна из ранее обозначенных проблем источниковедения и археографии декабризма — сведение воедино пись-

²² Семенова А. В. Источники о движении декабристов: Сравнительный анализ, перспективы изучения и издания // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990. С. 145–147.

²³ Семенова А. В. Источники о движении декабристов. С. 146.

²⁴ Семенова А. В. Источники о движении декабристов. С. 146.

²⁵ Семенова А. В. Источники о движении декабристов. С. 147.

²⁶ См.: Записка Ф. П. Шаховского о путях улучшения положения крестьян / Публ. А. В. Семеновой // Советские архивы. 1989. № 6. С. 59–63.

²⁷ Семенова А. В. Источники о движении декабристов. С. 147.

менного наследия участников движения, систематическое издание источников личного происхождения на высоком научном уровне — получила свое разрешение. Появились и другие научные издания сочинений, писем, других материалов декабристов (А. О. Корниловича, В. К. Кюхельбекера, И. И. Пущина, А. Е. Розена, С. П. Трубецкого и др.), публиковались материалы из личных архивных фондов декабристов и их современников.²⁸ После 1975 г. продолжалось другое основополагающее серийное издание — документальная серия «Восстание декабристов», часть намеченных С. В. Мироненко к изданию материалов увидела свет.²⁹

Какова, на наш взгляд, современная ситуация в области археологии и источниковедения истории декабристов? Какие задачи, не получившие разрешения на предыдущих этапах работы, можно обозначить? Попытаемся представить свой ответ на эти вопросы.

1. В ряду задач, сохраняющих свое значение на современном этапе декабристоведческого источниковедения и археологии, одной из первостепенных по важности представляется подготовка документального сборника обобщающего характера — *свода основных источников декабристского движения* (в первую очередь, материалов программно-идеологического характера).

Первый представительный свод основных документов по истории декабризма был составлен Ю. Г. Оксманом при участии Б. Л. Модзалевского и Н. Ф. Лаврова в 1926 г.³⁰ По полноте и репрезентативности представленных материалов он до сих пор сохраняет свое значение, поскольку качественного аналога такому сборнику практически не существует, хотя с момента его выхода в свет прошло уже почти сто лет. Другое подобное издание — сборник «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов», составленный И. Я. Щипановым и С. Я. Штрайхом,³¹ объединил в себе множество значимых документов, однако критиковался рецензентами

²⁸ Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979; Пущин И. И. Сочинения и письма. Т. 1: Записки о Пушкине; Письма 1816–1849 гг. М., 1999; Т. 2: Письма 1850–1859 гг. М., 2001; Корнилович А. О. Записки из Алексеевского рavelина. М., 2004; Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008; Розен А. Е. Письма декабриста. СПб., 2008; Трубецкой С. П. Записки. Письма к И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011.

²⁹ В настоящее время в рамках серии издана существенная часть материалов из тех, что были запланированы в 2001 г.: переписка членов семьи П. И. Пестеля, дела об имущественном положении арестованных (Восстание декабристов. Документы. Т. 22: Из бумаг П. И. Пестеля. М., 2012; Т. 23: Материалы об имущественном положении декабристов. М., 2016).

³⁰ Декабристы. Отрывки из источников / Сост. Ю. Г. Оксман. М.; Л., 1926.

³¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1–3.

за неполноту и неудовлетворительный уровень комментария.³² Это издание является памятником публикаторской практики 1940-х — начала 1950-х гг., значительно устаревшей к сегодняшнему дню, не говоря уже об интерпретационной части, выдержанной в духе историографических представлений того времени. Прочие издания, которые претендовали на уровень сводов основополагающих документов, отличались несомненной неполнотой.³³ Опубликованный в последние годы том «Декабристы: Избранные труды» в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX в.»³⁴ не охватывает всего комплекса основных документов декабристского движения (конституционные проекты, политико-идеологические сочинения, следственные показания, мемуары), в ряде разделов материалы представлены крайне фрагментарно, сборник имеет недостатки в эдичионном отношении. Таким образом, в настоящее время возникает потребность в новом издании, выполненном на современном публикаторском уровне с учетом достижений историографии.

Необходимость использования основных документов декабристского движения не уменьшается, тем более что многие из этих документов, наделенные несомненной значимостью, в настоящее время разбросаны по отдельным, нередко труднодоступным публикациям. За прошедшее (с 1951 г., а тем более — с 1926 г.) время фонд материалов программного характера, политических сочинений, документов судебно-следственных процессов, мемуаров существенно пополнился, качественно иным стало научное знание о главных документах движения.

Ценность и значимость такого сводного издания не вызывает сомнений, поскольку с его выходом в свет будут собраны воедино и прокомментированы важнейшие памятники декабристской политической мысли. Вновь подготовленный сборник основных документов движения, как видится, может включать в себя редко привлекаемые материалы, отражающие «кредо» декабристов, — например, свод следственных показаний о социально-экономическом положении России,³⁵ письма-обращения к Николаю I, написанные в период след-

³² Порох И. В. Рец.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов (М., 1951. Т. 1–3) // Советская книга. 1952. № 5. С. 76–83.

³³ Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика / Сост. В. Н. Орлов. М., 1951; И дум высокое стремленье... / Сост. Н. А. Арзуманова; примеч. И. А. Мироновой. М., 1980. (Библиотека русской художественной публицистики); Декабристы: Избранные сочинения / Сост. А. С. Немзер, О. А. Проскурин. М., 1987. Т. 1–2.

³⁴ Декабристы: Избранные труды / Сост. О. И. Киянская. М., 2010.

³⁵ См.: Декабристы: Отрывки из источников. С. 1–9 (2-я паг.).

ствия, другие источники, вплоть до различного рода отрывочных записей.³⁶

Очевидно, базовую часть публикации свода основных документов составят конституционные проекты, программные и уставные документы тайных обществ, изданные на современном уровне. Такого рода публикация будет отражать актуальные достижения исследований, касающихся программных и тактических принципов декабристских организаций. В значительной степени положение дел изменит к лучшему упомянутая выше публикация уставных и программных документов тайных обществ, запланированная в серии «Восстание декабристов».

2. Несомненную ценность будет иметь сведение воедино и издание *памятников рукописной и печатной политической публицистики*, принадлежащих декабристам и близким к ним единомышленникам-современникам.

Публицистические сочинения, как опубликованные на страницах печатных изданий 1810-х — 1820-х гг., так и рукописные — важная категория источников, оставленная нам исторической эпохой. Это одно из главных слагаемых общественно-политической деятельности, которую вели участники тайных обществ, — то, с чем они «выходили» в современную им общественную среду, обращались к власти и своим современникам.

Существующие сводные издания публицистики декабристов немногочисленны и далеки от необходимой полноты. Как правило, публицистические памятники, вошедшие в состав сводных изданий декабристского наследия (таких, как трехтомник «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов»), — лишь составная часть публикуемых материалов. Особо выделим сборник ««Их вечно с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов», составленный С. С. Волком.³⁷ В нем представлены публицистические тексты Ф. Н. Глинки, М. Ф. Орлова, В. Ф. Раевского, Н. И. Тургенева, Н. И. Кутузова, П. Д. Черевина и других авторов декабристского ряда. Но этот единственный в своем роде сборник в своей интерпретационной части принадлежит советской историографии; другие своды декабристского наследия содержат лишь единичные публикации памятников публицистики. Таким образом, изучение важнейшей стороны политической деятельности

³⁶ В качестве примера укажем на публикацию записей декабриста А. В. Семенова: Ильин П. В. Новый источник для изучения «декабристского либерализма»: Записи А. В. Семенова в записной книжке, принадлежащей семейству Ф. П. Львова // ВИД. Т. 29. СПб., 2005. С. 445–462.

³⁷ «Их вечно с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983.

участников движения декабристов до сих пор весьма затруднено, производится выборочно, что приводит к неполноте имеющихся исследований. Комментарии к отдельным публицистическим сочинениям М. Ф. Орлова, Н. И. Тургенева, В. И. Штейнгейля и др., рассеянные по различным изданиям, часто входят в состав работ более широкой тематики и не могут заменить собой специального исследования либеральной публицистики первой четверти XIX в. При всем обилии публикаций декабристского наследия остаются не изученными в должной мере публицистические труды Ф. Н. Глинки, И. Г. Бурцова и других участников Союза благоденствия. Лишь в последние десятилетия в полноценный научный оборот вошли записки «на высочайшее имя» Н. И. Кутузова, посвященные критике государственного и военного управления, — ценный памятник реформаторской мысли участников декабристского движения.³⁸

В качестве итога этого направления археографической и исследовательской работы созревает задача подготовки сводной публикации печатной и рукописной публицистики участников декабристского движения, а также их единомышленников-современников (А. П. Куницын, П. А. Вяземский и др.). Необходимо продолжить поиск публикаций деятелей тайных обществ в повременных и периодических изданиях первой половины XIX в.³⁹ Конечным итогом этой работы может стать указатель публикаций участников декабристского движения в журналах и других печатных изданиях современной им эпохи.

3. Безусловное значение имеет *публикация источников личного происхождения*, как в рамках основополагающей документальной серии «Полярная звезда», так и в виде отдельных изданий.

В указанной серии издается письменное наследие участников декабристского движения, осужденных Верховным уголовным судом и оказавшихся в Сибири. Важность и значимость этого масштабного археографического проекта трудно переоценить, они не раз обсуждались и не требуют новых характеристик.⁴⁰

³⁸ «Истинное изображение нравственного состояния войск»: Записка Н. И. Кутузова Николаю I 1826 г. / Публ. А. В. Семенов / // Исторический архив. 2000. № 6. С. 30–45; Записка Н. И. Кутузова «О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства» / Публ. П. В. Ильина // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 79–117.

³⁹ Успешный пример такого поиска дают труды М. К. Азадовского, выявившего неизвестные ранее тексты А. А. Бестужева и В. К. Кюхельбекера: *Азадовский М. К. Страницы истории декабризма*. Т. 1. Иркутск, 1991. С. 322–334, 347–372; Т. 2. Иркутск, 1992. С. 178.

⁴⁰ Коваль С. Ф. «Полярная звезда»: К истории возникновения. Задачи и перспективы // Земля Сибирская. 1996. № 6. С. 51–53; Ильин П. В. 30-летие документальной серии «Полярная звезда»: Достижения и перспективы // АЕ за 2009–2010 гг. М., 2012. С. 25–35.

Вне серии «Полярная звезда», в отношении участников движения, избежавших ссылки в Сибирь, наказанных без суда (в административном порядке) или не подвергавшихся репрессиям, также имеется потребность в издании источников личного происхождения — сочинений, дневников, воспоминаний, писем.

Так, усилиями сотрудников ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН в недавнее время опубликован новый том возобновленного издания «Архив братьев Тургеневых» — прерванной в 1930-е гг. академической публикации дневников и писем, вводящей в оборот материалы фонда братьев А. И., Н. И. и С. И. Тургеневых. В состав нового тома вошли не издававшиеся ранее дневники Н. И. Тургенева.⁴¹ Независимо от этого, самостоятельной задачей видится издание сборника сочинений (прежде всего, публицистического характера), дневников и писем Н. И. Тургенева (включая републикацию на современном уровне уже изданного комплекса материалов). После первой полной научной публикации сочинения «Россия и русские»⁴² появление сборника, включающего его труды по проблемам государственного управления и финансов, проект преобразования судебной части, возможно — переизданные на современном уровне дневники и эпистолярное наследие, характеризующие разностороннюю деятельность декабриста, выглядит весьма привлекательно. Такого рода сборник позволил бы впервые в полном объеме представить наследие одного из выдающихся деятелей общественно-политического движения первой четверти XIX в. Письменное наследие другого видного участника тайных обществ — М. Ф. Орлова — тоже не собиралось в полном виде. Издание сочинений и писем, осуществленное в 1963 г. в серии «Литературные памятники», критиковалось рецензентами за неполноту, недостатки комментария, в том числе, в источниковедческом отношении.⁴³

Продолжение публикации памятников письменного наследия (сочинений, дневников, писем, воспоминаний) необходимо для дальнейшего развития исследований в области истории декабристов. Немаловажным аспектом этой работы, на наш взгляд, видится обращение к наследию малоизученных и совсем не изученных участников декабристского движения. Как известно, изучение феномена общественно-политического движения включает в себя не только исследование деятельности и наследия его лидеров, внесших опре-

⁴¹ Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 4: Путешествие в Западную Европу, 1824–1825. СПб., 2017.

⁴² Тургенев Н. И. Россия и русские / Изд. подгот. С. В. Житомирской, А. Р. Курилкиным. М., 2001.

⁴³ См.: Окунь С. Б. Ценный сборник // Новый мир. 1963. № 11. С. 261–264.

деляющий вклад в это движение и оставивших яркие памятники политической мысли. Представления о таком явлении, как движение тайных обществ, сформированные на основе изучения взглядов и деятельности главных идеологов и руководителей, насыщаются новым содержанием, корректируются при обращении к лицам «второго ряда». Письменные памятники, оставленные «рядовыми» участниками движения, наделены особой ценностью, поскольку взгляды руководителей традиционно подвергаются углубленному рассмотрению (хотя и здесь в настоящее время многое нуждается в пересмотре), в то время как в случае большинства прочих участников многое остается не проясненным. Между тем, мировоззрение «рядовых» участников с определенной точки зрения представляет не меньший интерес для историка, чем взгляды лидеров — по крайней мере, в контексте просопографического изучения представителей декабристского поколения. Возможно, пришло время для углубленного исследования широкого круга участников движения, в том числе наказанных без суда, освобожденных от наказания, не привлекавшихся к следствию, оставшихся правительству неизвестными.

Преобладающий интерес советской историографии к радикально настроенным деятелям «позднего декабризма» привел к тому, что сравнительно мало затронутыми оказались участники ранних тайных обществ, в первую очередь Союза благоденствия. Письменное наследие его участников, в том числе игравших заметную роль в движении (Ф. Н. Глинка, С. П. Шипов, П. Х. Граббе и др.), все еще остается недостаточно изученным в контексте истории декабризма. В последние десятилетия интерес историков к фигурам этого ряда оживился: внимание привлекли записки членов Союза благоденствия Ф. П. Шаховского и Н. И. Кутузова, посвященные проблемам государственного управления и внутренней политики в царствование Александра I, взгляды одного из лидеров умеренного крыла в тайных обществах И. Г. Бурцова.⁴⁴ Недавно изданы политико-экономические сочинения и воспоминания С. П. Шипова — практически единственного участника декабристских союзов (наряду с Н. И. Тургеневым), оставившего значительное публицистическое наследие в эпоху «великих реформ» 1860-х гг.⁴⁵ Это, по-видимому, первый опыт научной публикации комплекса сочинений деятеля ранних декабристских организаций в последнее время.

⁴⁴ См. примечания 26, 38; Макаров В. Б. Декабрист И. Г. Бурцов. Саратов, 1981; Макаров В. Б. «Умеренные» в тайных обществах Александровской эпохи: К советской историографии проблемы // Культура и история России XVI–XIX вв.: Сборник статей к юбилею В. А. Китаева. Нижний Новгород, 2002. С. 76–90.

⁴⁵ Шипов С. П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания. СПб., 2021.

Расширение круга известных участников декабристского движения в конечном счете увеличивает корпус введенных в оборот и изучаемых источников, открывает новые возможности для разработки основных проблем декабристоведческих исследований, способствует созданию коллективного портрета участников движения. Так, в последние десятилетия, благодаря утверждению в литературе факта причастности к декабристским обществам таких лиц, как Н. Н. Муравьев (Карский), М. М. Муромцов, С. Д. Нечаев и др., исследователи обращаются к их письменному наследию в контексте истории декабризма.⁴⁶ Актуализация сведений об участии в заговоре 1825 г. таких лиц, как А. Ф. Багговут, Я. И. Ростовцев, А. А. Суворов, стимулировала рост интереса к их мемуарным свидетельствам.⁴⁷

Привлечение внимания к наследию тех деятелей тайных обществ, кто до сих пор не был предметом специального изучения, — на наш взгляд, одно из актуальных направлений археографических занятий на современном этапе. Это подразумевает целенаправленный поиск документальных материалов о малоизвестных лицах, участвовавших в движении, выявление сохранившихся сочинений, писем, других источников, подготовку полноценной публикации этих материалов (в большинстве случаев впервые). Данное направление работы было намечено С. В. Житомирской, согласно ее формулировке, как исследование документов, «не заподозренных» в своей отнесенности к истории декабристов.⁴⁸ Тогда речь шла о материалах, принадлежащих современникам декабристов, но, очевидно, сюда входит и наследие, оставленное малоизвестными и вовсе неизвестными членами тайных обществ.

4. Предыдущая задача влечет за собой следующую; речь идет о целенаправленном *поиске и разработке материалов архивных фондов декабристов и их современников*, в особенности еще не изученных в качестве комплексов декабристских материалов.

Как это ни покажется странным, несмотря на кажущуюся разработанность многих личных архивных фондов (в первую очередь, вид-

⁴⁶ Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004; Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008.

⁴⁷ 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. (Пушкинская библиотека); Ильин П. В. Между заговором и престолом: Я. И. Ростовцев в событиях междоусобицы 1825 г. СПб., 2008; Федута А. И. «Гуманный внук воинственного деда»: А. А. Суворов-Рымникский в русской поэзии // Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи. Минск, 2009. С. 180–197.

⁴⁸ Житомирская С. В. Источниковедение декабризма. С. 38.

ных деятелей декабристских обществ), они хранят еще немало материалов, не привлекавших внимания исследователей предыдущих поколений или сознательно оставленных ими в стороне, в том числе по идеологическим причинам;⁴⁹ в еще большей степени неизученные материалы можно обнаружить в фондах, находившихся долгое время в неразобранном виде.⁵⁰ О ценности архивных фондов современников декабристов говорить не приходится.⁵¹ Помимо изучения архивов декабристов и их современников, существенное значение имеет разработка фондов и коллекций исследователей декабристов, коллекционеров и собирателей рукописей.

Затрагивая вопрос о задачах поиска архивных документов по истории декабризма, еще не охваченных изучением, следует назвать, во-первых, уже упоминавшиеся личные архивные фонды как видных, так и «рядовых» деятелей тайных обществ, ранее не привлекавшие внимания историков. Во-вторых, по существу не затронута изучением определенная часть документов РГВИА. Сохранились, хотя и далеко не в полном виде, материалы армейских военно-судных комиссий в 1-й и 2-й армиях (в фондах главных штабов этих армий), где велось расследование по делам тех подсудимых, кого не привозили в Петербург.⁵² В серии «Восстание декабристов» изданы лишь отдельные документы, в основном отложившиеся в фонде главного следственного процесса. Кроме того, в РГВИА хранятся доносы на тайные общества. В-третьих, остается актуальным соображение А. В. Семеновой об изучении документов III Отделения, в том числе материалов надзорных дел в отношении осужденных и административно наказанных лиц, а также ее рекомендация, нацеливающая на обращение к фондам местных (областных) архивов.

5. Следует вспомнить о подготовке фундаментального справочного издания, замысел которого в 1975 г. сформулировала С. В. Житомирская, — *справочника-указателя архивных материалов по истории декабристов*.

⁴⁹ См., например, архивные фонды Якушкиных (ГАРФ. Ф. 279), Кривцовых (ГАРФ. Ф. 1710), Нарышкиных-Коновницыных (РГБ. Ф. 133), Шаховских (ГАРФ. Ф. 635) и др.

⁵⁰ См. фонды А. И., Н. И., С. И. Тургеневых (ИРЛИ. Ф. 309), семейства Кашкиных (НИА СПбИ РАН. Ф. 66) и т. д.

⁵¹ В качестве примера ценного источника из архива современника декабристов укажем на публикацию доноса Добровольского на тайные общества, оригинал которого сохранился в фонде П. Д. Киселева (ИРЛИ. Ф. 143): Неизвестный эпизод из истории полицейского надзора над участниками тайных обществ: Письмо полковника Добровольского П. Д. Киселеву (1822 г.) / Публ. П. В. Ильина // 14 декабря 1825 года: Исследования, исследования, историография, библиография. Вып. 7. СПб., 2005. С. 13–48.

⁵² См., в частности: РГВИА. Ф. 14414. Оп. 1. Д. 196. Ч. 1–2 (материалы следствия в 1-й армии).

Если декабристоведческая библиография (учет изданных источников) получила достаточное развитие, охватывая собой период от появления первых публикаций (в современную декабристам эпоху) до 1992 г., то учет архивных документов значительно ей уступает. Дело ограничивается отдельными справочниками по тем или иным архивохранилищам, обзорами отдельных архивных фондов.⁵³ В результате возможно появление лакун в составлении сборников наследия декабристов, повторных публикаций уже изданных источников, публикаций, основанных на неполных и несовершенных рукописях, ошибок в атрибуции документов и т. д.⁵⁴

Историки ощущают потребность в такого рода справочнике для решения задач эвристического и исследовательского характера, при подготовке публикаций письменного наследия того или иного лица и т. д. В первую очередь исследователям нужна сводная информация об архивных фондах, собраниях и коллекциях, содержащих материалы по данной тематике.

6. Представляется важной подготовка *библиографических указателей опубликованных источников*, составляющих декабристское наследие (идеологических сочинений, публицистики, мемуаристики, эпистолярного материала).

Если составление указателя архивных материалов как одну из необходимых задач археографической работы называла С. В. Житомирская, то подготовка справочников по опубликованным источникам предлагается нами. Учет изданного — немаловажная задача источниковедческого регистрирования. Отсутствие систематических указателей имеющихся публикаций (сочинений, мемуаров, эпистолярия) затрудняет поисковую и исследовательскую работу. В известных декабристоведческих библиографиях (Н. М. Ченцова, Р. Г. Эймонтовой и др.) сведения такого рода рассредоточены, погружены в толщу других библиографических данных; составить с их помощью целостное

⁵³ Описание рукописных материалов по истории движения декабристов [Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина] / Сост. Е. П. Федосеева. Л., 1954; Движение декабристов: Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР / Сост. Л. П. Петровский. М., 1975. Вып. 1–3; Движение декабристов: Аннотированный указатель к документам фондов и коллекций ЦГИА СССР / Сост. А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. М., 1981; *Калантырская И. С. Указатель материалов по истории движения декабристов из собрания ОПИ ГИМ* // 170 лет спустя... Декабристские чтения [1995 г.]: Статьи и материалы. М., 1999. С. 177–252.

⁵⁴ Например, записка Н. И. Кутузова, посвященная проблемам военного управления, была приписана Ф. П. Толстому, в фонде которого сохранилась ее копия, см.: О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса: Письмо и записка графа Ф. П. Толстого императору Николаю I / Публ. Н. А. Каргаполовой // Река времен: Книга истории и культуры. Кн. 1: Государь, государство, государственная служба. М., 1995. С. 36–48.

представление о полном корпусе изданных материалов, например, писем конкретного декабриста, достаточно трудно.

Нами подготовлено к печати первое из таких справочных изданий — библиографический указатель декабристских дневников, воспоминаний, мемуарных записей различного характера. По сравнению с известным указателем опубликованных мемуарных источников, составленным под редакцией П. А. Зайончковского,⁵⁵ новый указатель содержит более полный объем информации. Сведения о целом ряде воспоминаний деятелей тайных обществ, рассредоточенные в известном указателе по разным разделам, собраны воедино, некоторые мемуарные памятники впервые привязаны к корпусу источников по истории декабризма. Подобные библиографические указатели могут быть составлены применительно к другим комплексам письменного наследия — сочинениям, эпистолярным материалам.

7. В качестве отдельной задачи необходимо выделить написание *истории публикаций источников в области декабристствоведения* — систематического обзора выполненной источниковедческой и археографической работы. Этот замысел, намеченный С. В. Житомирской в 1975 г., начало которому было положено тогда же в статьях Р. Г. Эймонтовой, в настоящее время выступает на повестку дня в связи с приближающимся 200-летним юбилеем, поскольку назрела потребность в обобщении накопленного большого археографического и источниковедческого опыта. К этому следует добавить, что история собирания и публикации документов в данной тематической области до сих пор в полной мере не написана.

Подводя итог, нельзя не заключить, что, несмотря на бесспорные достижения, которыми ознаменованы предыдущие этапы декабристствоведения, исследователям предстоит решить еще не одну творческую задачу — от сугубо практических вопросов изучения необследованных архивных фондов и издания отдельных источников, с целью заполнения очевидных лакун в документальной базе, до подготовки сводных сборников документов и базовых справочных указателей.

На сегодняшний день, вопреки стереотипному мнению об исчерпанности источниковедческо-археографических занятий в области истории декабристов, даже основные направления этой работы не получили окончательного воплощения — нет ни сборника основных идеологических документов декабризма, подготовленного на современном эдиционном уровне, ни публикации некоторых важнейших видов источников (например, публицистики), отсутствуют указатели архивных и опубликованных материалов. Основополагающие доку-

⁵⁵ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях.

ментальные серии «Восстание декабристов» и «Полярная звезда» не завершены.

Источниковедам и археографам предстоит решить еще множество проблем и конкретных творческих задач, прежде чем можно будет сказать, что основная часть источниковой базы по истории декабристов введена в научный оборот, а исследователи располагают своим важнейших документов и базовыми справочными изданиями. Нужно признать, что даже высказанная в 1975 г. осторожная оценка Р. Г. Эймонтовой о введении в научный оборот «основного массива важнейших источников» нуждается сейчас в определенной коррекции: чтобы получить такой результат, необходимо разрешить некоторые из затронутых в настоящей статье археографических задач.

Список литературы

- Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Т. 1. Иркутск, 1991. 491 с.; Т. 2. Иркутск, 1992. 426 с..
- Восстание декабристов: Документы. Т. 22: Из бумаг П. И. Пестеля. М., 2012. 740 с.; Т. 23: Материалы об имущественном положении декабристов. М., 2016. 775 с.
- Движение декабристов: Аннотированный указатель к документам фондов и коллекций ЦГИА СССР / Сост. А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. М., 1981. 152 с.
- Движение декабристов: Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР / Сост. Л. П. Петровский. М., 1975. Вып. 1: А–Г. 241 с.; Вып. 2: Д–Н. 242 с.; Вып. 3: О–Я. 262 с.
- Декабристы: Избранные сочинения / Сост. А. С. Немзер, О. А. Прокурин. М., 1987. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 560 с.
- Декабристы: Избранные труды / Сост. О. И. Киянская. М., 2010. 710 с.
- Декабристы: Отрывки из источников / Сост. Ю. Г. Оксман. М.; Л., 1926. 488 с.
- Декабристы: Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика / Сост. В. Н. Орлов. М., 1951. 704 с.
- Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 4: Путешествие в Западную Европу, 1824–1825. СПб., 2017. 1030 с.
- Житомирская С. В. Источниковедение декабризма: Некоторые нерешенные задачи // Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск, 1978. С. 28–40.
- Записка Н. И. Кутузова «О состоянии Российской империи в отношении внутреннего ее устройства» / Публ. П. В. Ильина // Николай I: Личность и эпоха. Новые материалы. СПб., 2007. С. 79–117.

- Записка Ф. П. Шаховского о путях улучшения положения крестьян / Публ. А. В. Семенов / // Советские архивы. 1989. № 6. С. 59–63.
- И дум высокое стремление... / Сост. Н. А. Арзуманова; примеч. И. А. Мироновой. М., 1980. 400 с. (Библиотека русской художественной публицистики).
- Из дневника С. Ф. Уварова / Публ. С. В. Житомирской, Н. Я. Эйдельмана // Записки Отдела рукописей. Вып. 36. М., 1975. С. 114–160.
- Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. 732 с.; Т. 2. 568 с.; Т. 3. 466 с.
- Ильин П. В. Актуальные проблемы и перспективные задачи археологии в области истории декабристов: Историографический контекст // Академическая археология в России XVIII–XXI вв. (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН). М., 2017. С. 139–150.
- Ильин П. В. Между заговором и престолом: Я. И. Ростовцев в событиях междоусобицы 1825 г. СПб., 2008. 297 с.
- Ильин П. В. Новое о декабристах: Прощенные, оправданные и не обнародованные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004. 664 с.
- Ильин П. В. Новый источник для изучения «декабристского либерализма»: Записи А. В. Семенова в записной книжке, принадлежащей семейству Ф. П. Львова // ВИД. Т. 29. СПб., 2005. С. 445–462.
- Ильин П. В. 30-летие документальной серии «Полярная звезда»: Достижения и перспективы // АЕ за 2009–2010 годы. М., 2012. С. 25–35.
- «Истинное изображение нравственного состояния войск»: Записка Н. И. Кутузова Николаю I 1826 г. / Публ. А. В. Семенов / // Исторический архив. 2000. № 6. С. 30–45.
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 2. Ч. 1: 1801–1856. М., 1977. 367 с.; Ч. 2: 1801–1856. М., 1978. 343 с.
- «Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов. М., 1983. 368 с.
- Калантырская И. С. Указатель материалов по истории движения декабристов из собрания ОПИ ГИМ // 170 лет спустя... Декабристские чтения [1995 г.]: Статьи и материалы. М., 1999. С. 177–252.
- Коваль С. Ф. «Полярная звезда»: К истории возникновения. Задачи и перспективы // Земля Сибирская. 1996. № 6. С. 51–53.
- Корнилович А. О. Записки из Алексеевского равелина. М., 2004. 654 с.
- Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979. 793 с.
- Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 25–74.

- Макаров В. Б. Декабрист И. Г. Бурцов. Саратов, 1981. 83 с.
- Макаров В. Б. «Умеренные» в тайных обществах Александровской эпохи: К советской историографии проблемы // Культура и история России XVI–XIX вв.: Сборник статей к юбилею В. А. Китаева. Нижний Новгород, 2002. С. 76–90.
- Мироненко С. В. Введение // Восстание декабристов: Документы. Т. 21. М., 2008. С. 3–8.
- Мироненко С. В. Государственный архив РФ к 175-летию восстания декабристов // АЕ за 2000 год. М., 2001. С. 3–7.
- Мироненко С. В. 60 лет издания документальной серии «Восстание декабристов» // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 24–34.
- О нравственном состоянии войск Российской империи и в особенности Гвардейского корпуса: Письмо и записка графа Ф. П. Толстого императору Николаю I / Публ. Н. А. Каргаполовой // Река времен: Книга истории и культуры. Кн. 1: Государь, государство, государственная служба. М., 1995. С. 36–48.
- Окунь С. Б. Ценный сборник // Новый мир. 1963. № 11. С. 261–264.
- Описание рукописных материалов по истории движения декабристов [Рукописного отдела Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина] / Сост. Е. П. Федосеева. Л., 1954. 100 с.
- Письмо полковника Добровольского П. Д. Киселеву (1822 г.) / Публ. П. В. Ильина // 14 декабря 1825 года: Источники, исследования, историография, библиография. Вып. 7. СПб., 2005. С. 13–48.
- Порох И. В. Рец.: Избранные социально-политические и философские произведения декабристов (М., 1951. Т. 1–3) // Советская книга. 1952. № 5. С. 76–83.
- Пушкин И. И. Записки. Письма / Изд. подгот. С. Я. Штрайхом. М., 1956. 496 с.
- Пушкин И. И. Сочинения и письма. Т. 1: Записки о Пушкине; Письма 1816–1849 гг. М., 1999. 549 с.; Т. 2: Письма 1850–1859 гг. М., 2001. 623 с.
- Розен А. Е. Записки декабриста. СПб., 2008. 656 с.
- Розен А. Е. Письма декабриста. СПб., 2008. 510 с.
- Тургенев Н. И. Россия и русские / Изд. подгот. С. В. Житомирской, А. Р. Курилкиным. М., 2001. 742 с.
- Семенова А. В. Источники о движении декабристов: Сравнительный анализ, перспективы изучения и издания // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Киев, 1990. С. 145–147.
- Трубецкой С. П. Записки. Письма к И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. 381 с.

- Федута А. И. «Гуманный внук воинственного деда»: А. А. Суворов-Рымникский в русской поэзии // *Федута А. И. Письма прошедшего времени: Материалы к истории литературы и литературного быта Российской империи*. Минск, 2009. С. 180–197.
- 14 декабря 1825 года: Воспоминания очевидцев. СПб., 1999. 751 с. (Пушкинская библиотека).
- Шилов С. П. Политические и экономические сочинения. Воспоминания. СПб., 2021. 760 с.
- Шкерин В. А. Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008. 392 с.
- Эймонтова Р. Г. Источники по истории декабристов в советских изданиях // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 222–243.
- Эймонтова Р. Г. Советские публикации источников по истории движения декабристов // Вопросы истории. 1975. № 12. С. 19–31.

Л. В. КАЛЬМИНА

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

«...УМНЫ, ЛЮБОЗНАТЕЛЬНЫ И ПРЕДПРИИМЧИВЫ»: СИБИРЯКИ ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКА. ВЕК XIX*

Статья посвящена характеристикам сибирского жителя XIX в., которые давали изучавшие край исследователи и путешественники. Несмотря на разницу взглядов авторов, все они считали сибиряков самостоятельным сообществом людей со своим характером, образом жизни и мыслей, которые были сформированы особенностями существования в суровом сибирском крае.

Ключевые слова: сибиряк, Сибирь, русский человек, характеристика, конструирование образа, отличительные черты, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц, П. Богаевская, Н. Н. Родигина, А. В. Ремнев

Приступая к написанию данной статьи, автор отдавал себе отчет в некоторой аморфности предмета исследования, хотя сибиряка уже и столетие назад считали не просто жителем сибирского региона, а обладателем особого типа характера, отличающего его от живущих в европейской России. Как отмечали исследователи, рукотворный имидж Сибири как совершенно иной, нежели Россия, реальности, создавал еще М. В. Ломоносов. А позднее подхватившие эту мысль областники, акцентируя особые пути развития Сибири, «сформировали» из сибиряков некую новую «нацию».¹

Оставившие заметки о Сибири чиновники, военные, ученые, писатели, путешественники считали для себя обязательным дать характеристику сибиряку, хотя сибирский социум был слишком пестрым, чтобы можно было говорить о нем как о сложившемся статическом образе. Анализируя многочисленные очерки, мы ориентируемся на понимание «сибиряка», характерное для времени их написания. Из сибирского сообщества того времени исключалась ссылка, которая, по мнению идеолога областничества Н. М. Ядринцева, только «наполняет остроги и наводняет Сибирь беглыми» и не имеет «ничего общего со страной и населением».² Между тем грань между ссылными и сибиряками была достаточно условной, поскольку, по замечкам исследователей того времени, часть этих ссылных «нередко богате-

* Статья подготовлена в рамках государственного задания «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5.

¹ Антипов Г. А. Сибирь как проект // Сибирь: Имидж мегарегиона. Новосибирск, 2012. С. 132, 133.

² Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. С. 181.

ют, натурализируются в Сибири и переселяют туда свои семейства».³ На это при описании нижеудинских поселенцев обращал внимание и известный исследователь Сибири М. М. Геденштром, хотя и оговаривался, что «развратнейшие поселенцы» превращаются в настоящих сибиряков при «при неослабном понуждении».⁴

Из образа «сибиряка» исключалось и инородческое население, также весьма неоднородное по характеру, нравам и обычаям. «Сибиряку в большую обиду, когда заезжий русский человек примет его за инородца, — отмечал профессиональный военный и литератор Ф. В. Девель. — Он не думает, что за несколько поколений в Сибири русский человек порядочно изменился. И лицом, речью, а иногда и верой он стал похож то на бурята, то на тунгуса — глядя по месту».⁵

Наконец, к разряду сибиряков, по господствовавшим тогда представлениям, не причислялось неправославное население — немцы, поляки, евреи и др., хотя в Сибири жили уже несколько поколений их предков. «Суетливым жидкам», придающим оживленный вид «обычной сонливости здешней городской жизни»,⁶ при описании городского быта посвящали целые сюжеты, но сибиряками их не считали, хотя авторы отмечали у них русский характер, образ жизни, чистый русский язык и самоощущение русского человека, с презрением относившегося к обитавшим в западной России «одноплеменникам».⁷ Из разряда сибиряков исключались и староверы («семейские»), которых считали «сектантами», сообществом «довольно эгоистичным» и «безучастным в общей формировке жизни».⁸ Сибиряками признавалось только русское старожильческое православное население, которое от «наезжих» отличается длительностью жизни в Сибири. Д. А. Клеменц, которого областники выделяли из всех ссыльных как «наиболее привязанного к Сибири»,⁹ полагал, что прожившие в реги-

³ Путешествия по степям и горам Сибири и соседним землям Средней Азии: По сочинениям Аткинсона, Миддендорфа, Раде, Маака и др. / Сост. А. Этцель, Г. Вагнер. СПб., 1865. С. 82.

⁴ Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. С.72, 73.

⁵ Девель Ф. В. Рассказы о Восточной Сибири, то есть о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском. М., 1896. С. 70.

⁶ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2. М., 1865. С. 70.

⁷ Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 278; Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. С. 21.

⁸ Клеменц Д. А. Население Сибири // Сибирь: Ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 52; Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 84.

⁹ Сесюнина М. Г. Политическая ссылка второй половины XIX века и сибирские областники // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск, 1985. С. 106.

оне менее 25 лет — еще новоселы, которые лишь во втором поколении «осибириячиваются».¹⁰

Было бы слишком большим самомнением претендовать в рамках статьи на исчерпывающую характеристику сибиряка, почерпнутую в записках того времени. Мы ограничимся лишь некоторыми наиболее рельефными, часто полярно противоположными мнениями о его темпераменте, трудолюбии, любознательности и терпимости к чужакам.

Из «мрачного подземелья» к «русскому Эльдорадо»

При анализе описаний сибирского характера необходимо соотносить их с образом самой Сибири, который конструировался теми или иными общественными силами в зависимости от поставленных целей, и с личностью автора, рисовавшего сибирский «портрет» в соответствии со своим статусом, временем и целью посещения Сибири и тем, что сейчас называется государственным/социальным заказом.

Изучавшие Сибирь отмечали двойственность в ее характеристиках. С одной стороны, регион был носителем позитивного образа как связующее звено европейской и азиатской России, «своеобразная натуральная модель, в которой представлены все составляющие российского общества — цивилизационные, этнические, конфессиональные». С другой — этот образ «не эволюционирует в направлении технологических и социальных преобразований», и потому воспринимается как отдаленный дикий край, место каторги и ссылки, хотя и близкий к природе и таящий в себе ее неизведанные богатства.¹¹

По замечанию А. В. Ремнева, во второй половине XIX в. Сибирь была «не просто отдаленным регионом России, но пребывала в другом времени». Если в центральных районах страны были проведены «великие реформы», то Зауралье оставалось в дореформенном состоянии.¹² Н. Н. Родигина, посвятившая многолетние исследования конструированию образа Сибири в русской журнальной прессе пореформенного периода, отмечала, что этот образ в общественном мнении постоянно менял актуализацию, степень активности, трансляторов и адресатов. Мотив страны-изгнания с «тяжкими оковами» и «мрачными подземельями», акцентировавшийся в 1820–1830-е гг. в связи

¹⁰ Клеменц Д. А. Население Сибири. С. 52.

¹¹ Головнева Е. В. Амбивалентный характер образа Сибири // Визуальные образы современной культуры: Светские и религиозные построения жизненного мира: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 9–10 июня 2017 г. Омск, 2017. С. 65.

¹² Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: Региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2011. № 3 (62). С. 115.

со ссылкой декабристов, с «подачи» народников сменился зарисовкой «крестьянского Эльдorado», нуждающегося в «интеллектуальной экспансии», которая, в свою очередь, с изменением места Сибири в имперской геополитике была подхвачена официальной печатью.¹³ Выделенные исследователем три этапа восприятия Сибири общественным мнением фактически совпали с этапами освоения региона как колонизируемой территории.¹⁴ На личностном уровне образ Сибири тоже существенно варьировался — даже воспоминания ссыльных нельзя привести к общему знаменателю. Н. Н. Родигина метко назвала это «борьбой воспоминаний», когда авторы по-разному оценивали события, произошедшие в изгнании.¹⁵ Оставившим налаженную жизнь для страдания за идею было бы непонятно ликование местечкового еврея Я. Домбровского, которому пришлось даже воспользоваться протекцией, чтобы быть сосланным в Сибирь!¹⁶ Регион, бывший в глазах либеральной прессы «вместилищем отбросов людского общества европейской России»,¹⁷ для евреев был едва ли не единственным шансом сбросить вериги «черты оседлости» с ее скученностью и нищетой и начать новую жизнь в краю невиданных просторов и природных богатств.

«Самоуверен своими особенностями...»

Все авторы, несмотря на разницу положения и обстоятельств пребывания в Сибири, были солидарны в том, что опытному глазу не составит труда отличить сибиряка от русского. Данное высказывание касалось не только оценки внешнего образа, но и стереотипов поведения старожилов, образа их жизни. Сибирская «инаковость», отмечают исследователи, бросалась в глаза прежде всего приезжим. Поначалу слабый поток переселенцев еще не создавал для старожилов острой потребности отделять себя от новоселов. Но с нарастанием миграционного потока «такое отличие закрепится особой сибирской идентичностью». ¹⁸ Однако эта «инаковость» каждому виделась по-своему. Служивший в Омске офицер И. Ф. Белов в своих заметках обратил внимание читателя на присущую сибиряку меланхолию, что его преимущественно и отличает от приезжих в Сибирь из европей-

¹³ Родигина Н. Н. «Другая Россия»: Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2006. С. 57–58, 83, 110, 113, 145, 310.

¹⁴ Родигина Н. Н. «Другая Россия». С. 310.

¹⁵ Родигина Н. Н. «Другая Россия». С. 254.

¹⁶ Войтинский В., Горштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 203.

¹⁷ Родигина Н. Н. «Другая Россия». С. 246.

¹⁸ Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Сибирский ракурс региональной идентичности // Национальные приоритеты России. 2014. № 2 (12). С. 49.

ской России.¹⁹ П. Богаевская в «Заметках о Сибири» отмечала, что отстраненность «от российского» с головой выдавала настоящего сибиряка, «самоуверенного и гордого своими особенностями», что «господствовало в коренном сибирском населении».²⁰ Разница оценок объясняется положением авторов и задачами, которые они ставили перед собой. Работа И. Ф. Белова без претензий на академическое описание края служит скорее пособием для путешественника, который получает из нее информацию практического характера.²¹ Никаких сведений о П. Богаевской, кроме того, что она автор «Заметок»,²² найти не удалось. Однако из контекста видно, что это не путевые впечатления, а попытка проникнуть в психологию чуждого ей человека на основании многолетних наблюдений.

Сравнение «российского» с «сибиряком» присутствует практически во всех «сибирских впечатлениях», а разница между ними составляла предмет постоянного конфликта. «Если сибиряк протягивает вам дружелюбно руку и скажет “вы, российский”, — писала Богаевская, — то это значит, что он вам не земляк, а крайняя ему противоположность».²³ «Сибиряк не задумывается и не подозревает своего кровного родства с коренным русским человеком, — отмечал и Н. М. Ядринцев, — напротив, он считает себя русским, а на русского поселенца смотрит как на совершенно чуждого ему человека и сомневается в его русской национальности».²⁴ Это мнение вполне вписывается в идеологию областничества об устойчивом дуализме российского самосознания и новой региональной идентичности «сибирства», которую они намеревались сохранить, не подвергая сомнению государственную целостность.²⁵ Анализируя взаимоотношения между «русскими» и «сибиряками», историк Н. Г. Суворова пришла к выводу, что возникающее между ними «ненавидство» высвечивало характерные особенности не вполне сложившегося старожильческого общества и активно формирующегося переселенческого.²⁶

¹⁹ Белов И. Путевые заметки... С. 19.

²⁰ Богаевская П. Заметки о Сибири. Брянск, 1895. С. 97.

²¹ Блинова О. В. Путешественник по казенной надобности: Реконструкция биографии офицера Сибирского корпуса Иосифа Федоровича Белова // Вестник Омского университета. Серия Исторические науки. 2019. № 4 (24). С. 50.

²² Писательницы России: Материалы для биобиблиографического словаря / Сост. Ю. А. Горбунов // <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbulnov/sl-2.htm>.

²³ Богаевская П. Заметки о Сибири. С. 97.

²⁴ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 61.

²⁵ Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Сибирский ракурс региональной идентичности. С. 50.

²⁶ Суворова Н. Г. Категории «сибиряк» и «сибирский» в научном дискурсе второй половины XIX в. // Третьи Ядринцевские чтения: Материалы III Всероссийской научно-

«Клеветники в России»

Устоявшееся неприглядное мнение о сибиряках «не только простонародных европейско-российских поселенцев, но и образованных людей, приезжих из России», приводит известный русский историк, этнограф и антрополог А. П. Щапов: «Сибирский народ, *почти по общему убеждению и молве*, (курсив наш. — Л. К.) ...слывет народом хитрым, грубым, своекорыстным, немилосердным, даже жестоко-сердым...»; «...они скупы безмерно, нежалостливы, бессердечны».²⁷ Неприязнь к сибирским старожилам, уступавшим, по его мнению, в нравственном плане даже ссыльным, продемонстрировал И. Г. Прыжов, писавший под псевдонимом Благовещенский: «...Сибирское население слишком часто, если не вообще — тупое и озлобленное, — утверждал он в своих “Записках”, — едят друг друга и тем сыты бывают... Но самое приятнейшее дело — сожрать заезжего человека или, как здесь говорят, “российского”».²⁸

Формируя негативный образ сибирского жителя, авторы отмечали его пристрастие к вину. Политический ссыльный Л. Ф. Пантелеев был поражен обилию пьяных в горячую летнюю пору: «...Даже в будничные дни они целыми толпами двигались по деревням, а непечатная брань просто заполняла воздух».²⁹ П. А. Словцов приводит слова проехавшего по Сибири аббата Шарпа, что сибиряки «любят женщин и напитки до излишества».³⁰ А А. П. Чехов отмечал, что даже сибирская интеллигенция «с утра до ночи пьет водку, пьет неизящно, грубо и глупо, не зная меры и не пьянея».³¹

Рассмотрение той или иной оценки вне контекста места и времени абсолютизирует негатив в восприятии сибиряка прогрессивными общественными деятелями. На деле показываемый А. П. Щаповым нелестный портрет сибиряка является, по его мнению, результатом поглощения провинции «центром» с его постоянными имперскими претензиями.³² А обвинения сибиряка в беспробудном пьянстве устами А. П. Чехова — приговор сибирской ссылке, бессмысленность и

практической конференции, посвященной 300-летию Омска. Омск, 26–28 ноября 2015 г. Омск, 2015. С. 393, 394.

²⁷ Щапов А. П. Сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб., 1908. С. 620.

²⁸ Благовещенский (И. Г. Прыжов). Записки о Сибири // Вестник Европы. 1882. Т. 5. Кн. 9. С. 291.

²⁹ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. Т. 2. СПб., 1908. С. 173.

³⁰ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 1995. С. 392.

³¹ Чехов А. П. Из Сибири // Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. М., 1956. С. 27.

³² Смищенко Р. С. Демократический регионализм А. П. Щапова // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4 (14). С. 33.

жестокость которой заставляла сосланных спиваться от никчемности своего существования.³³

По мнению экономиста А. Исаева, изучавшего переселенческую политику империи, сибиряку-старожилу претит дерзость и напористость, с какой поселенцы «окунулись в Сибирь, действуя дружно и систематично в самых разнородных проявлениях сельской жизни».³⁴ Отсутствие этой настырности, неспешность в делах очевидцы принимали за лень и отсутствие предприимчивости. «...Он ленивее русского крестьянина, — писал Ф. В. Девель, — никогда так рано не встанет в трудовой день; вставши, напьется чаю, как говорится, с толком и расстановкой и не торопясь выезжает на работу».³⁵ «Сибиряки вообще, кажись, недостаточно имеют духа предприимчивости, — солидарен с этим утверждением И. Ф. Белов, — ибо не только ремесла и художества... находятся в военных мастерских, но даже коммерция... в руках европейских купцов».³⁶

Audiat et altera pars

«Другая сторона» рисует совершенно иной облик сибиряка: основательный и трудолюбивый. Известный историк Сибири П. А. Словоцов со всем пылом защищал от недобрых оценок коренного сибиряка, на которого «издавна клеветают ...в России различным образом». По его мнению, только «поверхностные наблюдатели» и из «сволочей русских поселенцев» могут назвать «рассудительного, хозяйственного, добронравного» представителя «коренного класса сибиряков» «невежею, ленивцем, развратным», хотя ссыльные сильно подпортили «природу» сибиряков.³⁷ Газета «Восточное обозрение» возражала «претендующим на компетентность лицам», что не стоит делать такие скоропалительные выводы на основании незначительного «обратного переселения» не прижившихся в новых местах «из-за неразвитости экономической жизни, затруднившей устройство поселенцев». Не мешало бы знать, пишет газета, что русский мужик в гиблом, казалось бы, месте может насадить «высшие сельскохозяйственные культуры», и «стыдно становится за редакцию, принявшую под свое

³³ Катионов О. Н. Н. А. Радищев и А. П. Чехов — путники Сибири // Образы России, ее регионов в историческом образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. 17–19 ноября 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 221.

³⁴ Исаев А. Как относятся в Сибири к переселенцам // Русская мысль. 1890. Кн. 12. С. 85. Подчеркнуто в тексте.

³⁵ Девель Ф. В. Рассказы о Восточной Сибири. С. 72.

³⁶ Белов И. Путевые заметки... С. 19–20.

³⁷ Словоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С. 352.

крыло «такого недоросля публицистического дела».³⁸ Н. М. Ядринцев в защиту сибиряка приводит убедительный аргумент: даровитое сибирско-русское население поставлено в «такие печальные условия», что «выдающаяся умственная сила» просто подавляется.³⁹ С мнением о добропорядочности сибиряков солидарен и сибирский чиновник П. И. Кириллов, считавший их «гостеприимными, добрыми, опрятными, неограниченно преданными Государю и Отечеству и послушными своему начальству».⁴⁰

Противоречивость оценок исследователи объясняют разницей цели конструирования сибирского портрета, которая зависела скорее от контекста его актуализации и колебаний окраинной политики самодержавия, нежели от образа жизни, антропологических, социально-экономических, социокультурных особенностей русского населения Сибири в изучаемый период. «Завоеванная русской кровью, но до времени забытая окраина» требовала иных характеров, чем «отсталая» и потенциально опасная территория, «клоака всероссийских подонков самого злокачественного свойства».⁴¹ Субъективный взгляд авторов, их мировоззренческая ориентация и характер биографической связи с регионом формировали разные образы, часто противоположные — от разбойника, нажившего свои богатства эксплуатацией инородцев или убийством бродяг, до простака с умом менее расторопным и гибким, чем у великороссов.⁴² Длительное наблюдение и попытки соблюсти объективность формировали противоречивый образ, в котором высокая мораль соседствовала с низменными страстями. В частности, в портрете сибиряка, нарисованного сосланным в Сибирь М. А. Кролем, «примитивные, а подчас и грубые нравы» сибирского жителя сочетались с повседневным укладом, основанном на благополучии и возможность «жить без нужды, не нару-

³⁸ Восточное обозрение. 1902. № 83 (11 апр.). С. 1.

³⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 58.

⁴⁰ Кириллов П. И. Очерки Сибири. СПб., 1839. С. 31.

⁴¹ Родигина Н. Н. Кто и как конструировал образ сибиряка в журнальной прессе второй половины XIX — начале XX в. // Международная научная конференция «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Методология, методика и практики исследования». Томск, 14–15 октября 2014 г. Программа и тезисы. Томск, 2014. С. 130; Родигина Н. Н. Кто конструировал образ Сибири? Авторский корпус публикаций о регионе в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. // Образы России, ее регионов в историческом образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. 17–19 ноября 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 175.

⁴² Родигина Н. Н. «Другая Россия». С. 151.

шая покоя других».⁴³ «Открытие» Сибири сделал для себя сосланный в регион ксендз Я. Хыличковский, чья книга отличается «прямой нацеленностью на изменение бытовавшего до той поры негативно-пугающего стереотипного образа Сибири» как дикого и безлюдного края, куда не проникает даже лучик цивилизации. «Оказалось, что Сибирь не только не отсталая, но, напротив, является землей богатой и обетованной, — писал Я. Хыличковский. — ...Что же до большинства жителей Сибири, то вместо ожидаемой дикости, встречаешься с народом, на удивление вежливым, учтивым, опрятно одетым, живущим с определенным комфортом в смысле пищи и жилья».⁴⁴ Проанализировавший эти воспоминания Б. С. Шостакович подчеркивает, что «почти исключительно позитивный взгляд на Сибирь и сибиряков интересен тем, что выражен в самом конце XIX в. католическим священником, к тому же лично испытывавшим длительную сибирскую ссылку».⁴⁵

«Реалистическое направление мысли»

«В сибирском русском населении рассудок, кажется, гораздо более преобладает над чувством, чем в великорусском народе, — писала П. Богаевская, — эта холодная рассудочность..., несогреваемая чувством, часто огрубелость сердца, отсутствие идеальных стремлений, преобладание индивидуалистических и своекорыстных мотивов».⁴⁶ Не питая симпатии к сибиряку, автор не пытается оправдать суровость его характера самым образом жизни в Сибири, безжалостно отбраковывавшим людей слабых. Областники же видели эту причинно-следственную связь. Н. М. Ядринцев отмечал, что сибиряку «приходится встречаться лицом к лицу со всевозможными препятствиями и опасностями, наблюдать и замечать их, охранять и защищать себя».⁴⁷ Д. А. Клеменц писал, что «черная, грубая, опасная работа» по освоению сибирской природы потребовала от него «напряжения до крайности всех сил, чтобы не пасть в борьбе с ней», и потому сибиряк «...крайне суров, нередко проявляет большую жестокость в характере

⁴³ Кроль М. А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим, 2008. С. 139.

⁴⁴ Цит. по: Шостакович Б. С. Образ Сибири и ее населения на рубеже XIX–XX столетий в освещении польского наблюдателя-аналитика, политссылного ксендза Яна Хыличковского // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. 17–19 ноября 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 107, 108.

⁴⁵ Шостакович Б. С. Образ Сибири... С. 108.

⁴⁶ Богаевская П. Заметки о Сибири. С. 97.

⁴⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 57.

и поступках».⁴⁸ Ф. В. Девель считал вполне естественным отсутствие «доброй воли» сибирского старожила по отношению к вновь прибывшему чужому, навязанному ему нищему человеку, прошедшему остроги и этапы. К тому же сельским обществам в Сибири приходилось нести из-за поселенцев особенные повинности: «устраивать и содержать волостные и сельские тюрьмы, наряжать облавы для поимки беглых, держать караулы над арестантами».⁴⁹ «...Отчего сибиряку и не быть жестким или даже жестоким по отношению к другим, — задается вопросом Н. М. Астырев, исследовавший быт сибиряка, — раз... все его материальное благополучие заключается исключительно в нем самом, в его сноровке, в его удаче, в его умении выбиться в люди...?» Поиски своего «фарта», по мнению автора, и сделали из него «индивидуца», опасющегося даже своих «нынешних товарищей по жизненному поприщу», которые завтра могут оказаться его соперниками в достижении благополучия.⁵⁰

По способности сибиряка к восприятию новых знаний мнения исследователей разошлись. А. П. Шапов противопоставлял «великорусского человека, в умственном складе которого более отразилось влияние продолжительного исторического... опыта», сибиряку, «в умонастроении» которого «более отпечатлелось влияние дикой сибирской природы».⁵¹ П. Богаевская противопоставляла «ум великоросса», отличающийся «историко-традиционным воспитанием», уму сибиряка, который «характеризуется непосредственно натуральной дрессировкой».⁵² Однако Д. А. Клеменц полагал, что присущая колонистам грубость вовсе не предполагала невежества и не исключала тяги к знаниям. Хотя суровая природа не давала сибиряку «досуга для умственной и эстетической культуры», та же природа «заставляла сибиряка искать знаний и средств», как бороться с ней. Это развило в нем любознательность и уважение к знающим людям и знанию, доказательством чему служит «обилие сибиряков в высших учебных заведениях, учреждения для развития в Сибири начального образования, университет, которого сто лет упорно добивались сибиряки, миллионные капиталы, служащие среднему образованию».⁵³ Положительные изменения в образе сибиряка, в том числе под влия-

⁴⁸ Клеменц Д. А. Население Сибири. С. 53.

⁴⁹ Девель Ф. В. Рассказы о Восточной Сибири. С. 72, 79–80.

⁵⁰ Астырев Н. Очерки быта населения Восточной Сибири // Русская мысль. 1890. Кн. 9. С. 94.

⁵¹ Шапов А. П. Сочинения. Т. 3. С. 621.

⁵² Богаевская П. Заметки о Сибири. С. 95.

⁵³ Клеменц Д. А. Население Сибири. С. 53.

нием предприимчивых поселенцев, П. А. Словцов отмечал еще несколькими десятилетиями ранее.⁵⁴

Способность перенимать «все подходящее» даже у «пришельцев», к которым отношение его «крайне недружелюбно», увидела в сибиряке и П. Богаевская. «...Ум его (сибиряка. — Л. К.), — отмечала она, — менее гибок, но логические приемы мышления несравненно более развиты. ...Он совершенно чужд мистицизма, более утилитарист и материалист». Отдавая должное рациональному мышлению сибиряка, она отмечает в нем любознательность, энергию, практичность и умение «ориентироваться в любом круге идей при помощи здравого смысла».⁵⁵ «Сухим материалистом», лишенным мистицизма, считал сибиряка и Н. М. Астырев.⁵⁶ Сравнивая познавательные способности сибиряка и «российского», Н. М. Ядринцев находил, что у последнего «умственный кругозор... шире, эмпирические знания разнообразнее, рассудочные способности более культивированы и развиты, умственные знания и наблюдения шире и разностороннее, рассказы разнообразнее и живее, речь обильнее, витиеватее и выразительнее, с большей примесью слов книжного языка». Однако при «всей неразвитости и некультивированности ума» сибиряка в нем есть «реалистическое направление мысли». Напоминая читателю известное высказывание Екатерины II, что сибиряки «вообще умны, любознательны и предприимчивы», он выражает сожаление, что приходится искать тому доказательства, что само по себе уже «указывает на не особенно лестное» мнение о сибиряке».⁵⁷

«Наклонность к простору и воле»

Способность сибиряка сострадать ближнему и чувствовать прекрасное тоже оценивалось не однозначно. П. Богаевская была убеждена, что влияние тайги и «промышленный авантюризм приезжих» помешал сибиряку развить в себе мягкость чувств и тонкость понятий. Сибиряк «угрюм, потому что одинок и ведет суровую жизнь. ...Двести лет такой жизни лишили его ...чутья и поэтического творчества», он «не понимает красот ни музыки, ни поэзии», «не умеет ни восторгаться, ни восхищаться, ни удивляться».⁵⁸ Н. М. Ядринцев «грубость и диковатость» сибиряков объясняет тем, что население восточных окраин совершенно замкнуто в своей полудикой сфере;

⁵⁴ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С. 351.

⁵⁵ Богаевская П. Заметки о Сибири. С. 95, 97, 98.

⁵⁶ Астырев Н. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. С. 30.

⁵⁷ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 57, 58, 59.

⁵⁸ Богаевская П. Заметки о Сибири. С. 95, 97, 96.

оно живет вдали от центров просвещения и цивилизации, в своей захребетной таежной глуши, ...где нет почти никаких источников для умственного развития и интеллектуальных интересов».⁵⁹ Такого же мнения придерживался А. П. Шапов, считавший, что преобладание эгоистических и «своекорыстно-приобретательных» чувств и наклонностей — продукт суровых условий жизни.⁶⁰ «Откуда было развиться художественному вкусу сибиряка, когда во всей Сибири всего одна хорошая картинная галерея — в Иркутске», — «вступает в дискуссию» Д. А. Клеменц. Однако «с отсутствием поэтической складки» у сибиряка он не согласился, поскольку любовь к комнатным растениям и роспись стен изб масляными красками свидетельствовали о стремлении к изящному.⁶¹

Высокого мнения о душевных качествах «радушного и гостеприимного» сибиряка был П. А. Слоцов: «Этот угрюмый, несловохотный посадский, этот крестьянин с черствым видом, но не сердцем... носит в себе тайну благоговейности и сострадание к неимущим братьям».⁶²

Практически все исследователи сибирского характера единодушны в оценке чувства собственного достоинства сибиряка, объяснявшегося отсутствием в Сибири крепостного права, и его терпимости к иноверцам. «Наклонность к простору и воле» они считали его «выдающейся чертой».⁶³ Отсутствие в сибиряке приниженности и раболепства отмечал Ф. В. Девель.⁶⁴ «При мысли о крестьянине сибирском надобно забыть крепостное право, барщину оброк и тому подобное, — объяснял эту смелость иркутский этнограф и краевед Н. С. Шукин. — Сибирский крестьянин принадлежит государству, исправляет повинности, платит подати и круглый год работает на себя».⁶⁵ Чувство собственного достоинства отмечал в сибиряке и ксендз Я. Хыличковский: «Он ни перед кем не пресмыкается, не унижается, всех рассматривает равными себе».⁶⁶

Д. А. Клеменц считал свободу поступков сибиряка, чья инициатива не была стеснена крепостничеством, его великим преимуществом перед собратьями из европейской России, даже при всех трудностях

⁵⁹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 62.

⁶⁰ Шапов А. П. Сочинения. Т. 3. С. 621.

⁶¹ Клеменц Д. А. Население Сибири. С. 54.

⁶² Слоцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С. 392, 564.

⁶³ Богаевская П. Заметки о Сибири. С. 98.

⁶⁴ Девель Ф. В. Рассказы о Восточной Сибири. С. 94.

⁶⁵ Шукин Н. С. Жизнь сибирское в давних преданиях и нынешних впечатлениях // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 127.

⁶⁶ Цит. по: Шостакович Б. С. Образ Сибири... С. 108.

жизни в Сибири.⁶⁷ Н. М. Ядринцев был уверен, что «менее забитый» и «более независимый» сибиряк может и приезжего научить демократизму и свободе общения, которая «до известной степени практикуется между начальствующими и народом».

Мы бы заострили здесь внимание на «известной степени». Н. М. Ядринцев в то же время отмечал, что некоторые, напротив, считали сибирское население «низкопоклонным, раболепным, угодливым перед высшими и грубым и дерзким с равными и посторонними».⁶⁸ Так, например, полагал часто цитируемый П. А. Словцовым аббат Шапп: «Унижаясь пред главным начальником, они (сибиряки. — Л. К.) поступают весьма жестко с низшими и своими служителями».⁶⁹ «Сибирь не знала крепостного права, но вкусила чиновничьего — чуть ли не горшего ига», — писал И. А. Гончаров,⁷⁰ совершивший поездку по Восточной Сибири «по казенной надобности». Действительно, сибирские чиновники вдали от начальства при обширности сибирских просторов чувствовали себя весьма вольготно. «Нигде чиновник не пользуется такой властью, как в Сибири, располагая имуществом и состоянием людей, — писал Н. М. Ядринцев, — нигде не существует менее обеспечения и гарантий для личности».⁷¹ Газета «Восточное обозрение» перепечатала выдержку из статьи Г. Н. Потанина «Загадки сибирской истории», опубликованной в одном из журналов: «Историк сибирской администрации с удивлением останавливается перед одним странным фактом. Человек, который на западной стороне Урала был добрым администратором, в Сибири превращался в изверга. Что-то было очевидно, в условиях общественного быта в Сибири развращающее власть».⁷²

Еще одна отличительная черта сибиряка, которую отмечали все исследователи, — уважение к иноверцам и в силу низкой религиозности, и в силу постоянного с ними общения. «Он, хотя и считает себя выше инородца, — писал Д. А. Клеменц, — но у него нет того отвращения к нему, которое мы видим в западноевропейских колонизаторах. Сибиряк видит в нем человека, водит с ним хлеб соль, заимствует кое-что от инородца и не только не считает неприличным знать язык инородца, но ставит себе это в заслугу».⁷³

⁶⁷ Клеменц Д. А. Население Сибири. С. 53.

⁶⁸ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 65, 69.

⁶⁹ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. С. 392.

⁷⁰ Цит. по: Родигина Н. Н. «Другая Россия». С. 132.

⁷¹ Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. С. 69.

⁷² Сибирские очерки // Восточное обозрение. 1903. № 28. 2 февр. С. 1.

⁷³ Клеменц Д. А. Население Сибири. С. 54.

«Сибиряку приходится постоянно сталкиваться с людьми всякой веры. Насмотрелся он тут и на инородцев-ламаистов, и буддистов, и на ссыльных католиков, лютеран, евреев, магометан и стал как-то равнодушнее к своей вере, — отмечал Ф. В. Девель».⁷⁴ «Привычку» сибиряков к евреям, мусульманам, лютеранам, католикам, которая выработала известную веротерпимость, отмечал и Н. М. Астырев.⁷⁵

Ксендз Я. Хыличковский пришел к выводу, что главным качеством, которое уважает сибиряк, является материальная состоятельность. Богатый достоин уважения, независимо от того, христианин он, татарин-мусульманин или еврей-иудей.⁷⁶ Изучение взаимоотношений в сибирском социуме XIX в. позволили автору этих строк прийти к такому же выводу. Богатые еврейские купцы были застрахованы от регулярных «чисток» сибирских городов от «еврейского элемента», даже если в остальном они не соответствовали предъявляемым евреям требованиям для проживания в той или иной местности.⁷⁷

Вместо послесловия

Исследователи отмечают, что «отдельность» Сибири и сегодня воспринимается ее жителями как цивилизационное отличие от западных районов страны. При обладании долгим опытом «жизни в отдаленности» актуализация сибирской идентичности становится заметной.⁷⁸ Мы разделяем мнение А. В. Ремнева, что сегодняшняя региональная сибирская идентичность корнями уходит в XIX в., когда колонизационный проект «обрусения» Сибири потребовал внимательнее приглядеться к русским сибирякам, все больше удивлявшим своей непохожестью на жителей центральной России.⁷⁹ Используемые нами источники при всей разнице оценок обнаруживают солидарность в выделении сибиряка из русского населения империи как человека особой «породы».

⁷⁴ Девель Ф. В. Рассказы о Восточной Сибири. С. 94.

⁷⁵ Астырев Н. На таежных прогалинах. С. 30.

⁷⁶ Шостакович Б. С. Образ Сибири... С. 108.

⁷⁷ Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири: Середина XIX в. — февраль 1917 года. Улан-Удэ, 2003. С. 157, 171.

⁷⁸ Анисимова А. А., Ечевская О. Г. «Сибиряк»: Общность, национальность или состояние души? // Laboratorium. 2012. № 4 (3). С. 11–43.

⁷⁹ Ремнев А. В. Национальность «сибиряк». С. 113, 114, 124.

Список литературы

- Анисимова А. А., Ечевская О. Г. «Сибиряк»: Общность, национальность или состояние души? // *Laboratorium*. 2012. № 4 (3). С. 11–43.
- Антипов Г. А. Сибирь как проект // Сибирь: Имидж мегарегиона. Новосибирск, 2012. С. 127–142.
- Астырев Н. На таежных прогалинах: Очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891. 405 с.
- Астырев Н. Очерки быта населения Восточной Сибири // *Русская мысль*. 1890. Кн. 9. С. 71–100.
- Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. 105 с.
- Благовещенский (И. Г. Прыжов). Записки о Сибири // *Вестник Европы*. 1882. Т. 5. Кн. 9. С. 291–325.
- Блинова О. В. Путешественник по казенной надобности: Реконструкция биографии офицера Сибирского корпуса Иосифа Федоровича Белова // *Вестник Омского университета. Серия Исторические науки*. 2019. № 4 (24). С. 45–52.
- Богаевская П. Заметки о Сибири. Брянск, 1895. 123 с.
- Войтинский В., Горшфейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. 390 с.
- Восточное обозрение. 1902. № 83; 1903. № 28.
- Гапоненко В. В., Семенов Е. В. Польские политические ссыльные в хозяйственной и культурной жизни Забайкалья первой половины XIX в. Улан-Удэ, 2006. 239 с.
- Геденштром М. М. Отрывки о Сибири. СПб., 1830. 165 с.
- Головнева Е. В. Амбивалентный характер образа Сибири // *Визуальные образы современной культуры: Светские и религиозные построения жизненного мира: Сборник научных статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции*. Омск, 9–10 июня 2017 г. Омск, 2017. С. 64–66.
- Девель Ф. В. Рассказы о Восточной Сибири, то есть о губерниях Енисейской и Иркутской, об области Приморской и об округах Якутском и Забайкальском. М., 1896. 126 с.
- Жигунова М. А., Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Сибирский ракурс региональной идентичности // *Национальные приоритеты России*. 2014. № 2 (12). С. 48–62.
- Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 2. М., 1865. 276 с.
- Исаев А. Как относятся в Сибири к переселенцам // *Русская мысль*. 1890. Кн. 12. С. 80–90.
- Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири: Середина XIX в. — февраль 1917 года. Улан-Удэ, 2003. 423 с.

- Катионов О. Н. Н. А. Радищев и А. П. Чехов — путники Сибири // Образы России, ее регионов в историческом образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. 17–19 ноября 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 215–222.
- Кириллов П. И. Очерки Сибири. СПб., 1839. 41 с.
- Клеменц Д. А. Население Сибири // Сибирь: Ее современное состояние и ее нужды. СПб., 1908. С. 37–78.
- Кроль М. А. Страницы моей жизни. М.; Иерусалим, 2008. 735 с.
- Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. Т. 2. СПб., 1908. 211 с.
- Писательницы России: Материалы для биобиблиографического словаря / Сост. Ю. А. Горбунов // <http://book.uraic.ru/elib/Authors/Gorbunov/sl-2.htm>.
- Путешествия по степям и горам Сибири и соседним землям Средней Азии: По сочинениям Аткинсона, Миддендорфа, Раде, Маака и др. / Сост. А. Этцель, Г. Вагнер. СПб., 1865. 518 с.
- Ремнев А. В. Национальность «сибиряк»: Региональная идентичность и исторический конструктивизм XIX в. // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2011. № 3 (62). С. 129–128.
- Родигина Н. Н. «Другая Россия»: Образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX века. Новосибирск, 2006. 343 с.
- Родигина Н. Н. Кто и как конструировал образ сибиряка в журнальной прессе второй половины XIX — начале XX в. // Международная научная конференция «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Методология, методика и практики исследования». Томск, 14–15 октября 2014 г. Программа и тезисы. Томск, 2014. С. 129–130.
- Родигина Н. Н. Кто конструировал образ Сибири? Авторский корпус публикаций о регионе в русской журнальной прессе второй половины XIX — начала XX в. // Образы России, ее регионов в историческом образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. 17–19 ноября 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 173–178.
- Сесюнина М. Г. Политическая ссылка второй половины XIX века и сибирские областники // Ссылные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.). Вып. 9. Иркутск, 1985. С. 103–112.

- Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Стихотворения. Проповеди. Новосибирск, 1995. 675 с.
- Смищенко Р. С. Демократический регионализм А. П. Шапова // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4 (14). С. 30–35.
- Суворова Н. Г. Категории «сибиряк» и «сибирский» в научном дискурсе второй половины XIX в. // Третьи Ядринцевские чтения: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 300-летию Омска. Омск, 26–28 ноября 2015 г. Омск, 2015. С. 391–395.
- Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 278–309.
- Чехов А. П. Из Сибири // Чехов А. П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 10. М., 1956. С. 5–38.
- Шостакович Б. С. Образ Сибири и ее населения на рубеже XIX–XX столетий в освещении польского наблюдателя-аналитика, политссыльного ксендза Яна Хыличковского // Образы России, ее регионов в историческом и образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Новосибирского государственного педагогического университета. 17–19 ноября 2010 г. Новосибирск, 2010. С. 106–110.
- Шапов А. П. Сочинения: В 3 т. Т. 3. СПб., 1908. 717 с.
- Щукин Н. С. Житье сибирское в давних преданиях и нынешних впечатлениях // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 125–254.
- Ядринцев Н. М. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. СПб., 1882. 471 с.

Е. М. ЮХИМЕНКО

Государственный Исторический музей, Москва

ФИЛИППОВСКИЕ СОБОРЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

В статье впервые дается обзор соборной жизни филипповского согласия центральных регионов России в XIX — начале XX в. Выявлены документальные подтверждения о проведении около 40 соборов. Сохранившиеся тексты соборных постановлений позволяют охарактеризовать круг вопросов, обсуждавшихся на этих представительных собраниях и касавшихся преимущественно внутренней жизни согласия. Установлено, что в этот период Братский двор оставался центром всего филипповского согласия, ему принадлежала руководящая роль как в соборной жизни старообрядцев-филипповцев, так и в решении дискуссионных вопросов.

Ключевые слова: старообрядчество, филипповское согласие, Братский двор, соборные постановления

Внутренняя жизнь филипповского согласия во второй половине XVIII в. получила освещение в работах А. И. Мальцева,¹ яркого представителя научной школы академика Н. Н. Покровского. Ученый показал, что вторая половина XVIII в. явилась для старообрядцев-беспоповцев временем острых дискуссий, в которых определялись и формулировались основные позиции каждого из согласий. Принципиальные взгляды поморцев, федосеевцев и филипповцев окончательно определились к концу XVIII в. Введение богомолia за царя и снисходительное отношение к браку, а затем и введение формы бесцельного брака поставили поморские общины «на особицу» в староверческом мире. Федосеевцы и филипповцы имели больше точек соприкосновения, но и это не способствовало прочным и долговременным союзным отношениям между ними.

Эволюция взглядов филипповцев и дискуссии внутри согласия в XIX — начале XX в. затрагивались в контексте других вопросов М. В. Першиной² и Н. А. Морозовой,³ главным образом в связи с рас-

¹ Мальцев А. И. Филипповский наставник Алексей Яковлев (Балчужный): Проблемы изучения биографии и творческого наследия // Старообрядчество в России: XVII–XX вв. Вып. 3. М., 2004. С. 138–150; Мальцев А. И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006.

² Першина М. В. Братский двор и региональные общины филипповского согласия во второй половине XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия Культура, наука, образование. 2006. № 3. С. 28–33; Першина М. В. Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 19–23; Першина М. В. Северодвинские старообрядцы и Братский двор // Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 116–138. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 28);

смотрением трех филипповских сборников соборных постановлений. Мы поставили перед собой задачу выявить все соборы, проходившие в филипповском согласии в указанный период, и выяснить круг дискуссионных вопросов. Источниками для данной работы послужили, помимо названных сборников второй половины XIX в. (РГБ. Ф. 628 (собр. Брысиных). № 18; БАН. Собр. Каликина. № 106; БВАНЛ. F19–331), списки отдельных постановлений, выявленных нами в рукописных собраниях (эти случаи далее отмечаются нами особо).

Материалы филипповских соборов, прошедших в первой половине XIX в., показывают, что в центре внимания наставников были вопросы внутренней жизни согласия. Уже сложившиеся отношения с федосеевцами становились предметом соборного обсуждения лишь эпизодически. Самой существенной и насущной проблемой, породившей острые дискуссии в филипповской среде, стало отношение к браку, в тех нюансах, которые предлагала жизнь. Мнения колебались между строгим и терпимым отношением как к «новоженам» (вступившим в брак после принятия истинной веры) или хотя бы к их родителям, а также к «староженам» (вступившим в брак до принятия истинной веры).

Основополагающим для внутренней жизни филипповских общин стал собор «о неких церковных исправлениях», состоявшийся 12 февраля 1815 (7323) г. в Ярославле, в Коровниках.⁴ Решения ярославского собора были сформулированы в 21 статье. Они были поддержаны собором, состоявшимся также в Ярославле 5 марта 1815 (7323) г. при более широком представительстве региональных общин. Следующий собор состоялся 15–20 января 1820 (7328) г. в селе Козе Любимского уезда Ярославской губернии. В преамбуле к постановлению (в 26 статьях) собравшиеся декларировали не только твердое желание следовать «разуму и преданию» прежних отец, но и свои миролюбивые намерения: «Всѣ преждебывшия в нас <...> бесполезная уничижения <...> нынѣ забвению предати».⁵ Из анализа

Першина М. В. Братский двор в первой половине XIX в. // Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 28–33. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 31).

³ Морозова Н. Рукописный сборник соборных постановлений и других сочинений филипповцев в собрании Библиотеки им. Врублевских АН Литвы // Slavistica Vilnensis. 2019. Vol. 64 (1). С. 87–103; Морозова Н. Вильнюсский филипповский рукописный сборник и внутренняя полемика на Братском дворе в последней четверти XIX в. // Libris serviens: Studia ofiarowane Profesor Zoi Jaroszewicz-Pieresławcew w czterdziestolecie pracy zawodowej. Olsztyn, 2020. S. 167–184.

⁴ Заметим, что в филипповских документах используется летоисчисление от Сотворения мира, эту дату следует сохранять и в научной литературе.

⁵ БАН. Собр. Каликина. № 107. Л. 174.

Козинских статей следует, что соборян преимущественно занимали вопросы организации внутренней жизни согласия, соблюдения порядка, предотвращение конфликтов. Решения Козинского собора почти обошли стороной самый насущный вопрос жизни филипповских общин — о браке, а нечеткая формулировка 26-й статьи о родителях «новоженов» допускала различные толкования. Возможно, эта неопределенность обострила давнишнее противостояние между московской и кимрской общинами.

В 1821 г. кимрские филипповцы вступили в общение с федосеевцами, стали вести с ними «переговоры и переписки» о примирении. 16 февраля 1823 (7331) г. в Москве состоялся собор, осудивший снисходительную позицию Кимр в вопросе расторжения старо- и новоженческих браков. Текста постановлений этого собора пока выявить не удалось. Упоминание о нем содержится в резолюции следующего собора 1825 г.

Собор 1825 (7333) г. проходил в д. Благовещенье в Корелах Весьегонского уезда Тверской губернии (он иногда ошибочно именуется «карельским»). Его постановление помимо 12 статей содержало исторические выкладки о предшествующей полемике между беспоповскими согласиями, пространные рассуждения о необходимости следовать отеческим преданиям, предпочтительности чистого и небрачного жития и отступлениях от веры в «последние времена». Основным содержанием решений данного собора было обличение «слабой» позиции кимрской общины.

После соборов 1823–1825 гг. обстановка в согласии, с учетом противостояния двух крупнейших общин, требовала умиротворения. Это произошло 25 декабря 1826 (7335) г., на представительном соборе в Угличе в доме известного купца Выжилова, куда съехались представители почти всех региональных филипповских общин. Постановление содержало 34 статьи, в которых было сформулировано соборное мнение по ряду актуальных вопросов.⁶ Сравнение текста этого документа с решениями соборов 1810–1820-х гг. показывает, что на самом деле Угличские статьи во многом повторяют положения, принятые двумя соборами в Ярославле и собором в с. Коза, и написаны с учетом недостатков, зафиксированных собранием в с. Благовещенье в Корелах. Пятая и частично шестая статьи постановления, в которых содержалась допущенная в угоду кимрской общине уступка относительно новоженов, в более поздних списках постановления могли изыматься.

Угличский собор, подтвердивший преемственность внутренней организации и уставоположений согласия, а также продемонстри-

⁶ БАН. Собр. Каликина. № 107. Л. 189–196.

ровавший поиски компромисса, стал одним из важнейших факторов филипповской истории XIX в., однако окончательное примирение двух партий, по-разному смотревших на возможности приема староженов и новоженев, достигнуто не было.

Ряд соборов прошел на Братском дворе, они были направлены на искоренение прегрешений кимрской общины: 16 февраля 1823 г. (на нем пришли «в раскаяние» кимрские филипповцы) и 13 января 1830 (7338) г. (принято 3 пункта добавлений к статьям Угличского собора).⁷ Эти дополнения продолжали компромиссную линию собора 1826 г. Еще один собор с дополнением статей 1826 г. состоялся также в Угличе в 1839 (7347) г., созданный «для общего совету и церковного союза».⁸

На Братском дворе прошел собор 16 февраля 1843 (7351) г., на котором было принято соборное послание кимрским филипповцам.

В архивных материалах филипповского наставника Симеона Гаврилова сохранился текст под названием: «О благочинии христианского жительство»,⁹ представляющий собой составленный в 1840-е гг. свод бытовых правил для филипповцев в 18 статьях. В заключительных фразах усматривается почти дословное совпадение с текстом соборного послания в Кимры от 16 февраля 1843 (7351) г. По содержанию предписания составлены в русле постановления Угличского собора 1826 г., зафиксировавшего целый ряд бытовых ограничений для прихожан-филипповцев.

В настоящее время мы имеем сведения о 10 филипповских соборах, состоявшихся в первой половине XIX в.

На протяжении 1860–1880-х гг. в Москве, по большей части на Братском дворе, прошел ряд общероссийских филипповских соборов, на которых продолжился процесс детализированного уставотворчества по вопросам внутренней жизни, вместе с тем главной проблемой, вокруг которой шли дискуссии, оставался вопрос отношения к староженам и новоженам.

На состоявшемся в Москве 27 мая 1860 (7368) г. соборе (постановление в 10 статьях) были подробно разработаны предписания для «духовных правителей» (наставников), проведено «уподобле-

⁷ Опубликовано: Постановления Московского собора (13 января 1830 г.) // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 4. Лондон, 1862. С. 242.

⁸ РГБ. Ф. 272 (собр. рукописных книг Синодальной библиотеки). № 449. Л. 1–9 об. (в описи собрания дата и место проведения собора указаны неверно). Опубликовано с сокращениями: Дополнительные постановления 2-го Угличского собора, или собрания // Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым. Вып. 4. Лондон, 1862. С. 240–241.

⁹ БАН. Собр. Дружинина. № 846. Л. 332 об.–333 об.

ние с правилами, принадлежащими до лиц рукоположенных». Так, были записаны соблюдение тайны исповеди (статья 6), возраст избираемого наставника (не ранее 40 лет, статья 5), запрет действовать в «не подлежащей ему пастве», если жив избранный наставник «той страны» (статья 4). Второй блок статей касался вопросов, связанных с браком, в частности, 7-я статья подтверждала существовавшую в филипповском согласии практику разводить старожен на «чистое житие».

На соборе в следующем, 1861 (7369) году, 22 июня, в Москве филипповцы продолжил курс на решительное осуждение «плотоугодных снисхождений». Само его деяние включало две статьи, касающиеся раздельного пребывания мужчин и женщин во время церковной службы. Этот же собор принял специальное «Завещание седения», иными словами, «Завещание собора», требовавшее воплотить в жизнь постановления всех предшествующих соборов.

На соборе, состоявшемся в Москве 4–12 июня 1862 (7370) г., к филипповскому согласию были присоединены бывшие федосеевцы «вологодской страны» (факт, имевший далеко идущие последствия), кроме того, соборяне подробно обсудили вопрос об обязанностях духовных наставников и, вероятно, приняли в качестве отдельного документа «Богомудраго отца Никиты Яковлевича о благочинии церковнѣм предложене» в 22 пунктах.

25 января 1865 (7373) г. филипповский собор прошел в Орле, его постановление носило общий характер. Два последующих собора, прошедших в Москве в мае и июне 1866 г.,¹⁰ выявили «камень преткновения» — им оказался вопрос о «малом разводе» (это понятие появилось в постановлении московского собора 13 января 1830 (7338) г. За непременный развод на девственное житие, причем «на довольное разстояние» (т. е. «малый развод» признавался недостаточным), выступил и собор, состоявшийся 14 сентября 1866 (7375) г. в Москве в селце Богородское в доме наставника Федота Васильева. Как отдельный документ этот собор принял «Дополнение к завещанию», в котором были перечислены все основные документы соглашения, которыми следует непременно руководствоваться.

Последующие соборы 14 сентября 1869 (7378) г. в Москве и 2 октября того же 1869 (7378) г.¹¹ в Кимре, были нацелены на контроль за соблюдением соборно подтвержденных правил внутренней жизни.

Отношение к «явно падшим» староженам продолжало оставаться камнем преткновения для филипповских общин, тем более что имен-

¹⁰ Постановление этих трех соборов 1865–1866 г. сохранились в рабочих материалах Симеона Гаврилова: БАН. Собр. Дружинина. № 846. Л. 223 об.–226 об.

¹¹ БАН. Собр. Дружинина. № 846. Л. 227 об.–228.

но по этому вопросу проходил и водораздел между филипповцами и федосеевцами. 27 января 1871 (7379) г. в Москве состоялся специальный собор, вновь рассмотревший 6-ю статью Угличского собора. По общему решению она была оставлена в общем виде, но конкретные суждения из нее исключили. Собрание выявило еще один дискуссионный вопрос — о сохранении / несохранении духовной степени у лиц, принявших постриг.

Важным для истории филипповского согласия стал собор, прошедший 18 сентября 1872 (7381) г. в Москве. На нем вновь были сформулированы в 20 статьях «для общего единомыслия» все актуальные позиции филипповского согласия. Собор подтвердил предшествующие решения относительно полного развода староженцов и «явно падших чадородных», счел, что после иноческого пострига духовные правители лишаются этого звания и не могут исправлять духовных дел (эта статья была отменена уже на следующем соборе, 7 февраля 1874 (7382) г. в Москве), и четко записал правила приема в филипповское согласие других старообрядцев.

Внутренние «разборки» внутри филипповского согласия составили предмет рассмотрения на соборах в Москве: 9 января 1878 (7386) г., 30 января 1878 (7386) г., в январе 1879 (7387) г. На соборе 1879 г. в числе других обсуждался вопрос о северодвинских филипповцах, в результате чего в июне 1879 г. из Москвы на Северную Двину была отправлена специальная комиссия в составе московского инокa Серапиона, Афанасия Маркова из Кимр и Симеона Гаврилова для выяснения корня истинной веры на этой территории. Составленное по итогам этого рассмотрения первое Родословие было рассмотрено филипповскими отцами и старшей соборной братией, собравшимися в Москве «не в большом количестве», 9 августа 1879 (7387) г.; они признали статус-кво кокшенгских филипповцев.

Однако состоявшийся через два года большой собор, проходивший в д. Поповке Коломенского уезда Московской губернии 9 сентября 1881 (7390) г., вынес противоположное суждение по этому важному для истории всего филипповского согласия вопросу. Соборяне сочли «их начальный корень, какого они крещения» «за долговременностию» недоказанным и высказались за их новое, «совершенное» крещение.¹² Это правило распространили и на федосеевцев Архангельской губернии поморской страны, стародубской, рижской и польской стран, однако о московских и петербургских федосеевцах подобным образом высказаться не решились и оставили вопрос о чине их приема «впредь до обыскания».

¹² Постановление в 3 статьях: БАН. Собр. Каликина. № 107. Л. 241 об. — 245 об.

Собор 1881 г. принял постановление по крайне сложным и болезненным вопросам, однако мир в согласии не наступил, напротив — воцарилось новое «церковное смущение». На протяжении столетия филипповцы придерживались закреплённой соборными решениями практики приема федосеевцев вторым чином. Однако в конце 1870-х гг. в согласии сложилась более радикальная точка зрения, согласно которой федосеевцев следовало принимать «под крещение». На соборе 1881 г. председательствовали сторонники именно этой точки зрения — Федот Васильев, М. М. Синцов и М. В. Крупкин, под давлением которых собор сформулировал первые две статьи. За два года были заново крещены около 200 человек (филипповцев, некогда перешедших из федосеевского согласия). Эта практика еще более подлила масла в огонь полемики.

17–19 сентября 1882 (7391) г., в Москве в доме М. И. Архипова был проведен собор,¹³ на котором филипповские наставники, за исключением М. М. Синцова, принесли покаяние за решения собора 1881 г., признав их ошибочными. После двух соборов — 1881 и 1882 гг. — в согласии возникло смущение и разделение. Одни отцы решительно не приняли отмену решений собора в Поповке, другие отцы колебались. Выходившие за рамки почти вековой традиции решения собора 1881 г., признание их ошибочными на соборе 1882 г., бурная полемика в этой связи, нарушение единообразия в практике ведения духовных дел внесли крайнее смутение в ряды приверженцев филипповского согласия. Несмотря на активный обмен мнениями, обе партии не примирились. Каждая из партий стала проводить свои соборы.

«Московская партия» (противники второкрещения и решений собора 1881 г.) провели соборы в 1886, 1890, 1894 и 1902 гг.

Альтернативные соборы в поддержку решений собора 1881 г. в Поповке проводила партия кимрского наставника М. М. Синцова: в 1890, 1894 и 1896 гг.

Плохая сохранность источников не позволяет нам прояснить, разрешился ли каким-либо образом этот серьезный внутренний конфликт в филипповском согласии. Наиболее вероятно, что какая-то часть общин, под влиянием позиции своих руководителей, осталась на позициях собора 1881 г.

В начале XX в. продолжалась соборная жизнь филипповского согласия. Братский двор по-прежнему оставался в центре церковного сообщества.

30 января 1903 (7411) г. в Кимрах промосковской группой был проведено собрание; его решения были направлены на закрепление

¹³ БАН. Собр. Дружинина. № 539 (стар. 570). Л. 1–4.

соборного начала в текущей жизни согласия.¹⁴ Помимо проведения соборов предлагалось создать некое подобие духовного совета из десяти наиболее авторитетных лиц, иноков и соборной братии, представляющих различные регионы.

Изменение условий существования старообрядцев после 1905 г. поставило перед филипповцами целый ряд совершенно новых вопросов. Актуальная проблематика обсуждалась на соборе, состоявшемся в Москве 30 января 1908 (7416) г.¹⁵ По самым важным вопросам — о метрических книгах и ведении их, об устройстве общин, об устройстве молитвенных домов — соборяне принять постановления не решились и оставили их до следующего собора. Просветительские и благотворительные возможности («устройство христианских нашего согласия школ и других учреждений», «устройство больниц, богаделен и прочаго учреждения», вопросы 5, 6) были оставлены «до снискания средств на сей предмет».

Документация последующих соборов сохранилась крайне фрагментарно.

Мы располагаем лишь выпиской из постановления собора, состоявшегося в Москве 7 февраля 1910 (7418) г., свидетельствующей о том, что некоторые общины пошли на официальную регистрацию и тем самым вызвали соборное осуждение.

По упоминаниям известно о соборах 15 января 1912 г. на Братском дворе, 12 июля 1912 (7420) г., 14 июня 1913 (7421) г. в Москве.

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. внутренняя жизнь филипповского согласия оставалась весьма насыщенной и даже более интенсивной относительно первой половины XIX столетия. Было проведено в три раза больше соборов (31 подтвержденный факт), существенно расширился круг обсуждавшихся вопросов. В филипповском согласии и ранее существовали различные точки зрения, однако до такого раскола, как в 1881–1882 гг., дело не доходило. Сохранившиеся материалы филипповских соборов XIX — начала XX в. указывают также на то, что в этот период Братский двор оставался центром всего филипповского согласия, ему принадлежала руководящая роль как в соборной жизни старообрядцев-филипповцев, так и в решении дискуссионных вопросов.

¹⁴ ИРЛИ. Собр. Каликина. № 29. Л. 1 об.–2 об.

¹⁵ ИРЛИ. Красноборское собр. № 205. Л. 1–3. Подлинник, переписанный Симеоном Гавриловым, с заверительными подписями участников собора.

Список литературы

- Мальцев А. И.* Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII — начале XIX в.: Проблема взаимоотношений. Новосибирск, 2006. 571 с.
- Мальцев А. И.* Филипповский наставник Алексей Яковлев (Балчужный): Проблемы изучения биографии и творческого наследия // Старообрядчество в России: XVII–XX вв. Вып. 3. М., 2004. С. 138–150.
- Морозова Н.* Вильнюсский филипповский рукописный сборник и внутренняя полемика на Братском дворе в последней четверти XIX в. // *Libris serviens: Studia ofiarowane Profesor Zoi Jaroszewicz-Pieresławcew w czterdziestolecie pracy zawodowej.* Olsztyn, 2020. S. 167–184.
- Морозова Н.* Рукописный сборник соборных постановлений и других сочинений филипповцев в собрании Библиотеки им. Врублевских АН Литвы // *Slavistica Vilnensis.* 2019. Vol. 64 (1). S. 87–103.
- Першина М. В.* Братский двор в первой половине XIX в. // *Рукописи XVI–XXI вв.: Исследования и публикации.* Новосибирск, 2013. С. 28–33. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 31).
- Першина М. В.* Братский двор и региональные общины филипповского согласия во второй половине XIX в. // *Гуманитарные науки в Сибири.* Серия Культура, наука, образование. 2006. № 3. С. 28–33.
- Першина М. В.* Северодвинские старообрядцы и Братский двор // *Археографические исследования отечественной истории: Текст источника в литературных и общественных связях.* Новосибирск, 2009. С. 116–138. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 28).
- Першина М. В.* Филипповская община г. Тюмени и Братский двор // *Гуманитарные науки в Сибири.* 2009. № 3. С. 19–23.
- Постановления Московского собора (13 января 1830 г.)* // *Сборник правительственных сведений о раскольниках, составленный В. Кельсиевым.* Вып. 4. Лондон, 1862. С. 242.

Н. А. Мудрова

Центральная научная библиотека УрО РАН, Екатеринбург

УРАЛЬСКИЙ СВЯЩЕННИК, МАТЕМАТИК ИОАНН МИХЕЕВИЧ ПЕРВУШИН И КНИГИ ИЗ ЕГО БИБЛИОТЕКИ

Статья посвящена памяти уральского священника, математика, просветителя-гуманиста, Иоанна Михеевича Первушина (1827–1900) и его небольшой коллекции книг, хранящейся в фонде Свердловского областного краеведческого музея им. О. Е. Клера. И. М. Первушин известен во всем мире открытием в 1883 г. наибольшего из известных на тот момент простых (совершенных) чисел. Среди книг Первушина — издания сочинений известных математиков XVIII — начала XX в. — Х. Вольфа, Ж. Э. Монтьюкля, Ж.-Ф. Калле, Г. Веги, К. Ф. Гаусса, Е. Каталана, З. Дейса, В. Я. Буняковского, П. Л. Чебышева и др. Многие экземпляры имеют интересные владельческие записи и пометы, а также вычисления на полях и закладках, сделанные рукой Первушина.

Ключевые слова: история книжной культуры, библиотеки уральских ученых, Иоанн Михеевич Первушин, Уральское общество любителей естествознания, Свердловский областной краеведческий музей имени О. Е. Клера

Цель публикации — вспомнить об одном из талантливых людей земли русской, получившем известность благодаря сделанному им открытию в математике, а также своей деятельности в области просвещения народа и в развитии духовной культуры. Известно, что российскую культуру, науку прославляли не только столичные ученые, но и представители российской глубинки.

Данное исследование является продолжением работы по изучению книжного наследия, хранящегося в фондах Свердловского областного краеведческого музея — в прошлом Уральского общества любителей естествознания. Опубликован ряд статей, посвященных библиотекам уральских ученых второй половины XIX — первой половины XX в.¹

В этих работах пока ничего не было сказано об одной небольшой, но интересной коллекции книг фонда СОКМ, принадлежавшей в прошлом священнику, математику Иоанну Михеевичу Первушину

¹ Мудрова Н. А. Книжные коллекции уральских ученых второй половины XIX — первой половины XX в. в фондах Екатеринбурга // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 220–230. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36); Мудрова Н. А. К истории библиотеки Н. К. Чупина // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. Вып. 3 (27). С. 286–299. Мудрова Н. А. Библиотека Онисима Егоровича Клера — основателя Уральского общества любителей естествознания // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21, № 4. С. 30–41.

(1827–1900). И. М. Первушин — уроженец Лысьвенского завода Пермской губернии, выпускник Казанской Духовной Академии, кандидат богословия, преподаватель математики Пермской духовной семинарии, впоследствии служил священником в селе Замараево Шадринского уезда Пермской губернии, в городе Шадринске и селе Мехонском Шадринского уезда. Он — автор ряда работ в области математики, член-корреспондент Петербургской, Парижской и Неаполитанской Академий наук, член УОЛЕ, Казанского физико-математического общества, Московского математического общества. И. М. Первушин — единственный из российских математиков, кто представил работы на Математический конгресс в Чикаго (1893 г.) и на конкурс в Неаполитанскую Академию физико-математического общества (1894 г.).² И. М. Первушин знаменит во всем мире открытием в 1883 г. наибольшего из всех известных на тот момент простых (совершенных) чисел. Это число получило известность в математике под названием «первушинского числа». Совершенным в математике называется число, равное сумме всех своих делителей. Первое совершенное число было открыто еще в Древней Греции — это число 6 ($1 + 2 + 3$). Вторым — 28 ($1 + 2 + 4 + 7 + 14$). Основатель геометрии Евклид (IV–III вв. до н. э.) вычислил третье (196) и четвертое (8128) совершенные числа. Далее в течение полутора тысяч лет человечеству было известно только четыре совершенных числа. Пятое совершенное число было обнаружено лишь в XV в. (33 550 336). Еще через сто лет были открыты шестое и седьмое совершенные числа. Восьмое совершенное число было открыто в XVIII веке великим математиком и механиком Леонардом Эйлером. Затем снова перерыв в сто лет. Девятое совершенное число, состоящее из 37 цифр, было вычислено лишь в 1883 г. уральским математиком, священником Иваном Михеевичем Первушиным. Это



Иоанн Михеевич Первушин

² Первушин Иван Михеевич // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 407.

был настоящий подвиг. «Величайшие математики того времени говорили, что вечности не хватит для проверки простоты числа, имеющего 15–20 знаков». Вычисление было проделано Первушиным без всяких вычислительных приборов. Все следующие совершенные числа были найдены лишь в XX в. и при помощи счетных машин.³

Интересно высказывание академика математика Николая Николаевича Красовского: «Говорить о серьезных математических школах на Урале в прошлом, вероятно, нет оснований. Я напому только один казус. На Урале в XIX веке служил такой священник-математик — Иван Михеевич Первушин. Его исследования знали и ценили Остроградский и Чебышев. Он, кстати, вычислил рекордное по тому времени простое число, его так и называют числом Первушина. Он вычислял это, конечно, без всякого компьютера, просто в бане, в огороде, на стене мелом. И священный синод выделил ему награду 190 рублей на математические книги. А тогда корова стоила, между прочим, 30 рублей. Батюшка потратил все на математические книги...»⁴

Сведения о биографии и деятельности И. М. Первушина можно найти во многих изданиях: в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона,⁵ сочинениях писателей (К. Д. Носилов, В. П. Бирюков и др.), статьях и монографиях преподавателей и сотрудников Шадринского государственного педагогического университета, Курганского государственного университета, шадринских и пермских краеведов, в сети интернет.⁶ Биографии И. М. Первушина и родословию его семьи посвящены исследования Н. В. Красноперовой.⁷

Иоанн Михеевич Первушин родился 15 (27) января 1827 г. в семье пономаря в Лысьвенском заводе Пермской губернии. Его воспитани-

³ Борисов С. Б. Сохранение памяти об И. М. Первушине в Шадринском университете // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (46). С. 273–274.

⁴ Цит. по: Чemezova В. Вождь математиков // Областная газета. 6 сентября 2000 г.

⁵ Халеев Н. В. Первушин (Иван Михеевич) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 23. СПб., 1898. С. 175.

⁶ Сведения о И. М. Первушине и библиографию работ о нем см.: Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина // Священник-математик Иван Михеевич Первушин / Авт. и сост. В. П. Тимофеев. Шадринск, 1996. С. 12–48, 106–108; Аверьянов С. А. Жизненный путь и духовный облик приснопоминаемого священника о. Иоанна Первушина (1827–1900): К 120-летию со дня преставления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (46). С. 268–273; Борисов С. Б. Сохранение памяти об И. М. Первушине в Шадринском университете. С. 273–276; Первушин Иван Михеевич // https://ru.wikipedia.org/wiki/Первушин_Иван_Михеевич.

⁷ Красноперова Н. В. Родом из Лысьвы: Иван Михеевич Первушин и его семья // <http://docplayer.ru/27044447-Rodom-iz-lysvy-ivan-miheevich-pervushin-i-egosemya.html>.

ем и домашним обучением занимался дед — священник Свято-Троицкого собора в Лысьве. Уже в ранние детские годы Иван полюбил арифметику. Обучившись дома грамоте, он поступил в 1838 г. в Пермское духовное училище, в 1842 г. был переведен в Пермскую духовную семинарию, которую окончил в 1848 г., затем поступил в Казанскую Духовную Академию, которую окончил со званием кандидата богословия. На выпускном экзамене присутствовал академик П. Л. Чебышев, который высоко оценил математические способности студента И. Первушина и просил окружающих специалистов обратить на него внимание. По окончании Академии И. М. Первушин вернулся в Пермскую духовную семинарию, где преподавал математику с 1852 по 1856 г. и служил в Свято-Троицкой (Слудской) церкви (ныне Свято-Троицкий кафедральный собор г. Перми) с 1854 по 1856 г.

С ноября 1856 г. он стал священником в Знаменской церкви села Замараево Шадринского уезда Пермской губернии. Почему он переехал из Перми в захолустье? В литературе высказываются на этот счет разные мнения. Одна из причин — высылка из Перми из-за участия Первушина в общественной жизни в Казани и Перми в 1850–1860-е гг., а именно в нелегальных собраниях пермско-казанского революционного кружка. А вполне возможно, как пишет В. П. Тимофеев, «что в силу сложившихся обстоятельств И. М. Первушин решил оставить науку и поехать в народ, служить ему, жить с ним одной жизнью, просвещать его. И тогда его переезд в Замараево — это подвиг».⁸

В Замараево И. М. Первушин развернул активную деятельность священника-просветителя народа. Через две недели после приезда в Замараево он обратился в сельское управление с просьбой выделить вблизи церкви помещение для училища. После огромной бумажной волокиты в 1859 г. управление наконец выделило помещение — возле кабака (!). Сначала Первушин обучал всего одного ученика. Но затем учеников — мальчиков стало больше. Иоанн Михеевич ратовал за то, чтобы учились и девочки, проводя мысль о том, что женщина — не домохозяйка, а душа семьи. Постепенно стали учиться и девочки. Впоследствии учиться стали приходить и взрослые. Интересное совпадение: Первушин открыл школу в Замараево в тот же 1859 год, когда впервые открылась и Яснополянская школа Л. Н. Толстого.⁹

В течение 1861 г. и января 1862 г. И. М. Первушин выпускал рукописный журнал «Шадринский вестник». Темы статей журнала разнообразны: «хроника местной жизни; бытовые и этнографические зарис-

⁸ Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина. С. 15.

⁹ Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина. С. 21.

совки, фольклорные тексты; статьи о расколе; в чем И. М. Первушин был специалистом; педагогика; статистика; статьи самого издателя о просвещении; критические заметки».¹⁰ В своих статьях И. М. Первушин призывал к преобразованиям общества, просвещению народа, трудолюбию, воспитанию нравственности, бичевал пороки — лень, распущенность, пьянство, причем доставалось даже представителям духовенства.

Рукопись «Шадринского вестника» хранится в Государственном архиве Свердловской области (в машинописном варианте — там же, в фонде В. П. Бирюкова и в библиотеке Шадринского государственного педагогического института). Это книга в четверку писчего листа, на 1200 страницах, исписанных мелким почерком самого И. М. Первушина.¹¹

«Шадринский вестник» изучали в разных аспектах: как исторический источник (М. Ф. Ершов), в рамках истории уральской журналистики (В. А. Павлов), в русле фольклористики (Н. Н. Мальцева, Г. Р. Шарипова), в плане изучения биографии И. М. Первушина (В. П. Тимофеев и др.). Философское осмысление рукописных сочинений священника-математика впервые было осуществлено курганской исследовательницей В. П. Федоровой.¹²

В своей публикации В. П. Федорова отмечала следующее: «К читателям эти издания дошли в переломный момент в истории России — в 1861–1862 годах... Уже современникам И. М. Первушин был известен как философ, мыслитель, гуманист, краевед. Широта его интересов, направление мыслей определены гуманистическими настроениями, связанными с надеждами на реформу, которая виделась не только как освобождение крестьян. Свобода представлялась более широко... Он внес в русскую философию оригинальные суждения, которые должны стать предметом серьезных комплексных исследований... Особенность деятельности И. М. Первушина состоит не только в высоком полете мысли, разума, но и в практических делах. Слово и реальная практика оказались взаимосвязанными».¹³

В 1862 г. Первушин выпустил также пять номеров газеты «Шадринская местность». Своей просветительской деятельностью, критикой и резкими выступлениями против невежества, пустого вре-

¹⁰ Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина. С. 27.

¹¹ Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина. С. 27.

¹² Федорова В. П. Концепция человека в наследии И. М. Первушина // Вестник Курганского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. Вып. 1. № 3 (03), С. 148–152. См. также: Федорова В. П., Шарипова Г. Р. Иван Михеевич Первушин — просветитель, краевед. Курган, 2010. 192 с.

¹³ Федорова В. П. Концепция человека в наследии И. М. Первушина. С. 148.

мяпровождения сограждан в карточных играх, сплетнях, пьянстве, злоупотреблений административных органов отец Иоанн навлек на себя гонения властей. Последовали и неприятности от уездных чиновников от просвещения, которые сообщили о недостатке денег для содержания школы и предписали ввести плату за обучение и представлять еженедельные и ежемесячные отчеты. Школа перестала существовать, так как родители запретили детям посещать ее из-за нехватки денег. Нужно сказать, что в это время И. М. Первушина поддерживали друзья — общественный деятель, историк, краевед Д. Д. Смышляев и основатель публичной библиотеки в Шадринске А. Н. Зырянов, которые прислали в Замараевскую школу азбуки, буквари и наглядные пособия.

Деятельность И. М. Первушина была поистине обширная. Он встречался и сотрудничал со многими известными писателями, общественными деятелями и учеными Урала и России, переписывался с математиками и математическими обществами Парижа, Техаса, Чикаго, Неаполя, вел метеорологические записи для обсерватории Уральского общества любителей естествознания, был корреспондентом периодических изданий, записывал произведения устного поэтического народного творчества. В разные годы был депутатом окружных училищных съездов Шадринского уезда, гласным уездного земского собрания по Шадринскому уезду от землевладельцев, депутатом по судебным и межевым делам, действительным членом Пермского отделения православного миссионерского общества, депутатом Далматовского духовно-училищного съезда, участвовал и в других мероприятиях.

В 1884–1886 гг. служил вторым священником Спасо-Преображенского собора города Шадринска. За свою заметку «Образовательное значение игральных карт», высмеивающую порядки в Шадринске, 1 (13) ноября 1886 г. он был переведен за штат. Благодаря заступничеству Академии наук перед Синодом, И. Первушин не был уволен со службы.¹⁴

С 1887 г. служил священником в селе Мехонском того же уезда. Одновременно, в 1897–1898 гг., был заведующим в трех школах Мехонского прихода: Малышевской, Мехонской, Дальне-Кубасовской.

Иоанн Михеевич Первушин — автор нескольких пасторских поучений, опубликованных в выпусках «Пермских епархиальных ведомостей» за 1880–1882 гг.

Особое место в жизни И. М. Первушина занимали книги, чтение и наука математика. В своей заметке «Мои друзья» из «Шадринского вестника» он писал: «Не прогневайтесь, друзья, не об вас я хочу ска-

¹⁴ Красноперова Н. В. Родом из Лысьвы.

зять, не вас перечислять. Есть ли хоть один из вас, с которым бы не размолвился и который не мог бы превратиться в жестокого врага? Скройся солнышко, и тени пропадут. Не таковы вековечные мои друзья — книги. Вечно живая и юная мысль человека в них как бы застыла, замерла, похоронена. Книги говорят со мной от души, без обману, безлицемерно, — нет, что вы, друзья, не льстят, не злословят. С ними беседую как с самим собою. И этих-то друзей вы, друзья, не почитаете, не читаете, мало читаете, даже, отчасти, не разрезываете. И, наверное, те лучшие статьи, кои приводится мне самому разрезать — после полугодия и более по получении книжек в здешнем краю. Октября 17-го я разрезал первую статью Бокля в февральской книжке “Отечественных записок” (Способы изучения истории, с. 381–396. — В. Т.). 13 ноября я разрезал статью Токвиля “Старый порядок и революция” в январской книжке “Библиотеки для чтения”...»¹⁵

Константин Дмитриевич Носилов, всемирно известный путешественник и полярный исследователь, писатель, земляк Иоанна Михеевича, побывав однажды у него в гостях, был поражен страстным увлечением священника математикой. Он вспоминал: «Весь его просторный кабинет был буквально завален разными математическими книгами. Тут выставлялся с этажерки объемистый солидный том “Factoren Tafeln Dase”, там целая кипа трудов “Tables portatives de logarithmes Callet, Georg Vega”, тут с полки глядели не менее толстые теории чисел Эдуарда Люкаса, здесь книги знаменитых математиков: Чебышева, Лежандра, Римана, не считая уже тех повременных математических изданий, которые высылали ему русские и иностранные ученые, математические общества. И все это было перемешано с его бесчисленными математическими выкладками, проверками, задачами, набросками, которые повсюду говорили о неутомимой математической деятельности этого скромного в подрясничке священника. Казалось, я был не в кабинете сельского священника, а в кабинете какого-нибудь старого профессора математики».¹⁶

После смерти Первушина эти математические книги были переданы в УОЛЕ его дочерью¹⁷ и хранятся в настоящее время в Свердловском областном краеведческом музее. В этой коллекции 30 книг. Очевидно, что книг у Первушина при жизни было гораздо больше. Профессор Николай Юрьевич Зограф, командированный в Заураль-

¹⁵ Цит. по: Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина. С. 31.

¹⁶ Носилов К. Д. Священник-математик // Священник-математик Иван Михеевич Первушин / Авт. и сост. В. П. Тимофеев. Шадринск, 1996. С. 9.

¹⁷ Зорина Л. И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929: Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996. С. 146. (Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Т. 1).

ский край Императорским обществом любителей естествознания для антропологических исследований и встречавшийся с Иоанном Михеевичем, вспоминал, что «библиотека Первушина заключала в себе немало философских трудов, преимущественно в оригиналах, т. к. Иван Михеевич очень хорошо читал на трех европейских языках и не доверял переводчикам».¹⁸ Возможно, дальнейшие исследования музейных и библиотечных фондов позволят обнаружить и другие экземпляры из библиотеки знаменитого священника-математика.

Книги И. М. Первушина в коллекции СОКМ представлены изданиями сочинений многих известных математиков XVIII — конца XIX в. Среди их авторов — академики Петербургской Академии наук Пафнутий Львович Чебышев (основоположник петербургской математической школы), Виктор Яковлевич Буняковский (вице-президент Академии наук в 1864–1889 гг.); французы Жан-Франсуа Калле, Сильвестр Франсуа Лакруа (известен по составленному им курсу дифференциального и интегрального исчисления), Жан Этьен Монтюкла (автор первой в истории монографии по истории математики); бельгийские математики Евгений (Эжен)-Шарль Каталан и Поль Мансьон, итальянец Эрнесто Чезаро, немецкие математики Христиан фон Вольф (ученый-энциклопедист, юрист, математик, один из наиболее заметных философов в период после Лейбница и до Канта, учитель М. В. Ломоносова), Иоганн Карл Фридрих Гаусс (один из величайших математиков всех времен, «король математиков»), Иоганн Мартин Захария Дейс, известный быстрым вычислением произведений огромных чисел, Иоганн Петер Густав Лежен Дирихле, внесший существенный вклад в математический анализ, теорию функций и теорию чисел; Георг Вега, австрийский математик, известный публикацией классического сборника семизначных логарифмов (1783), многократно переиздававшегося во многих странах мира; Александр Макфарлейн — шотландско-канадский логик, физик и математик; Ладислав Чернак — венгерский ученый, автор первой опубликованной таблицы с разложением на простые множители с точностью до миллиона.

Тематика изданий — неизменные числовые делители целых рациональных функций, переносные таблицы логарифмов, лекции по теории чисел, действия с простыми числами, различные арифметические исследования, тригонометрические функции, история математики, новая математическая переписка. Среди книг — издание переговоров на первом международном конгрессе математиков в Цюрихе с 9 по 11 августа 1897 года (на нем. яз.), а также книга «Первое присуждение премии Н. П. Лобачевского 22 октября 1897 г.» (Казань, 1898).

¹⁸ Цит. по: *Аверьянов С. А. Жизненный путь и духовный облик... С. 271.*

Почти все книги имеют надпись «От св[ященника] Первушина» (на верхнем форзаце или титульном листе). Экземпляры содержат интересные владельческие и дарственные записи и пометы, а также вычисления на полях и закладках, сделанные рукой И. М. Первушина.

В библиотечке И. М. Первушина находится книга П. Л. Чебышева «Теория сравнений» (СПб., 1849).¹⁹ Как уже отмечалось выше, на выпускном экзамене И. М. Первушина в Казанской Духовной Академии присутствовал знаменитый математик Пафнутий Львович Чебышев. «На экзамене Пафнутий Львович подарил молодому выпускнику Первушину свою книгу — “Теория сравнений” (СПб., 1849), которой в будущем Иван Михеевич будет постоянно пользоваться».²⁰ Подтверждение тому: в книгу вложен листок с расчерченными колонками и вписанными в них цифрами мелким почерком И. М. Первушина. На внутренней стороне верхней крышки переплета запись: «Замараевского села священника Иоанна Михеева Первушина».

Самое старое издание в коллекции Первушина — книга «Zu der Trigonometrie und Ausziehung der Wurtzeln nöthige Tafeln, darinnen die Sinus und Tangentes für jede Minute des Quadrantens, nebst ihren Logarithmis und den Logarithmis der gemeinen Zahlen von 1. biss 10000», herausgegeben Von Christian Wolff. Halle im Magdeburgischen, 1728 (на нем. яз.).²¹ В книге много владельческих записей. Судя по наиболее старой записи, книга принадлежала землемеру Данилову, а подарена была ему «капитаном 2-го ранга и кавалером Николаем Васильевичем Короби[ным?] в знак памяти в Астрахане 1819 года марта 10 дня».²² Еще одна запись сделана на чистой стороне листа с фронтисписом: «Куплена в Уфе на толкучке за 5 копеек серебром 6 апреля (?) 1873 г. Михаилом Михеевым Первушиным, которого составля[ет] теперь неотъемлемую собственность». Упомянутый в записи Михаил Михеев Первушин — очевидно, родной брат Иоанна Михеевича.²³ На внутренней стороне верхней крышки переплета за-

¹⁹ Первый аллигат конволюта. Второй аллигат: *Брун Г.* Руководство к вариационному исчислению. Одесса, 1848. СОКМ. СМ-14344/3340 ПИ-3340.

²⁰ *Тимофеев В. П.* Этапы бытия И. М. Первушина. С. 14–15. В публикации В. П. Тимофеева допущена опечатка в указании даты издания: 1894.

²¹ «Таблицы, необходимые для тригонометрии и извлечения корней, включая синусы и тангенсы для каждой минуты квадранта вместе с их логарифмами и логарифмами простых чисел от 1 до 10000. А также квадратных и кубических чисел от 1 до 10000», под редакцией Христиана Вольффена. Галле в Магдебурге, 1728. СОКМ. СМ-22697/89 ПИ-11780.

²² СОКМ. СМ-22697/89 ПИ-11780. С. 194.

²³ Михаил Михеевич Первушин (1839–1891) — священник, заведующий вакцион-ным (оспопрививательным) заведением при Вольном экономическом обществе России, упоминается среди 16 братьев и сестер И. М. Первушина. См.: *Красноперова Н. В.* Родом из Лысьвы.

пись чернилами, почерком И. М. Первушина: «О. Первушин Иоанн Михеевич священник-математик кандидат богословия Шадринск. Никол.²⁴ 348». Можно предположить, что Михаил Михеевич приобрел эту книгу для брата, зная увлечение Иоанна математикой. В этой книге есть два маленьких листка с типографским текстом. Один листок наклеен на внутренней стороне верхней крышки переплета и содержит текст: «День | ф. 8 (ежедневно) 91 г. Тр 28/М 46 | 1586 Свящ. Свято-Троицк. Церкви с. Мехонского | г. Иоанну Мих. Первушину | Чр. Шадринск». Другой листок — с текстом: «473. Екатеринбург. Епарх. вед. | (раз в неделю) | Шадринск. Причту Николаевской церкви» — просто вложен в книгу. Это документы, свидетельствующие о том, что у И. М. Первушина была подписка на периодические издания.

В книге Иоганна Петера Густава Лежена-Дирихле «Vorlesungen über Zahlentheorie» (Braunschweig, 1863; на нем. яз.)²⁵ имеется надпись: «Подарок Святейшаго Синода Священнику-Математику Иоанну Михеевичу Первушину, Настоятелю Знаменской церкви в селе Замараевском Шадринского уезда Пермской епархии 31 марта 1880 года» (на внутренней стороне верхней крышки переплета). Запись, судя по почерку, сделал сам И. М. Первушин. Там же, ниже, карандашом, почерком И. М. Первушина помечено: «31 марта 1880 Замараево». Известно, что «Академия наук, в поощрение трудов» И. М. Первушина, «исхлопотала у Священного Синода высылки ему математических книг на 190 руб.».²⁶

В книге Захарии Дэйса «Factoren-Tafeln für alle der achten Million, oder genauer von 7002001 bis 8010000, mit den darin vorkommenden Primzahlen...» (Hamburg, 1863; на нем. яз.)²⁷ И. М. Первушин оставил свой автограф: «1887 года Июня 12 дня. Священник Математик, Кандидат Богословия Иоанн Михеевич Первушин Pervouchine». Заметим, что в этой записи, а также в записях на многих других книгах все свои звания и титулы Первушин пишет с прописной буквы. Аналогичные записи в его книгах для чисел седьмого миллиона (Гамбург, 1862)²⁸ и девятого миллиона (Гамбург, 1865).²⁹

²⁴ Никол. — очевидно, название церкви — Николаевская (Никольская), в которой с 1884 по 1887 г. служил И. М. Первушин. См.: Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина. С. 38.

²⁵ Лекции по теории чисел. Брауншвейг, 1863. СОКМ. СМ-28711/165 ПИ-17346.

²⁶ Халеев Н. В. Первушин [Иван Михеевич]. С. 175.

²⁷ Таблицы множителей для всех чисел восьмого миллиона, а точнее 7002001 до 8010000 с фигурирующими в них простыми числами (Гамбург, 1863). СОКМ. СМ-28790/25 ПИ-17405.

²⁸ СОКМ. СМ-28790/24 ПИ-17404.

²⁹ СОКМ. СМ-28790/21 ПИ-17401.

Шкафъ	5
Полка	X
Мѣсто	80/2

Подарокъ Святыиша Синода

Служебнику-мощеннику

Юлиану Мифеевичу Первухину,

настоятелю Вятченской церкви

въ селѣ Запаравинѣ, Шадринскаго

уѣзда Пермской епархіи.

31 марта 1880 года.

31 марта 1880. Зап. архива

Lejeune-Dirichlet P. G. Vorlesungen über Zahlentheorie... Braunschweig, 1863.

СОКМ. СМ-28711/165 ПИ-17346.

Запись на внутренней стороне верхней крышки переплета

~~Том III. N 20216.~~

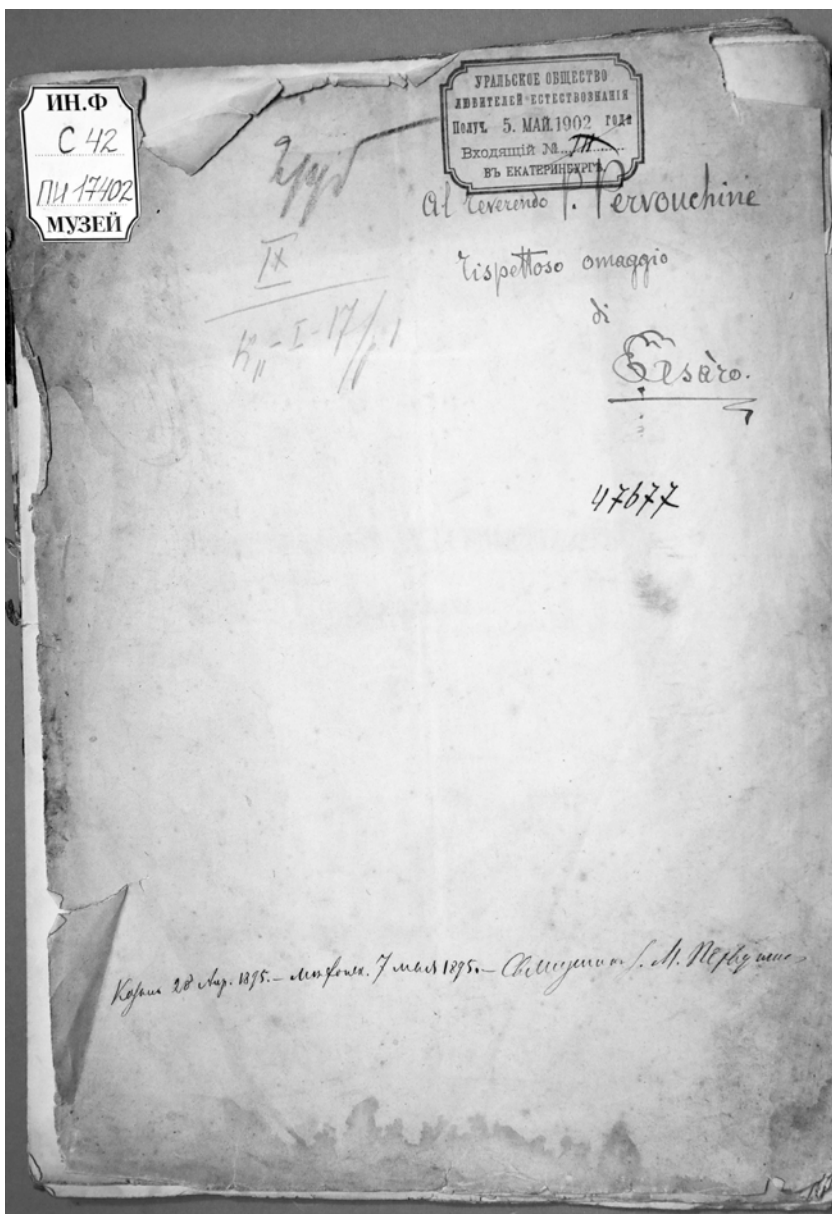
TX
K_{II} - 1 - 13^e
p1

HISTOIRE DES MATHÉMATIQUES.

TOME TROISIEME.

1887 found 12 vol. Савоженский Мариновский
Решающий то же самое, Жанна Мариновский
П. С. Савоженский Решающий.

Montucla J.-E. Histoire des mathematiques...Vol. 3. Paris, 1802.
СОКМ. СМ-28711/ПИ-17356.
Запись на авантитуле



Cesaro E. Excursion arithmetiques a l'infini... Paris, 1885.
 СОКМ. СМ-28790/22 ПИ-17402.
 Записи на л. 1

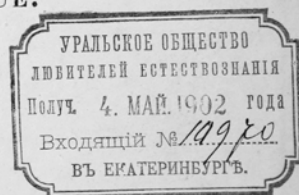
Его Высочеству прислаиваются, Вмѣстѣ съ
ценнымъ Письмомъ, Математическаго
Синтаксиса и Арифметики.

Почтенный подполковникъ
Онуфрей Мухоморовъ, Первую

1840-го года. NOUVELLE 30-й. Года.

CORRESPONDANCE

MATHÉMATIQUE.



Аналогичная запись рукой И. М. Первушина находится на авантитуле трех томов книги Жана Этьена Монтюкля «Histoire des mathematiques, dans laquelle on rend compte de leurs progres depuis leur origine jusqu'a nos jours... Nouvelle edition...» (Paris, 1801–1802; на франц. яз.).³⁰

Той же датой (1887 года июня 12 дня) пометил Первушин книгу Ладислава Чернака «Cribrum arithmeticum sive tabula continens numeros primos, a compositis segregatos, occurrentes in serie numerorum ab unitate progredientium...» (Daventriae [Deventer], 1811; на лат. яз.).³¹ На некоторых страницах экземпляра добавлены вычисления карандашом, очевидно, И. М. Первушиным.

В книге Александра Макфарлейна (Alexander Macfarlane. On the definitions of the trigonometric functions by Alexander Macfarlane... Boston, [1894]; на англ. яз.³²), можно видеть запись почерком И. М. Первушина на французском языке: «1894 мая 5 I. M. Pervouchine Pretre Dystrict de Chadrinck | gouvernement a Perm Russia».³³ В книгу вклеена визитная карточка автора (типографская печать); на ней внизу помета: «1894 мая 5 дня» (чернила, почерк И. М. Первушина).

Книга «Excursion arithmetiques a l'infini» (Paris, 1885; на франц. яз.)³⁴ Эрнесто Чезаро подарена Первушину автором с надписью на итальянском языке: «Al reverendo P. Pervouchine rispettoso omaggio di Cesaro».³⁵ Надпись сделана на верхнем форзацном листе (обложке) книги. Там же, внизу, запись чернилами, почерком И. М. Первушина: «Казань 28 Апр. 1895. — Мехонск 7 мая 1895. — священник И. М. Первушин».

Шесть томов издания «Nouvelle correspondance mathematique»³⁶ (Т. 1. Mons, 1874; Т. 2–6. Bruxelles, 1876–1880; на франц. яз.), опубликованного Евгением Каталаном, Полем Мансьоном и др., имеют

³⁰ История математики, в которой мы даем отчет о ее развитии от зарождения до наших дней... Новое издание... (Париж, 1801–1802). СОКМ. СМ-28711/173 ПИ-17354, СМ-28711/174 ПИ-17355, СМ-28711/175 ПИ-17356.

³¹ Арифметическое сито или диаграмма, содержащая первые числа, выделенные из соединения, встречающиеся в серии чисел, идущих от единицы (Девентер, 1811). СОКМ. СМ-14344/3830 ПИ-3830.

³² Александр Макфарлейн. Об определениях тригонометрических функций... Бостон, [1894]. СОКМ. СМ-28790/90 ПИ-17470.

³³ «1894 мая 5. И. М. Первушин, священник Шадринского уезда Пермской губернии, Россия». Благодарю А. Г. Мосина на уточнение перевода текста записи.

³⁴ Арифметический экскурс в бесконечность (Париж, 1885). СОКМ. СМ-28790/22 ПИ-17402.

³⁵ «Преподобному П. (Падре?) Первушину почтительная дань уважения от Чезаро».

³⁶ Новая математическая переписка. СОКМ. СМ-28711/141 ПИ-17322, СМ-28711/143 ПИ-17324, СМ-28711/142 ПИ-17323, СМ-28711/144 ПИ-17325, СМ-28711/145 ПИ-17326, СМ-28711/146 ПИ-17327.

запись на авантитуле: «Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Палладия, Митрополита Санктпетербургского и Ладожского пасхальный подарок Отцу Иоанну Михеевичу Первушину 1897 года Апреля 30 дня. Среда». Записи сделаны, судя по почерку, самим И. М. Первушиным.

Все вышесказанное являет пример яркой, незаурядной личности, жившей и трудившейся на Урале в XIX в. Представленный обзор коллекции книг И. М. Первушина — подтверждение одной из граней его многообразной деятельности, а именно серьезного профессионального увлечения математикой, благодаря чему он сделал важные научные открытия. Сведения о математической библиотеке уральского священника, владельческих и дарственных записях в книгах позволяют дополнить неизвестные страницы истории книжной культуры и науки на Урале.

Список литературы

- Аверьянов С. А.* Жизненный путь и духовный облик приснопоминаемого священника о. Иоанна Первушина (1827–1900): К 120-летию со дня преставления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (46). С. 268–273.
- Борисов С. Б.* Сохранение памяти об И. М. Первушине в Шадринском университете // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (46). С. 273–276.
- Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929: Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996. 208 с. (Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Т. 1).
- Красноперова Н. В.* Родом из Лысьвы: Иван Михеевич Первушин и его семья // <http://docplayer.ru/27044447-Rodom-iz-lysvy-ivan-miheevich-pervushin-i-egosemya.html>.
- Мудрова Н. А.* Книжные коллекции уральских ученых второй половины XIX — первой половины XX в. в фондах Екатеринбурга // Проблемы сохранения отечественной духовной культуры в памятниках письменности XVI–XXI вв. Новосибирск, 2017. С. 220–230. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 36).
- Мудрова Н. А.* К истории библиотеки Н. К. Чупина // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. Вып. 3 (27). С. 286–299.
- Мудрова Н. А.* Библиотека Онисима Егоровича Клера — основателя Уральского общества любителей естествознания // Вестник ЮУрГУ. Серия Социально-гуманитарные науки. 2021. Т. 21. № 4. С. 30–41.

- Носилов К. Д. Священник-математик // Священник-математик Иван Михеевич Первушин / Авт. и сост. В. П. Тимофеев. Шадринск, 1996. С. 6–12.
- Первушин Иван Михеевич // Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург, 2000. С. 407.
- Первушин Иван Михеевич // https://ru.wikipedia.org/wiki/Первушин_Иван_Михеевич.
- Тимофеев В. П. Этапы бытия И. М. Первушина // Священник-математик Иван Михеевич Первушин / Авт. и сост. В. П. Тимофеев. Шадринск, 1996. С. 12–48.
- Федорова В. П. Концепция человека в наследии И. М. Первушина // Вестник Курганского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. Вып. 1. № 3 (03), С. 148–152.
- Федорова В. П., Шарипова Г. Р. Иван Михеевич Первушин — просветитель, краевед. Курган, 2010. 192 с.
- Халяев Н. В. Первушин (Иван Михеевич) // Энциклопедический словарь / Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 23. СПб., 1898. С. 175.
- Чемезова В. Вождь математиков // Областная газета. 6 сентября 2000 г.

М. П. МИРОНЕНКО

Институт славяноведения РАН, Москва

Воспоминания В. Л. Житомирского КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЖИЗНИ И БЫТА НАСЕЛЕНИЯ В ЧЕРТЕ ОСЕДЛОСТИ НА УКРАИНЕ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Автор воспоминаний — в дореволюционные годы адвокат и журналист, после революции — сотрудник различных наркоматов и министерств. Его воспоминания, написанные в основном в 1950-х гг., стали хроникой его родного города Черкассы Киевской губернии на фоне мирной, хоть и сложной жизни конца XIX — начала XX в., а затем трагической истории революционных лет и Гражданской войны. Важная часть воспоминаний посвящена описанию дореволюционного быта жителей Черкасс, социальных связей и взаимоотношений среди разных слоев населения, специфики торгового дела и городской благотворительности, тяготам, религиозным обычаям и праздникам еврейского общества, образованию детей.

Ключевые слова: воспоминания, источник, черта оседлости, быт, социальные связи, религиозные праздники, благотворительность, образование, процентная норма

Воспоминания В. Л. Житомирского (1884–1960), скромно названные им «Мои записи», были написаны в середине XX века, а опубликованы впервые только в 2022 г.¹ Автор воспоминаний — в дореволюционные годы адвокат, талантливый журналист, издававший в 1912–1917 гг. единственную в его городе и быстро ставшую популярной газету «Черкасские отклики», после революции — сотрудник различных наркоматов и министерств. Его воспоминания посвящены событиям с конца 1880-х до 1934 г. «Первые страницы воспоминаний были написаны в 1938 г., затем записки были надолго отложены и продолжены в 1940-х годах, а закончены в 1959 г., за год до смерти. Воспоминания, задумывавшиеся еще далеко не старым автором не только как подведение итога своей жизни, но и как хроника семьи, превратились в хронику его родного небольшого уездного города Черкассы Киевской губернии».² Они являются ценным источником для изучения жизни еврейского населения в черте оседлости Российской империи в конце XIX и начале XX в. В центре повествования — небольшой (35, затем 40 тыс. жителей) уездный город Черкассы Киевской губернии, находившийся в черте оседлости на Украине. Автор

¹ Житомирский В. Л. Из записей: Воспоминания. Конец 1880-х — 1934. М., 2022.

² МIRONENKO М. П. Неопубликованные мемуары В. Л. Житомирского // АЕ за 2013 год. М., 2019. С. 290.

с большой любовью описывает заросший густой зеленью город на берегу Днепра, живший в годы его детства патриархальной, мирной, хоть и достаточно сложной жизнью.

Описанию дореволюционного быта жителей Черкасс посвящена первая часть воспоминаний. Автор подробно описывает семейную жизнь и городской быт, организацию дома и двора, социальные связи, обычаи и религиозные праздники, культурную жизнь (вернее, ее отсутствие) и зрелища. Очень интересны рассказы о высокоразвитой общественной взаимовыручке и городской благотворительности, о тяготах торгового дела, основанного на кредитах и долгах банкам; колоритны образы предков, членов семьи и обитателей города. Вторая часть «Записей» посвящена главным образом историческим событиям 1917–1920 гг. на Украине. Перед читателем разворачивается драматическая картина событий этих лет: наступление политических свобод в феврале 1917 г., работа в новых демократических органах власти (Владимир Житомирский стал одним из руководителей городской Думы), оборвавшаяся с приходом гетманщины, оккупация Черкасс немецкими войсками, еврейские погромы, арест денikinской контрразведкой, тюрьма и угроза расстрела и, наконец, окончательный приход Красной армии и установление советской власти. «Мои записи» с большой подробностью раскрывают историю становления демократических преобразований после Февральской революции в небольшом уездном городе. Однако важность их как исторического источника состоит в том, что в них, как в капле воды, отразилась общая ситуация в стране, о чем не раз писал автор. Тяжкие события Гражданской войны на Украине описаны автором с поразительной искренностью и образностью. В третью часть, получившую название «Продолжение воспоминаний», вошли «Краткие хронологические записи», посвященные событиям 1920–1928 гг., и записи из тетради «Хроника моей семьи», относящиеся к 1929–1934 гг. Начиная с 1931 г. воспоминания посвящены уже исключительно семейным делам и не касаются происходящего в стране. И это, конечно, неслучайно — чем дальше, тем опаснее, видимо, представлялись автору записи о событиях сталинского времени.

Родители автора занимались торговлей, и поэтому ряд страниц в воспоминаниях занимает анализ особенностей этой сферы деятельности в уездном городе. Большие капиталы там наживали главным образом строительные подрядчики-грабари. Среди еврейского населения самой распространенной сферой деятельности была торговля, а рядовым жителям, ступившим на этот путь, была доступна только розничная торговля, которую можно было начинать с сотней-другой рублей. С этого начали и юные родители автора, открывшие дере-

вянную мануфактурную лавку в базарных рядах и неустанным трудом, во многом физическим,³ с течением времени превратившим ее в самый большой в городе галантерейный магазин. Одним из условий развития своего дела было крайнее ограничение своих насущных потребностей, граничившее со скаредностью: «Для себя — копейка, в накопление — рубль». (Даже бублик, стойвший копейку, считался баловством, а варенье варилось почти несладким.) Накапливавшиеся средства не прятались, а направлялись на расширение торговли. Использование наемного труда было минимальным — сначала его вообще не было, потом 1–2 мальчика в лавке, позднее несколько приказчиков в магазине.

У розничных торговцев возможности обогащения за счет произвольного повышения цен были ничтожны: исходные цены устанавливались фабрикантом и оптовиком, а конкуренция была яростной. Поэтому цены «годами, десятилетиями были каменно-устойчивы». Кроме того, они определялись крайне низким уровнем спроса города на сельскохозяйственную продукцию и села — на промышленную. «Население и города, и села в массе было очень бедно и всемерно ограничивало свои потребности, стремясь удовлетворить последние в максимально возможной части в рамках натурального хозяйства. Деревня сама ткала, сама валяла сукно, дубила шкуры — и кое-как одевалась. Горожане — не только состоятельные, но и те, кто победнее, — был лишь свой домик с клочком земли, — налаживали свое хозяйство: огород, птица, коза, если корова не под силу, — и кое-как питались. Спички, соль, керосин — вот в основном то, что брала деревня у города, да очень редко, в очень хороший год — еще ситчика немного. Мука, крупа да растительное масло — то, что в основном брал город у деревни. Цены, какие мне были известны с детства, остались неизменными вплоть до продовольственного кризиса, вызванного Первой мировой войной».⁴

Удивителен содержащийся в воспоминаниях анализ социальных связей и взаимоотношений среди разных слоев городского населения, основанный на воспоминаниях человека, наделенного уже в детстве острой наблюдательностью. Горожан разобщало множество перегородок — национальных, профессиональных и социально-кастовых. Как пишет автор, он и его брат в детстве ничего не знали об

³ Главный труд лег на плечи матери автора: «Стужа в деревянной неотапливаемой лавке, десятипудовые бочки и громоздкие ящики с товарами, которые она выкатывала окоченевшими руками из подвала под лавкой (папа был болезнен, физически слаб, и она его щадила), неустанный труд дни и ночи — в лавке, дома по хозяйству и с малыми детьми — летом и зимой, здоровая и больная, на сносях и кормящая. И себе — отказ во всем!» (*Житомирский В. Л. Из записей. С. 37*).

⁴ *Житомирский В. Л. Из записей. С. 36.*

антисемитизме, но было обидно, когда врач Недзвецкий и его жена смотрели на улице сквозь них, своих соседей, злыми невидящими глазами, а приходя на вызов, врач молча опускал в карман серебряный рубль и прощался только кивком головы, не подав никому руку. К тяжелой проблеме антисемитизма, ее истоках, использовании в политических целях, чиновничьем произволе автор не раз обращается в своих записках. Существовала также «прочно установившаяся, очень сложная, с тончайшими оттенками социально-кастовая иерархия», которую даже дети уже с ранних лет изучили до тонкости и относились как к норме, неписаному закону. Им было вполне понятно, почему богатый подрядчик может подолгу беседовать с родителями в их магазине, но никогда вне его не стал бы водить с ними знакомство и, возможно, при встрече даже не поздоровался бы. Их не удивляло, что отец, встретив на улице знакомого торговца тем же товаром, что и у него, нехотя отворачивался и проходил мимо, не здороваясь, — таков был обычай поведения по отношению к конкуренту. «И еще мы знали уже с детства, что торговля мануфактурой или галантереей почетнее, чем бакалей, что оптовик-мануфактурист стоит на высшей ступени торговой иерархии, за ним, ступенью ниже, — торговцы мануфактурой или галантереей в розницу, а на самой низшей — торговцы “черной” бакалей, владельцы мучных лабазов. Каждая ступень гнушается следующей — низшей. И все вместе они третируют как бедняков, как париев торговой иерархии тех, которые торгуют на базарах — в палатках и ларьках. Но еще ниже, ниже даже этих париев торговой иерархии, стоят люди физического труда — ремесленники». Среди ремесленников была своя строго установленная иерархия — и своя иерархическая кичливость: портной считал себя ступенью выше сапожника, а сапожник точно так же относился к лудильщику или плотнику, маляр к скобянику, а все они вместе — к извозчикам; извозчики же легковые смотрели свысока на ломовых...»⁵ Поэтому общественные связи были очень слабы, а для многих просто отсутствовали, люди замыкались в кругу своей семьи и далеко не всегда — внутри ближайшей родни.

В воспоминаниях множество подробностей городского быта. С любовью описывает автор родной город и свою улицу, в то время носившую название Старо-Чигиринской, ныне центральную улицу Черкасс. Улицы были образованы не домами, а дворами, так и говорили: «Чей двор?», а не «Чей дом?» Представители всех слоев населения в небольших городках и местечках стремились обзавестись собственным, пусть самым скромным домишком. Снимать квартиру в чужом доме, жить в «соседях» было признаком крайней бедности,

⁵ Житомирский В. Л. Из записей. С. 33.

да и снимать было нечего, так как редко кто строил для сдачи внаем. Кроме самого дома, в каждом дворе был сарай, конюшня, погреб, садик с цветником и отдельно фруктовый сад, а за ним, в глубине, огород. В родительском доме автор вспоминает полутемные, тесные комнаты, скудно обставленные дешевой самодельной мебелью, изготовленной местными столярами. Во всем городе, как он пишет, вряд ли нашелся бы дом с фабричной мебелью вроде ампира или рококо. Центром жизни для детей была просторная закоптелая кухня с русской печью и запечьем с множеством подушек, на котором отогревались и спали. По утрам в печи кухарка пекла «пидпалыки» (лепешки из ржаной муки), обливала их гусиным жиром и торопливо несла в столовую, где в утреннем сумраке завтракали взрослые, торопившиеся в лавку. А на кухне нянька и кучер ели, обжигаясь, «огненно-горячую картошку “в мундирах” и такую же горячую прозрачно-красную свеклу. Внезапно открывалась дверь, и в клубах морозного пара возникал древний лицом, но мощный широким и сильным телом старик-еврей, возивший брагу с винокуренного завода для коровы».⁶ Вечером, к возвращению хозяев домой, на столе, покрытом истрепанной и испятнанной клеенкой, — полудеревенская снедь. Сервировка отсутствует, возле каждого из ужинающих сложены на столе кучки кожуры от съеденной горячей картошки «в мундирах» и корок от «уничтоженного при общем восхищенном одобрении огромного соленого арбуза». А после ужина начиналось самое интересное: разговоры о случившихся встречах и происшествиях в городе и, главное, рассказы о разного рода чудесах и знамениях. В патриархально-местечковой семье дяди автора, державшего шинок, прислуги не имели, хотя достаток позволял, и изможденная своим видом тетка, родившая кучу детей, целый день орудовала ухватом у раскаленной печи. За стол у них садились только мужчины, и лишь накормив их и убрав посуду, садились женщины. И как отмечает автор, между членами семьи всегда была молчаливая отчужденность. Как и во многих семьях, приверженных религиозности хасидского толка, все живое и эмоциональное, кроме лишь религиозно-молитвенной экзальтации, считалось стыдным и подавлялось. «...Люди делили все свое время между делами и молитвами, подолгу и скудно молчали, а любовь была также лишь выполнением одного из предписаний религии: “плодитесь и множитесь”».⁷

Неписаной основой семейного быта и стержнем духовной жизни еврейского общества были религиозные праздники. Им посвящена большая глава воспоминаний. Удивительно поэтично, с большой

⁶ Житомирский В. Л. Из записей. С. 40.

⁷ Житомирский В. Л. Из записей. С. 24.

подробностью автор описывает праздник субботы (очень полезный, по его словам, дающий возможность отдохнуть в конце трудной рабочей недели), праздник начала года Рош-Ашуны, когда верующие с трепетом ждали приговора Йеговы за свои грехи, Сыккыс, когда жители строили шалаши, называвшиеся в городе «кучками», зимние праздники Хануко и Пурим, сопровождавшийся необычайным изобилием лакомств, весенние и летние — Пейсах и Швуос (Пасха и Троица). Суровый, грозный день поста — Йом Кипур начинался накануне с полуязыческого обряда жертвоприношения, когда на глазах у детей резник убивал множество петухов и кур, и они падали, обливаясь кровью, а некоторые еще пробежали несколько шагов. Это было жестокое зрелище.

Интересен рассказ о выпечке мацы к пасхе в специально организуемых для этой цели группами хозяек или каким-нибудь предпринимателем временных пекарнях, при этом требовалось, чтобы в помещение не могло попасть ни малейшей крошки обыкновенного, не пресного, хлеба или предметов, соприкасавшихся с ним. Как отмечает автор, выполнение этого религиозно-бытового предписания, напоминавшего о скитаниях евреев по пустыне, доводилось до абсурдных крайностей. Перед наступлением пасхи дома проводили в течение ряда дней необычайную уборку — вымыв комнату и сделав ее пасхально чистой и неприкосновенной для будничного обихода, ее запирали на все последующие дни и входили только ночью на цыпочках, сняв обувь, «чтобы, упаси господи, не внести в нее прилипшую к подошве ботинка крошку хлеба». Накануне пасхи торжественно с молитвой сжигались специально принесенные крошки обычного хлеба — сожжение «хумыца», а пасхальная посуда очищалась горячей водой, в которую опускали раскаленный докрасна камень или кусок железа. После этого посуда признавалась очищенной, пасхальной, а всю остальную уносили из дома. В течение семи дней можно было питаться только «хлебом пустыни» — мацой или блюдами, приготовленными из нее. Пасхальный ужин «сейдер» отличался сложным и торжественным церемониалом чтения текстов, приема различных блюд и символическими действиями, призванными напомнить об освобождении от египетского рабства, исходе из Египта и сорока годах скитаний в пустыне.

Во время праздничных обедов стол был нарядно сервирован — свежая белая скатерть, накрахмаленные салфетки, сверкали хрустальные рюмки, в графинчике ждала настоящая на лимонной корке водка. «Строго выдерживается традиционное меню ужина: фаршированная рыба с чудесно сваренным в рыбном соусе с луком картофелем, горячий, обжигающий и жирный куриный бульон, вареная

курица, компот из чернослива с изюмом. Этот ужин вследствие однообразия строго соблюдаемого меню стал с годами восприниматься нами не как питание, а как тягостный обряд..., с которого мы, младшие члены семьи, ниспровергатели религиозно-бытовых основ “отчего дома”, начали лет в 12–13 свой бунт».⁸

Семейным торжествам, в основном помолвкам и свадьбам, также посвящены страницы воспоминаний. Помолвки, довольно редко устраивавшиеся, не были обязательны. Чаще всего ограничивались сговором без семейного торжества, что, однако, не лишало сговора обязательной силы. Но один обычай закрепления сговора — «битье тарелок» — обязательно соблюдался: объявляя молодую пару женихом и невестой, бросали на пол и разбивали пару тарелок. Венчание происходило под специально установленным балдахином, но ему предшествовало напутствие невесте, исполнявшееся хозяином еврейского оркестра, контрабасистом Берл-басом. Аккомпанируя себе на контрабасе, он «читал гром» — произносил грозным, пугающим речитативом скорбные слова о покидании невестой отчего дома. Однако вскоре грустное настроение сменялось весельем, свадьба продолжалась. Все основные расходы на свадьбу несла семья невесты, а семья жениха милостиво принимала почетное место за столом и потчевание лучшими кусками и лучшими сортами вина. Считалось, что жених осчастливил невесту, оставшуюся бы без него навечно в девушках. Жениху с невестой и шаферами за ужином подавался необычайно крупный и по-особому зажаренный петух, которого должен был разрезать сам жених, проявив ловкость (а проявив щедрость, положить самую крупную купюру на блюдо, куда клали деньги гости).

После праздничного ужина, на котором подавалось совсем небольшое количество вина, начинался свадебный бал, где царил танец «фрейлехс». «Пляшут все — и молодые, и дети, и старики, — взявшись за руки и двигаясь то в быстром, то в медленном темпе, по большому кругу, насколько позволяет размер комнаты. Мелодия “фрэйлыхс” — их много — то грустных, то веселых, и все они родные сестры народных молдавских мелодий, ставших известными широко в наши дни, и во всех звучит исконная народная лирика».⁹ А когда ни у кого уже не было сил плясать, игравший на свадьбе скрипач по просьбе гостей исполнял вдохновенные импровизации из народных мелодий.

Особый интерес вызывает у современного читателя рассказ об исключительно развитой в городском еврейском обществе благотворительности и взаимовыручке. Следует отметить, что автор ведет происхождение этих явлений от религиозных предписаний и норм.

⁸ Житомирский В. Л. Из записей. С. 89.

⁹ Житомирский В. Л. Из записей. С. 109.

Поведение богобоязненного еврея складывалось из стремления совершить побольше богоугодных деяний и не допустить в своих поступках малейшего прегрешения. За ним как тень следовал «тяжелый и сложный, писанный и частью неписанный, устно переходивший веками из поколения в поколение религиозно-бытовой кодекс»,¹⁰ постоянно напоминавший ему о необходимости совершать как можно больше хороших, угодных Богу поступков. Богоугодные дела, по их представлениям, записывались на божественных скрижалях и учитывались при решении судьбы человека в Судный день. В определении же того, что является богоугодным деянием и прегрешением, не было места вольному толкованию. Все было точно предусмотрено писанным и неписанным религиозным законом.

В число богоугодных дел входила в первую очередь помощь беднякам. Бедный человек, оказавшийся в дальней дороге в пятницу вечером в городе или местечке, мог спокойно сесть в синагоге у западной стены — стены бедноты — и ждать, когда кто-то из молившихся заберет его домой на субботний ужин. Почти не было такого пятничного вечера, когда бы отец автора не приводил такого гостя в дом. Подросток, приехавший в город изучать Талмуд в синагогальной ишиве, получал возможность ночевать в синагоге, а семь сердобольных хозяек (одни от души, другие, как замечал автор, в погоне за числом хороших поступков) кормили его целые сутки по очереди. Очень важен был в коммерческой среде долг сострадания, «гмилус хысыд»: когда вследствие случайной заминки коммерсанту грозило банкротство и разорение, любой из них всегда находил помощь — даже мало знакомый человек не решился бы нарушить «долг сострадания» и отказать в займе на несколько дней, причем это было настолько обыденным явлением, что совершалось без униженных просьб и без всяких расписок. В основе лежал, конечно, принцип человеколюбия, но и отчасти боязнь общественного осуждения. Никто не позволил бы себе уклониться и от раздачи милостыни в понедельник и четверг — дни обхода домов нищими. А в дни больших семейных торжеств — свадьбы, рождения сына, новоселья — устраивался большой обед для нищих. В день свадьбы сестры автора не менее сотни нищих были усажены за праздничный стол, а после им раздали пригоршни медных монет. В случаях произошедших несчастий — у ремесленника во время пожара сгорел инструмент, у извозчика пала лошадь — действовал широко распространенный в еврейской среде сбор пожертвований, без всяких подписных листов, все на слове. Все верили друг другу и твердо знали, что в таких случаях верить можно. Главу «Прегрешения и богоугодные деяния» автор закончил словами: «Каждое

¹⁰ Житомирский В. Л. Из записей. С. 66.

совершенное богоугодное деяние, большое или малое, давало глубокое удовлетворение, в котором на поверхности было корыстное упование на зачет в “лицевом счете”, а в глубине, несомненно, таилась радость преодоления в себе низменного, радость оказанной ближнему помощи. Но чем состоятельнее был дающий, чем выше его социальный уровень, тем больше преисполнялся он, совершив богоугодное деяние, третьим чувством — тщеславием». С течением времени с проникновением в городскую благотворительность «дам-патронесс» из «высшего общества» эта черта стала проявляться все сильнее.

В. Л. Житомирского всю его жизнь сильно волновала проблема отсутствия в семьях знания о предках (собственно, воспоминания и начинаются с главы «Родословная»). В отличие от наших дней, когда поиск своих корней стал обыденным явлением жизни, в конце XIX в. в его родном городе жители знали максимум об одном-двух поколениях предков, а за их пределами предки «терялись в неизвестности, предавались полному забвению». Он писал о том, что забвение предков было в особенности присуще многомиллионному тогда еврейству, заполнявшему города и местечки Украины, Белоруссии, Литвы и Царства Польского. Скудость и трудность жизни не располагала к хранению памяти о предках и семейной генеалогии. Отчасти это объяснялось и такими чертами патриархального еврейства, как религиозный аскетизм и презрение к житейской суетности. Самого же Житомирского с детства интересовали его предки, он пытался расспрашивать родителей, но безуспешно, и поэтому так важно было для него воссоздать в своих воспоминаниях живые и яркие портреты своих предков. Дед автора, Велвел Ярославский, был «фактором» (управляющим) при дворе светлейших князей Лопухиных-Демидовых. Они были владельцами одного из самых крупных поместий на Украине, в которое входило не только множество деревень и 40 тысяч десятин земельных угодий, но и целое местечко Корсунь, жители которого арендовали у них землю, на которой стояли их дома, лавки и мастерские. И автор предполагал, что именно от соприкосновения с их двором (хоть и подчиненного, и унижительного) его дед, еще на крыльце стаскивавший шапку, далее передней не ходивший и выслушивавший приказания стоя и непрерывно кланяясь, набрался эпикурейского духа, выделявшего его колоритный образ среди бедного забитого местечкового люда. С огромной любовью Житомирский создал в своих записках образы своих родителей — мечтательного, склонного к рефлексии и религиозному молению, мечтавшего о слиянии с природой отца и деятельной, даже жесткой в делах труженицы-матери. Автору удалось на страницах записок воссоздать атмосферу аскетичного и полного самоограничения быта религиоз-

ной еврейской семьи, отличавшейся неукоснительным соблюдением религиозных обрядов и крайней сдержанностью в отношениях между супругами. В доме почти не бывало гостей, и сами они кроме синагоги никуда вдвоем не ходили. Общение даже с родней было очень ограниченным. Кресло отца в синагоге было рядом с креслом его брата, но, как пишет автор, он ни разу не видел их разговаривавшими. В доме не было никаких книг, кроме Талмуда, ни газет, ни журналов не выписывали, не знали ничего о событиях в стране и мире и никогда об этом не разговаривали.¹¹ Книги и журналы начали появляться в доме, когда сыновья подросли и приунылись к чтению. Трогательно описан следующий эпизод: «Первый “кадр” из дней моего отрочества таков: зимним вечером за столом в столовой мы с Леонидом жадно и торопливо рвем полученную сейчас почтовую бандероль и рассматриваем первый номер “Нивы” и приложенную к нему первую книжку Тургенева. Впервые выписан для нас журнал. Впервые поступили в наш дом книги — не случайно, не взятые у кого-либо на время, а свои — и их можно без конца читать и перечитывать...»¹²

Театра в городе не было, иногда приезжали заезжие труппы, не делавшие сборы, поскольку билеты не раскупались и их приходилось распространять. Было мало зрелищ, а на те, что иногда показывали, никто не хотел тратиться. Как-то цирк в рекламных целях устроил шествие по городу всех артистов со зверями, но высыпавшие на улицу жители говорили детям, что они уже все увидели и теперь в цирк идти незачем. В балаганах на площади выступали фокусники, канатоходцы, располагались музеи восковых фигур, на что более охотно шел простой люд.

В конце XIX — начале XX в. происходил слом традиционного патриархально-религиозного уклада еврейского населения, у него появлялись новые ценности. Часть еврейской молодежи в провинциальном городе уже оторвалась от традиционной духовной культуры своих родителей, но среди них, внешне европеизированных молодых людей, преобладал тип «ассимилированного обывателя с достаточно низменными интересами, бойкой малограмотностью, узким житейским практицизмом». Из них выходили приказчики, конторщики, почтово-телеграфные чиновники. Однако уже появлялись и росли ряды образованной интеллигенции, приобщившейся к духовным ценностям русской и европейской культуры и передовой общественной мысли.

¹¹ *Мироненко М. П.* Неопубликованные мемуары В. Л. Житомирского. С. 290.

¹² *Житомирский В. Л.* Из записей. С. 115.

В провинции, к которой автор относил и Черкассы, еврейское население по отношению к образованию детей, по его мнению, делилось на три части. Небольшая патриархально-отсталая их часть была верна религиозно-бытовым традициям и не хотела давать своим подрастающим сыновьям, а тем более дочерям хотя бы начатки светского, нееврейского образования (то есть попросту — научить их русской грамоте). Ведь отсутствие этого умения не помешало им самим заниматься своими профессиями и вместе с тем сохранить облик и нравы правоверных евреев. Вторая часть решалась дать сыновьям духовное — еврейское — образование, чтобы они не стали отщепенцами в еврейской среде, но и научить хорошему знанию русской грамоты, необходимому для коммерческой деятельности, для чего было достаточно двухклассного городского училища. Третья часть решительно порвала с религиозно-бытовыми традициями и мечтала об университетах и дипломах для своих детей, об их переходе в ряды интеллигенции.

Однако первое образование как в бедных, так и в богатых семьях начиналось для мальчиков с хедера. С шести лет Владимира и его брата Леонида учил там еврейской грамоте учитель-меламед, оставивший тяжелые воспоминания о себе у многих учеников. «За редкими исключениями, эту профессию выбирали или — точнее — в нее впадали, как в нищенство, бедняки, отчаявшиеся в возможности найти другой источник средств для существования», — с грустью констатировал автор. Занятия заключались в чтении древнееврейских текстов молитв и Библии без перевода на разговорный язык и без понимания смысла этих текстов. Но в действительности меламед был во время занятий занят другим: своим домашним хозяйством — починками нужных в хозяйстве предметов, откормом и забоем в осенние месяцы на продажу гусей и засолом капусты и огурцов, утеплением зимою хлева и т. д. Поэтому занятия велись урывками, при этом он был заинтересован в тишине и железной рукой устанавливал дисциплину. Процветали физические наказания и предсубботняя порка провинившихся, правда, только детей из бедных семей. Дети даже классифицировали меламедов по степени их лютости. Родители же учеников не возражали, поскольку посылали детей, порой с пятилетнего возраста, в хедер просто чтобы освободить занятую работой или домашним хозяйством семью от присмотра за детьми и научить их читать молитвы и Библию. Девочек не учили даже этой начальной грамотности, а с ранних лет вовлекали в домашние занятия по хозяйству и рукоделию.

Дети сидели кучно в тесном помещении хедера много часов. «Маленькие, затекшие, словно подслеповатые оконца давали тусклый

свет. С некрашенных и заплесневевших от времени и сырости оконных рам и подоконников текло, — и на полу, под окнами всегда стояли лужицы, загрязнявшие и без того черный от издавна въевшейся грязи некрашенный пол, на который ребе и его домочадцы вольно плевали и сморкались, по-видимому, не подозревая о существовании для этих надобностей плевательниц и носовых платков». Дети почти целый день дышали влажными испарениями, «пропитанными запахами заношенной одежды, несвежего белья, потных ног, дыма и пара из кухни и, наконец, дешевого и крепкого табака, который ребе курил почти непрерывно».¹³

Вскоре в семье автора возникло желание видеть сыновей в гимназических и затем — в студенческих мундирах. Однако поступление в гимназию было ограничено для евреев процентной нормой, вакансии открывались лишь в первом классе, а в остальных почти никогда. Брат Леонид закончил городское училище, после чего его отправили в Одессу, в коммерческое училище. Владимира подготовили к экзаменам во второй класс гимназии и согласились на принятие в первый, «рассчитывая, что это ухищрение — твердая гарантия...» Экзамен он сдал блестяще, но вместо него в гимназию на имевшиеся «еврейские» вакансии были приняты сыновья табачного фабриканта и крупного лесопромышленника. Гимназию Владимир закончил, как и многие другие, не допущенные к этому образованию, экстерном, и в 1905 г. поступил на юридический факультет Киевского университета св. Владимира.

Юный Владимир мечтал увидеть в своем окружении людей с высокими духовными запросами, образованных, с широкими интересами. Пристрастившийся с детства к чтению, он сравнивал окружение, которое наблюдал, со своим книжным миром, но видел только приниженность и духовную бедность: вся жизнь в мелких страхах, в ухищрениях, в сколачивании из копеек рубля, отсутствие культурных запросов. «Таков был общий облик, наложенный на население черты оседлости ее суровыми буднями, заполненными трудом, требующей самой безграничной приспособляемости, борьбой за существование и повседневными унижениями, постепенно убивающими своей привычностью чувство человеческого достоинства». Но повзрослев и заглянув глубже в истоки этого облика, разобравшись в его многоликости, он увидел и главную духовную сущность окружавших его людей: «Загнанное внутрь трудностями жизни, затаенное, но неугасимое и неиссякаемое, широкое человеколюбие и глубокую душевную нежность, природную потребность во взаимопонимании

¹³ Житомирский В. Л. Из записей. С. 45.

и взаимопомощи».¹⁴ И это понимание духа людей, живших в постоянном унижении и в тяжелом труде, отличает яркие, образные, написанные прекрасным литературным языком воспоминания В. Л. Житомирского.

Список литературы

Житомирский В. Л. Из записей: Воспоминания. Конец 1880-х — 1934. М., 2022. 510 с.

Мироненко М. П. Неопубликованные воспоминания В. Л. Житомирского // АЕ за 2013 год. М., 2019. С. 290–295.

¹⁴ *Житомирский В. Л.* Из записей. С. 23.

П. А. АФАНАСЬЕВ

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Документальное наследие провинциального чиновника Е. П. Клевакина: Опыт публикации

В статье раскрываются побудительные причины и значение осуществленной публикации редкого по полноте и сохранности документального наследия Е. П. Клевакина. Автор характеризует уникальность документального комплекса последней трети XIX — начала XX в., освещает особенности, сопровождавшие подготовку к публикации каждой из его частей. Предпринятая в нескольких выпусках публикация открывает многогранные перспективы использования документального комплекса в изучении провинциальной повседневности.

Ключевые слова: Евгений Поликарпович Клевакин, эго-документы, публикация источников, мемуаристика, дневники, эпистолярный комплекс, корреспонденции

Введение в научный оборот источников личного происхождения имеет непреходящее значение. Особенно это касается социальных групп, не имевших стабильной письменной культуры и устойчивой мемуарно-эпистолярной традиции. В эту категорию, в первую очередь, входят рядовые представители провинции. За редкими исключениями, созданные ими эго-документы имели мало шансов сохраниться до нашего времени. Поэтому неудивительно повышенное внимание исследователей как к отдельным документам, так и к их комплексам, созданным рядовыми провинциалами в разные периоды времени.

Эдиционная практика регулярно пополняет корпус подобных источников. Для сибирского региона недавним примером может быть комплекс писем красноярских купцов Ларионовых конца XVIII — первой трети XIX в., изданный Е. В. Комлевой.¹ Одной из последних по времени публикаций провинциальных эго-документов является двухтомник дневников ярославского крестьянина Павла Бугрова, жившего в первой трети XX в.² Известность получил интернет-проект центра «Прожито», формирующий электронный корпус дневников и мемуаров из частных собраний, благодаря чему было введено в оборот около 700 дневников XVIII–XX вв.³

¹ Комлева Е. В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1: Письма конца XVIII — первой трети XIX в. Новосибирск, 2016.

² «Это все для памяти Павла Васильевича Бугрова»: Рукописное наследие ярославского крестьянина: В 2-х т. / Подгот. текста и примечаний: И. С. Слепцова (Кызласова), и Н. В. Артемьева; общ. ред., вступ. статья, словарь, указатели: И. С. Слепцова (Кызласова). М., 2022.

³ Прожито // <https://prozhito.org/page/corpus/>.

В этот ряд вполне вписывается предпринимаемая с 2017 г. автором этих строк публикация документального наследия провинциального чиновника последней трети XIX — начала XX в. Евгения Поликарповича Клевакина. Комплекс его эго-документов восполняет лакуну, относящуюся к документам провинциального чиновничества средней руки. В рамках научно-исследовательских проектов РФФИ⁴ на сегодняшний день издано три выпуска документального наследия Е. П. Клевакина: воспоминания, дневники и письма.⁵ В настоящее время продолжается работа по подготовке выпусков, включающих корреспонденции Е. П. Клевакина в периодике и записки автора о его службе в томской и барнаульской тюрьмах. Учитывая, что значительная часть документального наследия Е. П. Клевакина введена в оборот, а публикация вскоре должна завершиться, представляется возможным подвести предварительные итоги осуществленного проекта.

Личность Евгения Поликарповича Клевакина преимущественно знакома историкам и краеведам в связи с общественно-политической жизнью Алтая рубежа XIX–XX вв. Известность ему также обеспечил личный фонд, отложившийся в Государственном архиве Алтайского края (ф. 77). Однако, привлекая исследователей лишь фрагментами для социокультурных характеристик,⁶ небольшой по объему фонд не рассматривался как целостный документальный комплекс. Его изучение и публикация также восполнили биографическую лакуну детальной реконструкцией жизни Е. П. Клевакина.⁷

⁴ Афанасьев П. А. Публикация документов личного фонда Е. П. Клевакина: Итоги проектов РФФИ // *Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: Опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ*. Барнаул, 2020. С. 126–129.

⁵ Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае: В 2-х т. / Изд. подгот. П. А. Афанасьев. Барнаул, 2017; Клевакин Е. П. Дневники (1864–1886 гг.) / Сост. П. А. Афанасьев, А. А. Калашников. Барнаул, 2019; Клевакин Е. П. Письма (1875–1919 гг.): В 2-х т. / Сост. П. А. Афанасьев, А. А. Калашников. Барнаул, 2020.

⁶ См., например: Щеглова Т. К., Ильиных Е. Е. Социокультурные взгляды чиновников и служащих Алтайского горного округа: По личным фондам С. И. Гуляева и Е. П. Клевакина // *Гуляевские чтения*. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 269–274; Кошенова Н. Ю. Быт сибирского купечества второй половины XIX в.: По материалам фонда Е. П. Клевакина // *Алтайский текст в русской культуре*. Вып. 1. Барнаул, 2002. С. 86–94; Вишнякова Л. А. Организация трудовой деятельности заключенных пенитенциарных учреждений Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков: По материалам записок Е. П. Клевакина // *Вестник Барнаульского юридического института МВД России*. 2004. Вып. 7. С. 126–129; Косенкова Н. А. Нравы провинциального городка: По личному фонду Е. П. Клевакина // *Гуляевские чтения*. Вып. 2. Барнаул, 2007. С. 294–301.

⁷ Афанасьев П. А. Евгений Поликарпович Клевакин и его документальное наследие // *Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника... Т. 1*. С. 3–67.

Евгений Поликарпович Клевакин родился в 1841 г. в семье зависимых мастеровых Кушвинского завода на Урале. Рано лишившись отца, мальчик после обучения в заводской школе чудом попал в заводское училище, но, несмотря на успешное его окончание, продолжить обучение в следующей ступени — Уральском окружном училище — он уже не смог ввиду исчерпания заводской квоты. Молодой Евгений в 1858 г. начал зависимую службу в Кушвинской заводской конторе, продолжив ее после освобождения в 1861 г. В Кушвинском заводе Е. П. Клевакин прошел смотрительские должности, к 1873 г. дослужившись до бухгалтерских должностей и получив первый классный чин. В это же время он обзавелся семьей и прочным хозяйством.

Однако в 1875 г. Е. П. Клевакину пришлось оставить горнозаводскую службу и уехать в Пермь на поиски работы. Вынужденные тяготы быстро сменились устройством бухгалтером на частный Кизеловский завод, а затем управляющим в купеческую контору. В 1879 г. Евгений Поликарпович вернулся в Пермь и поступил на государственную службу в губернскую контрольную палату. Однако после смерти жены в 1883 г. он вновь оставил государственную службу и в качестве управляющего купеческой конторой переехал в Томск. С этого времени жизнь Е. П. Клевакина была связана с Сибирью.

В Томске в 1884 г. Е. П. Клевакин вернулся на государственную службу и в 1884–1887 гг. последовательно служил смотрителем Томского тюремного замка, помощником бийского окружного исправника и полицейским приставом в Зырянковске. Очередная смена службы в 1887 г. привела Е. П. Клевакина в Алтайский горный округ, в котором он вышел на пенсию в 1900 г. с должности помощника окружного бухгалтера. Проживая со второй женой с 1889 г. в Барнауле, Евгений Поликарпович стал одним из заметных общественных деятелей города, особенно после выхода в отставку. Активное участие в развитии пожарного добровольчества, обязанности тюремного попечительства, организация местного монархического движения — таковы главные сферы деятельности Евгения Поликарповича вплоть до 1917 г. Последние документальные сведения о нем относятся к февралю 1919 г.⁸

⁸ Подробнее биографию Е. П. Клевакина см.: *Афанасьев П. А.* Е. П. Клевакин: Провинциальный чиновник на фоне пореформенной эпохи // Исторический курьер. 2018. № 2. <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-03.pdf>; *Афанасьев П. А.* 180 лет со дня рождения общественного деятеля г. Барнаула Е. П. Клевакина (1841 — после 1919) // Алтайский край, 2021 г.: Календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2020. С. 42–47; *Афанасьев П. А.* Бийский период в жизни Е. П. Клевакина // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований. Барнаул, 2021. С. 155–162.

Широкая география жизненного пути Е. П. Клевакина полностью отразилась в его документальном комплексе, в силу чего он выходит за рамки исключительно местного значения. Общий хронологический охват документов составляет чуть более 50 лет. Частые переезды автора, мало способствовавшие сохранности его документального наследия, тем не менее, не привели к существенным утратам, и комплекс дошел до нас в относительной полноте, существовавшей при жизни автора. Во многом это произошло благодаря стремлению Евгения Поликарповича сохранить свое документальное наследие, что нельзя назвать характерным для рядового человека. Он с беспокойством приводил пример одного из своих знакомых, после смерти которого родственники использовали его записки «на оклейку стен вновь построенного дома, конечно, не читая записок и не интересуясь содержанием их».⁹ К тому же бумаги Е. П. Клевакина не исчезли в небытие в годы Гражданской войны, когда, вероятно, автор навсегда покинул Барнаул и расстался со своими документами. Они невероятным образом уже в начале 1920-х гг. отложились в губернском архиве в составе личного фонда, не затерявшись и не растворившись в составе других личных фондов краеведов и их коллекций.¹⁰ Все эти особенности и счастливые стечения обстоятельств по праву позволяют назвать массив документов Е. П. Клевакина уникальным.

Еще одна важная характеристика документального наследия Е. П. Клевакина связана с его видовым разнообразием, редким для комплексов провинциальных эго-документов. Архивный фонд Е. П. Клевакина включает воспоминания, дневники, письма, корреспонденции, деловые бумаги, художественные произведения, причем каждый из видов представлен значительным объемом документов. При обработке фонда на рубеже 1930–1940-х гг. они были сгруппированы архивистами в 31 дело, из которых около трети сохранились в состоянии «от автора»: в авторской группировке, в оригинальных обложках с минимальной архивной обработкой.

Видовой состав документального комплекса Е. П. Клевакина не был стабильным на протяжении жизни автора, при этом компактно распределяясь по хронологии создания. Первыми по времени являются дневники, которые Евгений Поликарпович вел с перерывами в 1864–1886 гг. С 1875 г. к ним добавляется эпистолярный комплекс, включающий отпуски писем автора за 10 лет и последующие единичные экземпляры их черновиков и отпусков вплоть до последних лет его жизни. Третьим видом являются воспоминания автора, в разной

⁹ Клевакин Е. П. Письма. Т. 2. С. 218.

¹⁰ Афанасьев П. А. История личного фонда Е. П. Клевакина в Государственном архиве Алтайского края // Гуляевские чтения. Вып. 4. Барнаул, 2018. С. 341–345.

форме создававшиеся с конца 1880-х гг. вплоть до 1917 г. К ним же примыкают воспоминания и записки о тюремной службе в Томске и Барнауле. Особняком стоят художественные произведения автора, созданные преимущественно в начале XX в. Любопытно, что на разных этапах жизни Евгений Поликарпович обращался преимущественно к одному из видов эго-документов. Это определялось как менявшимся отношением автора к жизни и своему «я», так и целями, которые он преследовал при документировании своей жизни, а также значительными изменениями в организации и степени организованности своей мемуарно-эпистолярной деятельности.

Все отмеченные характеристики и особенности документального комплекса Е. П. Клевакина до начала публикационной работы не были выявлены и сформулированы, поскольку весь массив документов ранее не рассматривался исследователями как единый авторский архив. В корпусе сибирской мемуаристики XIX в. наследие Е. П. Клевакина было известно лишь воспоминаниями об алтайском периоде деятельности и службе тюремным смотрителем в Томске,¹¹ а уральский период документирования его жизни оставался своеобразной «серой зоной». Это определило стартовые позиции при начале публикации авторских текстов. Первоначально была поставлена задача максимально полно опубликовать мемуарные тексты Е. П. Клевакина. Именно они рассматривались как наиболее представительные из всего корпуса авторского архива с позиций последовательного освещения его жизненного пути как представителя рядового провинциального чиновничества. Уже в процессе подготовки к публикации мемуарной части постепенно раскрылось значение всего документального наследия Е. П. Клевакина, что в дальнейшем предопределило решение о публикации остальных его значимых частей.

До начала публикации мемуарной части наследия Е. П. Клевакина оно уже вводилось с повторами в оборот мизерными частями. Имеется и относительно недавнее издание текстов Е. П. Клевакина о его тюремной деятельности.¹² Но при внешнем соответствии научному изданию источников сличение публикации с архивными документами выявило грубое нарушение составителем передачи текста: его отдельные части произвольно перекомпонованы без соответствующих редакторских оговорок, нарушив авторскую логику источника.¹³ С учетом других недостатков научная ценность публикации снижает-

¹¹ См.: Матханова Н. П. Сибирская мемуаристка XIX века. Новосибирск, 2010. С. 348–349.

¹² Записки Е. П. Клевакина о тюрьме: По материалам личного фонда (1884–1885, 1901–1917). Барнаул, 2014.

¹³ Подробнее см.: Афанасьев П. А. Евгений Поликарпович Клевакин... С. 84–85.

ся до простого введения в оборот нового информационно насыщенного текста, делая невозможным источниковедческий и археографический анализ «тюремных» текстов Е. П. Клевакина без обращения к архивным первоисточникам. Поэтому при подготовке к публикации мемуарной части наследия Е. П. Клевакина ставилась задача не только обеспечить источниковую полноту издания, но и соответствие научному типу.

Археографические принципы публикации мемуарной части документов Е. П. Клевакина, как и следующих выпусков, определялись действовавшей редакцией «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Были учтены практические наработки сектора археографии Института истории СО РАН, изложенные в научной периодике¹⁴ и реализованные в ряде томов серии «История Сибири: Первоисточники».¹⁵ Археографические принципы публикации текстов излагаются в каждом из выпусков документального наследия Е. П. Клевакина, что освобождает от их повторения в данной статье.

Структура всех выпусков одинакова. Тексты предваряются источниковедческим и археографическим введениями, сопровождаются археографическим и историческим комментариями. Каждый выпуск включает документальные и иллюстративные приложения, справочный аппарат. Вводная часть каждого тома также включает биографию Е. П. Клевакина. В первом, «мемуарном», выпуске она представлена подробным очерком, впервые в деталях воссоздающем биографию автора. Неизбежные уточнения ряда обстоятельств жизни Евгения Поликарповича позже отразились в научных и научно-популярных статьях. В последующих выпусках наследия Е. П. Клевакина акцент в биографии ставился на том периоде его жизни, в который преимущественно создавались включенные в выпуск источники. Они также дополнялись приложением, в которое помещались близкие по содержанию основному тексту, но отличающиеся авторством и видовым составом документы. Так, приложением к мемуаристике Е. П. Клевакина стали документы официального делопроизводства, воссоздающие биографию автора: его формулярный список, аттестаты, прошения по службе.

Важной частью издания стали иллюстративные вклейки в каждом выпуске. Их наличие изначально рассматривалось как обязательная часть публикации. Помимо представления образцов публикуемых

¹⁴ Матханова Н. П. Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в. // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 16–22.

¹⁵ См., например: Вишняков Н. И. Записки военного врача / Изд. подгот. Н. П. Матхановой. Новосибирск, 2011. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 14); Записки забайкальских казаков XIX века / Изд. подгот. Н. П. Матхановой. Новосибирск, 2016. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 15).

текстов, авторских рукописей и рисунков, этому элементу выпусков отводилась задача формирования визуального контекста эпохи. С этой целью для иллюстраций подбирались виды описываемых Е. П. Клевакиным мест, ситуаций, упоминаемых лиц или характерных типов личностей. Основным критерием подбора иллюстраций стала их максимальная хронологическая близость к текстам. Благодаря этому часть их, подобранная в региональных архивах и музеях, была впервые опубликована и введена в научный оборот. Подлинным открытием, отражающим сложный поиск, стал фотопортрет Е. П. Клевакина, внешность которого была неизвестна исследователям. Семейные и индивидуальные фотографии вошли в его жизнь в конце 1870-х гг., но в личном фонде не отложилось ни одной из них. Обнаруженный фотопортрет автора по праву открывает иллюстративную вкладку в каждом выпуске, заполняя еще одну лауну его биографии и документального наследия.

В результате каждый выпуск можно рассматривать как самостоятельную публикацию, максимально охватывающую один из видов источников из документального наследия Е. П. Клевакина. Этому способствует также сознательный отказ от нумерации выпусков. При самодостаточности каждого из томов единство их археографических принципов, структуры и оформления придает всем выпускам форму публикации корпуса документального наследия одного автора.¹⁶

Публикация документов Е. П. Клевакина имеет черты пофондовой, поскольку основу вышедших выпусков составляют материалы личного фонда автора в Государственном архиве Алтайского края. Такой подход значительно облегчал подготовительную работу по формированию состава выпусков. При этом изначально цель максимально полной публикации документов личного фонда не ставилась. Акцент делался на отборе той его части, которая в совокупности передает жизненный путь автора и при этом демонстрирует комплексный характер его документального наследия. Постоянно шел поиск дополнений к нему за пределами личного фонда Е. П. Клевакина.¹⁷ Все изданные выпуски в совокупности представляют публикацию документов одного лица, однако в то же время каждый выпуск является повидовой публикацией. Охарактеризуем особенности каждого из них.

¹⁶ Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. М., 2022. С. 26.

¹⁷ Афанасьев П. А. Архивные и внеархивные дополнения к документам личного фонда Е. П. Клевакина в Государственном архиве Алтайского края // Гуляевские чтения. Вып. 5. Барнаул, 2020. С. 160–168.

Первый выпуск, состоящий из двух томов, включает воспоминания Е. П. Клевакина. Поскольку автор не создал их единого текста, структура издания определялась составителем. Исходя из задачи представления жизненного пути Е. П. Клевакина, был избран хронологический принцип группировки текстов, соответствующий этапам биографии их автора. Ядро для каждого периода жизни Евгения Поликарповича составляют несколько сюжетно законченных текстов. Большинство их сам автор, очевидно, создавал как части или главы общих воспоминаний, о чем косвенно свидетельствует их последовательная нумерация. Также к каждому периоду жизни были подобраны законченные фрагменты авторских записей об отдельных интересных сюжетах. Сам Е. П. Клевакин фиксировал их в «книге записи интересных случаев» без какой-либо структуры и тематики, что позволило их вычлениить и поместить в хронологию жизни автора. В итоге, в выпуске были представлены все значимые периоды жизни и сферы деятельности Е. П. Клевакина, начиная со школьных лет и заканчивая последним десятилетием.

Помимо мемуарного характера, все включенные в первый выпуск тексты объединены временем их создания — они написаны во второй половине жизни Е. П. Клевакина, когда у него окрепли навыки рассказчика-беллетриста. Интересные случаи прошедшей жизни, описанные Е. П. Клевакиным преимущественно во второй половине 1880-х — начале 1890-х гг., как правило, представляют отдельные эпизоды. Написанные автором в разное время, без хронологической последовательности, они не создают целостной картины жизни автора.¹⁸ Распределение их по отдельным этапам лишь в малой степени могло структурировать их, присущий им очерковый характер сохранялся. Однако полностью игнорировать при публикации такую форму авторских воспоминаний было нельзя. Вероятно, именно эти заметки об отдельных случаях из жизни постепенно сформировали и укрепили желание Е. П. Клевакина написать воспоминания о своей жизни. Поэтому небольшие рассказы-зарисовки 1880–1890-х гг. об эпизодах жизни при подготовке публикации рассматривались как необходимые дополнения к более объемным и сюжетно целостным текстам авторских воспоминаний.

Одним из первых примеров таких воспоминаний стала написанная к середине 1890-х гг. «Служба в Алтайском горном округе».¹⁹ Их уже отличает последовательное описание значительного жизненного этапа. Но в полной мере к созданию таких воспоминаний автор приступил только в начале XX в. Придерживаясь хронологического

¹⁸ См.: Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника... Т. 1. С. 367, 383–384.

¹⁹ См.: Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника... Т. 2. С. 387–388.

порядка, Е. П. Клевакин охватил созданными в это время мемуарами уральскую часть своей жизни. Мемуарный рассказ сосредоточен на относительно обособленных этапах жизни, объединенных единым сюжетом, состоящим из отдельных законченных эпизодов. Тексты этих воспоминаний не отличаются детальной полнотой и всеохватностью. Это осознавал и сам Е. П. Клевакин, объясняя это так: «Я ведь не отчет даю в своей деятельности, а описываю более или менее оригинальные случаи и оригинальных людей, их жизнь служебную и разные поступки».²⁰

При подготовке публикации мемуарных текстов Е. П. Клевакина мы следовали хронологии жизни автора, сохраняя присущую их комплексу мозаичность. Тем не менее, объединенные тексты воспоминаний отражают постоянно осознававшуюся их автором «особость» среди окружавших его лиц, что выражено в его же словах: «Я все-таки выбиваюсь из обычной колеи мелких служак».²¹

Вторым по времени публикации стал выпуск с дневниками Е. П. Клевакина. Видовое единство, длительность ведения, содержательная полнота и достаточно редкая сохранность для провинциальных источников обусловили их публикацию вслед за воспоминаниями. Для реконструкции биографии автора значимы лишь дневники за 1875 г. и 1881–1886 гг., отличающиеся детальными описаниями и значительной авторской рефлексией. Дневники — наиболее ранний документ, созданный Евгением Поликарповичем. Заводя дневник, молодой человек хотел зафиксировать для себя отдельные моменты, выходящие за рамки обычного и показавшиеся ему достойными внимания: «Хотел было завести я дневник свой с замечательного какого-нибудь события (своего), случившегося со мной, но все событий нет, то хоть начну с первого числа».²² Со временем дневник превратился в способ организации авторских размышлений о своей жизни и поступках, оценках произошедших с ним событий. Это изменение ярко свидетельствует о мировоззренческих переменах автора вследствие перемен на службе и в образе жизни. Однако за многие годы у автора так и не сложилась привычка к систематическому и регулярному ведению дневника, всплеск интереса к записям сменялся длительными периодами невнимания и полного забвения дневника. При подготовке дневников к публикации было подсчитано, что из общего периода их ведения автор в среднем делал записи один раз в 12–13 дней.²³ Тем не менее, такой «рванный» характер записей, отражая авторский

²⁰ См.: Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника... Т. 1. С. 331.

²¹ Клевакин Е. П. Письма. Т. 1. С. 294.

²² Клевакин Е. П. Дневники. С. 28.

²³ Клевакин Е. П. Дневники. С. 8.

подход к дневнику, нисколько не лишает его внутреннего единства, особенно характерного для периодов интенсивного ведения записей.

Дневники Е. П. Клевакина не были рассчитаны на внимание посторонних лиц и в будущем предназначались только детям. В силу этого автор стремился в записях «излагать свое житье в дневнике на память».²⁴ Дневники лишены каких-либо биографических подробностей, которые могли быть и так известны в семье и не осознавались как значимые для фиксации. В отличие от позднейших мемуарных текстов, ориентированных на стороннего читателя, дневники в большей мере раскрывают внутренний мир автора. Очевидно, Евгений Поликарпович, в первую очередь, стремился записывать свои впечатления о произошедших событиях или имевших влияние на его жизнь. Не случайно в одной из записей автор после изложения своих размышлений сделал оговорку: «Вот если мой дневник попадет кому-нибудь в посторонние руки и будет прочитан, то-то посмеются надо мной».²⁵ Поэтому предназначенный потомкам дневник все же был исключительно личным пространством Евгения Поликарповича, в котором он оставался наедине с собой.

Эти особенности дневников Е. П. Клевакина делали возможной их публикацию только после реконструкции жизненного пути их автора — биографический контекст позволяет воспринять их должным образом и максимально раскрывает их информационно-культурный потенциал. В свою очередь, воссоздание биографии автора в отдельные периоды жизни было невозможно без дневниковых записей. Несмотря на то, что одна из книг дневника была утеряна, публикация мемуаров Е. П. Клевакина вводит в научный оборот интересный памятник провинциальной письменной культуры и повседневности.

Третий выпуск — двухтомник писем Е. П. Клевакина — пожалуй, представляет наибольший интерес с точки зрения документального наследия провинциального жителя. Письма, как правило, не концентрируются у их авторов, поэтому их сохранность и тем более формирование эпистолярных комплексов — явление исключительное для рядовых провинциалов. Сохранившийся массив писем Е. П. Клевакина насчитывает 400 единиц, большая часть которых (358) относится к 1875–1885 гг. Их уникальной сохранности мы обязаны самому автору: на протяжении десяти лет Евгений Поликарпович аккуратно переписывал отсылаемую корреспонденцию в специально заведенные «копирные книги». За последующие 30 лет в бумагах Е. П. Клевакина сохранились лишь отдельные черновики и отпуски отправленных писем. Но они не были оставлены автором для всех писем,

²⁴ Клевакин Е. П. Дневники. С. 314.

²⁵ Клевакин Е. П. Дневники. С. 168.

часть которых обнаруживается только в подлинниках в составе архивных фондов учреждений и редакций газет. Это лишь подтверждает вывод о том, что переписка занимала большое место в жизни Евгения Поликарповича, отмечавшего: «Как я люблю писать письма своим знакомым».²⁶ Неслучайно основной объем сохранившихся писем приходится на время частых переездов автора — переписка позволяла ему поддерживать старые дружеские связи и развивать новые знакомства, обмениваться новостями и вести дела. В архиве Е. П. Клевакина сохранилась большая часть черновиков и отпусков его писем, в то время, как письма его корреспондентов за единичными исключениями были утрачены.

Отсутствие подлинных писем при склонности Е. П. Клевакина к художественному сочинительству оставляло долю сомнений в аутентичности их отпусков. Конечно, оригиналы писем, адресованные таким же рядовым корреспондентам, как сам Евгений Поликарпович, не сохранились. Однако были найдены единичные подлинники писем, адресованных отдельным должностным лицам и редакциям газет — и те, черновики и отпуски которых сохранились, подтвердили полное соответствие друг другу. Отложившиеся в фонде отдельные ответы свидетельствуют об отправке Е. П. Клевакиным писем своим адресатам. Степень сохранности эпистолярного наследия Евгения Поликарповича определить сложно. Так, не сохранилась его переписка с женой и детьми, хотя она много раз упоминается как в письмах, так и в дневнике. Неизвестна интенсивность писем барнаульского периода жизни.²⁷ Тем не менее, публикацию определила высокая сохранность писем за 1875–1886 гг.

Из всех видов документального наследия Е. П. Клевакина письма менее всего предназначались для публикации. Подготовка к ней оказалась довольно сложной. Адресная пестрота писем обусловила нелинейный характер и фрагментарность их содержания, можно сказать, каждое из них содержательно автономно. Поэтому полноценное комментирование писем стало возможным благодаря осуществленной ранее реконструкции биографии автора. Кроме того, в письмах гораздо больше, чем в воспоминаниях и дневниках, фактов повседневной жизни, также требующих пояснения. Немаловажно соблюдение автором формуляра письма и его аутентичное воспроизведение при публикации. Е. П. Клевакин в первых отпусках писем записывал лишь их текст и только в последующие годы стал переносить в отпуски обязательные этикетные формулы приветствия и окончания писем. Даже в черновиках автор в сокращенном виде обязательно

²⁶ Клевакин Е. П. Дневники. С. 186.

²⁷ Клевакин Е. П. Письма. Т. 1. С. 14–15.

обозначал эти элементы.²⁸ Несомненное следование правилам эпистолярного этикета в публикации следовало передать правильным взаимным расположением элементов письма.

Собранный и опубликованный комплекс писем Е. П. Клевакина представляет ценный и довольно редкий источник для анализа эпистолярной культуры жителя провинции последней четверти XIX в. Этому также способствует публикация в приложении писем, адресованных Евгению Поликарповичу. Их единичное количество позволяет составить хотя бы минимальное представление об эпистолярном комплексе автора и его эпистолярных отношениях. В дополнение к уже вышедшим выпускам документального наследия Е. П. Клевакина письма позволяют наполнить его биографию деталями, отсутствующими в других источниках, создавая рельефный образ автора.

Близкими к личным письмам являются корреспонденции Е. П. Клевакина, отсылавшиеся в периодические издания. В силу специфики их назначения и содержания они были отделены от основного эпистолярного комплекса. В настоящее время их публикация в процессе подготовки. Исследователям дореволюционной периодики хорошо известно, как трудно, а подчас невозможно бывает установить авторство отдельных статей или корреспонденций. Если речь не идет об известных общественных деятелях, то при определении авторства материалов периодики приходится опираться лишь на косвенные указания или стилистические признаки. Поэтому выявление корпуса корреспонденций Е. П. Клевакина не только раскрывает очередную грань его документального наследия, но также дает дополнительный материал для анализа периодики, уточнения авторства и обстоятельств появления отдельных статей, значимых для общественно-политической жизни Барнаула и Алтая.

В отличие от предыдущих выпусков публикация корреспонденций лишь отчасти опирается на личный фонд Е. П. Клевакина в Государственном архиве Алтайского края.²⁹ В нем сохранились отдельные отпуски его корреспонденций, однако, в отличие от писем и мемуарных текстов, они не выделены самостоятельно и довольно бессистемно включены в состав других дел. На некоторых отпусках корреспонденций отмечены выходные данные газет с их публикацией, что первоначально позволяло считать их лишь авторскими выписками. О Клевакине-корреспонденте отрывочные сведения содержатся в его дневнике и письмах. Только благодаря указанию самого Евгения Поликарповича, отмеченному в письме юристу А. Ф. Кони, в феврале 1905 г. его корреспондентские занятия приобретают бо-

²⁸ Клевакин Е. П. Письма. Т. 1. С. 19–20.

²⁹ Афанасьев П. А. Архивные и внеархивные дополнения... С. 165–166.

лее-менее точные очертания: «Много корреспонденций печаталось в газете “Сибирский вестник” с 1887 по 1897 год, несколько писем печаталось в журнале “Пожарное дело” в 1899, 1900, 1901 и 1902».³⁰ Это упоминание позволило точно атрибутировать отмеченные выше выписки из газетных статей в фонде автора как его собственные корреспонденции.

Помимо определения круга периодических изданий, с которыми сотрудничал Е. П. Клевакин, трудность выявления его корреспонденций связана с использованием им разных псевдонимов. Если простые псевдонимы, связанные с фамилией и именем автора, легко поддавались расшифровке (например, ЕПК, Епека, Евгений Глинский), то псевдонимы «Житель-Сибиряк», «Барнаулец» и т. п. могли использоваться и другими корреспондентами. Поэтому сплошной просмотр потенциальных изданий с публикациями Е. П. Клевакина сочетался с содержательным и стилевым анализом выявленных публикаций. В достоверном определении авторства помогло обнаружение нескольких оригиналов его статей в архивах редакций газет. В результате удалось сформировать комплекс корреспонденций с достоверно атрибутируемым авторством Е. П. Клевакина. В него входят хроникальные заметки о барнаульской жизни 1890-х гг. в газете «Сибирский вестник», информационные корреспонденции о пожарном добровольчестве в Барнауле в специализированных столичных изданиях в 1899–1907 гг. и корреспонденции в монархических газетах в 1907–1916 гг. Также выявлены отдельные корреспонденции, опубликованные в уральский период жизни автора. Помимо информационной ценности ряда публикаций, особенно по пожарному делу, собранный корпус дает возможность изучить конкретный пример корреспондентской деятельности неравнодушного общественного деятеля.

Предпринятая публикация документального наследия Евгения Поликарповича Клевакина, безусловно, обогащает корпус доступных региональных источников личного происхождения. Опыт многотомного издания во многом состоялся благодаря редкой для провинциальных комплексов эго-документов полноте и сохранности. Видовое и хронологическое разнообразие публикации открывает многогранные перспективы использования рассмотренного комплекса в изучении различных аспектов провинциальной повседневности. Каждый из опубликованных выпусков, подготовленных на единых археографических принципах, раскрывает новые черты и факты биографии автора, являясь в то же время самобытным памятником провинциальной письменной и эпистолярной культуры, мемуарной традиции

³⁰ Клевакин Е. П. Письма. Т. 2. С. 201.

и общественного служения. Созданный одним автором опубликованный корпус документального наследия приобретает свойства биографического гипертекста, воспринимаемого так в том числе благодаря комментированному изданию составляющих его источников. Опыт предпринятой публикации документального наследия Е. П. Клевакина позволяет преодолеть задаваемое его местонахождением бытование на региональном микроуровне, тем самым отчасти реализуя заветное желание его автора «быть на виду».³¹

Список литературы

- Афанасьев П. А.* Архивные и внеархивные дополнения к документам личного фонда Е. П. Клевакина в Государственном архиве Алтайского края // Гуляевские чтения. Вып. 5. Барнаул, 2020. С. 160–168.
- Афанасьев П. А.* Бийский период в жизни Е. П. Клевакина // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований. Барнаул, 2021. С. 155–162.
- Афанасьев П. А.* Е. П. Клевакин: Провинциальный чиновник на фоне пореформенной эпохи // Исторический курьер. 2018. № 2. <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-03.pdf>.
- Афанасьев П. А.* История личного фонда Е. П. Клевакина в Государственном архиве Алтайского края // Гуляевские чтения. Вып. 4. Барнаул, 2018. С. 341–345.
- Афанасьев П. А.* Публикация документов личного фонда Е. П. Клевакина: Итоги проектов РФФИ // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: Опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ. Барнаул, 2020. С. 126–129.
- Афанасьев П. А.* 180 лет со дня рождения общественного деятеля г. Барнаула Е. П. Клевакина (1841 — после 1919) // Алтайский край, 2021 г.: Календарь знаменательных и памятных дат. Барнаул, 2020. С. 42–47.
- Вишняков Н. И.* Записки военного врача / Изд. подгот. Н. П. Матхановой. Новосибирск, 2011. 339 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 14).
- Вишнякова Л. А.* Организация трудовой деятельности заключенных пенитенциарных учреждений Западной Сибири на рубеже XIX–XX веков: По материалам записок Е. П. Клевакина // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2004. Вып. 7. С. 126–129.
- Записки Е. П. Клевакина о тюрьме: По материалам личного фонда (1884–1885, 1901–1917). Барнаул, 2014. 340 с.

³¹ Клевакин Е. П. Дневники. С. 316.

- Записки забайкальских казаков XIX века: Белокопытов П. В. Дневник; Раевский Ю. В. Путевые записки / Изд. подгот. Н. П. Матхановой. Новосибирск, 2016. 214 с. (История Сибири: Первоисточники. Вып. 15).
- Клевакин Е. П. Дневники (1864–1886 гг.) / Сост. П. А. Афанасьев, А. А. Калашников. Барнаул, 2019. 512 с.
- Клевакин Е. П. Записки провинциального чиновника второй половины XIX века: Воспоминания и рассказы о жизни и службе на Урале и Алтае / Изд. подгот. П. А. Афанасьев. Барнаул, 2017. Т. 1. 420 с.; Т. 2. 458 с.
- Клевакин Е. П. Письма (1875–1919 гг.) / Сост. П. А. Афанасьев, А. А. Калашников. Барнаул, 2020. Т. 1. 576 с.; Т. 2. 472 с.
- Комлева Е. В. Из наследия красноярских купцов Ларионовых. Вып. 1: Письма конца XVIII — первой трети XIX в. Новосибирск, 2016. 324 с.
- Косенкова Н. А. Нравы провинциального городка: По личному фонду Е. П. Клевакина // Гуляевские чтения. Вып. 2. Барнаул, 2007. С. 294–301.
- Кошенова Н. Ю. Быт сибирского купечества второй половины XIX в.: По материалам фонда Е. П. Клевакина // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 1. Барнаул, 2002. С. 86–94.
- Матханова Н. П. Актуальные проблемы научной публикации мемуарных источников XIX в. // Отечественные архивы. 2012. № 1. С. 16–22.
- Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX в. Новосибирск, 2010. 549 с.
- Методические рекомендации по публикации архивных документов в печатном виде. М., 2022. 314 с.
- Прожито // <https://prozhitto.org/>.
- Щеглова Т. К., Ильиных Е. Е. Социокультурные взгляды чиновников и служащих Алтайского горного округа: По личным фондам С. И. Гуляева и Е. П. Клевакина // Гуляевские чтения. Вып. 1. Барнаул, 1998. С. 269–274.
- «Это все для памяти Павла Васильевича Бугрова»: Рукописное наследие ярославского крестьянина / Подгот. текста и примечаний: И. С. Слепцова (Кызласова), и Н. В. Артемьева; общ. ред., вступ. статья, словарь, указатели: И. С. Слепцова (Кызласова). М., 2022. Т. 1. 632 с.; Т. 2. 480 с.

Т. Ф. Волкова, М. В. Мелихов

Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

**Вклад старообрядца С. А. Носова в создание
и сохранение рукописно-книжной традиции
на Нижней Печоре:
По материалам базы данных
о печорской книжности**

В статье дается обзор материалов электронной базы данных о представителе одной из печорских старообрядческих фамилий — Степане Анфиногеновиче Носове, сыгравшем важную роль в развитии и сохранении рукописно-книжной культуры Нижней Печоры, ставшем последним старообрядческим крестьянским писателем в регионе, оставившем разнообразное рукописное наследие. Авторы статьи знакомят и с его сочинениями в жанре видений, и с его библиотекой, и с его эпистолярным творчеством, приводят записи, сделанные С. А. Носовым на рукописных книгах, которые обнаруживают хорошее знание им формул писцовых маргиналий, сложившихся еще в средневековой книжности, открывают внутренний мир юного книжника в периоды больших жизненных испытаний.

Ключевые слова: старообрядческая книжность, Нижняя Печора, Усть-Цилемский книжный центр, печорские книжники-старообрядцы, С. А. Носов

Данная статья продолжает целую серию наших исследований о книжниках разных печорских родов, оставивших след в книжной культуре старообрядческого Усть-Цилемского края,¹ которые должны лечь в основу давно задуманного нами Словаря книжников Нижней Печоры.² На этот раз в центре нашего внимания будет разветвленный род Носовых, о представителях которого, связанных со старинной книгой, в собранной нами базе данных имеется много материала. Всего нами выявлено 30 имен представителей этой фами-

¹ См. библиографию наших публикаций на эту тему в статье: Волкова Т. Ф. К реконструкции семейного книжного собрания усть-цилемских крестьян Булыгиных // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 117–128. <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-10.pdf>.

² См. наши статьи о работе над Словарем книжников Нижней Печоры: Волкова Т. Ф. «Словарь книжников Печоры»: Задачи и проблемы издания // Мир старообрядчества. Вып. 4: Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–24 ноября 1995 г. М., 1998. С. 116–122; Волкова Т. Ф. Словарь книжников Нижней Печоры как новый вид исследования локальной рукописно-книжной традиции // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы. Материалы международной научной конференции. Сыктывкар, 2000. С. 378–382.

лии, в той или иной степени связанных с книжной культурой. Для данной статьи мы выбрали наиболее известного из книжников-Носовых представителя этого рода, разнообразное творчество которого к настоящему времени достаточно хорошо исследовано. Это Степан Анфиногенович Носов (1902–1981), в последние годы живший в селе Верхнее Бугаево и известный по всей Печоре как «Анхеныч» (по его старинному отчеству). Степан Анфиногенович был и писателем, и переписчиком рукописей, и владельцем книжного собрания, и автором писем, в которых он выступает как духовный наставник и своих домочадцев, и своих земляков. При этом Степан Анфиногенович — книжник-самоучка: он не учился в школе, читать и писать по-старому его научила мать, Матрена Михайловна Носова, уроженка с. Усть-Цильма.³

Жанровый репертуар рукописного наследия С. А. Носова разнообразен: он написал цикл из 20 эсхатологических сочинений в жанре видений, сопроводив их 12-ю «пояснениями»-комментариями. В качестве предисловия к ним Анхеныч поместил автобиографические записки. Степан Анфиногенович написал воспоминания о своем деде Луке Васильевиче Носове,⁴ содержащие интереснейшую информацию о быте и промыслах печорских крестьян конца XIX в.; записал бытовавшие на Печоре пророчества некоего А. П. Ханзина, который, по его словам, предсказал Первую мировую войну и умер накануне ее.⁵ Носов составил, написал и переплел 28 рукописных сборников с текстами преимущественно религиозного содержания. Оцифрованные копии 11 сборников М. В. Мелихову передала дочь Степана Анфиногеновича Роза Степановна Носова.⁶ Большая часть сборни-

³ Обзор исследований М. В. Мелихова о С. А. Носове см.: Волкова Т. Ф. Михаил Васильевич Мелихов: Филолог и историк // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1–2. С. 9–11; см. там же наиболее полную библиографию исследований М. В. Мелихова о С. А. Носове, составленную его ученицей Р. Е. Тубылевич (с. 16–24).

⁴ Мелихов М. В. Жизнь печорских крестьян начала XX в. в автобиографических записках старообрядца С. А. Носова // Первые Мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2009. С. 138–143.

⁵ Мелихов М. В. Предания о старине в рукописном наследии печорского книжника С. А. Носова // О древней и новой русской литературе: Сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 205–212.

⁶ Описания восьми сборников С. А. Носова см.: Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: Сборник № 10 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2013. № 2. С. 200–215; Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: Сборник № 26 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2014. № 3. С. 336–352; Мелихов М. В. Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: Сборник № 9 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар, 2015. № 5. С. 115–122; Мелихов М. В. Описание рукописных сборников печорского книжника С. А. Носова

ков по содержанию вполне традиционна: многочисленные выписки из Евангелия, Маргарита, Апокалипсиса, Кормчей, Пролога, Миней, Псалтири, книг «Правая вера», «Альфа и омега», «Великое Зерцало», «Цветник» священноинока Дорофея, отдельных слов Иосифа Волоцкого, Максима Грека и других почитаемых старообрядцами авторов, житий Макария Египетского, Алексея человека Божьего и др.

Как отличительную черту сборников С. А. Носова можно отметить интерес составителя к истории старообрядчества (например, в сборниках № 1 и № 10 помещена Повесть о самосожжении в 1743 г. насельников Пижемского Великопоженского скита), в состав сборников включаются фрагменты и полные тексты житий старообрядческих вождей. В сборнике № 10 есть выписки из Жития протопопы Аввакума и список Жития по изданию Кожанчикова под заголовком «По записи из жития Аввакума».⁷ Из Жития Аввакума убран ряд деталей о его личной жизни и подробности из его путешествия по ангарским порогам. В этом же сборнике читаются фрагменты из посланий Аввакума царю Алексею Михайловичу, дьякона Федора — жене Аввакума, переписанные из старообрядческого календаря.

О разнообразии источников, к которым прибегал Носов, свидетельствуют цитаты из исследований Я. Барского, А. Н. Робинсона, А. К. Бороздина и др., которые Носов брал или из старообрядческого календаря, или из научных публикаций. Книги, отсутствовавшие в сельской библиотеке, он заказывал по межбиблиотечному обмену. В сборнике № 10 есть и подборка указов царевны Софьи и Синода о раскольниках со ссылкой на источник — книгу В. И. Ясевич-Бородаевской «Борьба за веру».⁸

(1902–1981): Сборники 3 и 4 // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район. Сыктывкар, 2017. С. 286–316. (Слово и текст в контексте культуры. Вып. 2); Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова: Описание сборника № 11 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2018. № 8. С. 79–87; Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова: Описание сборника № 12 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2019. № 4 (11). С. 92–100; Мелихов М. В. Рукописные сборники С. А. Носова: Сборник № 22 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2023. № 4 (28). С. 48–62.

⁷ Мелихов М. В. Житие протопопы Аввакума в рукописном наследии печорского старообрядческого писателя С. А. Носова // Третьи Мяндинские чтения: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 8–9 июля 2015 г. Сыктывкар, 2016. С. 50–54; Мелихов М. В. «Житие» протопопы Аввакума в круге чтения печорских старообрядцев середины XX в. // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 252–278. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 35).

⁸ Ясевич-Бородаевская В. И. Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. СПб., 1912.

Сохранилась часть обширной переписки С. А. Носова: 112 писем к его другу и, по-видимому, духовному сыну, печорскому старообрядцу Ефиму Ивановичу Осташову, два письма — к археографу, доктору филологических наук В. И. Малышеву, открывшему Нижнюю Печору как центр старинной книжности⁹ и создавшему замечательное собрание печорских рукописей в Пушкинском Доме; пять писем — к выпускнику Сыктывкарского университета, доктору филологических наук Андрею Николаевичу Власову, который, еще будучи студентом, навестил Анхеныча в ходе археографической экспедиции.¹⁰ Не меньший интерес представляют и 30 писем Носова его дочери Розе Степановне, к которой он обращается и как к своей духовной дочери.¹¹ Есть и несколько небольших писем к другим родственникам.¹² Все письма опубликованы,¹³ оригиналы хранятся в Отделе рукописной и редкой книги СГУ в коллекции рукописных материалов С. А. Носова.¹⁴

Остановимся на материалах составленной нами базы данных о печорских книжниках, чтобы показать разные аспекты деятельности Степана Анфиногеновича в области книжной культуры. Как писец С. А. Носов проявил себя не только в создании сборников, о которых мы упомянули ранее. Известен ряд рукописей, которые попали в Древлехранилище Пушкинского Дома и по почерку или по указаниям описания рукописи принадлежат руке Степана Анфиногеновича. Так в д. Боровской на Пижме, притоке Печоры, был найден сборник стихов (ИРЛИ, УЦ¹⁵ 134, начало XX в., до 1915 г.), написанный почерком, подражавшим печатному шрифту и представляющий собой тетрадку без обложки на 12 листах, содержащую «Плач [Иосифа] Прекрасного» и начало стиха «О умиление матери своего чада».¹⁶ По свидетельству Федосьи Васильевны Чупровой, владелицы собрания рукописей, сборник написан С. А. Носовым еще в подростковом воз-

⁹ *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX веков. Сыктывкар, 1960.

¹⁰ Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: Видения, письма, записки / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М., 2005. С. 353–373.

¹¹ *Мелихов М. В.* Поучение отца к дочери о семейной жизни: По письмам печорского старообрядца С. А. Носова к дочери // Женщина в старообрядчестве. Петрозаводск, 2006. С. 145–152.

¹² *Мелихов М. В.* Письма к родным печорского старообрядческого писателя С. А. Носова // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. Сыктывкар, 2006. С. 113–152.

¹³ Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов. С. 132–373.

¹⁴ Письма к В. И. Малышеву находятся: ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. № 884. Опубликованы: Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов. С. 351–352.

¹⁵ Здесь и далее УЦ — Усть-Цилемское собрание ИРЛИ.

¹⁶ См. описание рукописи УЦ 134: *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники... С. 154.

расте, что подтверждают его пометы на разных страницах рукописи: «1916 года генваря 27 дня... Стѣпан Анхѣнович Носов» (л. 8 об.); «Носов. 1916 года февраля 14 дня. Пишу Степан Анхеновичъ» (л. 8 об.); «Стѣпан Анхѣнов г-н Носов. Пишу с огнѣм вѣчером» (л. 9).

В этот же период С. А. Носовым был написан и другой сборник стихов (УЦ 136), содержащий, в частности, стих о райской птичке, восходящий сюжетом к Великому Зерцалу.¹⁷ В конце рукописи, на л. 12 об. читается запись пятнадцатилетнего С. А. Носова: «Велел писать сии стихи Прокопий Тимофеевич Поташов. Писал Стефан Анфиногенович Носов, 1916 года, апреля 1». Таким образом, уже в юном возрасте Анхеныч принимал заказы на переписку рукописей. В данном случае таким заказчиком был, согласно записи юного писца, Прокопий Тимофеевич Поташов. Интересно, что о близком знакомстве Носова и Поташова свидетельствуют их записи, соседствующие в другом сборнике стихов — УЦ 134, где П. Т. Поташов тоже оставил свои записи: «1915 года генваря 26 Прокопей Тимофѣевич Поташов» (л. 8 об.); «Пишу Поташов Прокопей Тимофеевич» (л. 8 об.), «Прокопей Тимофѣевич Поташов» (л. 9); «Милостивый государь Прокопий Тимофеевич напишет свое имя на эту бумагу» (л. 9).

Еще более интересную запись С. А. Носов оставил на другой переписанной им рукописи — УЦ 232, содержащей Слово о забытых грешниках (самоназвание в рукописи: «Слово из книги Измарагд-камень, глава 30, слово 93, о заподных сиречь о забывших грешных»¹⁸). На внутренней стороне нижней обложки читается запись одиннадцатилетнего писца: «Писал Степан Анхѣнович Носов. Я писал — путалсе: у м[е]ня отец мой умер, а все про его думаю, с ума не сходит. Если я описалсе или слова нѣ так написал, или нѣ дописал рѣч, то я грѣшен, что описалсе, проститѣ миня грѣшного. Писал при государи, великом царѣ, Николае Елксандровиче, при еговой супругѣ Александры Феодровнѣ, при еговом великом князѣ Алексѣе Николаевиче. Писал 1913 года, мѣсѣца апрѣля 18-го числа, нидѣля послѣ Пасхи. Сего слова конец, получить златый венец, токмо конец».

В тринадцать лет Степан Анфиногенович переписал полууставом сборник в 8° на 32 листах (УЦ 97), содержащий Сказание об Иверской иконе Богородицы, «Повесть некоего дьякона от града Аравийскаго о отрочатех, пасущим овца, и о евреянии» из Лавсаика (глава 125) и целый ряд выписок (о времени рождения и крещении Христа, о

¹⁷ См. описание рукописи УЦ 136: *Мальшев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники... С. 155.

¹⁸ См. описание рукописи УЦ 232: *Мальшев В. И.* Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 595.

времени рождения и успения Богородицы и о продолжительности ее жизни на земле, о четырех благоприятных временах года, о том, «что есть умну тяжеле всего работати» из Пчелы, о запрещении хоронить самоубийц и умерших в разбойничестве из Стоглава.¹⁹ На листе 32 сборника читается запись Носова: «1914 года писал Степан Анхенович Носов сию книгу, тринадцати лет своего возраста».

Усоил «Анхеныч» и шутливые писцовые формулы из старинных рукописей. Так на сборнике последней четверти XIX в., в 8°, на 6 листах, написанном печорским полууставом (УЦ 80) и содержащем «Стих о заонежских девицах» и «Повесть о 12 пятницах»²⁰ на листе 6 об. читается запись, написанная крупным детским почерком: «Ето кто писал? — Я. Ето к стиху пишице: Стати писати, пера попытати. Не дрожит ле рука, не бежит ле перо, не болят ле бока, не хотят ле кнута, не чешитце ле спина, не сверьбит ле жопа? Писал Степан Анхенов». А на уже упоминавшемся ранее сборнике стихов УЦ 134 Степан Анфиногенович в духе старинных записей оставил, скорее всего, им самим придуманную шутливую запись: «[уч]сь я от скуки, беру карандаш в руки, сажусь на с[тул] дубовый, беру лист [по]чтовый... подписавши Степан Анхѣнович Носов 1916 года...» (л. 12 об.).

Известен и факт реставрации С. А. Носовым рукописных книг. Например, им была реставрирована рукопись начала XIX в. (в 8°, 211 л.), содержащая Житие Василия Нового (НБ СГУ, УЦ р.²¹ 33).²²

Сохранились сведения и о книгах из личной библиотеки С. А. Носова. Их собрал М. В. Мелихов.²³ О своей библиотеке Носов сообщал в письмах разным корреспондентам, рассказывая при этом, откуда к нему пришла та или иная книга В письме № 44 к Ефиму Ивановичу Осташову он пишет: «Поморские отвѣты мною получена из Пижмы, деревня Боровская, Чупровой Федосьи Васильевной, которая была взамужем за Чупровым Тимофеем Перфильевичем, который умер перед первой германской войной в 1914 году. Послѣ его еще пользовался Чупров Тимофей Семенович, отец Семена Тимофеевича,

¹⁹ См. описание рукописи УЦ 97: *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники... С. 135.

²⁰ См. описание рукописи УЦ 80: *Малышев В. И.* Усть-Цилемские рукописные сборники... С. 127.

²¹ Здесь и далее НБ СГУ, УЦ р. — Усть-Цилемское собрание рукописей Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

²² См. Описание рукописи УЦ р. 33: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 1: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар, 1989. С. 153–158.

²³ Автобиографическая и духовная проза старообрядцев Печоры: Материалы и исследования. Текстовое научное электронное издание на компакт-диске / Подгот. текстов, вступ. статья, указ. и коммент. М. В. Мелихова. Сыктывкар, 2018. С. 227–228.

Крестовка. В настоящее время уже давненько Федосья Васильевна умерла, которая хранила кое-какие книги, из которыхъ и мнѣ дала в пользование...»²⁴

Самый полный список книг, имевшихся в домашней библиотеке Носова, приводится в его недатированном письме № 108 (тоже к Е. И. Осташову), где автор письма указывает помимо названия книги и человека, кому она должна перейти после его смерти. Например, Минею праздничную, которую Носов брал на время, он просит вернуть «Рочевой Ульяны Фомичной» в Нарьян-Мар, а книги некоего Ивана Ефимовича из Климовки, которые были получены Анхенычем «в пользование и поминовение», надлежит после его смерти «дать желающим читать и учиться слову Божию». Далее в письме перечисляются книги, полученные Стефаном Анфиногеновичем от разных его земляков с указанием их прежних владельцев. Среди названных книг — напрестольное Евангелие «ветхое починеное, в синей обложке из ситца), полное, четырех евангелистов», «История о соловейких отцах»; Альфа и Омега «мелкой печати», принадлежавшие ранее Парасковье Петровне Чарнышевой, «Устав службы письменя. Поминать Михаила, Стефаниду, Парасковию», «Потребник старый спасовскаго согласия. Поминать Фаддея», «Лествичник письменый от Авдотьи Ив[ановны] Абрамовых и Марьи Ив[ановны], Чуркино — Мещанское. Поминать Иоанна, Елены, Тимофея, Екатерины», «Письменный сборник старинный изношенный. Поминать Анны», «Сборник о никоньянской ереси и гонении верных. Печать фиолетоваго цвета, потрепанный и полинявший. Поминать Димитрия», «Псалтырь письменая древняя. Поминать Акилины, Павлы», «Псалтырь старая, много клееная поля. Поминать Ксению». После этого приводятся четыре «книги матери», «книги Боровския (Пижма)» — 8 книг, две книги «дяди Илариона». Завершает этот перечень раздел «Книги своего письма» — «Слова, собранные из разных книг и есть писаны наскоро, как черновые, церковные, числом прописанные по порядку». Далее дается их пронумерованный перечень с указанием, на скольких листах они написаны: «1-я на 240 листах почтовых; 2-я на 170, 3-я, 4-я, 5-я, 6-я, 7-я, 8-я на 156 листах черновых, 9-я на 168». Список сопровождается указанием, как поступить с этими книгами: «Сии книги совѣтую отдать в пользование людям, ищущим Слово Божие (перечисляется десять имен его земляков). Пользоваться советую не одному, а всѣ бы смогли познакомиться по данным книгам поучения». Одну рукопись собственного письма — Автобиографические заметки на 96 листах С. А. Носов разрешил переписать в 1972 г. ле-

²⁴ Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов . С. 226.

нинградским археографам, тогда еще студентам ЛГУ Л. В. Ярошенко (Титовой) и Е. В. Афанасьевой (УЦ н.²⁵ 338),²⁶ а в 1981 г., в год смерти Анхеныча, он передал в Сыктывкарский университет Кириллову книгу, изданную в Москве в 1644 г. (НБ СГУ, УЦ п.²⁷ 26).

Было в домашней коллекции книг С. А. Носова и самое первое издание «Жития протопопа Аввакума» 1861 г. под редакцией Н. С. Тихонравова.²⁸ После смерти С. А. Носова его дочери, выполняя наказ отца, раздали книги единоверцам и родственникам, и след Жития утерян.

Несколько рукописных фрагментов из архива С. А. Носова в 1983 г. были нами получены от жительницы д. Верхнее Бугаево П. В. Дуркиной и сейчас хранятся в Научной библиотеке СГУ: Служба Христу (УЦ р. 53) — фрагменты начала XX в., в 8°, на 7 л., написанные небрежным полууставом с использованием зеленых чернил в инициалах;²⁹ Кафизма 17 (УЦ р. 56) — фрагмент начала XX в., в 8°, на 3 л., написанный почерком, подражающим печатному с фиолетовыми чернилами в инициалах;³⁰ Канон за душу умершего (УЦ р. 57), без начала и конца, XIX–XX вв., в 8°, на 10 л., подражание печатному шрифту, красные чернила в заголовках и инициалах, без переплета³¹ и два выговских Синодика из архива С. А. Носова. Первый — УЦ р. 58 — фрагмент XVIII–XIX вв., в 8°, на 1 л., написан полууставом, киноварь в заголовках и инициалах, содержит, как отмечается в описании, поминания Игнатия Соловецкого и близких ему лиц; второй — УЦ р. 61) — фрагмент конца XVIII в., в 16°, на 8 л., написанных поморским полууставом с использованием киновари в заголовках и инициалах.³² В этом комплексе оказалось и отделившееся от основной рукописи оглавление Торжественника, составленного И. С. Мяндиным, который какое-то время был «на подержании» у Анхеныча. Это оглавление только через несколько лет было ото-

²⁵ Здесь и далее УЦ н. — Усть-Цилемское новое собрание ИРЛИ.

²⁶ Титова Л. В. Поездка на Печору в 1972 г. // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Сыктывкар, 2022. № 1–2 (21–22). С. 65–68.

²⁷ Здесь и далее НБ СГУ, УЦ п. — Усть-Цилемское собрание кириллических книг Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина.

²⁸ Житие Аввакума, им самим написанное / Под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861.

²⁹ См. описание рукописи УЦ р. 53: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С. 166.

³⁰ См.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С. 167.

³¹ См.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С. 167.

³² См.: Памятники письменности в хранилищах Коми АССР. С. 168.

ждествлено с оглавлением Торжественника, когда рукопись оказалась в Научной библиотеке СГУ.³³

Возможно, в библиотеке Носова была и рукопись, сейчас хранящаяся в ИРЛИ (УЦ 30). Это сборная рукопись второй половины XVIII — первой четверти XIX в., в 4°, на 79 л., написанная полууставом, в картонном переплете, покрытом тисненой кожей. Рукопись содержит Житие, чудеса и молитвы Авраамия Смоленского, стих о пустыне, «Повесть душеполезну о Аммонии мнихе» и другие статьи. В XIX в. рукопись принадлежала устьцилему Аврааму Мяндину, в XX в., возможно, С. А. Носову, который оставил свою помету на л. 1: «Степан Анфиногенович господин Носов».

Таким образом, материалы базы данных показывают, что в лице С. А. Носова перед нами предстает многогранная творческая личность: переписчик, писатель, автор многочисленных писем духовного и исторического содержания, составитель рукописных сборников, владелец большой личной библиотеки, в которой наряду с рукописными книгами соседствовали и научные исследования, наконец, вдумчивый и любознательный читатель. Его рукописное наследие, во многом уже изученное, еще нуждается в более глубоком осмыслении. Однако, роль С. А. Носова в создании и сохранении рукописно-книжной традиции Нижней Печоры на завершающей стадии ее развития уже вполне определилась: он внес значительный вклад в историю книжной культуры старообрядческого центра в Усть-Цилемском крае.

Список литературы

Автобиографическая и духовная проза старообрядцев Печоры: Материалы и исследования. Текстовое научное электронное издание на компакт-диске / Подгот. текстов, вступ. статья, указ. и коммент. М. В. Мелихова. Сыктывкар, 2018. 415 с.

Волкова Т. Ф. Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Торжественника: К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 411–421.

³³ О Торжественнике И. С. Мяндина см.: Волкова Т. Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина: «Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой // Университетские библиотеки: Прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции 8–11 декабря 2003 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб., 2003. С. 163–170; Волкова Т. Ф. Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Торжественника: К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина // Книжные центры Древней Руси: Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 413–419.

- Волкова Т. Ф. К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И. С. Мяндина: «Торжественник» из собрания Е. И. Тороповой // Университетские библиотеки: Прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции 8–11 декабря 2003 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб., 2003. С. 163–170.
- Волкова Т. Ф. К реконструкции семейного книжного собрания усть-цилемских крестьян Булыгиных // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 117–128. <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-10.pdf>.
- Волкова Т. Ф. Михаил Васильевич Мелихов: Филолог и историк // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1–2. С. 9–11.
- Волкова Т. Ф. Словарь книжников Нижней Печоры как новый вид исследования локальной рукописно-книжной традиции // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы. Материалы международной научной конференции. Сыктывкар, 2000. С. 378–382.
- Волкова Т. Ф. «Словарь книжников Печоры»: Задачи и проблемы издания // Мир старообрядчества. Вып. 4: Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы международной научной конференции. Москва, 21–24 ноября 1995 г. М., 1998. С. 116–122.
- Житие Аввакума, им самим написанное / Под ред. Н. С. Тихонравова. СПб., 1861. [2], 118 с.
- Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. Т. 17. М.; Л., 1961. С. 561–604.
- Мальшев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960. 214 с.
- Мелихов М. В. Жизнь печорских крестьян начала XX в. в автобиографических записках старообрядца С. А. Носова // Первые Мяндинские чтения: Материалы республиканской научно-практической конференции. Сыктывкар, 2009. С. 138–143.
- Мелихов М. В. Житие протопопа Аввакума в круге чтения печорских старообрядцев середины XX в. // Духовная культура и общественная мысль России в литературных и исторических памятниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2016. С. 252–278 (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 35).

- Мелихов М. В.* Житие протопопа Аввакума в рукописном наследии печорского старообрядческого писателя С. А. Носова // Третьи Мяндинские чтения: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научной конференции. Сыктывкар, 8–9 июля 2015 г. Сыктывкар, 2016. С. 50–54.
- Мелихов М. В.* Описание рукописных сборников печорского книжника С. А. Носова (1902–1981): Сборники 3 и 4 // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район. Сыктывкар, 2017. С. 286–316. (Слово и текст в контексте культуры. Вып. 2).
- Мелихов М. В.* Письма к родным печорского старообрядческого писателя С. А. Носова // Староверие на Северо-Востоке европейской части России. Сыктывкар, 2006. С. 113–152.
- Мелихов М. В.* Поучение отца к дочери о семейной жизни: По письмам печорского старообрядца С. А. Носова к дочери // Женщина в старообрядчестве. Петрозаводск, 2006. С. 145–152.
- Мелихов М. В.* Предания о старине в рукописном наследии печорского книжника С. А. Носова // О древней и новой русской литературе: Сборник статей в честь профессора Натальи Сергеевны Демковой. СПб., 2005. С. 205–212.
- Мелихов М. В.* Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: Сборник № 26 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 336–352.
- Мелихов М. В.* Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: сборник № 9 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2015. № 5. С. 115–122.
- Мелихов М. В.* Рукописные сборники печорского старообрядца С. А. Носова: Сборник № 10 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2013. № 2. С. 200–215.
- Мелихов М. В.* Рукописные сборники С. А. Носова: Описание сборника № 12 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2019. № 4 (11). С. 92–100.
- Мелихов М. В.* Рукописные сборники С. А. Носова: Описание сборника № 11 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2018. № 8. С. 79–87.
- Мелихов М. В.* Рукописные сборники С. А. Носова: Сборник № 22 // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2023. № 4 (28). С. 48–62.

- Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: Каталог-путеводитель / Сост. Т. Ф. Волкова, А. А. Амосов, А. Н. Власов, Л. А. Петрова. Ч. 1: Рукописные книги. Вып. 1: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар, 1989. 288 с.
- Печорский старообрядческий писатель С. А. Носов: Видения, письма, записки / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. М. В. Мелихова. М., 2005. 422 с.
- Титова Л. В.* Поездка на Печору в 1972 г. // Вестник Сыктывкарского государственного университета. Серия гуманитарных наук. 2022. № 1–2 (21–22). С. 65–68.
- Ясевич-Бородаевская В. И.* Борьба за веру: Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии. СПб., 1912. XXX, [2], 656 с.

В. М. РЫНКОВ

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**ВЕДОМСТВЕННЫЕ ЖУРНАЛЫ
ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И ОЦЕНКА
ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА**

В статье рассмотрены подходы к типологии журналов и место в ней ведомственных журналов, определены конкретные журнальные издания на востоке России во второй половине 1918 — 1919 г., относящиеся к группе ведомственных. Дан анализ основных видов источников, публиковавшихся на страницах ведомственных журналов (законодательство, делопроизводственная документация, публицистика, научные статьи и новостные материалы), рассмотрены особенности их опубликования. Обозначен круг научных проблем, решение которых потребует изучения более широкого круга ведомственных журналов.

Ключевые слова: периодическая печать, ведомственные журналы, законодательство, делопроизводственная документация, научные источники

В первую очередь необходимо определить, какие издания следует относить к ведомственным периодическим изданиям. Для этого следует обратиться к опыту предшественников. В учебной литературе ведомственные журналы как особая группа изданий выделена и достаточно точно охарактеризована довольно давно.¹ Правда, С. А. Никитин расширительно трактует названную группу как журналы, издававшиеся министерствами и обществами. Последнее едва ли можно признать справедливым. Общественные организации, располагавшие своими журналами, далеко не всегда относились к обществам, учрежденным государством и находящимся под его патронажем. Однако лишь в данном случае есть основания рассматривать оба типа периодических изданий как единую группу. Представляется, что журналы, издаваемые отраслевыми органами управления, и официальные журнальные издания общественных организаций — это все же разные группы. Кроме того, С. А. Никитин сделал акцент на описании генезиса ведомственных периодических изданий. Он подробнее остановился на журналах первой половины XIX в., тогда как для изданий конца XIX — начала XX в. ограничился перечислением некоторых в качестве примера. Между тем, именно в позднеимперский период число журналов существенно выросло, их выпускали не только ми-

¹ См.: Источниковедение истории СССР: Курс источниковедения истории СССР. Т. 2: XIX в. (до начала 90-х годов) / С. А. Никитин. М., 1940. С. 168–171.

нистерства, но и некоторые управления и департаменты. Появились журналы местных учреждений ряда ведомств: Министерства путей сообщения, народного просвещения и других. Возросла их периодичность и объем, что позволяло публиковать в них весьма большие массивы самой разнообразной информации. Дополнительно следует отметить, что и число журнальных изданий общественных организаций тоже заметно выросло. Журналы этой группы стали более разнообразными, что позволяет говорить и о внутренней структурированности, и тем меньше становится оснований объединять их с ведомственными журнальными изданиями в качестве единой группы.

Важно учитывать существенно иной подход к систематизации журнальной периодики дореволюционного периода, предложенной С. С. Дмитриевым. Он ввел термин «отраслевые журналы», вполне резонно полагая, что, независимо от издателя, ориентированные на одну профессиональную аудиторию издания будут близки и по составу публикуемых материалов. Опираясь на библиографические справочники, исследователь сделал обоснованный вывод о быстром количественном росте отраслевых периодических изданий и внутренней глубокой дифференциации. Автор показал разнообразие типов изданий, относящихся к отраслевым — альманахи, альбомы, ежегодники, журналы и многие другие, оговорив преобладание с середины XIX в. журналов. Дмитриеву принадлежит важная мысль об изучении отраслевых журналов как задаче одновременно источниковедения и отраслевой истории — медицины, образования, транспорта, сельского хозяйства и т. д. Отраслевые периодические издания содержали значительный объем специализированных текстов, являющихся источниками по истории соответствующей отрасли экономики, науки или практики, и работа с ними, как правило, требует не только общеисторической подготовки, но и специальных знаний. Справедливо отмечая необходимость всегда полагаться только на непосредственное изучение содержания журналов, С. С. Дмитриев подчеркнул значимость и предварительной работы по анализу названия, подзаголовков, издателя и заявленной программы каждого журнального издания.²

Другой термин — «специальные журналы» — для обозначения практически той же группы предлагает А. И. Акопов.³ Рассмотрев в своей монографии технические и естественнонаучные, медицинские и сельскохозяйственные журналы дореволюционного периода, он

² См.: Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики: Постановка темы и проблематика // Источниковедение отечественной истории. [Вып. 2]: 1975. М., 1976. С. 279, 289–291.

³ См.: Акопов А. И. Отечественные специальные журналы (1765–1917): Историко-типологический обзор. Ростов-на-Дону, 1986.

считает, что, если упомянутые три группы составляют четыре пятых всех специальных журнальных изданий, есть основания именно их считать основными. При этом все рассмотренные журналы автор отнес к научным независимо от того, издавались они общественными организациями, учебными или научными учреждениями, ведомствами. Основанием к такому заключению явилась уверенность исследователя, что облик журнала определяла прежде всего научная аналитика и материалы, связанные с популяризацией и пропагандой научных знаний. Автор, работавший в целом в рамках истории журналистики, большое внимание уделил динамике журнальных рубрик, не без основания полагая, что смена названий, порядок и объем рубрик отражают в целом эволюцию состава журнальных публикаций. Несомненную ценность имеет тезис Акопова о необходимости отделить специальные журналы от общенаучных.

Но для успешного достижения цели данного исследования необходимо внести уточнения в предложенные классификации, исходя из двух соображений. Ведомственные журналы в большей или меньшей мере соответствуют характеристике отраслевых или специальных. Тем не менее, одновременно они являются официальными правительственными изданиями со множеством вытекающих из данного обстоятельства особенностей. На их страницах публиковались в том числе материалы, свойственные только правительственному официозу. Поэтому целесообразно выделение группы официальных правительственных изданий центральных отраслевых органов управления — министерств либо их подразделений. Они объединяют в себе признаки официальных и отраслевых изданий. На практике это преимущественно, а в отдельные годы исключительно журнальная периодика. Наряду с внутренней группировкой по ведомствам, что сближает их по профессиональной специализации публиковавшихся материалов с отраслевыми журналами, издаваемыми общественными организациями, научными и учебными учреждениями, целесообразно их разделение на центральные и местные. Это связано с тем, что издания центральных органов и местных правительственных учреждений ставили разные задачи и публиковали официальные документы и новостные материалы, ориентируясь на территорию распространения журнала.

Важно также отделить ведомственные журналы от общих правительственных. Это не только газетные официальные издания правительств («Правительственный вестник» до революции и их аналоги в годы Гражданской войны) и региональных органов власти (губернских, областных, уездных), но и журнальные собрания нормативно-правовых актов.

Автор статьи ставит перед собой цель дать характеристику ведомственных журналов, выходивших в годы Гражданской войны на востоке России. Но небольшой экскурс в прошлое такого рода изданий, равно как и традиции их изучения поможет глубже понять особенности журналов изучаемого периода и сформулировать базовые научные проблемы.

Группа ведомственных изданий претерпела кардинальный количественный рост с конца XIX в. по 1917 г. Отдельные министерства учреждали в разное время последовательно несколько журналов. Ведомственная периодика достаточно востребована у исследователей. Предпринималось источниковедческое изучение отдельных журналов,⁴ но рассмотреть их как особую группу до сих пор никто не пытался. И это в полную противоположность официальным газетам, неоднократно привлекавшим исследователей.

Вторая причина, по которой представляется необходимым обратиться к анализу журнальной периодики, состоит в том, что большинство существующих исследований сделано в парадигме изучения истории журналистики. В этом случае анализируется издание как целостный комплекс, восстанавливаются его история, состав редакции, редакционная политика. В таких исследованиях сравнительно немного места уделяется анализу состава самого издания.

Хронологические рамки данного исследования охватывают всего полтора года (вторая половина 1918 — 1919 г.), но это совершенно особый период Гражданской войны. После повсеместного установления советской власти ее падение на окраинах России привело к возникновению антибольшевистских правительств. Тогда же возобновилась ведомственная журнальная периодика, что формально репрезентировалось как продолжение прежней имперской традиции. Но действовали, за редчайшим исключением, уже новые сотрудники заново сформированных редакций, в совершенно других общественно-политических условиях и при крайней политической нестабильности. Потому ни сроками подготовки номеров, ни объемом и качеством информации, получаемой от ведомств — учредителей журналов, ни квалификацией редакторского и авторского коллектива журналы периода Гражданской войны были несопоставимы со своими дореволюционными аналогами.

Всего в антибольшевистской России, которая, как известно, не была единой, а оказалась разорвана территориально на окраинах,

⁴ Рынков В. М. История аграрной политики и сельского хозяйства в «Известиях Министерства земледелия» (Омск, 1919 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина, Барнаул, 9–10 октября 2009 г. Барнаул. 2009. С. 169–171.

ведомственные официальные журналы остались единичным явлением и отдельные из них продолжительность в один-два номера. Это отличает их от официальной газетной периодики — группы весьма многочисленной. В Северной области только отдел земледелия Временного правительства Северной области издал два номера журнала. На Дону отдел путей сообщения Войскового правительства Всевеликого Войска Донского издавал на протяжении года двухнедельный журнал,⁵ отдел народного просвещения — ежемесячный журнал,⁶ управление Ростовского почтово-телеграфного округа — двухнедельный.⁷ В Украине выходило четыре ведомственных журнала и один — издававшийся Киевским окружным управлением водного транспорта.⁸

Значительная часть ведомственных периодических изданий выходила на востоке России. В Сибири журналы издавали четыре министерства Российского правительства (Министерство финансов, Министерство земледелия, Министерство народного просвещения, Министерство путей сообщения) и одно подразделение — Главное управление по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел.⁹ Кроме того, собственные журналы были у управлений Томской, Омской и Западно-Уральской и Самаро-Златоустовской железных дорог. Последнее издание выходило на территории, контролировавшейся Комучем.¹⁰

«Известия Министерства земледелия» (далее — ИМЗ) выходили еженедельно и были достаточно большими по объему: около полу-

⁵ Вестник путей сообщений и промышленности. (Ростов-на-Дону), 1918. № 1–9; 1919. № 10–25.

⁶ Педагогическая мысль. (Ростов-на-Дону), 1918. № 1–2; 1919. № 1–5.

⁷ Почтово-телеграфный журнал Всевеликого Войска Донского. (Ростов-на-Дону), 1918. № 1–2. Указывается минимально известное количество номеров. Местонахождения журнала выявить не удалось. Более точные сведения о периоде издания и числе номеров не выявлены.

⁸ Вісник Міністерства земельних справ. Київ, 1918; Вісник Міністерства земельних справ Української народної республіки. Вінниця, 1919; Вісник міністерства Народного Здоров'я і Опікування. Київ, 1918; Часопис Міністерства Шляхів. Київ, 1918; Вісник Міністерства ісповідань УНР. Кам'янець-Подільський, 1920; Вісти Київської Округи Водних Шляхів, Київ, 1918. Сведения о номерах и сами издания недоступны.

⁹ Вестник финансов, промышленности и торговли. (Омск), 1919. № 1–25; Известия Министерства земледелия. (Омск), 1919. № 1–27; Вестник Министерства путей сообщения. (Омск), 1918. № 1–20; 1919. № 1–24; Журнал Министерства народного просвещения. (Томск), 1919. № 1; Бюллетени земского отдела Министерства внутренних дел. (Татарск; Омск), 1919. № 1–2.

¹⁰ Вестник Самаро-Златоустовской железной дороги. (Самара), 1918. № 10–17; Вестник Западно-Уральской железной дороги. (Екатеринбург), 1918. № 12–22; 1919. № 1–6; Вестник Омской железной дороги. (Омск), 1918. № 9–35; 1919. № 1–35. Вестник Томской железной дороги. (Томск), 1919. № 1–44.

тора — двух печатных листов. Но заявленные объем и периодичность целиком выдержать не удалось. С № 3–4 стали выпускаться сдвоенные номера, нередко в полуторном, а не в двойном объеме. Уже № 2 вышел через две недели. Затем сдвоенные номера издавались как двухнедельные, что позволило соблюсти заявленную периодичность. Однако между № 9–10 (15 апр.) и 11–13 (1 июня) прошло шесть недель, как и между № 16–17 (1 июля) и № 18–20 (21 авг.). Дальше стали издаваться строенные номера ежемесячно. Последний датирован 21 октября 1919 г. Причем строенные номера лета и осени 1919 г. лишь немного превышали объем первых одинарных номеров.

Содержание журнала, внутренняя рубрикация и даже периодичность (по крайней мере формально) оказались очень близки к предшественнику — выпускавшемуся до осени 1917 г. одноименному журналу имперского, а затем Временного правительств. До революции журнал имел весьма дробную рубрикацию публикуемых материалов, которая фактически подразумевала деление на официальную и неофициальную части. В 1919 г. такое разделение журнала появилось, но рубрикация материалов оказалась не столь дробная. В официальной части публиковались нормативные акты Российского правительства, приказы, циркуляры или распоряжения министерства и его подразделений, в неофициальную часть, наряду со статьями, входили обзоры печати, хроника, библиография

«Вестник финансов, промышленности и торговли» (далее — ВФПТ) своим названием отсылал читателя к дореволюционному официальному изданию Министерства. Так же, как и ИМЗ, он начал выходить с начала 1919 г. Он являлся двухнедельным, тоже выходил нерегулярно, но был более стабилен по объему, составляя примерно 2 п. л. (32–34 с.). В марте вышел всего один номер — № 3, зато в апреле — целых три номера — № 4, 5 и 6. С № 7 он стал еженедельным, но объем его сократился до 20–24 с., причем сдвоенные номера не были увеличенными. Правда, № 12–25 были все одинарные. Журнал публиковал преимущественно объемные аналитические статьи и выходил без разделения на официальный и неофициальный отделы. Из постоянных рубрик издание помещало хронику, текущую статистику и мероприятия правительства. Публикации, включенные в названные рубрики, занимали небольшую часть журнала.

Издание Министерства путей сообщения также продолжило традицию дореволюционного официального журнала. Именно оно было возобновлено раньше других и в 1918 г. было единственным министерским журналом, еженедельным, как и его дореволюционный предшественник. Судить о соблюдении периодичности сложно в связи с отсутствием датировки номеров. Официальная и неофициальная

части издавались под одной обложкой, но как два самостоятельных журнала с обособленной пагинацией и были примерно сопоставимы по объему — около полутора — двух печатных листов. В неофициальной части, помимо отдельных материалов, публиковались и тексты, объединенные в рубрику «Хроника».

Особняком стоят пять еженедельников, издававшихся управлениями железных дорог или органами, их заменявшими в водовороте смены властей. Старейшим являлось издание Самаро-Златоустовской железной дороги, выпускавшееся с 1914 г. непрерывно, в том числе в первой половине 1918 г. — советским комиссариатом Самаро-Златоустовской железной дороги. Журнал Омской железной дороги выходил с 1916 г. Даже в сложном 1917 г. журнал выдержал еженедельную периодичность, но в феврале 1918 г. его издание было прервано на № 8 по решению местных советских властей и возобновилось после прихода к власти в Омске Временного Сибирского правительства. Журнал Южно-Уральской железной дороги, наоборот, начал издаваться только в начале 1918 г. советским управлением дороги, и продолжен при Комуче, а еженедельник Томской железной дороги был учрежден в начале 1919 г. и являлся самым молодым на востоке России «железнодорожным» ведомственным периодическим изданием.¹¹

Судить о тиражах ведомственных журналов можно только по отрывочным косвенным данным, т. к. информация о тиражах не представлялась на обороте изданий. 20 февраля 1919 г. министр финансов в приказном порядке обязал все центральные и местные учреждения Министерства финансов подписаться на ведомственный журнал на полный год.¹² Это обеспечивало журналу подписку минимум на сотню — полторы экземпляров. Но вероятнее всего, тираж был намного больше, учитывая ориентацию издания на широкий круг интересовавшихся экономикой читателей.

В «Вестнике Западно-Уральской железной дороги» опубликован список рассылки: журнал получали 80 артельных старост, 28 дорожных мастеров, 20 начальников станций, а всего осуществлялась рассылка только дорожным служащим в количестве 220 экз.¹³ В каждом номере размещалась информация о свободной подписке на журнал, распространении через комиссионеров и газетные киоски, что свидетельствует о том, что реальный тираж явно превышал число распространяемых по подписке экземпляров.

¹¹ Сохранившиеся номера состоят только из официальной части. Это наталкивает на мысль, что могло не сохраниться отдельное издание неофициальной части.

¹² Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 17. С. 19.

¹³ Вестник Западно-Уральской железной дороги. 1919. № 11–12. С. 13–14.

С. С. Дмитриев обозначил два подхода к источниковедческому анализу журнальной периодики. Первый связан с выявлением максимально полного комплекта номеров периодического издания и исследованием его как единого целого, что целесообразно, когда предмет изучения является сам журнал и история его издания. Второй предполагает поиск в журналах источников для изучения конкретных исторических тем. Источниковой единицей тогда является «текст-источник», входящий в состав журнала. Внутри одного журнала такие «тексты-источники» могут принадлежать к разным видам и группам, причем в журналах могут встречаться практически все виды письменных источников.¹⁴ Далее исследователь пишет о задачах археографического анализа отдельных текстов внутри журнала. Изучение состава ведомственных журналов свидетельствует о том, что внимание к археографическим деталям публикации отдельных источников с учетом их видовой принадлежности и контекста материалов ведомственных архивов существенно расширяет информационный потенциал периодических изданий.

При начале или возобновлении издания редакция обычно публиковала вводную статью с изложением задач издания или принципов подбора материала. Такие тексты чрезвычайно важны и сопоставимы по значению с уставными или учредительными документами фирм или программными документами политических организаций. Ввиду неполной сохранности комплектов журналов далеко не везде удалось вывить такие редакционные «зачины» журнальных изданий. Так, ВФПТ сформулировал двоякую задачу издания: помочь гражданам России постичь их современное материальное положение, а союзникам — «выработать правильный взгляд на положение России».¹⁵ Как отмечалось в пространной статье «От редакции», помещенной в ИМЗ, до революции Министерство земледелия выпускало не только «Известия» как официальное издание, но также «Земледельческую газету» и журнал «Сельское хозяйство и лесоводство». Они издавались научными коллективами и ориентировались не на чиновников, а на профессиональную читательскую аудиторию. Министерство, формально возрождая официальные известия, отметило возросшую в ходе революции роль общественности в работе своего ведомства. Поэтому редакция намерена была усилить неофициальную часть, надеясь функционально восполнить исчезновение двух научных изданий, пока не появится возможность возобновить и их. Далее редакция излагала программу издания, намечала рубрики, а также форму-

¹⁴ Дмитриев С. С. Источниковедение русской исторической журналистики. С. 295–296.

¹⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 1. С. 1

лировала намерение публиковать в том числе и статьи руководящих сотрудников центральных подразделений министерства с изложением результатов и планов работы.¹⁶

До революции законодательство публиковалось практически в каждом ведомственном журнале. Это были тематические подборки законодательных актов, призванные облегчить служащим соответствующего ведомства использование нормативной документации в своей деятельности. Традиция эта продолжилась, но с поправкой на исключения и очень разный подход к ее реализации.

В ИМЗ законодательство стало публиковаться с № 2. Причем в данном и следующем номерах помещен перечень всех законодательных актов, «касающихся Министерства земледелия» с отсылками на соответствующий номер официального собрания законодательства Временного Сибирского правительства.¹⁷ Во втором полугодии 1919 г. публикацию списка продолжили уже для текущего года.¹⁸ Наиболее значимые нормативно-правовые акты журнал переопубликовал со ссылками на официальное «Собрание узаконений» и с воспроизведением всех особенностей публикации. Текущее же законодательство публиковалось в журнале достаточно оперативно, без ссылок на источник, но с сохранением всех внешних признаков публикации в «Правительственном вестнике» — официальном газетном издании Российского правительства.

ВФПТ обходился минимумом публикаций законодательства. В № 5 в рубрике «Мероприятия правительства» появилась публикация постановлений о дополнительном выпуске денежных знаков, о введении новых пошлин и двух малозначимых постановлений по Министерству торговли и промышленности. В двух последующих номерах появились еще четыре постановления. Десятки других, регулировавших аналогичные вопросы, не привлекли внимание редакции. В № 10–11 появились постановления Российского правительства об изъятии керенок.¹⁹ Это имело значение с учетом того, что журнал публиковал множество разнообразных материалов о подготовке и проведении данной денежной реформы. Третья публикация появилась только через несколько номеров, причем в разделе рекламы. Это было постановление Совета министров от 13 марта 1919 г., предписавшее предприятиям и учреждениям, обязанным публичной отчетностью, публиковать объявления об общих собраниях и протоколы

¹⁶ Известия Министерства земледелия. 1919. № 1. С. 2.

¹⁷ Известия Министерства земледелия. 1919. № 2. С. 2–3; № 3. С. 2.

¹⁸ Известия Министерства земледелия. 1919. № 20–24. С. 2.

¹⁹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 10–11. С. 1–4.

их решений в ВФПТ.²⁰ В дальнейшем официальное издание поместило еще несколько постановлений в разных номерах. Редакция явно не преследовала цель поместить на своих страницах даже ключевые нормативные акты, регулировавшие финансовую сферу и торгово-промышленную деятельность. Напротив, такие публикации носили характер либо чрезвычайный, либо случайный.

Совершенно без публикации законодательства обходились издания Министерства народного просвещения и Главного управления по делам местного хозяйства МВД. Зато журналы Министерства путей сообщения, как центральное, так и местные, за исключением органа Томской железной дороги, публиковали законодательные акты весьма регулярно. В еженедельнике Самаро-Златоустовской железной дороги помещены отдельные приказы Комуча, касавшиеся трудовых отношений, перевозки грузов. Причем одни опубликованы как собственно нормативно-правовые акты, а другие — в составе телеграмм, вводящих в действие правительственные приказы на линии железных дорог. Редакция «Вестника Западно-Уральской железной дороги», возобновив свою работу в сентябре 1918 г., приступила к последовательной публикации всех нормативно-правовых актов, использовавшихся управлением и персоналом железных дорог, начиная с первых постановлений Западно-Сибирского комиссариата (июнь 1918 г.), в том числе и общегражданских, позволявших разобраться в вопросах легитимности власти и субординации ее вновь образованных учреждений. Здесь важны два обстоятельства. Во-первых, редакция максимально широко трактовала законодательство, имевшее отношение к работе железных дорог. Поэтому на страницах издания можно найти постановления, касавшиеся трудовых отношений, призывов в армию и многих других вопросов. Во-вторых, екатеринбургское издание транслировало позицию о легитимности распоряжений именно сибирской власти, хотя отдельные публикации постановлений Временного областного правительства Урала также были помещены в официальной части. В весенних номерах 1919 г. стали публиковаться перечни изданных постановлений высших органов власти Временного Сибирского и Российского правительств, выглядевшие как последовательное содержание всех номеров Собрания узаконений. Но при этом сама публикация новых законодательных актов прекратилась.

Куда более ценные сведения можно почерпнуть из официальных разделов журналов в связи с публикацией в них распорядительной документации.

ВФПТ публиковал документы в исключительных случаях, но не в отдельной рубрике, а в составе хроники, правда, со всеми необхо-

²⁰ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 17. С. 20.

димыми элементами (дата, подписи, включая подписи делопроизводителей). Следует учесть, что в других номерах журнал публиковал в данной рубрике новостные сообщения о деятельности Министерства финансов, его центральных и местных учреждений.

Зато ИМЗ публиковали общие приказы и циркуляры по министерству, циркуляры начальников департаментов и управлений, утвержденные министром и направленные в Совет министров доклады. В большинстве случаев воспроизводились все реквизиты документа и расшифровывались подлинные подписи. Нередко указывалось, кто подписал подлинник, без указания скрепляющих подписей. Изредка текст публиковался с названием, но без реквизитов документа. Иногда публикации предшествовало вводное пояснение: куда, при каких обстоятельствах и с какой целью был направлен из министерства публикуемый ниже документ.

Порой такие пояснения имеют ключевое значение. Например, в ИМЗ было опубликовано законодательное представление министерства об отмене закона Временного Сибирского правительства от 6 июня 1918 г. о возвращении прежним владельцам частновладельческих земель. Представление хорошо аргументировало необходимость проведения данной меры как соответствовавшей интересам трудового крестьянства. В публикации присутствовала точная дата внесения в Совет министров — 13 марта 1919 г., исходящий номер.²¹ Данный документ вскоре в кратком пересказе попал в новостные разделы газет. Утверждение об отмене Советом министров Российского правительства постановления о возвращении имений было растиражировано советской и современной историографией и стало широко распространенной ошибкой. Между тем первоисточник — всего лишь предложение Министерства земледелия, которое не было принято высшим органом власти.

Основное ведомственное издание Министерства путей сообщения в каждом номере публиковало приказы, телеграммы, распорядительные документы министра и руководителей департаментов, в том числе и рассылавшиеся циркулярно. Приказы по личному составу министерства публиковались целиком, в отдельных номерах — до полутора сотен. Пропуски стали допускаться только в последнем выпуске (№ 21–24), выход которого совпал с подготовкой центральных управлений к эвакуации из Омска. Публикация делопроизводственных документов на страницах «Вестника Министерства путей сообщения» была настолько масштабна, что редакция разделяла их на внутренние рубрики по отдельным службам, управлениям, адре-

²¹ Известия Министерства земледелия. 1919. № 7–8. С. 2–3.

сатам. Что особенно важно, здесь издавалось достаточно много документов департамента водного транспорта.

Все издания местных органов Министерства путей сообщения использовались как способ доведения до своих служащих и ответственности ключевых делопроизводственных документов. Их следует разделить на три группы. Первая — распорядительные документы министерства. Они включались в состав очередного номера по усмотрению редакции, исходившей из их значимости независимо от того, публиковались они в общеминистерском издании или нет. Есть смысл сопоставить корпус делопроизводственных документов Министерства путей сообщения, опубликованных в его официальном издании и журналах управлений отдельных железных дорог. Второй группой являются документы самих управлений железных дорог. Они практически всегда имели все необходимые реквизиты. Публиковались телеграммы, приказы, инструкции, кадровые документы. Судя по нумерации, приказы помещались подряд, телеграммы и циркуляры — выборочно. Но при этом объем выборки мог отличаться не только в разных изданиях, но и в пределах одного журнала в разные периоды. Журнал управления Томской железной дороги публиковал документы о массовых увольнениях со службы и приеме на открывшиеся вакансии. Третью группу составляли документы иных местных органов и учреждений, содержащие важные для работы железных дорог сведения. Это могли быть телеграммы военных властей о введении и снятии военного положения, об ограничениях на движение составов по отдельным линиям. Уникальность таких публикаций определяется двумя обстоятельствами. Не все они могли попадать на страницы других местных изданий, и, следовательно, открывается возможность восполнить информацию о значимых для региональной и локальной истории документах. Кроме того, включение в состав специализированных изданий свидетельствовало о значимости документа для всей линии соответствующих железных дорог. Нужно иметь в виду, что порой решения местных органов власти доводились до железнодорожных служащих приказами по управлению железных дорог. Их тексты входили в состав внутренних делопроизводственных документов.

Ценность журнальных публикаций делопроизводственных документов состоит в том, что они позволяют детально проанализировать механизм реализации законодательных актов, порой с региональными нюансами. Многие из опубликованных распорядительных документов рассылались циркулярно в подведомственные организации и, безусловно, отложились в местных архивах в большом количестве копий. Но факт публикации таких циркуляров в официальных ве-

домственных изданиях также очень значим. Публикации подлежала далеко не вся распорядительная документация, а лишь наиболее востребованная в работе местных подразделений ведомства. Очевидно, что сопоставление опубликованных выборок делопроизводственных документов и архивных подборок поможет определить принципы их оперативной публикации. При этом необходимо учитывать влияние редакционной политики конкретных периодических изданий на состав размещенных на их страницах делопроизводственных документов и археографические особенности самих публикаций.

Несколько новой по сравнению с дореволюционной информационной ситуацией стала практика публикации отчетов и развернутых аналитических докладов о работе подразделений министерств за различные промежутки времени, о состоянии дел в отдельных отраслях управления. Особенно много подобных документов встречается на страницах ИМЗ. Происхождение некоторых несложно установить — они готовились к первой сессии Государственного экономического совещания и для информирования Особого совещания вооруженных сил Юга России о положении дел в Сибири. Сложность состоит в том, что подобные тексты, как правило, публиковались без реквизитов, отсутствовала датировка, адресат, сопроводительные пояснения.

Редкое исключение составляют публикации в издании Главного правления по делам местного хозяйства двух обширных документов. Первый — доклад с предложениями о внесении изменений в земский избирательный закон. Датировка в нем отсутствует, но указано наличие подписей управляющего Министерством внутренних дел В. Н. Пепеляева и исполняющего обязанности заведующего земским отделом Н. П. Юрцовского, что позволяет восстановить обстоятельства создания.²² Второй документ опубликован в качестве приложения к большому исследовательскому тексту в следующем номере — это доклад управляющему Тобольской губернии товарища-заместителя управляющего Тобольской губернии К. Ф. Копачелли от 25 апреля 1919 г. о положении уездного земства в Тобольской губернии.²³

Достаточно часто отчетный материал перерабатывался и оформлялся в виде статьи, что свидетельствует о подвижной грани между делопроизводственным документом и повествовательным текстом при публикации в периодических изданиях. И только знакомство с делопроизводством соответствующего министерства позволяет выявить, что в основу аналитической статьи положен отчет или доклад о работе соответствующего подразделения. В ряде случаев отчеты при-

²² Бюллетени Земского отдела. (Татарск), 1919. № 1. С. 35–61.

²³ Бюллетень Земского отдела. (Омск), 1919. № 2. С. 43–68.

нимались за основу, используя которую руководство соответствующего ведомства во взаимодействии с редакцией готовило материалы для публикации.²⁴ Важной исследовательской задачей является выявление в делопроизводстве соответствующих ведомств докладов и отчетов, уяснение авторства, даты и цели создания, адресата, сопоставление архивного и опубликованного текста. Это позволит уяснить степень переработки текста при подготовке его к публикации. Только в подобных случаях появляются основания разобраться, имеем мы дело с отчетом, подвергшимся минимальной доработке и адаптации для журнальной публикации, или текстом новой аналитической статьи, в основу которой положен существенно переработанный отчет, доклад или целый комплекс документов. Такие случаи, как будет указано ниже, имели широкое распространение.

Важнейшей частью составов ведомственных журналов стала публикация развернутых аналитических статей, посвященных анализу состояния отдельных отраслей управления и наиболее актуальным проблемам экономики и общественной жизни. В официальном издании Министерства финансов такого рода материалы занимали ключевое место, что соответствовало концепции издания.

Можно выделить два типа статей, оговорившись, что они представляют собой как бы два крайних полюса. В одних случаях ведомственные журналы работали как пресс-службы, готовившие материалы для информирования собственных служащих и общественности о деятельности своего министерства. Нередко это были подготовленные официальными лицами и изданные под их авторством статьи, написанные на основе докладов, отчетов, а иногда и большого числа аналитических внутриведомственных документов. Они содержали сведения о работе министерства и его подразделений, изобиловали точными фактами, датами, статистическими данными, упоминаниями о внутренних документах. В отдельных случаях авторы или составители специально готовили общественное мнение к положительному восприятию предлагаемых для внесения в Совет министров законопроектов. Тогда огласке придавались детали подготовки законодательных предложений, приводилась аргументация сторон, в том числе и звучавшая в подготовительных комиссиях, обосновывалась позиция министерства по наиболее дискуссионным проблемам. В таких статьях также встречались экскурсы в историю вопроса и анализ имевшейся в министерстве статистики.

²⁴ См., например: Отчетные сведения о деятельности лесного департамента Министерства земледелия за период с 1 июня 1918 г. по 1 апреля 1919 г.: По данным директора лесного департамента Н. И. Грибанова // Вестник Министерства земледелия. (Омск), 1919. № 8–9. С. 13–18.

Другим типом являлись научные статьи, также широко встречавшиеся в ведомственных периодических изданиях. На их страницах публиковались итоги исследований известных ученых. Например, анализ геологически разведанных запасов золота в России с опорой на доступную статистику и специализированную геологическую литературу для издания Министерства финансов сделал Э. Э. Анердт.²⁵ Крупнейший организатор земств Сибири и специалист по сельскому самоуправлению Н. С. Юрцовский опубликовал результаты анкетирования, проводимого им в сибирской деревне по результатам организации волостного земства. Его публикация вместе с документальными приложениями заняла целый номер журнала и может считаться небольшим самостоятельным монографическим исследованием.²⁶

Однако большинство статей, помещенных в ведомственных журналах, нельзя отнести к одному из этих двух типов в полной мере. Они занимали промежуточное положение. В ВФПТ служащие, являлись крупнейшими специалистами в тех областях экономики, которым посвящали свои статьи. Например, товарищ министра финансов И. Н. Хроновский опубликовал статью, посвященную налогообложению деревни. Приведенный в ней материал базировался на многолетнем исследовании проблем сбора прямых налогов и недоимок в сибирской деревне, а директор государственного банка В. Г. Топченков рассмотрел историю элеваторного строительства в России в контексте мирового опыта, опираясь на статистику и собственный богатый опыт по организации элеваторов.²⁷

Как уже отмечалось, отдельные аналитические статьи представляют собой переработку документов, подготовленных специалистами в делопроизводственных целях или докладов, представленных на заседаниях различных научных или научно-просветительских организаций. Например, статья профессора В. И. Минаева о возможностях развития химической промышленности в Сибири была опубликована с комментарием, что она представляет собой доклад, прочитанный на Съезде по организации Института исследования Сибири в 20 января 1919 г. в Томске.²⁸

Опубликованные в ведомственных журналах статьи представляют интерес как сохранившиеся материалы о работе научных организаций или подготовительные материалы работы центральных учреждений Временного Сибирского и Российского правительств.

²⁵ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 3. С. 9–15.

²⁶ Бюллетень земского отдела. (Омск), 1919. № 2. С. 1–72.

²⁷ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 4. С. 6–30; № 7. С. 8–12.

²⁸ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1919. № 3. С. 15–23.

Они не только отражают состояние общественной, научной и управленческой мысли, но и позволяют глубже понять, на какие материалы опирались, какими аргументами руководствовались политики и управленцы, принимая ответственные решения. Но встречается в ведомственных журналах и вполне классическая публицистика. Например, редакция ИМЗ, публиковавшая множество разнообразных материалов по итогам и перспективам земельных реформ, помещала статьи, представляющие собой полемический обзор откликов прессы по отдельным вопросам деятельности Российского правительства и Министерства земледелия.

Значительный объем информации можно извлечь из новостных разделов журналов. Они существенно различались в зависимости от издания. ИМЗ составляли тематические обзоры сибирской прессы по вопросам деятельности министерства, хронику Министерства земледелия, включавшую множество коротких сообщений о событиях и мероприятиях в центральных и местных учреждениях ведомства, о подготовке законопроектов и поступивших в министерство важнейших документах, итогах проведенных совещаний и принятых на них решениях. Новостные заметки о деятельности Министерства путей сообщения, публиковавшиеся в разделе «Хроника» в издававшихся министерством «Вестнике», были порой весьма пространными, предоставляли читателям достаточно полную информацию о жизни ведомства. ВФПТ периодически публиковал хронику деятельности министерства и сводки о деятельности правительства. Но это были очень лапидарные подборки, встречавшиеся далеко не в каждом номере, причем сведения о деятельности правительства перемежались с текстами его же постановлений, а сама рубрика представляла собой смесь из законодательных актов и новостных сообщений.

Зато местные издания управлений железных дорог наполняли свои неофициальные разделы, поименованные статей на железнодорожные темы, обзорами центральной и местной прессы, фронтовыми сводками и полезными практическими рекомендациями для огородников. Полноценной новостной информацией о жизни железных дорог они на своих страницах не размещали.

Большое значение имела публикация в ведомственных журналах специализированной статистики. Она попадала на их страницы как в специальных публикациях статистических данных, так и в составе аналитических статей.

В аналитических статьях российские служащие и ученые оперировали преимущественно статистикой предреволюционных лет. Достаточно большой объем такой статистики, причем нередко взятой из ведомственных архивов и не публиковавшейся ранее, содержат ИМЗ.

«Вестник Министерства путей сообщения», как правило, помещал статистику в составе публиковавшихся в неофициальной части издания статей. В нем встречаются данные о состоянии железнодорожных перевозок, снабжении железных дорог топливом, динамике ремонта подвижного состава. Исключительное значение имеет ВФПТ, авторы которого нередко использовали данные революционных лет, отражавшие новейшие тенденции в финансовой сфере. В статьях статистическая информация могла присутствовать в самом тексте, когда приводились статистические данные в подкрепление авторских рассуждений. Но очень часто большие блоки цифровых данных сводились в таблицы для удобства восприятия. Ввиду отсутствия традиции ссылаться на источники информации не всегда можно судить о том, извлечены приведенные данные из ранее опубликованных источников или представляют собой оригинальную, впервые публикуемую информацию.

Кроме того, ВФПТ оказался единственным журналом, размещавшим из номера в номер тематические таблицы о состоянии финансовой сферы: обменные курсы на мировых биржах, динамика доходов и расходов казны, информация о ходе закупок казной важнейших продуктов. Большинство таблиц размещалось в специальной рубрике. Далеко не все публикуемые сведения однотипны и регулярны. Как правило, статистические таблицы не имели указания на источник, но иногда встречались и детально прокомментированные сведения, с пояснением степени полноты и причинах возникновения лакун. Из этих же комментариев следует, что публикуемые данные собирались департаментами и управлениями Министерства финансов.

Приведенный анализ основных видов источников, помещенных в ведомственных журналах, не является исчерпывающим и не охватывает все их разнообразие, но отражает наиболее значимые группы, выделенные преимущественно по видовому признаку. Источниковедческий анализ публикаций в журнальной периодике с учетом их видовой специфики делает только первые шаги. С учетом данного обстоятельства можно сделать лишь несколько предварительных выводов.

Предложенный подход к изучению отдельных публикаций в журналах как самостоятельных источников и внимание к археографическим особенностям их публикации расширяет возможности целенаправленного поиска архивных документов и их более глубокого археографического анализа.

Поиск информации по конкретно-исторической проблематике, не связанный с источниковедением и археографией, также целесообразен с учетом видовой специфики опубликованных в журналах

источников. До последнего времени этот подход недооценивался, но он обладает значительными эвристическими возможностями. В частности, явно недооцененной группой исторических источников являются аналитические статьи, активно публиковавшиеся в том числе и в ведомственных журналах.

С точки зрения истории прессы значительными перспективами обладает исследование эволюции, переживаемой ведомственными журналами от имперского периода к советскому и сравнительный анализ составов, содержания и редакционной политики советских журналов и выпускавшихся на неподконтрольных советской власти территориях.

Список литературы

- Акопов А. И.* Отечественные специальные журналы (1765–1917): Историко-типологический обзор. Ростов-на-Дону, 1986. 125 [2] с.
- Дмитриев С. С.* Источниковедение русской исторической журналистики: Постановка темы и проблематика // Источниковедение отечественной истории. [Вып. 2]: 1975. М., 1976. С. 272–305.
- Источниковедение истории СССР: Курс источниковедения истории СССР. Т. 2: XIX в. (до начала 90-х годов) / С. А. Никитин. М., 1940. 227 с.
- Рышков В. М.* История аграрной политики и сельского хозяйства в «Известиях Министерства земледелия» (Омск, 1919 г.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Седьмые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина, Барнаул, 9–10 октября 2009 г. Барнаул. 2009. С. 169–171.

Е. Ю. Нуйкина

Институт славяноведения РАН, Москва

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О ПРАВОСЛАВНОМ ДУХОВЕНСТВЕ В ДОКУМЕНТАХ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ 1917–1930-х годов

В статье рассматриваются информативные возможности документов судебно-следственных дел для установления биографий арестованных. Показывается возможность применения методик анализа следственных документов, рассматриваемых в трудах Н. Н. Покровского при изучении следственных документов XX века.

Ключевые слова: Н. Н. Покровский, судебно-следственные дела, XX век, священнослужители, Русская Православная Церковь

Центром научных интересов Н. Н. Покровского не раз становились судебно-следственные дела как средневекового, так и новейшего времени.¹ Обращая внимание на сложность определения степени достоверности этой разновидности исторических источников, Николай Николаевич, однако, подчеркивал их значение для установления обстоятельств и хода событий, связанных со следствием, установления биографических данных арестованных.

Описанные ученым методы исследовательской работы с этой разновидностью источников весьма актуальны при исследовании судебно-следственных дел XX века. Особенности анализа биографических сведений, содержащихся в судебно-следственных делах, освещены в книге Н. Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибир-

¹ *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974; *Покровский Н. Н.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 46–70. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып.7]); *Покровский Н. Н.* Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989; *Покровский Н. Н.* Политбюро и Церковь: 1922–1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 186–213; *Покровский Н. Н.* Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 94–105; Судные списки Максима Грека и Исаака Собака / Изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971; *Покровский Н. Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18–46; Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997; Кн. 2. М.; Новосибирск, 1998; *Покровский Н. Н.* Допрос в 1750 г. в Тобольской консистории старообрядческого священника о Симеона (Ключарева) о найденных у него письмах // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 276–287. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 22) и др.

ских крестьян-старообрядцев в XVIII в.», где он указывает на то, что эта информация «дает историкам немало сведений о тех сибирских крестьянах, чьи отношения с господствующей церковью были далеки от официальной идиллии».² Исследуя документы следствия в отношении староверов, Н. Н. Покровский отмечал, что «не всегда сообщаемые на следствии биографические сведения были правдивыми».³ Причины искажений ученый видел в желании крестьян скрыть свою истинную биографию для смягчения приговора, поскольку даже указание на грамотность могло послужить отягчающим обстоятельством при его вынесении. То же можно сказать и в отношении документов следственного производства советского периода, в которых отложились разнообразные сведения о биографии арестованных. Рассмотрим особенности методики установления достоверности биографической информации о священнослужителях Русской Православной Церкви, арестованных в период 1917–1930-х годов.

В целом, по документам следственных дел исследователь, как правило, может установить факты биографии человека как до ареста, так и после него. Однако, как показало исследование судебно-следственных дел по обвинению духовенства Русской Православной Церкви в контрреволюционных преступлениях, объем биографических сведений разнится в зависимости от периода заведения дела.

До 1922 г., т. е. до принятия Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, биография арестованного в кратком виде (фамилия, имя, отчество, возраст и место проживания) указывалась в начале протокола допроса, а также содержалась в самих показаниях арестованного. Например, в следственном деле за 1918 г. сохранилась такая форма записи протокола допроса: «Мне 47 лет, происхожу из черемис, учился только одну зиму, семейства имею 7 человек... Живу с малых лет дома безотлучно. На вопрос: Признает ли он советскую власть, он ответил, что признает. На вопрос, вел ли агитации против сов[етской] власти, ответил, что не вел. На вопрос: преследовал ли красноармейцев, ответил, что не преследовал».⁴

Следующий этап развития процедуры ведения следственного процесса охватывает период 1920-х — первую половину 1930-х гг., что связано с принятием Уголовно-процессуального кодекса. Этот фактор существенно повлиял на видовой состав и содержание следственных документов, которые стали включать больше сведений биографического характера. Как и для следствия XVIII в., в 1920–1930-е гг.

² Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 32.

³ Покровский Н. Н. Антифеодальный протест... С. 32.

⁴ УФСБ по Кировской обл. СУ-6538. Л. 10.

факты биографии арестованных имели крайне важное значение для следственных органов.

В 1935 г. в практическом пособии следственным и прокурорским работникам указывалось, что важнейшим и необходимым требованием для достижения положительных результатов расследования является его политическая направленность от начала до конца.⁵ Это означало, что преступник рассматривался как представитель того или иного класса, действующий в конкретных условиях классовой борьбы. Так, в случаях привлечения «кулацких и вообще нетрудовых элементов», к каковым относилось и духовенство, необходимо было установить: социальное происхождение, источники нетрудовых доходов как до, так и после революции, до момента совершения преступления, какую роль играло данное лицо в период Гражданской войны и в период коллективизации, были ли с его стороны какие-либо анти-советские выступления, и в чем конкретно они выражались.⁶

Наиболее полные биографические сведения о жизни и деятельности арестованного в указанный интервал сохранились в таких следственных документах, как анкета арестованного и протокол допроса. Состав вопросов обоих документов одинаков в части установления фамилии, имени и отчества обвиняемого, его возраста, образования, местожительства, состава семьи, партийной принадлежности, профессии, имущественного положения, сведений о прежней судимости.

Тем не менее, анкета позволяет не только установить факты биографии, но и обстоятельства ареста, поскольку содержит соответствующие вопросы: когда, где и кем арестован, по чьему ордеру, предъявлено ли обвинение. Анкета также включает сведения об официальном названии места заключения, принадлежности и номера ордера, указания на то, за кем числился арестованный и на его приметы.

Анкетная же часть протокола допроса содержала, кроме общих с анкетой вопросов, вопрос о происхождении, имела развернутую часть вопросов, касающуюся деятельности и местожительства допрашиваемого в период с войны 1914 г. по время ареста. В следственных делах начала 1930-х годов также встречаются развернутые анкеты из 27 пунктов, включающих, кроме указанных выше, вопросы о службе в армиях, полиции, жандармерии, партизанских отрядах, пребывании за границей и наличии там родственников.

Биографические сведения, указанные в анкете и анкетной части протокола допроса, могли как дополнять друг друга, так и разниться. Например, 6 января 1930 г. был арестован священник с. Крутое

⁵ Криминалистика: Учебник для слушателей правовых вузов. Кн. 1: Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. С. 133.

⁶ Криминалистика. С. 138.

Каширского района Серпуховского округа Иосиф Васильевич Рождественский.⁷ В следственном деле сохранились и анкета, и протокол допроса священника. Сопоставительный анализ этих двух документов показал, что биографические сведения совпали только в части фамилии, имени, отчества, местожительства и партийной принадлежности. По всем остальным вопросам оба документа значительно дополняют друг друга и их комплексный анализ позволяет установить более точные данные об арестованном священнике. Хронологически анкета была составлена первой, через 13 дней после ареста, а именно 19 января 1930 г. Содержащиеся в ней данные позволяют точно узнать о дате рождения (31 марта 1879 г.), национальности (русский), образовании (Тульская духовная семинария), составе семьи (указаны год рождения, род занятий и местожительство детей) арестованного. Что касается обстоятельств ареста, то из ответов священника на вопросы анкеты становится ясно, что он был арестован у себя на квартире 6 января 1930 г. местным председателем сельсовета, и до момента составления анкеты он ни разу не допрашивался и обвинение ему никакое не предъявлялось.⁸ На следующий день после составления анкеты, 20 января 1930 г., был произведен допрос о. Иосифа. Анкетная часть протокола допроса дополняет сведения анкеты в части имущественного положения священника (живет на квартире, имеет лошадь, корову, амбар), а также сведений о прежней судимости (был осужден по ст. 169 УК).⁹

В своих показаниях обвиняемые часто сами рассказывали об обстоятельствах своей жизни, о причинах тех или иных жизненно важных решений, т. е. информацию, которая могла больше нигде не сохраниться. Например, священник Константин Васильевич Аксенов на вопрос следователя о том, что побудило его, «дворянина, сына капитана, избрать себе деятельность в качестве священника», ответил: «Призвание. С 7 лет прислуживал в церкви, подавал кадило и т. д. Из гимназии без разрешения матери, хотевшей отдать меня в военное училище, перешел в семинарию по той же причине».¹⁰

В протоколе допроса архимандрита Никодима (Шатунова) читаем: «Сам проповедь никогда не составлял, т. к. у меня образование домашнее. Никакого специального духовного образования не получил. До 26 лет отроду был в деревне. В детстве еще простудился и страдал ревматизмом в острой форме. Ходил только с помощью костылей. В 27 л[ет] возраста поступил в Вятский Трифонов монастырь, т. к.

⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49465. Л. 2 об.

⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49465. Л. 3–3 об.

⁹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49465. Л. 22–22 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-45736. Л. 13 об.

для жизни — мира я уже был непригоден, и собирался умирать. Но не известно по каким причинам, ревматические боли начали уменьшаться, и я вскоре начал ходить без костылей. В Вятком мон[астыре] жил 23 года, был на должностях: 1) Расходчика, казначея и наместника монастыря. В 1907 году я был оттуда переведен в Москву — в Заиконоспасский м[онастырь], где был около двух лет — наместником. В 1909 году — в Звенигородский “Саввский” м[онастырь] — наместником — был года 1 ½; оттуда в 1911 г. был назначен в Петровский м[онастырь] — настоятелем, где и нахожусь в данное время».¹¹

Иногда краткие сведения, содержащиеся в анкетной части протокола допроса, раскрываются в его содержательной части. Так, например, 10 августа 1937 г. был допрошен священник Михаил Петрович Ерогодский. В анкетной части протокола допроса в пункте «Дата рождения» указан лишь год — 1878. В дополнительных показаниях, данных священником 27 августа, на просьбу указать точный год рождения, он показал, что родился 19 сентября 1878 г., и в сентябре 1937 г. ему исполнится 59 лет.¹² Кроме того, в той же анкетной части, в пунктах о службе в Красной армии, а также в Белой и других армиях указано, что он нигде не служил. Однако в протоколе допроса от 16 августа священник по этому вопросу показал, что с 1914 г. по декабрь 1917 г. был на действительной военной службе в качестве писаря, а после возвращения на родину несколько месяцев служил секретарем волостной земской управы.¹³

Сведения биографического характера также содержатся и в других видах документов, которые привлекались дополнительно в ходе следствия и входят в состав следственных дел. Например, выписки из протоколов заседаний и справки сельских советов, характеристики обвиняемых, справки об имущественном положении, из которых можно почерпнуть информацию о биографиях и характеристиках обвиняемых, их имущественном положении, о происходивших событиях. А в ордере на обыск и арест, протоколе обыска зачастую содержится адрес проживания предполагаемого к аресту человека.

Судебно-следственное дело может содержать документы, изъятые в ходе проведения обыска и включенные в состав дела в качестве вещественных доказательств: паспорт, документы с места работы, письма, дневники, фотографии и др. Обращение к этим документам также позволяет уточнять биографию арестованного.

Что касается выявления биографических сведений о человеке после его ареста, то изучение датировок документов позволяет исследо-

¹¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-37434 Л. 5.

¹² УФСБ по Республике Коми. КП-6063. Л. 9–10.

¹³ УФСБ по Республике Коми. КП-6063. Л. 11.

вателю восстановить ход, последовательность и продолжительность следствия, а их содержание — место ареста, вынесенный приговор, место ссылки, дату расстрела.

Для судебно-следственных дел по обвинению духовенства характерно наличие скрытой и заведомо недостоверной информации, что требует от исследователя обращения ко всей совокупности этих документов в рамках конкретного дела, а также комплексного подхода с привлечением дополнительных материалов.

В первую очередь, это связано со спецификой условий создания документов, когда все участники могли быть источниками недостоверной информации, в том числе и сам обвиняемый. Причины этого могли крыться, как и в предыдущие исторические эпохи, в нежелании человека сообщать полные данные о себе. В документах судебно-следственных дел состав семьи мог вообще не указываться или указываться неполностью, что связано с боязнью арестованного навлечь беду на своих родных. Сведения о прежней судимости могут быть искажены, поскольку одни не указывали эти сведения намеренно, другие — ненамеренно, не считая некоторые виды административных наказаний за судимость, а также полагая, что судимость за давностью времени снята. Возраст арестованного также требует уточнения.

Точность имени, отчества и фамилии арестованного нередко требует привлечения дополнительных материалов. Данная информация может быть проверена и по материалам дела, например, по подписи самого человека, которая в деле, как правило, встречается не один раз, и в большинстве случаев у исследователя есть возможность определить правильность написания. Например, на протяжении всего дела протоиерей Митрофан Сребрянский упоминается почти везде как Серебрянский. Однако в личных подписях, поставленных в протоколах допросов, ясно прочитывается фамилия «Сребрянский».¹⁴

В следственных документах по обвинению духовенства были выявлены случаи, когда ошибка в написании фамилии приводила к задержанию не предполагавшихся к аресту людей. Ярким примером может служить судебно-следственное дело священника Сергея Ивановича Фрязинова. 15 августа 1918 г. был выписан ордер на обыск у «Рязанова (или Рязанцева)», однако в протоколе обыска в качестве обыскиваемого указан Сергей Иванович Фрязинов. Здесь же сделана запись о том, что С. И. Фрязинов дал расписку о том, что на следующий день явится в ВЧК для допроса.¹⁵ Дальнейшие события, повлекшие арест священника, были изложены им в жалобе, направленной в Московский революционный трибунал, которую он написал, про-

¹⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-50724. Л. 36, 36 об., 38.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34918. Л. 11.

ведя полгода в Бутырской тюрьме и будучи допрошенным всего несколько раз за это время. По словам священника, 15 августа у него был произведен обыск, несмотря на то, что в ордере была указана другая фамилия. Производивший обыск комиссар сообщил, что не находит никаких оснований для задержания, и взял только подписку, что священник явится в ВЧК для выяснения недоразумения относительно фамилии, помеченной в ордере. Четыре дня подряд он пытался встретиться со следователем. Наконец, попав к нему, был опрошен, после чего следователь заявил священнику, что последний может идти домой, дав предварительно подписку о немедленной явке в ВЧК, если будет необходимость. Собравшись уходить, священник, однако, был задержан другим следователем лишь на основании того, что «все попы агитаторы». Далее священник сообщал, что с этих пор он сидит в тюрьме, не зная точно, в чем же виноват.¹⁶ Священник Сергей Фрязинов был освобожден с подпиской о «не выступлении против советской власти»¹⁷ лишь 16 апреля 1919 г.

В другом судебно-следственном деле за 1918 г. священник Христофор Максимов стал Христофоровым Максимом, что нашло отражение даже в протоколе дознания, однако на момент освобождения ошибка была исправлена.¹⁸

Зачастую указанные в следственных делах даты рождения требуют дополнительного уточнения. Достаточно случаев, когда вместо года рождения указывается только возраст арестованного, следовательно, год рождения можно установить примерно.

Большое количество ошибок встречается в написании населенных пунктов и иных географических названий, которые часто записывались на слух со слов арестованного.

Как было указано выше, среди документов судебно-следственных дел духовенства встречаются характеристики обвиняемых, присылаемые из сельских советов, которые отличаются от справок большей степенью подробности и содержат дополнительные сведения об обвиняемом.¹⁹ Тем не менее, зафиксированная в них информация требует комплексной проверки с привлечением материалов дела и дополнительных источников.

Таким образом, для определения достоверности сведений биографического характера в документах судебно-следственных дел первых двух советских десятилетий требуется применение комплекс-

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34918. Л. 27–27 об.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34918. Л. 3.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-34922.

¹⁹ Иноземцева З. П., Романова С. Н. Дела по обвинению православного духовенства и мирян как исторический источник // Вестник архивиста: 2000–летию Рождества Христова посвящается: Специальный выпуск. М., 2001. С. 116.

ного подхода с привлечением других источников, поскольку в условиях ведения следствия человек не всегда считал нужным указывать полные и точные биографические данные. Применение источниковедческих методик изучения следственных документов более ранних периодов еще раз подчеркивает неоспоримость тезиса Н. Н. Покровского о том, что «методика научного анализа источников в принципе является единой для документов всех периодов».²⁰

Список литературы

- Архивы Кремля: Политбюро и Церковь. 1922–1925 гг. / Изд. подгот. Н. Н. Покровский, С. Г. Петров Кн. 1. М.; Новосибирск, 1997. 598 с.; Кн. 2. М.; Новосибирск, 1998. 647 с.
- Иноземцева З. П., Романова С. Н.* Дела по обвинению православного духовенства и мирян как исторический источник // Вестник архивиста: 2000-летию Рождества Христова посвящается: Специальный выпуск. М., 2001. С. 112–131.
- Криминалистика: Учебник для слушателей правовых вузов. Кн. 1: Техника и тактика расследования преступлений. М., 1935. 272 с.
- Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. 395 с.
- Покровский Н. Н.* Допрос в 1750 г. в Тобольской консистории старообрядческого священника о. Симеона (Ключарева) о найденных у него письмах // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003. С. 276–287. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 22).
- Покровский Н. Н.* Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18–46.
- Покровский Н. Н.* Источниковедческие проблемы истории России XX века // Общественные науки и современность. 1997. № 3. С. 94–105.
- Покровский Н. Н.* Политбюро и Церковь: 1922–1923. Три архивных дела // Новый мир. 1994. № 8. С. 186–213.
- Покровский Н. Н.* Следственное дело и выговская повесть о тарских событиях 1722 г. // Рукописная традиция XVI–XIX вв. на Востоке России. Новосибирск, 1983. С. 46–70. (Археография и источниковедение Сибири. [Вып. 7]).
- Покровский Н. Н.* Томск 1648–1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. 388 с.
- Судные списки Максима Грека и Исака Собаки / Изд. подгот. Н. Н. Покровский. М., 1971. 186 с.

²⁰ Покровский Н. Н. Источниковедческие проблемы истории России XX века. С. 96.

М. В. ЗЕЛЕНОВ

Российский государственный архив социально-политической истории, Москва

Опыт текстологического изучения «Краткого курса истории ВКП (б)»

Статья посвящена текстологическому анализу «Краткого курса истории ВКП (б)», в результате которого удалось выявить редакции и варианты текста, его источники, а также решить вопросы авторства произведения и археографические проблемы воспроизведения основного текста и вариантов.

Ключевые слова: «Краткий курс истории ВКП (б)», текстология, принципы публикации, атрибуция, аппарат ЦК ВКП (б), И. В. Сталин, Е. М. Ярославский

Текстология как наука изучает текст произведения, в результате чего раскрывается его история,¹ однако при исследовании историко-партийных документов методы классической текстологии, как правило, не использовались. Первым, кто применил к советским партийным документам приемы изучения и издания средневековых текстов, был С. Н. Валк, разработавший правила хранения, описания и издания сочинений В. И. Ленина² и применивший опыт классической археографии для издания декретов советской власти.³ Несмотря на этот выдающийся опыт, можно утверждать, что текстология историко-партийных документов в СССР отсутствовала. После открытия архивов в 1991 г. выдающийся археограф Н. Н. Покровский также применил опыт медиевиста к анализу документов, вышедших из недр

¹ «Текстология изучает историю текста» (Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.: Л., 1962. С. 52); «Предмет изучения текстологии — текст конкретного произведения... В процессе изучения раскрывается история текста» (Спиридонова Л. А. Текстология: Теория и практика. М., 2019. С. 10).

² Валк С. Н. Проект правил издания трудов В. И. Ленина // Валк С. Н. Избранные труды по археографии. СПб, 1991. С. 85–105; «Документы Вл. Ил. должны храниться свято и неприкосновенно»: Формирование правил хранения, описания и учета ленинского наследия. 1924 год / Публ. М. В. Зеленов, М. П. Ирошников // Исторический архив. 2018. № 2. С. 33–50; № 3. С. 14–25.

³ Декреты Октябрьской революции. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания: Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома. М., 1933. Издание подготовил к печати С. Н. Валк, применив принципы, разработанные его учителем А. С. Лаппо-Данилевским. Однако, поскольку в книге постоянно встречалась фамилия Л. Д. Троцкого, издание было прекращено. Работа была продолжена уже после смерти И. В. Сталина. См.: Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. К работе был привлечен и ученик С. Н. Валка М. П. Ирошников.

ЦК КПСС,⁴ поскольку «фундаментальные законы источниковедения и текстологии едины для текстов разных эпох».⁵

Четверть века назад возникла идея применить методы текстологии и к «Краткому курсу истории ВКП (б)» (далее — КК), чтобы потом подготовить академическое издание этого памятника советской эпохи. В ходе работы были выяснены основные этапы создания этого текста, выявлены основные редакции и варианты, реальные и возможные авторы, а также роль И. В. Сталина в редактировании макета учебника, представленного ему для утверждения.⁶ При подготовке канонического текста⁷ к критическому изданию редакции и варианты КК были пересмотрены, уточнены, а также встали эдиционные вопросы текстологии (как передать варианты текста) и комментариев — насколько должен быть глубоким поиск источника текста? Вопрос определения основного текста не стоял, так как текст на протяжении почти 30 лет воспроизводился с одних и тех же стереотипических матриц.⁸

Опыту текстологической работы с одним из самых загадочных произведений аппарата ЦК ВКП (б) и И. В. Сталина посвящена эта статья.

История текста

К исследованию привлечено три группы документов: 1) недатированные и неатрибутированные тексты различных редакций КК, 2) источники, в которых имеются упоминания об истории создания КК, 3) различные документы, которые могут помочь в атрибутиции и датировке КК.

⁴ Покровский Н. Н. Время издавать источники // Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 11–21; Покровский Н. Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18–46.

⁵ Покровский Н. Н. «Текстология» Д. С. Лихачева и проблемы издания документов XX в. // Памятники отечественной книжности: Новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 153–160. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 26).

⁶ «Краткий курс истории ВКП (б)»: Текст и его история. В 2 ч. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП (б)»: 1931–1956 / Сост. М. В. Зеленов, Д. Бранденбергер. М., 2014. Далее — КК. Т. 1.

⁷ Термин «канонический текст» как непререкаемый, итоговый, окончательный, неизменяемый в применении к документам советской власти ввел Сталин. А. Л. Гришунин, ссылаясь на С. А. Макашину, передает такой диалог, связанный с редактированием музыкальных текстов: «Но возник вопрос: каким все-таки должен быть издаваемый текст? За ответом обратились к Сталину... По свидетельству очевидцев, он ответил замечательно просто: “Давайте канонический текст”» (Гришунин А. К переоценке старых заповедей // Книга: Исследования и материалы. Вып. 60. М., 1990. С. 83).

⁸ Это некоторое обобщение. Текст издавался в неизменном виде с 1938 г., а потом — с 1945 г., изменение связано с «выявлением» и «изъятием» трех «врагов народа» и из реальной жизни, и из текста книги (Ежов, Голощекин, Пронин).

1 редакция КК. «История ВКП (б)». Май-июнь 1937 г. Авторство: [Е. М. Ярославский]

Краткое обозначение редакции: «Я1».

Заголовок: «История ВКП (б)».

Рукописи: Недатированный текст. «История ВКП (б)». Машинопись. 805 страниц. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1203–1207; РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 20 (первые главы). Типографский экземпляр учебника Ярославского. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 381.

Датировка: [май-июнь 1937 г.] Машинопись датируется на основании сопроводительного письма Ярославского Сталину от 1 июля 1937 г. о том, что он выполнил решение Политбюро от 11 мая 1937 г. о сдаче учебника «для партийных курсов» в срок (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1203. Л. 1). Типографский экземпляр сделан в июле 1937 г., датируется по упоминанию в письме заведующего Отделом партпропаганды и агитации ЦК ВКП (б) А. И. Стецкого 2 августа 1937 г.⁹

Авторство: В постановлении Политбюро говорилось о двух авторах: В. Г. Кнорине и Е. М. Ярославском. Так как Кнорин был арестован 22 июня 1937 г., Ярославский приписывает авторство только себе, ссылаясь на то, что представленный текст является сокращенным и переработанным вариантом его «Истории ВКП (б)». В двух томах» (1934 г.). Установить степень авторства В. Г. Кнорина представляется проблематичным. Вариант этого текста, отредактированный и немного измененный, был оформлен Ярославским как новое издание «Очерков по истории ВКП (б)» в двух томах — для парткурсов и партшкол (см.: РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 9. Д. 832, 833). Издание не состоялось. Но именно этот текст, созданный одновременно с «Кратким курсом истории ВКП (б)», позволяет выявить участие Ярославского в знаменитом учебнике.

Пометы Сталина на Я1: [август — 4 сентября 1938] Недатированные пометы Сталина на типографском экземпляре учебника Ярославского (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 381. Л. 3–11, 21, 32, 34–35, 38). Типографский экземпляр описывается в докладной записке А. Стецкого Сталину с анализом содержания учебника 2 августа 1937 г. и в аналитической записке Стецкого в Политбюро от 19 августа 1937 г.¹⁰ Предположительно датируется августом 1937 г. на основании помет Сталина на аналитической записке Стецкого.

Роль Сталина в изменении концепции Я1: Сталин соглашается с предложением изменить структуру учебника (должно быть 12 глав вместо 29) и включить обязательные содержательные элементы для

⁹ КК. Т. 1. С. 247–249. Стецкий ссылается на страницы типографского макета книги, а не на рукопись.

¹⁰ КК. Т. 1. С. 247–256.

каждой главы (характеристики экономического и политического положения каждого периода). Не позднее 4 сентября 1937 г. (дата встречи Жданова со Стецким и Ярославским, зафиксированная в журнале посещений Жданова).¹¹

2 редакция КК. Вариант «А». «Второй вариант». 4 сентября 1937 — 5 ноября 1937 г. Авторство [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Краткое обозначение редакции и варианта: «П1».

Обоснование новой редакции: 1) Совершенно иная структура и 2) другие авторы, 3) другой текст.

Заголовок: Е. М. Ярославский. История ВКП (б). Краткий учебник. На правах рукописи (второй вариант).

Рукописи: Типографский текст, макет (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1108. 295 с.).

Датировка: [4 сентября — 5 ноября 1937 г.] Можно предположить, что на встрече секретаря ЦК А. А. Жданова со Стецким и Ярославским 4 сентября оглашено решение Сталина о сокращении учебника в два раза. Кроме того, достигнута договоренность, что помогать Ярославскому будет его коллега по КПК и новый заместитель Стецкого П. Н. Поспелов. Есть переписка Ярославского с Поспеловым за 13–19 сентября 1937 г. о ходе работы над новой редакцией учебника.¹² 5 ноября 1937 г. типографский экземпляр учебника направлен Сталину (сопроводительное письмо Поспелова).¹³

Авторство: Е. М. Ярославский (изначальный текст учебника). В докладной записке Поспелова упоминается редакционная комиссия, которая сократила учебник, в составе П. Н. Поспелова, Стецкого, В. Г. Сорина (ИМЭЛ), М. С. Волина (ИМЭЛ).¹⁴ В докладной записке Ярославского упоминается также член комиссии А. И. Угаров (Ленинградский ГК ВКП (б)).¹⁵ В плане сокращения учебника, составленном Поспеловым, указано распределение глав между членами комиссии: Поспелов — 1, 4, 5, 10 и 11 главы, Стецкий — 7 глава о революции 1917 г., Сорин — 8 глава о гражданской войне, Волин — 9 глава о НЭПе, Угаров — 12 глава о 1935–1937 гг.¹⁶ Выявить степень

¹¹ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 75. Л. 12. То же: Исторический архив. 2023. № 3. С. 126. 4 сентября Сталин встречался со Ждановым с 16.15 до 23.00, вопрос об учебниках мог возникнуть, после чего Жданов мог срочно вызвать Стецкого и Ярославского и рассказать им о необходимых изменениях в учебнике (см.: На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 219).

¹² КК. Т. 1. С. 288, 289.

¹³ КК. Т. 1. С. 290.

¹⁴ КК. Т. 1. С. 290.

¹⁵ КК. Т. 1. С. 291.

¹⁶ КК Т. 1. С. 287.

участия этих людей в создании текста не представляется возможным (никаких рукописных материалов не выявлено).¹⁷

Пометы Сталина на П1: [5 ноября — 26 ноября 1937 г.] Недатированные пометы и редакция «введения», пометы по тексту книги (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 111. Д. 1108. С. 5, 27, 40, 42, 43, 50, 74, 75). Датируется на основании сопроводительной записки Поспелова с текстом учебника от 5 ноября и встречи Сталина со Ждановым, Жданова со Стецким 26 ноября 1937 г.¹⁸

Роль Сталина в изменении концепции П1: Требование изменить введение и внести редакционные исправления в текст книги.

2 редакция КК. Вариант «Б». [«Второй вариант». Данная реконструкция является исключительно интерпретацией]. 26 ноября 1937 г. — 26 января 1938 г. Авторство [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Краткое обозначение редакции и варианта: «П1Б».

Обоснование нового варианта: после сталинских замечаний [ноябрь-декабрь 1937] авторы обязаны были внести изменения в предыдущий текст. Об этом же пишет Стецкий 26 января 1938 г.: «Учебники Ярославского и Леонтьева уже четыре раза прошли редакцию».¹⁹ Вряд ли он мог предложить Сталину в январе 1938 г. ту же редакцию учебника, что и в ноябре 1937 г. Это значит, что текст был изменен, но концептуально это было в рамках П1.

Заголовок: [Ем. Ярославский. История ВКП (б). Краткий учебник. На правах рукописи (второй вариант)].

Рукописи: Рукопись учебника отсутствует. Текст упоминается в докладной записке Стецкого Сталину от 26 января 1938 г.²⁰

Датировка: [26 ноября 1937 г. — 26 января 1938 г.]

¹⁷ Рассказывая в декабре 1939 г. о подготовке учебника, Е. М. Ярославский упоминает, что «тогда по поручению ЦК за это дело взялась уже целая группа, которой поручено было работать над отдельными главами, предоставить свои варианты отдельных глав. Как-то товарищ Жданов сказал по этому поводу, что: “Целый колхоз образовался”» (КК. Т. 1. С. 713).

¹⁸ Журнал регистрации приема посетителей Секретарем ЦК ВКП (б) А. А. Ждановым за 1936–1937 гг. в г. Москве / Публ. М. В. Зеленов, А. А. Чернобаев // Исторический архив. 2023. № 3. С. 129; На приеме у Сталина. С. 225. Жданов был у Сталина с 19.30 до 21.55. Можно предположить, что на встрече он был ознакомлен с основными замечаниями к учебнику, после чего вызвал Стецкого и дал задание переработать учебник еще раз. С Поспеловым Жданов встречался 28 ноября 1927 г. и также мог рассказать ему об основных направлениях работы над новым вариантом учебника.

¹⁹ КК. Т. 1. С. 295.

²⁰ «Учебники Ярославского и Леонтьева уже четыре раза прошли редакцию, учебник Карпинского прошел редакцию три раза. По моему мнению они уже отработаны настолько, что их можно печатать, внося последние, сравнительно незначительные поправки» (КК. Т. 1. С. 295).

Авторство: [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]²¹

Пометы Сталина на П1Б: отсутствуют, так как он не получал П1Б.

Роль Сталина в изменении концепции П1Б: Сталин не дал разрешения на печатание учебника и отложил решение вопроса.

2 редакция КК. Вариант «В». [«Второй вариант». Данная реконструкция является исключительно интерпретацией].

26 января — 26 февраля 1938 г. Авторство [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Краткое обозначение редакции и варианта: «П1В».

Обоснование нового варианта: После обращения Стецкого к Сталину 26 января, через 10 дней Жданов встречается со Стецким, Поспеловым и Ярославским. Вероятно, они обсуждают степень готовности нового варианта к изданию. В тот же день, 16 февраля 1938 г., Оргбюро принимает решение: «Освободить т. т. Ярославского и Поспелова на 10 дней для работы над окончательной редакцией учебника по истории ВКП (б)». ²² Через 10 дней Поспелов представляет новое большое предисловие к старому тексту учебника, написанное в старой концепции. ²³ Это новый вариант текста.

Заголовок: [Ем. Ярославский. История ВКП (б). Краткий учебник. На правах рукописи (второй вариант)].

Рукописи: Предисловие Поспелова от 26 февраля (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1207. Л. 2–20: КК. Т. 1. С. 297–306).

Датировка: [26 января 1938 г.] первое предисловие датируется по отметке машинистки (26.02.1938). Второе не датировано, но содержит идеи, высказанные Сталиным 4 марта 1938 г. Предисловие не может быть датировано позднее 5 марта, так как Сталин предложил идеи, высказанные в предисловии, перенести в заключение к учебнику.

Авторство: [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Пометы Сталина на П1В: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1207. Л. 2–24: КК. Т. 1. С. 297–309.

Роль Сталина в изменении концепции П1В: Сталин отклонил предисловие со старой концепцией и определил новую концепцию и структуру учебника, которая ярко выражена в новой редакции КК.

²¹ Стецкий писал Сталину: «Так как в учебниках от авторского материала осталось очень мало, то их следовало бы выпустить под коллективными редакциями так как фактически они являются результатом коллективной работы» (КК. Т. 1. С. 295).

²² КК. Т. 1. С. 296.

²³ У исследователей есть два предисловия. Первое датируется 26 февраля, второе не датировано. Оно имеет свою пагинацию, но при этом присоединено к первому предисловию, продолжает его нумерацию и является как бы его продолжением. Идеологически оно является совершенно новым, и можно считать его принадлежащим уже новой редакции, созданной после 4 марта 1938 г. (КК. Т. 1. С. 306–310).

3 редакция КК. Вариант «А». [«Третий вариант»]. 4 марта — 15 апреля 1938 г. Авторство [Е. М. Ярославский, П. Н. Пospelов]

Краткое обозначение редакции и варианта: «П2А».

Обоснование новой редакции: Текст полностью отличается от П1 текстуально и идеологически.

Заголовок: «История ВКП (б). Краткий курс. Под редакцией Ем. Ярославского и П. Н. Пospelова. Одобрен комиссией ЦК ВКП (б) для партийных и ленинских курсов, а также для комсомольских организаций. На правах рукописи (третий вариант)».

Рукописи: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77. Типографский экземпляр с пометами Сталина, с вырезанными листами (с. 105–106, 141–142, 177–178, 201–202) и вырезанной частью листа (с. 305–306).

Датировка: [3 апреля 1938 г.] 4 и 5 марта 1928 г., на третий и четвертый дни процесса по делу «анти-троцкистского блока» Сталин впервые встречается со Ждановым и Пospelовым вместе. Он излагает свое видение учебника: все некоммунистические партии стали агентами иностранных разведок.²⁴ Эти слова более подробно записывает Жданов: нужно перенести введение в заключение, добавить в учебник список литературы, сделать акцент не на перечисление фракций, а на их критику, у партии есть законы развития.²⁵ Эти положения легли в основу П2А. На выполнение задания, на создание нового учебника был отведен месяц. Через месяц, 3 апреля, Сталин вновь принимает Жданова и Пospelова с 16.20 до 17.10 (потом к Сталину и Жданову присоединился на 40 минут Стецкий). Вероятнее всего, именно тогда был представлен макет П2А. На встрече Сталина с Ждановым 15 апреля прозвучала критика заключения, даны новые указания, записанные Ждановым.²⁶

Авторство: [Е. М. Ярославский, П. Н. Пospelов]

Пометы Сталина на П2А: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77. С. 11, 179–183, 190–192, 195, 199–200, 203–204, 213–231, 223, 225, 233, 234, 236, 238–243, 245–254, 256, 259–262, 264, 267–273, 275–280, 282, 284, 288–319, 321–329; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1210. Л. 296–296 об., 337–337 об., 355 об.

Роль Сталина в изменении концепции П2А: Главное — изменение заключения на основании помет Сталина (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77. С. 322–329). Это «четыре основных вывода из истории ВКП (б)» и «Связь с массами и доверие масс к партии». Остальные замечания Сталина не были им озвучены и переданы авторам П2А,

²⁴ КК. Т. 1. С. 311.

²⁵ КК. Т. 1. С. 312–313. (ошибочная датировка 3 апреля 1938 г.).

²⁶ КК. Т. 1. С. 329.

но реализованы Сталиным в ходе работы над рукописью в августе-сентябре 1938 г.

3 редакция КК. Вариант «Б». [«Четвертый вариант»]. 15–24 апреля 1938 г. Авторство [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Краткое обозначение редакции и варианта: «П2Б».

Обоснование нового варианта: Это вариант текста, поскольку 1) он полностью построен на идеологии «Третьего варианта» и 2) в нем сделано 6 важных дополнений и 9 стилистических изменений. Дополнения, самое важное из которых — дополнение «Заключения» — не дают оснований считать этот вариант новой редакцией.

Заголовок: «История ВКП (б). Краткий курс. Под редакцией Ем. Ярославского и П. Н. Поспелова. Одобрен комиссией ЦК ВКП (б) для партийных и комсомольских школ, курсов и кружков. На правах рукописи (четвертый вариант)».

Рукописи: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 383. Четыре типографских экземпляра книги с пометами и вклейками; РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1209–1211 (Главы 3, 4, 6, 8, 11).

Датировка: [22 апреля 1938 г.] 15 апреля Сталин встречается со Ждановым с 18.15 до 20.05,²⁷ после чего тот вызывает к себе в кабинет Поспелова и А. П. Большаковского (заведующий Государственным издательством партийной литературы).²⁸ Вероятно, обсуждается возможность издания П2Б на основе матриц П2А. Жданов встречается со Сталиным почти каждый день до 21 апреля.²⁹ 22 апреля Жданов вызывает к себе Поспелова и они встречаются также 23 апреля.³⁰ Вероятно, именно в эти дни был издан макет П2Б. П2Б не мог появиться позднее 24 апреля, так как этим днем датирована справка Поспелова о текстуальном отличии П2Б от П2А.³¹

Авторство: [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Пометы Сталина на П2Б: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1209–1211 (Главы 3, 4, 6, 8, 11).

Роль Сталина в изменении концепции П2Б: Изменение структуры учебника, кардинальное изменение текста, уточнение идеологии. Этот вариант послужил базовым для сталинской редактуры в мае-июле 1938 г.

²⁷ На приеме у Сталина. С. 235.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 75. Л. 21. об.

²⁹ На приеме у Сталина. С. 235.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 75. Л. 22. об.

³¹ КК. Т. 1. С. 329–330.

3 редакция КК. Вариант «В». [«Четвертый вариант»]. 25 апреля 1938 г. Авторство [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Краткое обозначение редакции и варианта: «П2В».

Обоснование нового варианта: Это новый вариант: внесены поправки 25 апреля. Перечень поправок известен из списка Поспелова — добавления про борьбу с троцкизмом, о теории «перманентной революции» Троцкого и др.

Заголовок: «История ВКП (б). Краткий курс. Под редакцией Ем. Ярославского и П. Н. Поспелова. Одобрен комиссией ЦК ВКП (б) для партийных и комсомольских школ, курсов и кружков. На правах рукописи (четвертый вариант)».

Рукописи: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 383. Л. 286–298. Машинопись, приклеенная к типографскому экземпляру книги.³²

Датировка: 25 апреля 1938 г. Датируется на основании справки Поспелова на имя Жданова от 26.04.1938: «Внесены поправки и дополнения 25/IV 1938 г.»³³

Авторство: [Е. М. Ярославский, П. Н. Поспелов]

Пометы Сталина на П2В: не выявлены. Судя по записи на обложке книги, этот вариант отправлен как окончательный в Политбюро 26 апреля 1938 г.

Роль Сталина в изменении концепции П2В: Сталин, по всей видимости, не был знаком с этим вариантом учебника.

4 редакция КК — Сталинская («4СКК»).

Четвертая редакция «Краткого курса» принадлежит полностью Сталину. В данном случае мы рассмотрим несколько слоев правки, которые проводились Сталиным последовательно на протяжении мая-сентября 1938 г.

Для того, чтобы проследить последовательность правки и сохранность документов, составим текстологический паспорт,³⁴ отражающий изменения текста КК. В представленном виде этот текстологический паспорт «грубоват», но он решает поставленные перед ним проблемы.

Назовем слои правки С1, С2, С3, С4, датируем их.

Укажем точные архивные данные использованных для указания в таблице дел:

³² КК. Т. 1. С. 331, 335–338.

³³ КК. Т. 1. С. 331.

³⁴ Термин используется при исследовании изменений текста. См.: Можарова М. А. Роль текстологического паспорта в подготовке текста романа «Анна Каренина» для академического Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах // Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: Сборник статей по материалам Международной научной конференции. М., 2022. С. 141–154.

П2А – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 3. Д. 77 (указаны вырезанные из этого макета страницы).

П2Б – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 383 (указаны страницы макета).

С1, С2, С3, С4 – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 11. Д. 1211–1217.

В квадратных скобках указана внутренняя пагинация страниц, в ломаных – вписанная чернилами.

Текстологический паспорт четвертой редакции «Краткого курса истории ВКП (б)

	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь
	П2Б	С1	С2	С3	С4.1, С.4.2	С4а, С4б
		Правка по макету, рукописные вставки	Машинопись с правкой, рукописные вставки		Машинопись с правкой	
Титул		Д. 1217. Л. 1			Д. 1212. Л. 1	
Введение	С. 5–6		Д. 1209. Л. 1–3 [1–3]		Д. 1212. Л. 2–3 [1–2]	
Глава 1	С. 5–28		Д. 1209. Л. 3–50. [3–43<44–50>]		Д. 1212. Л. 4–41 [3–40]	
Глава 2	С. 29–49		Д. 1209. Л. 51–100 [<51–100>]		Д. 1212. Л. 42–86 [41–85]	Д. 1217. Л. 35 [77] вынут из С4 и заменен
Глава 3	С. 50–82	Д. 1209. Л. 101–146 об.			Д. 1212. Л. 88–157 [86–155]	
Глава 4	С. 83–105	Д. 1210. Л. 237–248 об., 287–289 об., 294–296	Д. 1210. Л. 149–236, 249–285 [177–191, <192–264>]		Д. 1213. Л. 161–237 [156–232], Л. 238–314 [156–232]	
	С. 105 (П2А)	Д. 1211. Л. 329				
Глава 5	С. 106 (П2А) 106–120	Д. 1210. Л. 296 об. Д. 1211. Л. 329 об.–336 об.			Д. 1214. Л. 315–338 [233–256]	
Глава 6	С. 141	Д. 1211. Л. 337 об.			Д. 1214. Л. 339–372 [257–290]	

Глава 7	С. 142–177	Д. 1211. Л. 337–355			Д. 1214. Л. 373–444 [291–362]	
Глава 8	С. 178 (П2А?) С. 179–200	Д. 1211. Л. 355 об.			Д. 1215. Л. 445–480 [363–398]	
Глава 9	С. 202–230				Д. 1215. Л. 481–533 [399–451]	Д. 1217. Л. 32 [426] вынут из С4 и за- менен
Глава 10	С. 231–258				Д. 1215. Л. 534–567 [452–494]	
Глава 11	С. 259–290	Д. 1211. Л. 356–357 об, 364–367 об., 376–377 об., 379–384 об., 389–389 об., 391–391 об.			Д. 1216. Л. 568–617 [495–534]	
Глава 12	С. 291–321				Д. 1216. Л. 618–653 [535–570]	Д. 1217. Л. 33 [541] лист вынут и заменен
Заключение	С. 322–333	П2А С. 325. Д. 1211. Л. 392			Д. 1216. Л. 654–670 [571–<587>]	Д. 1217. Л. 37–46 [576–] Л. 34 <583>, Д. 1217 Л. 36 [575]
Список литературы	С. 334–344					

Итак, сопоставление текстов дало возможность выделить несколько слоев правки Сталина, которые можно очень условно датировать маем, июнем, июлем, августом и сентябрем 1938 г.

Рассмотрим все варианты 4СКК.

Слой 4С1. [Апрель-май 1938 г.]

26 апреля 1938 г. П2Б выслан в Политбюро и поступил Сталину. К этому времени Сталин активно работал с П2А («третьим вариан-

том»), особенно с заключением.³⁵ Но основную работу Сталин проделал, опираясь на П2Б («четвертый вариант»), именно на нем сохранилась правка С1.³⁶

У нас осталась правка на макете главы 3 (включая введение), на трех первых параграфах 4-й главы, на 5, 7, 11 главах. Поскольку остались отдельные листы с правкой на заключении других глав, нужно сделать вывод, что Сталин работал одновременно с П2А и П2Б (вероятно, в Кремле и на даче).

Особое внимание он уделит Четвертой главе. Рассмотрим текстологический паспорт 4-й главы. С1 и С2 находятся в РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1210. С4 – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1213.

Макет	С1	С1а	С1б	С2	С4.1	С4.2	КК
§ 1	137–245	—	—	149– [2:177–191]	238–250 [156–168]	161–173 [156–168]	§ 1
§ 2	245 об.– 246 об.	—	—	—	—	—	—
		297–328 <1, 3–30– б/н>	249–286 <7–44>	164–210 <2:192– 195>, [196], <197–201>, [202–203], <204>, [<205– 238>]	251–292 [169– 210]	174–215 [169–186], [187*], [188], [189*], [190–194], [195–197*], [198–210]	§ 2
§ 3	246 об.– 248 об.	—	—	211– <2:239– 246>	293–299 [211– 217]	216–222 [211–217]	§ 3
§ 4	—	—	—	<2:247– 252>	300–304 [218– 222]	223–227 [218–222]	§ 4
§ 5	—	—	—	—	—	—	—
§ 6	—	—	—	<2:252– 261>	305–312 [223– 230]	228–235 [223–230]	§ 5
§ 7	—	—	—	—	—	—	—
В				<261–264>	312–314 [230– 232]	235–237 [230–232]	В

³⁵ Вероятно, работа с 2ПА была продолжена в июле-августе, при написании глав 11 и 12. Кроме того, Сталин работал с заключениями этого варианта (вырванные из П2А страницы с правкой заключения присоединены им к варианту С1).

³⁶ Вариант идентифицирован по с. 59 и 62 макета П2Б, где есть небольшие различия с П2А.

Сталин создает новый (знаменитый потом) второй параграф. У нас нет рукописи параграфа, есть машинопись со сталинскими замечаниями, советами и правкой (С1а).³⁷ Машинопись никак не озаглавлена. На основании этой правки создана новая машинопись (поверх которой Сталин вписал «2. О диалектическом и историческом материализме»), нумерация которой начинается с седьмого листа.³⁸ Эта машинопись также отредактирована (С1б). Наконец, на основе С1б создан чистовой вариант машинописи, который начинается со страницы 164, поскольку этот параграф является фрагментом чистовой машинописи всей 4-й главы (назовем эту редакцию С2).

Слой 4С2. [Май-июнь 1938 г.]

С учетом того, что Сталин долго работал над вторым параграфом 4-й главы, можно предположить, что 4С2 появился в конце мая — июне. Это машинопись, созданная (вероятнее всего) с учетом правки по макету (4С1) главы 1 и 2 и 4, хотя можно утверждать, что был и промежуточный вариант главы 2 (наподобие С1а и С1б), так как уже в предпоследний лист первой главы сделана поздняя вставка и нумерация машинописи второй главы сделана вручную (от 51 до 100 страницы). Машинопись четвертой главы (которую мы относим к 4С2) начинается со страницы 149, затем, начиная со второго параграфа, большинство первоначальных листов заменены на новые, с новой рукописной пагинацией.

Других глав 4С2 не сохранилось.

Слой 4С3. [Июль 1938 г.]

Мы не можем сослаться ни на один лист этого варианта текста, так как ни машинописи, ни рукописи до нас не дошло. Существование 4С3 выявляется на том основании, что 4С4 основан на тексте, которого у нас нет (он не совпадает с 4С1 и 4С2).

Слой 4С4. [Август-сентябрь 1938 г.]

Мы знаем, что к 16 августа машинописные варианты 1 и 2 главы были готовы и разосланы членам Политбюро для ознакомления, откликов и возможных поправок. После этого Сталин вновь вернулся к редактированию разосланного варианта машинописи, которая рассылалась вплоть до 7 сентября (дата рассылки 12 главы). Четвертую главу он редактировал дважды параллельно на двух экземплярах машинописи (назовем условно эти слои 4С4.1 и 4С4.2). Значительным изменениям подверглись также фрагменты текста, связанные с опи-

³⁷ Второй лист утерян. Машинопись имеет ручную пагинацию до листа 30, затем машинопись не нумерована.

³⁸ Машинопись пронумерована вручную до 44 листа включительно.

санием внешней политики СССР в 1937–1938 гг., что требует дополнительного изучения.

В августе-сентябре 1938 г. члены Политбюро, а также Поспелов участвовали в редактировании разосланного им текста.³⁹ Часть предложенных им вариантов была учтена.⁴⁰ Эти варианты, а также варианты работы Сталина с заключением, титульным листом, можем обозначить как 4С4.2а.

Наконец, 9 сентября «Правда» стала печатать текст учебника на своих страницах. В редактировании текста, накануне его отправки в газету, участвовали Сталин, Молотов, Жданов, Поскребышев, Поспелов и Ярославский, оставивший об этом воспоминания.⁴¹ Сохранились листки из блокнота с отрывочными недатированными записями скорописью рукой Жданова, которые были идентифицированы как запись поправок и разговоров, которые звучали в ходе этих встреч.⁴² Эту правку (а также правку на верстке «Правды») можно обозначить как 4С4б.

Так что окончательный текст Краткого курса можно обозначить как «4С4б».

Текстологический паспорт дал возможность точно указать по-слойно всю правку, проведенную Сталиным от П2А до 4С4б. Все слова, написанные Сталиным, все фрагменты текста, принадлежащие ему, выделены при издании курсивом. Теперь читатели могут точно сказать, цитируя «Краткий курс», принадлежит ли этот фрагмент текста секретарю ЦК, или же этот фрагмент текста лишь отредактирован им.

Текстологический паспорт имеет важное значение для текстуальных комментариев к параграфам книги: глубина сравнения текста не может ограничиваться только сравнением канонического текста КК с П2Б, она должна захватывать и П2А, и П1 во всех вариантах, и Я1, поскольку этот текст проник в окончательную редакцию КК.

Источники текста

Есть два вопроса при изучении источников текста КК: авторство текста и фрагменты текста, взятые из других источников.

³⁹ Вариант текста, рассылавшийся членам Политбюро и авторам (Поспелову и Ярославскому) находится не только в архиве Сталина. Экземпляр, посланный Жданову, отложился в фонде Жданова, куда последний вносил все поправки, которые были предложены (РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 23–24 (главы V–XII)). Экземпляр, посланный Поспелову (и с его пометами), отложился в фонде Политбюро (РГАНИ. Оп. 22. Д. 174а–174г).

⁴⁰ КК. Т. 1. С. 383–420.

⁴¹ КК. Т. 1. С. 714–715.

⁴² КК. Т. 1. С. 375–381.

Авторство Е. М. Ярославского. Прежде всего, было проведено выявление фрагментов текста, авторство которого могло принадлежать Ярославскому, учебник которого, собственно, и лег в основу КК через П1 и П2. Для этого была взята редакция Я1, но (поскольку можно допустить, что текст Я1 написан также и Кнориным) были взяты также «Очерки по истории ВКП (б)» (часть I и II), написанные Ярославским и подготовленные им для издания в Госполитиздате.⁴³ При рассмотрении глубины текстологического сравнения до Я1 (а также при сравнении всех вариантов и редакций КК с неопубликованным учебником Ярославского, датированного 1937–1938 гг.), выявлено, что значительные фрагменты текста принадлежат ему.

Например, при сравнении XII главы КК с Я1 (и его «Очерками») полностью или почти полностью совпадают такие абзацы из второго параграфа КК: 12.2.14, 12.2.15, 12.2.18, из третьего параграфа КК: 12.3.5–12, 12.3.24–27, 12.3.29, 12.3.31–32 (т. е. из 35 абзацев третьего параграфа КК 15 являются калькой (или почти калькой) Я1).

Значит ли это, что авторство текста принадлежит Ярославскому?

Рассмотрим один пример.

[12.3.12] Таким образом, стираются классовые грани между трудящимися СССР, исчезает старая классовая исключительность. Падают и стираются экономические и политические противоречия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией. Создалась основа морально-политического единства общества.

Кроме последнего предложения это полная калька из учебника Ярославского (Я1. С. 455). Но если задаться целью найти источники этого текста, то они, можно сказать, лежат на поверхности для читателя 1938 года. Абзац Ярославского — парафраз текстов Сталина и Молотова.

Сравни с изложением доклада Сталина 1 июня 1936 г.: «Стираются, хотя еще не окончательно стерлись, грани между классами, и рушатся, падают различия между рабочими, крестьянами и интеллигенцией» (Исторический Пленум сталинского Центрального Комитета // Правда. 1936. № 153. 5 июня. С. 1).

Сравни с докладом Сталина 25 ноября 1936 г.: «...Грани между рабочим классом и крестьянством, равно как между этими классами и интеллигенцией, стираются, а старая классовая исключительность исчезает. ...Экономические противоречия между этими социальными группами падают, стираются. ...Падают и стираются также политические противоречия между ними» (*Сталин И. В. О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года* // *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 14. М., 1997. С. 125).

⁴³ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 832, 833.

Наконец, в итоговый текст учебника была включена фраза: «Создалась основа морально-политического единства общества». Это цитата из речи Молотова: «Начавшаяся же недавно политическая кампания по выборам в Верховный Совет превратилась в дело нового мощного сплочения трудящихся вокруг коммунистической партии и советской власти. ...Это означает, что в нашей стране создано невиданное раньше внутреннее моральное и политическое единство народа. Моральное и политическое единство социалистического общества» (К двадцатилетию Октябрьской революции. Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г. // Правда. 1937. № 309. 10 ноября. С. 3).

Впрочем, в первой, третьей, седьмой и т. д. главах можно встретить значительные фрагменты текста (иногда внутри предложения, внутри абзаца), полностью принадлежащие Ярославскому, без скрытых цитат.

Авторство П. Н. Поспелова. Текст, написанный Поспеловым, в П2 прямо не выявляется. Вероятно, его можно вычислить как разницу между Я1 и П2, что сделать можно при заранее спорных результатах: известно, что для П1 тексты должны были готовить Поспелов — 1, 4, 5, 10 и 11 главы, Стецкий — 7 глава о революции 1917 г., Сорин — 8 глава о гражданской войне, Волин — 9 глава о НЭПе, А. И. Угаров — 12 глава о 1935–1937 гг. Известно, что Поспелов должен был писать и редактировать главу 11 — о коллективизации сельского хозяйства в 1930–1934 гг. Статья Поспелова, опубликованная в 1938 г.,⁴⁴ дает возможность выявить прямые текстуальные совпадения с П1, 2ПА, 2ПБ, КК (и это дает полное право приписать авторство текста ему).

При сравнении текстов КК и П1–П2Б и статьи Поспелова в «Пролетарской революции» выявлено, что в первом параграфе (о междонародной обстановке) только 4 абзаца являются базой для 11.1.1, 11.1.4–6. Второй параграф (собственно о коллективизации и XVI съезде партии) содержит абзацы, совпадающие с П1 (11.2.5) и со статьей Поспелова (11.2.6, 7, 19–28, 32–40, 43–45, 47–49, 53–56, 58, 59, 68), т. е. из 68 абзацев второго параграфа 34 точно написаны Поспеловым.

При рассмотрении источников текста Поспелова мы встречаем ту же картину, что и при изучении источников текста Ярославского. Возьмем, например, абзац 11.2.7.

[11.2.7.] Таким образом, передвижка классовых сил в экономике страны и наличие материальной базы, необходимой для того, чтобы заменить кулацкое хлебное производство производством колхозов и совхозов, дали возможность большевистской партии перейти от политики **ограничения кулачества** к новой политике, к политике **ликвидации кулачества, как класса**, на основе сплошной коллективизации.

⁴⁴ *Поспелов П. Н. Партия большевиков в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934) // Пролетарская революция. 1938. № 9. С. 91–133.*

Этот текст полностью идентичен П1 (С.235), 2ПА, 2ПБ (С.262), статье Пospelова (*Пospelов П. Н. Партия большевиков... С. 98, 100*). И он является комбинацией текстов двух документов:

передвижка классовых сил в экономике страны ~ колхозов и совхозов — Парафраз речи Сталина на конференции аграрников-марксистов в редакции, опубликованной не в «Правде», а в «Вопросах ленинизма»: «Вот какая передвижка произошла у нас в экономике страны. Вот какая передвижка классовых сил произошла у нас за последнее время. Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов». (*Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. [М.], 1935. С. 299*). В 12 томе сочинений (1949) текст напечатан в варианте, опубликованном в «Правде».

дали возможность большевистской партии перейти ~ как класса — парафраз Постановления ЦК, опубликованного в «Правде» 5 января 1930 г.: «Благодаря этому партия и Советское государство получили возможность перейти от политики ограничения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса» (Постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. М., 1984. С. 72).

Впрочем, есть фрагменты текста КК, написанные исключительно Пospelовым.

Тексты потенциальных авторов (Стецкий, Волин, Сорин, Угланов) не определены.

Однако комментирование глав КК выявило активное использование авторами текстов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина — как в явном виде (цитатами с указанием источников), так и в скрытом виде — в виде раскавыченных цитат или в виде парафраз — изложения смысла близко к тексту.

Другими источниками текста послужили также официальные документы: Конституция СССР, приговоры Верховного Суда 1936–1938 гг. по делам различных политических процессов.

В тексте встречаются поговорки. Использование особенной терминологии позволило выявить такие источники текста, как учебник русской истории М. Н. Покровского. Некоторые обороты напомнили работы Зиновьева.

Выявление источников текста показывает не только текстуальную, но и жанровую, смысловую полифоничность текста, его диалогичность.

Определение авторства произведения

Все авторы, принимающие участие в написании текста от Я1 до 4СКК являлись сотрудниками аппарата ЦК, редактировали текст также сотрудники аппарата ЦК. Поэтому это произведение (не текст того или иного параграфа) можно уверенно отнести к авторству ЦК. Вопрос авторства «Краткого курса истории ВКП (б)» решается так: авторами текста являются конкретные люди, автором произведения является аппарат ЦК ВКП (б).

Эдиционные вопросы текстологии

Выявление редакций и вариантов с помощью текстологического паспорта имеет важное значение для решения вопросов, связанных с изданием. Представим еще раз текстологический паспорт в кратком виде:

	введ.	1, 2	3	4	5	6	7	8, 9, 10	11	12	закл.
П2Б-С1			+	+	+		+		+		
С2	+	+		+							
С3				+							
С4	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
КК	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

Это имеет принципиальное значение для определения способов передачи вариантов.

При критическом (академическом) издании КК была поставлена задача передать всю сталинскую правку, выявить все, что написано Сталиным (и, как следствие, все, что им зачеркнуто). Естественно, мы можем передать правку С4 (поскольку у нас сохранился весь текст книги), мы можем передать правку текста на глубину С2, но только по отношению к первым двум главам. По отношению к пяти главам КК можно установить первоначальную правку С1 — работу с типографским текстом, макетом П2Б. В данных случаях можно применить традиционный прием передачи вариантов через текстовые подстрочные примечания. В качестве примера можно привести написанную Сталиным фразу и отредактированную им дважды с мая по сентябрь.

Без реконструкции невозможно было довести до конца наступление социализма^а по всему фронту, ибо капиталистические элементы города^б и села нужно было бить и доконать не только новой организацией труда и собственности, но и новой техникой, превосходством своей техники.

Примечания:

^а Только в С4. Исправления не выявлены.

^б В С1 далее несколько слов замазаны (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1211. Л. 369).

Однако, поскольку у нас нет полных вариантов текста (С1, С2 и С3), то мы не можем через текстовые примечания передавать зачеркивания или вставки, если их нет перед нами *de visu*. При этом необходимо все исправления текста между П2Б и 4СКК передать (Сталин, сокращая текст, переставлял его фрагменты, менял местами абзацы, объединял их, писал поверх текста, выдирал страницы и т. п.).

Для передачи разночтений был применен следующий способ.

Абзацы всех глав редакции П4 и КК были пронумерованы. В квадратных скобках указывается номер главы, номер параграфа и номер абзаца. Например, [2.4.6] значит, что это вторая глава, четвертый параграф, шестой абзац.

Для каждого абзаца КК через подстрочные примечания были даны сохранившиеся слои правки С4, указана правка С3 (поскольку она «вычисляется» как разница между С1 и С4 с указанием «исправления не выявлены»), а также правка С1. Правка С1 указана только для сохранившихся глав П2Б, а для несохранившихся глав для каждого абзаца найдены разночтения, которые передаются также подстрочными примечаниями, но не буквенными, а через знаки «П2Б». Знак «П2Б» сопровождается номером (как любое примечание).

Выглядит это так: ^{5П2Б}[2.4.6.]. Это значит, что к шестому абзацу четвертого параграфа второй главы сделано пятое примечание для передачи разночтений с типографским текстом редакции П2Б («четвертого варианта» книги, представленной Пospelовым). Таким образом представлена разница редакций П2Б и КК и представлены все слои правки от С1 до С4.

Этот способ передачи разночтений дал возможность показать все слои правки Сталина, что и являлось главной текстологической задачей данного исследования.

Например: два абзаца заключения к XI главе КК. К каждому абзацу найдено соответствие в 2ПБ, которое показывает, как Сталин переставлял фрагменты текста местами, при этом сохраняя их смысл.

^{1П2Б}[11.5.5.] Эти гигантские успехи достигнуты рабочим классом, колхозниками и всеми трудящимися нашей страны благодаря смелой, революционной и мудрой политике партии и правительства.

^{2П2Б}[11.5.6.] Капиталистическое окружение, стремясь ослабить и подорвать могущество СССР, ^Русиливает свою «работу» по организации^Р внутри СССР банд^С убийц, вредителей, шпионов. Особенно усиливается враждебная по отношению к СССР деятельность капиталистического окружения с приходом к власти фашистов^Г в Германии.^У Японии. В лице троцкистов, зиновьевцев^Ф фашизм приобрел верных слуг, идущих на шпионаж, вредительство, террор и диверсии, на поражение СССР — во имя восстановления капитализма.

Примечания:

^{1П2Б} В четвертом варианте: [П2Б:11.11.4.] Эти гигантские успехи достигнуты рабочим классом, крестьянством и всеми трудящимися нашей страны благодаря мудрой политике ВКП (б) и ее вождя — товарища Сталина. *Правка этого фрагмента не обнаружена.*

^{2П3Б} В четвертом варианте: [П2Б:11.11.55.] Капиталистическое окружение все время готовило и готовит нападение на СССР, организует внутри СССР вредительские и шпионские группы. *Правка этого фрагмента не обнаружена.*

^{Р-Р} В С4 вписано над строкой вместо зачеркнутого: организует (1216.617[534]).

^с В С4 зачеркнуто: ы (1216.617[534]).

^т В С4 стов из зма (1216.617[534]).

^у В С4 знак запятой поверх: и (1216.617[534]).

^ф В С4 далее зачеркнуто: бухаринцев (1216.617[534]).

Таким образом, примененный прием дал возможность передать все изменения текста, которые были сделаны Сталиным при подготовке окончательной редакции «Краткого курса истории ВКП (б)».

Все виды комментария даются сразу ко всему параграфу и абзацу. Комментарий к параграфу, как правило, является историко-политической интерпретацией, а к абзацу даны как фактологические (реальные) комментарии, так и текстологические и терминологические.

Можно надеяться, что опыт и приемы, разработанные с помощью текстологического анализа для критического издания «Краткого курса истории ВКП (б)» могут пригодиться исследователям для подготовки к изданию иных, не менее загадочных и знаменитых, историко-партийных текстов.

Список литературы

- Валк С. Н. Проект правил издания трудов В. И. Ленина // Валк С. Н. Избранные труды по археографии. СПб, 1991. С. 85–105.
- Гришунин А. К переоценке старых заповедей // Книга: Исследования и материалы. Вып. 60. М., 1990. С. 82–90.
- Декреты Октябрьской революции. 1. От октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания: Правительственные акты, подписанные или утвержденные Лениным как председателем Совнаркома. М., 1933. XI, 463 с.
- Декреты Советской власти. Т. 1: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М., 1957. XII, 625, [1] с.
- «Документы Вл. Ил. должны храниться свято и неприкосновенно»: Формирование правил хранения, описания и учета ленинского наследия. 1924 год / Публ. М. В. Зеленов, М. П. Ирошников // Исторический архив. 2018. № 2. С. 33–50; № 3. С. 14–25.

- Журнал регистрации приема посетителей Секретарем ЦК ВКП (б) А. А. Ждановым за 1936–1937 гг. в г. Москве / Публ. М. В. Зеленев, А. А. Чернобаев // Исторический архив. 2023. № 3. С. 110–144.
- Исторический Пленум сталинского Центрального Комитета // Правда. 1936. № 153. 5 июня. С. 1.
- К двадцатилетию Октябрьской революции. Доклад В. М. Молотова на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г. // Правда. 1937. № 309. 10 ноября. С. 3.
- «Краткий курс истории ВКП (б)»: Текст и его история. В 2 ч. Ч. 1: История текста «Краткого курса истории ВКП (б)»: 1931–1956 / Сост. М. В. Зеленев, Д. Бранденбергер. М., 2014. 791 с.
- Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л., 1962. 605 с.
- Можарова М. А. Роль текстологического паспорта в подготовке текста романа «Анна Каренина» для академического Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого в 100 томах // Вопросы источниковедения и текстологии русской литературы XIX века: Сборник статей по материалам Международной научной конференции. М., 2022. С. 141–154.
- На приеме у Сталина: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. 783 с.
- Покровский Н. Н. Время издавать источники // Вестник РГНФ. 1996. № 1. С. 11–21.
- Покровский Н. Н. Источниковедение советского периода: Документы Политбюро ЦК РКП (б) — ВКП (б) первой половины 1920-х гг. // АЕ за 1994 год. М., 1996. С. 18–46.
- Покровский Н. Н. «Текстология» Д. С. Лихачева и проблемы издания документов XX в. // Памятники отечественной книжности: Новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск, 2007. С. 153–160. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 26).
- Поспелов П. Н. Партия большевиков в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (1930–1934) // Пролетарская революция. 1938. № 9. С. 91–133.
- Постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. М., 1984. С. 72–75.
- Спирidonova Л. А. Текстология: Теория и практика. М., 2019. 254, [1] с.

- Сталин И. В.* К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // *Сталин И. В.* Вопросы ленинизма. 10-е изд. [М.], 1935. С. 299–317.
- Сталин И. В.* О проекте Конституции Союза ССР: Доклад на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов 25 ноября 1936 года // *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 14. М., 1997. С. 119–147.

СТАТЬИ-ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(47).05+091.143

Н. В. СОКОЛОВА

Институт славяноведения РАН, Москва

Библиотека Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома: По описным книгам стольника А. М. Вешнякова 1701 г.

В научный оборот вводятся перечни книг Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома, выявленные в описании стольника А. М. Вешнякова (1701 г.). К библиотеке архиерейского дома отнесены книги в ризнице, Казенной и Крестовой палатах на архиерейском дворе. Реконструируется архиерейская библиотека до передачи келейных книг архиепископа Великоустюжского и Тотемского Александра по его духовной 1699 г. в кафедральный Успенский собор. Констатируется актуальность выработки внутренне непротиворечивых представлений о содержании понятий «архиерейский дом» и «архиерейская библиотека». Публикуются описи книг Великоустюжского архиерейского дома.

Ключевые слова: Монастырский приказ, стольник А. М. Вешняков, Великоустюжский и Тотемский архиерейский дом, библиотека архиерейского дома, келейная библиотека, архиепископ Великоустюжский и Тотемский Александр

Описные книги, составленные во исполнение именного указа от 31 января 1701 г.,¹ как источник сведений о церковно-монастырских библиотеках известны историкам и филологам давно,² но на сегод-

¹ ПСЗ. Т. 4: 1700–1712. СПб., 1830. № 1834.

² Давыдов М. И., Шамина И. Н. Библиотеки архиерейских домов конца XVII — начала XVIII в.: К постановке проблемы // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 69–94; От Вятки до Тобольска: Церковно-монастырские библиотеки Российской провинции XVI–XVIII веков. Екатеринбург, 1994. С. 7–101; Сиренов А. В. О библиотеке Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4, № 1. С. 7–14; Соколова Н. В. Библиотека Никольского Амвросиева Дудина монастыря в начале 70-х гг. XVII в.: Опыт реконструкции // АЕ за 2014–2015 годы. М., 2023. С. 3–17; Соколова Н. В. К проблеме совместного бытования рукописных и печатных книг в среде провинциального духовенства на рубеже XVII–XVIII веков // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 35–48 // <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-03.pdf>; Соколова Н. В. К реконструкции состава библиотеки Амвросиева Дудина монастыря в XVII в. // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 223–231. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39); Соколова Н. В. Роль Макарьевского Желтоводского монастыря в хозяйственном и культурном развитии Нижегородского края в XVII — первой четверти XVIII в. // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 1989. С. 159–167; Шамина С. М., Шамина И. Н. Сельские библиотеки в вотчинах Вологодского и Коломенского архиерейских домов накануне реформ Петра I:

нышний день опубликована лишь малая часть описей монастырских и архиерейских книжных собраний.³

Вводимые в научный оборот в настоящей статье перечни книг Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома, как и рукопись с текстом описных книг стольника А. М. Вешнякова 1701 г., в которых они обнаружены, ранее не привлекали внимание исследователей. Все относящиеся к данному описанию сведения, в том числе в современной научной литературе, восходят к очерку Н. И. Суворова «Устюг Великий в конце XVII в.» в «Памятной книжке для Вологодской губернии на 1864 год».⁴ Автор приводит «полное заглавие» документа, откуда им были «заимствованы» данные: «Лета 1701 году сентября в ... день выписка из переписных книг переписи стольника Андрея Михайловича Вешнякова дому преосвященного Иосифа архиепископа Великоустюжского и Тотемского домовою всякой казне». Н. В. Башнин считает «суворовский» источник «списком» с описи стольника А. М. Вешнякова: «В 1701 г. была проведена следующая

По материалам описания 1701–1703 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 61–68; *Шамина И. Н.* Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: По материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб., 2023. С. 143–145, 225–240, 389–405; *Shamin S. M., Shamina I. N.* Biblioteki russkikh monastyrei v nachale pravlennia Petra I: K voprosu o roli monastyrskikh sobranii v knizhnom potreblenii i razvitii knizhnogo rynka // Cahiers du Monde Russe. 2020. Vol. 61. № 1. С. 51–65; и др.

³ Опись строений и имущества Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701 г. // Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII – начала XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2020. С. 176–309; Опись библиотеки Макарьевского Желтоводского монастыря 1702 г. / Подгот. текста и коммент. А. В. Сиренов и П. В. Чеченков // Тихон Макарьевский – деятель русской культуры XVII–XVIII вв.: Материалы к биографии. М.; СПб., 2014. С. 36–59; Опись имущества Тобольского архиерейского дома Св. Софии, составленная по указу Петра I дворянином А. И. Городецким, посланным в Тобольский митрополичий дом для управления хозяйственными делами кафедры на время отсутствия митрополита // *Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: Правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 508–511; От Вятки до Тобольска. С. 102–134; Переписные книги Коломенского архиерейского дома // *Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: Правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 346–348; Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. / Подгот. М. И. Давыдов // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2 (65/66). С. 197–198, 204–220, 220–221; *Шамина И. Н.* Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий. С. 412–530; и др.

⁴ *Суворов Н. И.* Устюг Великий в конце XVII в. // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1864 год. Вологда, 1864. Отдел 2. С. 1–46. См., например: *Дунаев Б. И.* Северо-русское гражданское и церковное зодчество: Город Великий Устюг // Древности: Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при Императорском Московском Археологическом обществе. Т. 6. М., 1915. С. 362–364; *Черкасова М. С.* Вологда и Устюг в эпоху Петра I: Краеведческие очерки. Вологда, 2021. С. 72, 100.

опись, список с нее выявил и использовал Н. И. Суворов (сейчас этот документ не найден)».⁵ Выявление подлинника описания показало, что в очерке Суворова ни книги, находившиеся в Великоустюжском архиерейском доме в начале XVIII в., ни сам факт наличия в тексте описей архиерейской библиотеки не упомянуты.

Ликвидация этой лакуны оказалась возможна в рамках исследования, целью которого было выявление, выработка методических подходов и комплексный анализ описных книг начала XVIII в. как источника, позволяющего изучить различные стороны существования Патриаршего дома и архиерейских домов как сложноорганизованных институций, в том числе на начальном этапе, как в случае образованной лишь в 1682 г. Великоустюжской и Тотемской кафедры.

Рукопись, содержащая перечни книг Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома, представляет собой семь 8-листовых «дестевых» тетрадей (31,0 × 20,5 см), без переплета и без начала (фолиация — чернилами, в верхнем внешнем углу, первый лист помечен арабской цифрой 39).⁶ Опись скреплена на боковом внешнем поле переписчиком — стольником А. М. Вешняковым (Ан|дрей|Ве|шня|ко|в). На нижнем поле листов в той части рукописи, где описано книжное собрание, читаются следующие рукоприкладства: «Приказной Федоров руку приложил», «К сим переписным книгам казначей ирамонах⁷ Питирим руку приложил», «К сим переписным книгам диок Данило Игнатъев руку приложил», «К сим переписным книгам диок Иван Волков руку приложил». Кодикологические наблюдения позволяют предположить, что ранее эта опись являлась частью конволюта в 2° с описаниями церковно-монастырских владений в трех уездах данной епархии — Устюжском, Тотемском и Усольском (Соль Вычегодская).⁸ По косвенным признакам опись датируется 1701 г., который в тексте дважды назван «нынешним».⁹

Архиерейские дома часто брали за образец устройство Патриаршего дома. Принятая там в начале XVIII в. система хранения церковных ценностей и книг вполне укладывается в трехчленную формулу А. Е. Викторова: «1. Патриаршая ризная казна, которая заключала в себе церковныя облачения и утвари, составлявшия принадлежность священнослужения московских митрополитов и патриархов»;

⁵ Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: Правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 198.

⁶ РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Д. 6439.

⁷ Так в ркп.

⁸ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44.

⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6439. Л. 49, 59.

«2. Патриаршая домовая казна, состоявшая из предметов домашнего патриаршего быта, а также и из церковных вещей, имевших как церковное, так и домашнее употребление»; «3. Патриаршая келейная казна, составлявшая личную собственность каждого патриарха в отдельности».¹⁰

Первый перечень книг устюжской архиерейской библиотеки является частью описания Казенной палаты. В нем учтено 57 кодексов.¹¹ Часть из них сгруппирована «по формату». Другая, вероятно, представляет собой позднейшие разновременные приписки к инвентарной описи, которой пользовался А. М. Вешняков, нечто вроде «каталога новых поступлений». Количество экземпляров некоторых книг (16 Службеников, 9 Канонников, 5 Требников) свидетельствует, что «библиотека» в Казенной палате выступала и в качестве некоего « книгохранилища». О чем-то подобном можно прочесть в статье о библиотеках Суздальского и Коломенского архиерейских домов. С отсылкой к авторитету С. П. Луппова, соавторы пишут, что эти экземпляры «скорее всего, ...предназначались для раздачи в будущем по монастырям и церквям епархии».¹²

Второй перечень книг обнаружен в описании архиерейской Крестовой палаты. Он содержит 25 кодексов, которыми, судя по месту хранения, репертуару, кожаным переплетам, золочению по обрезу некоторых кодексов, пользовались сам архиепископ и его ближайшее окружение, архиерейские певчие.¹³ Можно думать, что именно эти книги упомянуты в более раннем документе, опубликованном М. С. Черкасовой как «Роспись домового и келейного имущества Великоустюжского архиерейского дома».¹⁴ Находившиеся у неназванного казначея «в коробу лубяном дватцать пять книг разных — больших и малых в переплете, печатных и писмяных», источник не

¹⁰ Виктор А. Е. Обозрение старинных описей Патриаршей ризницы. М., 1875. С. 10–11.

¹¹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6439. Л. 50–50 об. Тексты публикуются в качестве Приложения к настоящей статье по традиционным правилам ТОДРЛ.

¹² Давыдов М. И., Шамина И. Н. Библиотеки архиерейских домов... С. 73.

¹³ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6439. Л. 55. Н. Ю. Бубнов высказал предположение, что архиепископ Иосиф не имел «собственной келейной библиотеки, так как владельческих записей с его именем на книгах не обнаружено» (Бубнов Н. Ю. Библиотека Устюжской епархии (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.) // Духовное наследие народов Республики Коми: История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев: К 20-летию Отдела редкой и рукописной книги Научной библиотеки Сыктывкарского университета», 15–16 мая 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 105).

¹⁴ Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом: Открытие и начальный этап деятельности (1682–1700 гг.) // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2 (45/46). Приложение. № 25. С. 254–258.

перечисляет. Датировка Росписи, предложенная исследовательницей, требует уточнения.¹⁵ По-видимому, она была составлена в связи с мартовским 1700 г. указом нового архиепископа Иосифа¹⁶ об отстранении казначея Иоасафа, управлявшего имуществом «вдовствующей» кафедры.¹⁷ Такая гипотеза объясняет, как именование будущего казначея еще крестовым священником («Да у крестового священника Питирима келейной его архиерейской рухляди»), так и отсутствие в тексте имени прежнего казначея, теперь — опального.

Другие записи о книгах в Росписи не столь конкретны («Служебник печатной в полдествъ», «Книга Минея общая. Книга толковое Евангелие. Книга Часослов. Книга Минея праздничная общая же. Служебник да Канонник»),¹⁸ поэтому идентифицировать их в перечнях архиерейской библиотеки стольника Вешнякова невозможно. Если они находились в ведении Питирима среди «келейной его архиерейской рухляди», то, вероятно, речь идет о книгах келейной библиотеки архиепископа Великоустюжского и Тотемского Александра († 19 июля 1699 г.),¹⁹ не включенных им в духовную грамоту (см. ниже).

Описания еще пяти печатных кодексов выявлены на первых двух листах рассматриваемой рукописи.²⁰ Этот текст представляет собой заключительную часть описания некоего имущества (пуговицы, два гребня, черепаховый и «немецкого дела белой кости прорезной», кресла, лампада, подушки, несколько разного размера ковров и пр.). Книги сгруппированы в двух перечнях, которые разделены записями иного содержания. Скрепка стольника А. М. Вешнякова на л. 39–40 и дальше, на л. 42, где начинается описание архиерейского двора, непрерывна (л. 41 как чистый не помечен). Установить, кому принадлежат рукоприкладства на нижнем поле, не представляется возможным, поскольку там читается лишь завершающая формула «руку приложил», в разных вариантах ее деления на элементы. Все вышеизложенное, а также репертуар этих книг, позволяют предположить, что на л. 39–40 сохранился фрагмент описи ризницы.

¹⁵ «При датировке Росписи следует исходить из того, что в обширном перечне кабал в ней самая поздняя относится к 7 сентября 1699 г.»; «не позднее 7 сентября 1699 г.», «1699 г., не ранее сентября 7» (Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом. С. 227, 228, 254).

¹⁶ 3 марта 1700 г. хиротонисан из игуменов Владимирского Златовратского монастыря (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. Стб. 734).

¹⁷ Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом. С. 259.

¹⁸ Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом. С. 254.

¹⁹ 8 февраля 1685 г. хиротонисан из архимандритов Иосифо-Волоколамского монастыря (Строев П. М. Списки иерархов... Стб. 734).

²⁰ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6439. Л. 39, 40.

Как представляется, совокупность кодексов этих перечней (ризница, Казенная и Крестовая палаты) и следует рассматривать как библиотеку Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома. В описных книгах стольника Вешнякова они оказались разделены вследствие «топографического» характера данного описания, при котором предметы описывали по месту их хранения или нахождения в момент описания. Подобная практика была распространенной. Например, книги Сибирского митрополита Игнатия (Римского-Корсакова), привезенные им в Москву, описаны аналогично — часть в Крестовой палате, часть в архиерейской келейной казне.²¹

В пользу такого вывода свидетельствует и то, что ряд книг, в том числе богослужебных, присутствует только в одном из перечней (Номоканон, Канонник, Триодь цветная, Триодь постная, Пролог, Октай, Шестоднев, Апостол, Ирмологий, Требник). Совокупно в описных книгах Великоустюжского архиерейского дома зафиксировано 87 томов. Большинство описательных статей — краткие или очень краткие. Различия в формуляре и степени детализации описания кодексов в перечнях 1701 г., вероятно, связаны с тем, что переписчики сами не описывали книги. Они, в лучшем случае, сличали имеющиеся в наличии с предыдущими описями монастыря или архиерейского дома в целом, либо с инвентарными описями ризницы или книгохранительной палаты, компилируя их, разной степени подробности, статьи. Предположение, что книги из Казенной палаты, представленные в описи в нескольких экземплярах, предназначались «в роздачу», объясняет лапидарность этих записей. В остальных перечнях описания подробнее, но и они уступают некоторым описям монастырских библиотек. Отметим, что в перечнях стольника Вешнякова почти нет рукописных книг. Они также не содержат сведений о «ветхих» экземплярах,²² если, конечно, не считать таковыми два кодекса, названные в тексте «подержанными». По-видимому, основной причиной этих особенностей библиотеки Великоустюжского архиерейского дома было то обстоятельство, что на момент описания епархия существовала менее двух десятилетий. Соответственно, и сравнение количественных параметров этого книжного собрания с известными по описным книгам давно существовавших кафедр было бы не вполне корректно.

²¹ Никулин И. А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. С. 155–157; Оглоблин Н. Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. СПб., 1893. С. 3–5.

²² В 1701 г. в библиотеке Тобольского архиерейского дома («над казначеевым же приказом в сушиле») был 161 том, не считая 57 ветхих, которые не были описаны (Опись имущества... С. 508–511).

Впрочем, духовная грамота архиепископа Великоустюжского и Тотемского Александра, составленная 13 мая 1699 г.,²³ позволяет предпринять попытку реконструкции репертуара архиерейской библиотеки за пару лет до описи А. М. Вешнякова. Согласно последней воле архиепископа, передаче в кафедральный Успенский собор²⁴ подлежали его келейные книги 62 наименований (28 печатных, 30 рукописных, 4 певческих).²⁵ Очевидно, что книжное собрание устюжского архиерейского дома — как и собрание книг, оставшееся после первого архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия († 1702 г.)²⁶ — было не столько библиотекой недавно учрежденной

²³ Описание Успенского собора в Устюге протоиерея Николая (Румовского), включавшее в качестве одного из приложений текст духовной архиепископа Александра, было опубликовано в 17 номерах «Вологодских губернских ведомостей» за 1851 год (*Румовский Н.* Описание великоустюжского Успенского собора // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1851. № 20–22, 24–28, 31, 34, 36, 37, 39–41, 48, 51). В отечественной историографии все отсылки на духовную даны по второму изданию (*Румовский Н.* Описание великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. С. 124–126). См., например: *Бубнов Н. Ю.* Библиотека Устюжской епархии. С. 101; *Корогодина М. В.* Архиепископы Афанасий Холмогорский и Александр Устюжский — собиратели канонических рукописей // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. [Вып. 6]. СПб., 2013. С. 85–86; *Мурзанова М. Н.* Устюжское собрание // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2: XIX–XX века. М.; Л. 1958. С. 177–178; *Черкасова М. С.* Великоустюжский архиерейский дом. С. 227. Неожиданные умозаключения М. С. Черкасовой, касающиеся духовной памяти («Копия завещания была отдана в ризницу Успенского собора, а в 1862 г. ее опубликовал протоиерей Н. Румовский»; «Оригинал духовной, возможно, был скреплен несколькими печатями, однако указаний на них в публикации Н. Румовского, выполненной с копии, нет. К духовной прилагалась роспись келейной казны Преосвященного Александра. Она не может быть отождествлена с Росписью келейной казны архиерея и имущества архиерейского дома, которая приведена в Приложении к настоящей статье»), без ссылок на источники, оставляю без комментариев как не имеющие непосредственного отношения к теме настоящей статьи.

²⁴ По писцовым книгам 1676–1683 г. библиотека Успенского собора насчитывала 49 томов (Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 46–47).

²⁵ Всего — 66 томов, поскольку печатный «Пролог всего году, переплетен на четверо», а рукописная «Книга Правила Св. Апостол и Отец, переплетена на двое». Утверждение М. С. Черкасовой, что в опубликованной ею Росписи из Государственного архива Вологодской области «перечислено 60 книг (для сравнения по келейным библиотекам других иерархов: у вологодских архиепископов Маркела — 23 и Симона — 43), среди которых были и печатные (по формату дестевые и полудестевые), и письменные. Упомянуты 2 печатных Апостола, Евангелие толковое, Требник, Часослов, Шестоднев и Канонник», какому-либо объяснению не поддается (*Черкасова М. С.* Великоустюжский архиерейский дом. С. 228). См.: ГАВО. Ф. 1260 (Коллекция столбцов). Оп. 3. Д. 289. Электронная фотокопия этого документа доступна на Интернет-портале Архивной службы Вологодской области: <http://gosarchive.gov35.ru>.

²⁶ По подсчетам М. В. Кукушкиной, в описи «упомянуто 270 названий книг или до 490 отдельных томов», причем «почти половина книг — 235 единиц — рукописные, а из печатных много иностранных» (*Верюжский В. М.* Афанасий, архиепископ Холмо-

кафедры, сколько коллекций книг, собранных или переписанных личным попечением архиепископа Александра.

Н. Л. Румовский, описавший библиотеку Успенского собора в середине XIX в. еще будучи протоиереем этого храма, включил в число наиболее примечательных и книги с владельческой записью архиепископа Александра, главным образом рукописные.²⁷ Тексты некоторых записей воспроизведены М. В. Корогодиной по кодексам из Устюжского собрания и Собрания Н. В. Тимофеева в БАН.²⁸ По описи Н. Л. Румовского, владельческие записи, за единственным исключением,²⁹ были сделаны Александром в 1692 или 1699 г. На это обстоятельство обратила внимание М. В. Корогодина (на момент выхода статьи ею были изучены *de visu* «23 рукописи, приобретенных или заказанных архиепископом Александром»). Исследовательница сочла это одним из аргументов в пользу вывода, что канонические «рукописи переписывались по его заказу и переплетались его мастерами, а не покупались по случаю».³⁰ Однако тот факт, что записи «устюжского» периода содержат лишь одну из этих двух дат, строго говоря, означает лишь то, что архиепископ Александр не считал нужным подписывать свои келейные книги по мере их приобретения или сколько-нибудь регулярно. Возможно, появление владельческих

горский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века: Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. С. 576–591; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. С. 186).

²⁷ Румовский Н. Описание... С. 54.

²⁸ Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях Библиотеки Российской Академии наук XV — начала XX века. М.; СПб., 2020. С. 209, 259, 306, 382. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской академии наук. Т. 11. Вып. 1).

²⁹ В публикации Н. Л. Румовского ошибка в дате владельческой записи на книге № 4 (Румовский Н. Описание... С. 37). Текст по л. 1–12 книга «Епитомы» Константина Арменопула гласит: «Лѣта 7207-го году подписана сия книга Константина Арменополя преосвященного Александра архиепископа Великоустюжского и Тотемского келейная» (Корогодина М. В. Памятники церковного права... С. 306).

³⁰ Корогодина М. В. Архиепископы Афанасий Холмогорский и Александр Устюжский... С. 88. Известна память, направленная 28 июля 1690 г. архимандриту Введенского монастыря Варлааму, о присылке по указу архиепископа Александра книги Козмы Индикоплова из Соль-Вычегодской соборной церкви: «И ты б тое книгу, взяв у ключарей и с роспискою, прислал в Устюг преосвященному архиепископу для списывания» (Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1.: 1500–1699 гг. СПб., 1890. Стб. 1002–1003. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 12)). Вероятно, именно она стала протографом рукописи «Книга нарицаемая Косма Индикоплов» с владельческой записью архиепископа Александра 1692 г., хранившейся в Успенском соборе в середине XIX в. (Румовский Н. Описание... С. 38–39).

записей в 1692 и 1699 гг. связано с тем, что он «приводил в порядок свои дела»³¹

Как представляется, подобное распоряжение своим личным имуществом архиепископа Великоустюжского и Тотемского Александра — лица, вне всякого сомнения, информированного, хорошо представлявшего себе характер взаимоотношений архиерейского дома и кафедрального Успенского собора, в том числе в сфере имущественных прав,³² — свидетельствует, что существующий в современной историографии подход, согласно которому библиотека кафедрального собора — «часть библиотечного собрания» архиерейского дома, которая просто «находилась в соборной церкви», не столь однозначен и требует хоть какой-то аргументации. Однако, например, в новейшей статье, посвященной библиотекам Суздальского и Коломенского архиерейских домов, соавторы просто декларируют: «Книжные собрания архиерейских кафедр, как правило, были рассредоточены по нескольким местам. Так, большая часть книг Коломенского архиерейского дома (68 экземпляров) находилась в соборной Троицкой церкви»; «Часть библиотечного собрания Суздальского архиерейского дома, как и в Коломне, находилась в соборной церкви».³³ В аннотации М. И. Давыдова к изданию источника, имеющего на титульном листе заголовок «Книги переписные Суздальские соборной церкви и архиерейскому дому 1701-го году», присутствует тезис о двух духовных корпорациях, но трудно сказать, что это — шаг в сторону пересмотра взглядов или интеллектуальная небрежность.³⁴ Во введении к публикации описных книг Коломенского архиерейского дома стольника И. В. Кикина И. Н. Шамина вновь утверждает: «В Троицкой

³¹ Похоже, уже осенью-зимой 7207 года (1698/1699 г.) Александр много болел (Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Стб. 1472). В мае 1692 г. архиепископ Александр находился в Москве (Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Стб. 1044). Предстоящая непростая поездка могла стать причиной составлению духовной памяти или поводом для подписи книг келейной библиотеки.

³² В духовной памяти архиепископа Александра есть и распоряжение о передаче личного имущества в казну архиерейского дома: «На госте Василье Иванове сыне Грудцыне взять по заемым двум памятям руки ево двести рублей келейных же денег, те денги приказываю взять в домовую казну» (Румовский Н. Описание... С. 126).

³³ Давыдов М. И., Шамина И. Н. Библиотеки архиерейских домов... С. 72–73.

³⁴ «Публикация вводит в научный оборот полный текст составленных в 1701 г. переписных книг Суздальского архиерейского дома и кафедрального собора в честь Рождества Пресвятой Богородицы (здесь и далее курсив мой. — Н. С.). Этот документ, даже несмотря на свой не совсем официальный статус, исключительно информативен и в силу этого выступает важнейшим источником по истории обеих духовных корпораций на рубеже XVII и XVIII вв., прежде всего в плане характеристики уровня их развития и благосостояния, а также внутренней организационной структуры и персонального состава обитателей владычного двора» (Переписные книги Суздальской соборной церкви... С. 252).

церкви, а также в ризнице хранилась архиерейская библиотека». Но в тексте источника, опубликованном ниже, перечень книг в соборной церкви предваряет рубрика «Церковныя же книги», а следовательно, книги принадлежали Успенскому собору.³⁵

Подобно тому, как «дом пречистыя Богородицы соборныя церкви, существовавший с основания русской церкви нераздельно с кафедрою и с должностью иерарха, ее занимавшего, с 30-х годов XVII в. стал отдельным учреждением от “двора патриаршего”»,³⁶ кафедральные соборы в епархиальных центрах постепенно тоже превращаются в особые духовные корпорации, получавшие царские грамоты на вотчины отдельно от архиерейского дома. Так, о коломенском кафедральном соборе начала XVIII в. И. Н. Шамина пишет, что «кормились члены причта за счет выделенной им в вотчину деревни Даниловки в Пярянском стану Коломенского уезду», и только «пономари Успенского собора получали жалованье из архиерейского дома».³⁷ В Устюге жалование соборным сторожам было единственной регулярной выплатой из архиерейского Казенного приказа, зафиксированной стольником Вешняковым в 1701 г.³⁸

Отметим любопытную деталь в преамбулах описаний Вологодского архиерейского дома и «соборной апостольской церкви во имя Софеи Премудрости Слова Божия» стольника В. И. Кошелева. В этих описях не только даты разные, но и документы из Монастырского приказа, на основании которых имущество было описано. Если в преамбуле описи архиерейского дома упомянуты дата 3 июня 1701 г. и наказ из Монастырского приказа за приписью дьяка Герасима Потapieва, то в преамбуле описи собора — 14 июля 1701 г. и грамота из Монастырского приказа за приписью дьяка Ефима Зотова. Тому может быть много объяснений. Но наиболее убедительной представляется гипотеза, сформулированная на основе анализа текстов «вологодского» списка «типового» наказа и преамбулы вятских описных книг стольника И. П. Назарьева, которым, очевидно, получен наказ, составленный по данному «образцу».³⁹ Составители «типово-

³⁵ Переписные книги Коломенского архиерейского дома ... С. 322, 346–347. В публикациях 2021–2022 гг. И. Н. Шамина именует кафедральный собор в Коломне Троицкой церковью; ошибка исправлена лишь в монографии 2023 г. (Шамина И. Н. Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий... С. 143).

³⁶ Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. С. 313.

³⁷ Переписные книги Коломенского архиерейского дома... С. 485–490; Шамина И. Н. Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий... С. 175.

³⁸ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6439. Л. 56.

³⁹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55. Л. 1; Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н. Высшее духовенство... С. 207–209, 565–570.

го» наказа включили соборы в перечень объектов описания, однако механизм реализации этого «пункта» в документе отсутствует. По-видимому, проблема была осознана «начальными людьми» Монастырского приказа не сразу.

Н. В. Башнин обратил внимание на то, что в вологодских описных книгах «строения архиерейского дома с домовыми церквями отделены от соборного храма, тогда как остальные описания начинаются с упоминания соборной церкви и затем речь идет о домовых церквях и строениях архиерейского дома».⁴⁰ Как представляется, текст преамбулы описи вологодского собора приоткрывает суть новых распоряжений, тем самым объясняя и порядок следования описей: «А ризница писана до сего великого государя указу, и грамоты в доме преосвященного архиепископа в ризнице в сих переписных книгах выше сего». Думаю, Кошелев верно понял основной посыл власти, которую интересовала архиерейская ризница, обычно находившаяся в кафедральном соборе, и грамоты на земельные владения кафедры. Опись кафедрального собора без этих разделов поместилась в 10-листовой «дестевой» тетради, приплетенной в конец рукописи, вероятно, не только «по хронологии».⁴¹

Таким образом, изучение достаточно частных вопросов, связанных с историей библиотеки Великоустюжского архиерейского дома, обнажило серьезную проблему современной историографии, какой является отсутствие внутренне непротиворечивого представления о содержании понятий «архиерейский дом» и «архиерейская библиотека».

Приложение

Книги Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома (1701 г.)

- л. 39 Чиновник печатной, в десть, в бархате червчатом, нако-
нешники серебряные и застешки серебряные же золочены,
во влагалище зеленого сукна.
Другой Чиновник печатной же, в десть, облочен в кожу
зеленую, застешки серебряные.
Часослов печатной, малой, со влагалищем зеленого сукна.
<...>
- л. 40 Две книги. Одна книга, в десть, печатная, в коже, Правил-
ная.
Другая, писмаяная, в досках, освещать антими́сы. <...>

⁴⁰ Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н. Высшее духовенство... С. 215.

⁴¹ ГАВО. Ф. 883 (Суворов Иван Николаевич). Оп. 1. Д. 238. Л. 198–206 об.

- л. 50 В Казенной же полате книг печатных новоисправных в полдсть.
Пятнатцать Служебников.
Девять Канонников.
В дсть.
Пять Требников.
Две Псалтири со воследованием. //
- л. 50 об. Треодь постная.
Книга Номоканон.
Минея четия с сентябрю по декабрь.
Двенатцать Миней месечных.
Да сверж переписных книг.
Печатных книг.
Служебник в полдсть.
Часослов в дсть, другой в четверть.
Евангелие недельное.
Три Триоди цветные.
Две Треоди посных.
Два Пролога во весь год. <...>
- л. 55 Да книг печатных.
Книга Евангелие напрестольное, по обрезу золочено, переплетено в черной коже, в дсть.
Два Октаи, по обрезу золочены, переплетены в красных кожах.
Двенатцать книг Миней месечных, в красных кожах.
Евангелие толковое, переплетено в красной коже.
Два Часослова, один новой, другой подержаной.
Шестоднев подержаной.
Апостол в полдсть, в черной коже.
Псалтирь в красной коже.
Два Служебника, оба в красной коже.
Два Ирмология, в черных кожах, да ирмосы знаменные.

РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Д. 6439

Список литературы

- Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1: 1500–1699 гг. СПб., 1890. 1645 с. и стб. разд. паг. (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 12).
- Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н. Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: Правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. 704 с.

- Бубнов Н. Ю. Библиотека Устюжской епархии (вторая половина XVII — первая четверть XVIII в.) // Духовное наследие народов Республики Коми: История и современность. Материалы Всероссийской научной конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов, музеев: К 20-летию Отдела редкой и рукописной книги Научной библиотеки Сыктывкарского университета», 15–16 мая 2008 г. Сыктывкар, 2009. С. 101–108.
- Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский: Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века: Церковно-исторический очерк. СПб., 1908. [4], VI, 683 с.
- Викторов А. Е. Обзорение старинных описей Патриаршей ризницы. М., 1875. 142 с.
- Горчаков М. И. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Св. Синода (988–1738 гг.): Из опытов исследования в истории русского права. СПб., 1871. 558, 252 с.
- Давыдов М. И., Шамина И. Н. Библиотеки архиерейских домов конца XVII — начала XVIII в.: К постановке проблемы // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 69–94.
- Дунаев Б. Северо-русское гражданское и церковное зодчество: Город Великий Устюг // Древности. Труды комиссии по сохранению древних памятников, состоящей при Императорском Московском Археологическом обществе. Т. 6. М., 1915. С. 333–389.
- Корогодина М. В. Архиепископы Афанасий Холмогорский и Александр Устюжский — собиратели канонических рукописей // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. [Вып. 6]. СПб., 2013. С. 81–92.
- Корогодина М. В. Памятники церковного права в рукописях Библиотеки Российской Академии наук XV — начала XX века. М.; СПб., 2020. 640 с. (Описание Рукописного отдела Библиотеки Российской Академии наук. Т. 11. Вып. 1).
- Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII веков. Л., 1977. 223 с.
- Мурзанова М. Н. Устюжское собрание // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. 2: XIX–XX века. М.; Л., 1958. С. 177–178.
- Никулин И. А. Преосвященный Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский и Тобольский. Екатеринбург, 2015. 312 с.
- Оглоблин Н. Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. СПб., 1893. 8 с.

- Опись библиотеки Макарьевского Желтоводского монастыря 1702 г. / Подгот. текста и коммент. А. В. Сиренов и П. В. Чеченков // Тихон Макарьевский — деятель русской культуры XVII–XVIII вв.: Материалы к биографии. М.; СПб., 2014. С. 36–59.
- Опись имущества Тобольского архиерейского дома Св. Софии, составленная по указу Петра I дворянином А. И. Городецким, посланным в Тобольский митрополичий дом для управления хозяйственными делами кафедры на время отсутствия митрополита // *Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: Правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 506–519.
- Опись строений и имущества Вологодского архиерейского дома Св. Софии 1701 г. // Описи Вологодского архиерейского дома Св. Софии второй половины XVII — начала XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. М.; СПб., 2020. С. 176–309.
- От Вятки до Тобольска: Церковно-монастырские библиотеки Российской провинции XVI–XVIII веков. Екатеринбург, 1994. 149 с.
- Переписные книги Коломенского архиерейского дома // *Башнин Н. В., Устинова И. А., Шамина И. Н.* Высшее духовенство в начале церковной реформы Петра I: Правовой статус и имущественное положение. М.; СПб., 2022. С. 330–491.
- Переписные книги Суздальской соборной церкви и архиерейского дома 1701 г. / Подгот. М. И. Давыдов // Вестник церковной истории. 2022. № 1/2 (65/66). С. 173–252.
- ПСЗ. Т. 4: 1700–1712. СПб., 1830. 886 с.
- Румовский Н.* Описание великоустюжского Успенского собора // Вологодские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1851. № 20–22, 24–28, 31, 34, 36, 37, 39–41, 48, 51.
- Румовский Н.* Описание великоустюжского Успенского собора. Вологда, 1862. 138 с.
- Сиренов А. В.* О библиотеке Макарьевского Желтоводского монастыря в XVII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. Т. 4. № 1. С. 7–14.
- Соколова Н. В.* Библиотека Никольского Амвросиева Дудина монастыря в начале 70-х гг. XVII в.: // АЕ за 2014–2015 годы. М., 2023. С. 3–17.
- Соколова Н. В.* К проблеме совместного бытования рукописных и печатных книг в среде провинциального духовенства на рубеже XVII–XVIII веков // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 35–48 // <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-03.pdf>.

- Соколова Н. В. К реконструкции состава библиотеки Амвросиева Дудина монастыря в XVII в. // Актуальные проблемы отечественной истории, источниковедения и археографии: К 90-летию Н. Н. Покровского. Новосибирск, 2020. С. 223–231. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 39).
- Соколова Н. В. Роль Макарьевского Желтоводского монастыря в хозяйственном и культурном развитии Нижегородского края в XVII — первой четверти XVIII в. // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 1989. С. 159–167.
- Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877. 1064 стб.
- Суворов Н. И. Устюг Великий в конце XVII в. // Памятная книжка для Вологодской губернии на 1864 год. Вологда, 1864. Отдел 2. С. 1–46.
- Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. 303 с.
- Черкасова М. С. Великоустюжский архиерейский дом: Открытие и начальный этап деятельности (1682–1700 гг.) // Вестник церковной истории. 2017. № 1/2 (45/46). С. 193–271.
- Черкасова М. С. Вологда и Устюг в эпоху Петра I: Краеведческие очерки. Вологда, 2021. 260 с.
- Шамин С. М., Шамина И. Н. Сельские библиотеки в вотчинах Вологодского и Коломенского архиерейских домов накануне реформ Петра I: По материалам описания 1701–1703 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 4. С. 61–68.
- Шамина И. Н. Коломенская епархия на рубеже XVII–XVIII столетий: По материалам переписных книг 1701–1702 гг. М.; СПб., 2023. 578 с. (Historia Russica).
- Shamin S. M., Shamina I. N. Biblioteki russkikh monastyrei v nachale pravleniia Petra I: K voprosu o roli monastyrskikh sobranii v knizhnom potreblenii i razvitii knizhnogo rynka // Cahiers du Monde russe. 2020. Vol. 61. № 1. P. 130–143.

А. И. Попович

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ ПРОПОВЕДЬ СТЕФАНА ЯВОРСКОГО НА ДЕНЬ ИОАННА ЗЛАТОУСТА, 13 НОЯБРЯ 1708 г.: ТЕКСТ И КОММЕНТАРИИ*

Впервые публикуется часто упоминающаяся в исследовательской литературе непроизнесенная проповедь Стефана Яворского на день Иоанна Златоуста (13 ноября 1708 г.). Произведение представляет собой яркий образец ораторского красноречия митрополита Рязанского и Муромского, возглавлявшего Русскую Православную Церковь с 1700 по 1722 г. В основу проповеди положена аллегория гонимой Истины, вместе с которой Яворский со своими слушателями посещает разные города. Проанализирована диалогичность учительного текста, охарактеризованы авторские стратегии повествования и конструирования собственного образа проповедника. При публикации в полной мере переданы особенности работы автора с рукописью.

Ключевые слова: Стефан Яворский, непроизнесенная проповедь, день Иоанна Златоуста, истина, Петровская эпоха

Митрополиту Рязанскому и Муромскому Стефану Яворскому (1658–1722), де-факто возглавлявшему Русскую Православную Церковь с 1700 г., принадлежит несколько проповедей, на полях рукописей которых он оставил помету, что они остались непроизнесенными («non dictum» / «non dicta»)¹. Одна из таких проповедей — на день Иоанна Златоуста 13 ноября — должна была произноситься в 1708 г. В дальнейшем автор переправил год на 1709, однако проповедь, судя по всему, осталась непроизнесенной, т. к. помета «non dictum» на этом тексте не была зачеркнута.

Обличительное содержание проповеди (а именно упоминание пиров Валтасара, намекавшее на «ассамблеи» Петра I) после публикации И. А. Чистовичем соответствующего фрагмента из ее текста² вызвало интерес еще в XIX в. — Стефану Яворскому приписывались опасения самого разного свойства. В основном отказ проповедника от произнесения этой проповеди исследователи объясняли тем, что

* Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ, проект № 22-18-00488 «Кризис ценностей и стратегии преодоления: Идея “общего блага” в интеллектуальном дискурсе Британии и России (1650–1750)». Благодарю Д. Д. Гальцину (Библиотека Российской Академии наук) за консультации при переводе с латыни.

¹ Проповеди Стефана Яворского сохранились в автографах в коллекции рукописей Синода: РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592а. Л. 1–517; 1592б. Л. 518–909; 1592в. Л. 910–1382; 1592г. Л. 1383–1797. См.: Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1906. Т. 2. Вып. 1. С. 381–426.

² Чистович И. А. Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867. С. 50–52.

митрополит в последний момент благоразумно воздержался от «антипетровского выпада».³

Однако среди обстоятельств, повлиявших на намерения проповедника, в 1708 г. было анафематствование гетмана И. С. Мазепы 12 ноября, а в 1709 г. — хлопоты, вызванные смертью близкого друга митрополита — Дмитрия Ростовского. Содержание других проповедей конца 1700-х гг. мало отличается от тех тем, которые Стефан Яворский планировал затронуть на день Иоанна Златоуста, частично ему это удалось в других текстах рубежа 1700–1710-х гг.⁴

Публикуемый ниже текст проповеди на день памяти константинопольского святителя в полной мере демонстрирует своеобразие учительного творчества Стефана Яворского. Проповедь представляет собой искусно организованное произведение, адресованное столичным слушателям, в чью сторону обращены и многочисленные обличения в тексте. Проповедник приглашает паству отправиться вместе с ним вслед за гонимой Истиной. Тема, обозначенная в латинском заголовке («*Veritas ubique exul, ubique exosa*»,⁵ перевод: «Истина отовсюду изгнана и везде гонима»), подкрепляется авторскими новолатинскими стихами и становится основой сюжета проповеди. Стефан Яворский переходит вместе с Истиной из одного города в другой (Иерусалим, Вавилон, Вефулия, Константинополь, Москва). Пересказывая отдельные библейские события, он демонстрирует, что Истина нигде не может найти себе места, а обличителю человеческих пороков следует молчать. Не случайно библейским тематическим ключом становятся слова одной из заповедей блаженства: «Блажени изгнани правды ради» (Мф. 5:10).

Проповедям Стефана Яворского, как и другим образцам западно-русского красноречия, свойственна диалогичность и разыгрывание небольших интермедий. В начале проповеди автор на основе 5, 11 и 54 псалмов обменивается репликами с царем Давидом, которые можно представить в виде равноправного диалога:

³ Терновский Ф. А. Очерки из истории русской иерархии в XVIII веке: Стефан Яворский // Древняя и новая Россия. 1879. Сб. 5. № 8. С. 311–312; Šerech Ju. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter I // The Slavonic and East European Review. 1951. Vol. 30. № 74. P. 55; Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. С. 125–126.

⁴ Подробно об этих аргументах см.: Попович А. О чем молчал Стефан Яворский? Непроизнесенные проповеди как уравнение с несколькими неизвестными // Quaestio Rossica. 2023. Т. 11. № 4. С. 1393–1413.

⁵ РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 15926. Л. 806. Далее ссылки на текст проповеди даются в круглых скобках в тексте.

- Рцы нам, Давыде святы́й, твое пророческое око видѣло ли в каком-либѹ градѣ правду и истинну?
- Видѣх беззаконіе и прерѣканіе в градѣ днем.
- Сии ли то сѹть граждане, в градах обитающіи?
- Сии. Видѣх беззаконіе.
- А истинна и правда есть ли в градах либо в челоѡвѣцех?
- Нѣт, нѣсть в устѣх их истинны, сердце их суетно, гроб отверст гортань их. Умалишася истинны от сынов челоѡвѣческих (л. 807).

В устном варианте блестящий оратор Стефан Яворский был способен озвучить этот диалог на несколько ролей. Получив не обнадеживающий ответ от псалмопевца, проповедник приглашает паству пойти по разным городам и все-таки поискать вместе с ним Истину: «Пойдѣм, слышателие, по нѣкоторым городам начальнѣйшим и поищѣм истинны» (л. 807). Слушатели, таким образом, оказываются напрямую вовлечены в пространство проповеди. Яворскому же в дальнейшем не требуются посредники — посещение каждого города завершается самостоятельными выводами: «Нѣт, яко вижу, в Иерусалимѣ истинны. Нѣт и во всей Палестинѣ» (л. 807 об.). Проповедник сам становится медиатором, как бы подсматривающим за библейскими героями и подслушивающим их разговоры: «Приклоню уха. Чѹ там слыхатъ? Аж слыхатъ в полках думу нѣкую и сейм» (л. 808 об.).

Несколько раз в проповеди звучат коллективные голоса. Изображая веселье на пиру Валтасара, Яворский включает в повествование возгласы пирующих: «Однакож не слушает того царь Валтасар, лий розлѣй, пият нещадно, виват, кто не выпьет, штроф про здравіе из сосудов церковных, вси доброй мысли, вси весели, всѣ шумны» (л. 808). Есть и несколько появлений разъяренной толпы, лишь в одном случае представляющие собой часть библейского текста. Так, Стефан Яворский развивает призывы иудейского народа, выбирающего кого освободить от казни по случаю празднования Пасхи: «Не Сего, но Варраву, не Христа, но антихриста. Дай нам сюда Блядоустаго, а Златоустаго посылай на ссылку» (л. 807). А в уста вельмож Олоферна проповедник вкладывает требования распять Ахиора: «Возьми, возьми, распни его» (л. 809).

Отношениям обличителя, «истинноглагольника» и обличаемых посвящена значительная часть размышлений проповедника. В его толковании размолвки апостола Павла и галатов звучит едва ли не личная горечь о последствиях обличений: «Хощеши ли имѣти неприятеля, рцыж ему только правду, выговори всю истинну. Тот час хотя бы не вѣдать, каким другом твоим был, врагом будет» (л. 810 об.). Включая в повествование образы библейских героев, проповедник часто примеряет их на самого себя либо становится полноценным

участником воссоздаваемых событий. Так, например, обличая царя Валтасара, Яворский добавляет собственный комментарий, возвращающий слушателей из Вавилона в Москву: «Забылся я, что так дерзновенно глаголю истинну, где истинны не любят» (л. 808). А объясняя слова Христа «Вы есте соль земли» (Мф. 5:13), митрополит вопрошает: «Какая ми похвала быти соли?» (л. 809 об.).

Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Епифаний Кипрский, Григорий Нисский, Василий Кесарийский — святители, которых проповедник упоминает в одном ряду, когда обличает нынешние времена, по-видимому, сравнивая с их судьбами собственное положение: «В оное время так святое и щасливое не любили челоуѣцы истинны, чтож глаголати о временах нынѣшних, беззакония преисполненных, егда свѣтъ сей, что далѣй, то пустше» (л. 809 об.). Иронично рассуждая о том, что пребывающая в Москве голова Иоанна Златоуста боится обличать грехи, потому что ее могут «выкинуть» отсюда, Стефан Яворский берет на себя функции обличителя общественных пороков в России и заявляет о невозможности наступления мира без правды: «То дивно, что мы хоцем имѣти мир и желаем всѣм усердием мира в сих кровных треволнениях, а не имѣем правды» (л. 811).

* * *

Текст (автограф) публикуется по правилам ТОДРЛ. Титла раскрываются в круглых скобках, как и слова и фразы из Священного Писания, сокращенные автором. Заголовок принадлежит публикатору, пунктуация в тексте приведена по современным правилам. В квадратные скобки помещены маргиналии Стефана Яворского. Использование скобок самим автором, особенности авторской работы с текстом (подчеркивания, выделения, зачеркивания, дополнения и др.) оговаривается отдельно. Переводы латинских выражений и указания на источники цитат (при их первом упоминании) даются в комментариях после текста.

[Проповедь на день Иоанна Златоуста, 13 ноября 1708 г.]

л. 806 [90]^{1a} [N(on) dictu(m)]^{6, i}

Veritas ubique exul, ubique exosa,
quod patet
in divinissimo exule^a Ioanne Chrysostomo
pro cuius festivitate haec concio
ad m(a)jorem D(ei) G(loriam) et B(eatissimae)que M(ariae)
V(irginis) s(ansctissimae)que Chrysostomi.
Anno 1709^r Nove(m)bris 13.^a
In Patriarchali Ecclesia.ⁱⁱ

Exilium patitur veritas, pietas,^e fas, aequum,^{*} virtus, honestas,
at scelus intra urbes impietasque latent.

Improbitas tanti, probitas tam denique parvi
penditur, ut probrum paene sit esse probum!ⁱⁱⁱ

Hei mihi quanta est nox! Quantu(m) e(st) in rebus inane!^{iv}

Et quam perversis cursibus omne ruit!

Iam te exhinc munde immundum mage dixero porcum,

Gemmas conculcas, foetida stercora amas.^v //

л. 806 об.

Aurea du(m) eloquio Ioannes flumina ructat

Chryseion merito dicitur esse stoma.^{vi} //

л. 807

+

Veritas ubique exul.

Pro festo divinissimi Chrysostomi.^{vii}

«Бл(а)жени изгнани правды ради». ^{viii}

Praemissa admira(ti)one.^{3, ix}

Что убо стою и не гл(агол)ю?ⁱⁱ Смутную вам скажу новину, (слышателие). Правду послано на ссылку, истинну послано на изгнание, Златоустаго на заточение. Так-то^k мир сей лукавый ослѣплен злобою, что зло и вредител(ь)но, то любит, а что добро и полезно, то гонит и от себе удаляет. Barabbas liberatur, X(ris)tus condemnatur: sic eligit orbis.^x Поставь перед сим свѣтом Х(рист)а и Варраву и вопросы: «Кого хочеши, свѣте, злобою помраченный, Х(рист)а ли или Варраву?» Тот час возгласит: «Не Сего, но Варраву,^{xi} не Х(рист)а, но антих(рист)а. Дай нам сюда Блядоустаго, а Златоустаго посылай на ссылку». О Б(ож)е, какое безумие!^л

^{1a} В ркп. номер поставлен в левом верхнем углу; ⁶ в ркп. помета находится в правом верхнем углу; ^a в ркп. слово вписано над строкой; ^r в ркп. год подчеркнут и переправлен с 1708; ¹ в ркп. день месяца подчеркнут; ^e в ркп. слово вписано над строкой; ^{*} в ркп. слово зачеркнуто; ³ в ркп. фраза вписана на правом поле; ⁱⁱ в ркп. предложение вписано над строкой; ³ в ркп. частица вписана над строкой; ¹ в ркп. три предложения добавлены на правом поле через специальный знак;

Не посылают на ссылку убийство, любодѣ(яние), прел(ь)щение, хищение, неправду, здырство и прочая тѣм подобная законопреступства. Минувши тѣх разбойников, правду и истинну на изгнание таскают. А кой град есть так щасливый, в котором бы правда и истинна имѣла обита-лище? Рцы нам, Давыде с(вя)тый, твое пророческое око видѣло ли в каком-либуд(ь) градѣ правду и истинну?

Отвѣщает Давыд с(вя)т(ый): «Видѣх беззаконие и прерѣкание в градѣ днем» etc.^{xii} Сии ли то сут(ь) гражда-не, в градах обитающие? «Сии. Видѣх беззаконие» etc.^m А истинна и правда ест(ь) ли в градах либо в ч(е)л(овѣ)-цах? «Нѣт, — сказует Давыд, — нѣст(ь) в устѣх их истинни, с(е)рдце их суетно, гроб отверст гортань их, языки свои-ми...^{xiii} Умалишася истинны от с(ы)нов ч(е)л(овѣ)ч(е)-ских». ^{xiv} Жал(ь) ми тя, истинно с(вя)тая, что у людей не имѣеши любления, вездѣ тебе ненавидят, вездѣ изгоняют. В градах отнюд(ь) не имаши м(и)л(о)сти, не имаши оби-талища.

Пойдѣм, сл(ы)шателие, по нѣкоторым городам на-чал(ь)нѣйшимⁿ и поищѣм истинны.

Пойдѣм, въ-первых, в град Иер(у)с(а)лим, там подоба-ет быти пр(ѣ)столу истиннѣ. Град изрядный, царственный, старинный,^o а к тому в писаниях нарыцается градом с(вя)-тым, нонче там имѣет быти истинна. Аж и там ей не любят, и там ей гонят. Лишь тол(ь)ко явилася истинна в Иер(у)-с(а)лимѣ и в предѣлах его, еще прежде пришествия Х(ри)-с(то)ва в про(р)оцѣх гл(агол)ющая, аж тот час истинну ка-мением в лоб, пророком, истинну гл(агол)ющим, смерт(ь). «Иер(у)с(а)лиме, Иер(у)с(а)лиме, избивай про(р)оки и камением побиваяй посл(анные к тебѣ)». ^{xv} //

л. 807 об. Явилася потом истинна в Предитечи Г(о)с(по)днем. А долго ли пребывала? В пустинѣ жила, а не в Иер(у)с(а)-лимѣ, бо в Иер(у)с(а)лимѣ истинны не любят. И лишь тол(ь)ко истинна в Предитечи явилася в град Иер(у)с(а)-лим на обличение беззакония Иродова, тот час истинну взято в тюр(ь)му в узилище, а потом и голову истиннѣ отсѣчено. Молчи, не говори истинны.

Пустше еще дѣялося в Иер(у)с(а)лимѣ з истинною не созданною Хр(ис)том С(пасителем) н(ашим). Явится в плотиⁿ предвѣчная истинна, едиnorodный С(ы)н Б(о)жий,

^m в ркп. предложение вписано над строкой; ⁿ в ркп. слово вписано над строкой; ^o в ркп. два слова вписаны над строкой; ^p в ркп. два слова вписаны над строкой;

хотящ на земли вкоренити истину. «Аз, — рече, — на се родихся и на се приидох. Да свѣдѣтел(ь)ствую истиннѣ». ^{xvi}

О ужеж не долго Тебѣ быт(ь) на сем свѣтѣ, ^p Сп(а)сителью мой, егда пришел еси на тое дѣло, свидѣтелем быти истиннѣ. Свѣт сей ^c истинны не любит. И зрѣте, лишь тол(ь)ко родилас(ь) истинна, Х(ристо)с, тот час истинну на изгнание в Египет. Из Египта возвратившися истинна в Назарет, поты там жила истинна с покоем, покамѣст молчала. Тридцят(ь) лѣт молчала, тритцят(ь) лѣт и жила. По тридцати летѣх озовется истинна, Х(ристо)с ^t начнет проповѣдати Ев(ан)г(е)лие и обличати беззаконныя, ^y аж тот час сонмище иудейское на истинну: «Бий, убий, воз(ь)ми, распни, ^{xvii} для чего ты говоришь истинну». О Б(о)же мой, коликое бѣдство претерпѣла истинна, чрез три года гоняли истинну, аж на остаток умертвили бѣдную. А гдѣ ей умертвили? За градом Иер(у)с(а)лимом. А для чего не в самом градѣ? Для того что не имѣла мѣста в градѣ, и живучи и умираючи. Родилас(ь) истинна не в градѣ, гдес(ь) там за городом в пещерѣ, в земли, «истинна от земли восия». ^{xviii} Умирала не в градѣ, за не имѣяше мѣста в обители.

Тоеж претерпѣли и проповѣдницы истинны, ап(осто)лы, что претерпѣла Сама истинна Х(ристо)с. Всѣ за истинну пострадаша. И не дивно, ^ф аще бо «дому вл(а)д(ы)ку велзеулом нарекоша, кол(ь)ми паче домашних его». ^{xix} Нѣт, яко вижу, в Иер(у)с(а)лимѣ истинны. Нѣт и во всей Палестинѣ. «Умалишася истины» etc.

Из Иер(у)с(а)лима пойдѣм в Вавилон, негли там обрящем истинну. Но что искати в Вавилонѣ истинны, не знашли в Иер(у)с(а)лимѣ, кол(ь)ми паче в Вавилонѣ. //

л. 808

Однакож пойдѣм в Вавилон. Присмотрѣмся, что там дѣется. В книгах Даниила про(ро)ка с:5 пишется: «Валтасар ц(а)рь вавилонский сотвори вечерю велию вел(ь)можам своим тысящи мужем и повелѣ принести сосуди златы и сребрени, яже бѣ изнесл от(е)ц его Навуходоносор из храма Б(о)жия от Иер(у)с(а)лима, и принесоша, и пияху от сосуд церковных ц(а)рьже и вел(ь)можи его». ^{xx}

Ей, ц(а)рю Валтасаре, что творишь? Сосуди то церковные, а ты их на п(ь)янство употребляешь. Памятайже, что тебѣ тое не минется, выпиешъ ^x ты з тых сосудов гор(ь)кий

^p в ркп. три слова вписаны на левом поле через специальный знак, зачеркнуто на земли; ^c в ркп. исправлено над строкой, в тексте было Земля; ^t в ркп. слово вписано над строкой; ^y в ркп. три слова вписаны на левом поле через специальный знак; ^ф в ркп. три слова вставлены над строкой; ^x так в ркп.;

попынь ярости Б(о)жия. Гнѣвается за то е Бог, егда кто добра церковные Ему даные похищает, а еще на зло употребляет. Забылся я, что так дерзновенно гл(агол)ю истинну, где истинны не любят.

Однакож не слушает того ц(а)рь Валтасар, лий розлѣй, пият нещадно, виват, кто не вып(ь)ет, штроф про здравие из сосудов церковных, вси доброй мысли, вси весели, всѣ шумны. [Moralisa(ti)o haec fuit pro introductione B(eatissi)-mae.]^{ц, хxi}

Аж ту нечаянно явится рука нѣкая, пишушая приговор на смерть ц(а)реви, гл(агол)ет Писание Б(о)ж(ественное): «В той час изыйдоша персты руки ч(е)л(овѣ)ч(е)ския и писаху противу лампадѣ на стѣнѣ храмины царския, и ц(а)рь, видящ персты руки пишуция, измѣнися зрѣние его, и размышления его смутиша, и соузи чресл его расслабляхуся».^{хxi} От тобѣ церковное добро куди пошло.

Отцы с(вя)тыи толкователие Писаний Б(о)ж(ественных) много разсуждают о той руцѣ пишушей. Написала тая рука три тол(ь)ко слова: «Мани, фекел, фарес».^{ч, хxi} Но трудные и неслыханого языка, которые слова мудрцы царские не могли протолковати. Приведено Даниила про(р)ока, который в то время был в плѣнении вавилонском с прочиими и пребываше на дворѣ царском. Прийдет Даниил пред лице ц(а)рево и Д(у)хом С(вя)т(ым) вотхновенный^ш начнет толковати: «Мани, фекел, фарес. Мани,^ш измѣри Б(о)г царство твое и сконча е. Фекел,^б постави тя Б(о)г в мѣрилѣ, и обрѣте тя лихоимствующа. Фарес,^ш раздѣлиши царство твое от тебе, и отдадеша мидом и персом».^{хxi} Сей-то страшный приговор на ц(а)ря вавилонска рука оная на стѣнѣ писала.

Удивляются ту учителяе оной руцѣ, никто не дерзнул л. 808 об. обличити ц(а)ря // о беззакониих, о п(ь)янствах, о похищении и осквернении церковных сосудов, никтоже не дерзнул гл(агол)ати истинну ц(а)реви,^б аж руки было надобѣ чудесной на обличение. Был там на дворѣ царском и пророк Даниил, молчал и той. Были тамже и оныи с(вя)тыи трие отроцы Ананиа, Азария, Мисаил, и тыи молчали.^з

Так-то, слышателіе, в полатах властелинских мѣста не имѣет истинна, никтоже не дерзнул ей языком извѣстити,

^ц в ркп. два абзаца выделены в рамку, на правом поле напротив написана латинская фраза; ^ч в ркп. три слова подчеркнуты; ^ш в ркп. четыре слова вписаны на правом поле; ^ш в ркп. слово подчеркнуто; ^б в ркп. слово подчеркнуто; ^ш в ркп. слово подчеркнуто; ^б в ркп. шесть слов подчеркнуты; ^з в ркп. предложение вписано на правом поле;

аж рукою, не вѣдат(ь) откуда явлшеюся, истинна извѣстися. И то еще рукою, не вес(ь) ч(е)л(овѣ)к явился, но тол(ь)ко рука ч(е)л(овѣ)ч(еск)а. Так-то боязно пред владыками з истинною являтися.

О воистинну «умалишася истинны от с(ы)нов ч(е)л(овѣ)ческих)».

Не знайшовши в Вавилонѣ истинны, пойдѣм еще к Вефулии, граду иудейскому. Приблизившись к граду, вижду нѣкие полки под градом. Что то ест(ь)? Сказует Писание Б(о)ж(ественное) Judith 5, что Вефулия град в осадѣ, округ оточило город войско ассирийское. Приклоню уха. Что там слыхат(ь)? Аж слыхат(ь) в полках думу нѣкую и сейм. Засѣл Олоферн, гетман войск ассирийских, с княз(ь)ями и вел(ь)можами своими на совѣт. Чтож то они там сеймуют, о чом дума? Извѣщает Писание С(вя)т(ое) Judith 5, о том сеймуют: хотят вѣдати, каков ест(ь) род иудейский, какова его сила, какова крѣпост(ь)? «Рцѣте ми, — гл(агол)ет Олоферн»,¹⁰ — рцѣте, о князие, каковы сут(ь) людие сии? И каковы их грады, и какова их сила? Или кое будет множество их?»^{xxv}

На сей вопрос Олофернов озовется воевода тѣхъже полков именем Ахиор, муж истинногл(агол)ник: «Аще хочеши, — (рече),^я — слышати, господине мой, реку истинну пред тобою о людех сих, и не изыйдет слово ложно из уст моих». ^{xxvi} [Осторожнеж, Ахиоре, говори истинну, истинна очи колет].^{11а} Начнет Ахиор о иудейском родѣ гла(гола)ти, како рукою крѣпкою и мышцею высокую изведени быша от работы египетския, како прейдоша море немокрыми стопами, како фараон, гонящ их, потопе, како побѣдиша Амалика, Зова, Зевея, Салмана огавасанска и вся царствия ханаанска плѣниша, како манною с н(е)б(е)с питашася, како воду чудесную от камене пияху, како Иерихон единым трубным гласом испровергоша, и прочая подробну. «И н(ы)нѣ, — (рече),^б — аще людие сии не согрѣшиша пред Г(оспо)дем Б(о)гом своим, не можем противитися им, яко Г(о)с(по)дѣ Б(о)г их // защитит^в их, и будем в поношение всея земли». ^{xxvii} Лиш(ь) тол(ь)ко Ахиор сию истинну выговорил пред Олоферном и вел(ь)можами его, тот час начаша всѣ негодовати, всѣ на бѣдного истинногла(голь)ника Ахиора: «Воз(ь)ми, воз(ь)ми, распни его». Гл(агол)ет Писание

л. 809

¹⁰ скобки использованы в ркп.; ^я скобки использованы в ркп.; ^{11а} скобки использованы в ркп.; ^б скобки использованы в ркп.; ^в исправлено, в ркп. защититит;

тамже в книгах Июдифь: «И быст(ь) егда преста Ахиор гла(гола)ти словеса сия, разгнѣвашася вси вел(ь)можи Олоферновы^{ххviii} и хотяху убити его, рекущи друг к другу: “Кто сей ест(ь) иже гл(агол)ет яко с(ы)нове И(зра)илены могут противитися ц(а)рю Навходоносору и воем его?” И разгнѣвася Олоферн яростию велиею зело и повелѣ Ахиора на погубление привязати вервицами к древу».^г За что? За тое, что говорил истинну. Пред ц(а)рями, пред вел(ь)-можами истинны не говори. «Умалишася истинны» etc.

Нафан пророк, хотящ обличити ц(а)ря Давыда, согрѣшившаго прелюбодѣянием и убийством, смотрѣте, как осторожно гл(агол)ет истинну ц(а)рю Д(а)в(ы)ду, не являет ей просто, но обвертѣвши в бумагу клопчату, чтоб очей не колола. Читайте о том 2Reg:12. Приходит Нафан про(р)ок к Д(а)в(ы)ду: «Суди ми, — (рече),^д — ц(а)рю, суд, который тебѣ возгл(агол)ю. Два мужа быша в едином градѣ, един богатый, другой убогий. Богатый имѣяше многое множество овец, волов и всякой скотины, а убогий ничтоже не имѣл, тол(ь)ко едину овцу, которую воскормил и так любил, что от хлѣба его ядыше и от чаши пияше, и на лонѣ его почиваше, и быст(ь) ему овца оная, аки дщер(ь) едиnorodна. В том времени прииде нѣкто от пути к мужу богатому который хотящ учредити пришедшаго путника, минувши свое стадо, минувши своя овцы, которых имѣл по премногу, взял оную любимую агницу от мужа убогаго и сотворил обѣд мужу, пришедшему к нему».

Услышавши то, Давыд (гл(агол)ет Писание)^е разгнѣвася зело на мужа оного богатаго и рече к Нафану: «Жив Господь, яко достоин ест(ь) муж той смерти, сотворивый то. И агницу да возвратит сугуб седмерицею». И рече Нафан к Давыду: «Ты еси ч(е)л(овѣ)к, сотворивый то. То ест(ь) ты сам еси таким, о царю, который взял еси овечку чужую, то есть жену Уриину».^{ж, ххix} Смотрѣте, как Нафан про(р)ок^з истинну обвертѣл в бумагу.^и Не рекл просто ц(а)реви: «Для чего ты, ц(а)рю, овечку чужу восхитил, для чего чужую жену Вирсавию от мужа ея, а от // твоего подданого Урии взял еси себѣ в жену неправед(но) и неправил(ь)но. Бог за тое гнѣвается, все г(осу)д(а)рство соблазняется». Не говорил того Нафан. О, пушай бы тол(ь)ко так молвил, не вѣм,

^г в ркп. весь текст цитаты подчеркнут; ^д скобки использованы в ркп.; ^е скобки использованы в ркп.; ^ж в ркп. предложение вписано на левом поле через специальный знак; ^з в ркп. слово вписано на правом поле; ^и исправлено, в рукописи бумагу;

остол ли ся бы на ногах. Но он истинны попросту не говорил, правду обвертѣл в бумагу, истинну явил в притчи. И так явил, что сам себе ц(а)рь осудил повинна быти смерти. «Умалишася истинны от с(ы)нов» etc.

Не знайшол я истинны ни в Иер(у)с(а)лимѣ, ни в Вавилонѣ, ни в Бефулии. Кудиж еще обернуса? Хотѣл я ей искати ту на Москвѣ, аж мнѣ нѣкто сказал, что издалече минула город, знатно побоялася либо кнута, либо плахи, либо катаргы.

Пойду я еще в Константинопол(ь), негли тамо обрящу истинну. Но все и труждат(ь)ся. И тамо истина не имѣет обиталища. И то еще не дивно, что в н(ы)нѣшняя времена за ц(а)рей нечестивых бусурманских, то дивно что за ц(а)рей бл(а)гочестивых, за ц(а)ря бл(а)гочестиваго Аркадия истинна не имѣла обитания в Константинополи. Вещь воистину ужасна. В оное время так с(вя)тое и щасливое, егда в Александрии Кирил с(вя)т(ый), в Кипрѣ Епифаний с(вя)т(ый), в Ниссѣ Григорий с(вя)т(ый), в Кесарии Василий с(вя)т(ый) бяху пастырями и правды и истинны учител(ь)ми. В оное время с(вя)тое, егда Златоуст, яко труба, на страшном судищи гримѣл на устрашение грѣшником. В оное время так с(вя)тое и щасливое не любили ч(е)л(овѣ)цы истинны, чтож гла(гола)ти о временах н(ы)нѣшних, беззакония преисполненных, егда свѣт сей, что далѣй, то пустше.^к Лишь тол(ь)ко тогда^л начал Златоуст с(вя)т(ый), аки гром б(о)гогласный, гла(гола)ти истинну, лишь тол(ь)ко начал обличати ц(а)ря Аркадия, ц(а)р(и)цу Евдоксию о ненасытном лакомствѣ, о неправедном стяжании и здырствах, о обидах и утѣснении убогих, тот час и «ненависть за возлюбление»,^{xxx} тот час истинну на ссылку, «егда гла(гола)х им, боряху мя туне».^{xxxі} Молчи, не говори истинны, хотя ты Златоуст.

Жал(ь) ми тя, истинно с(вя)тая, что вездѣ тобою гнушаются, вездѣ не любят, вездѣ отмѣтают и на ссылку гонят. [Hic de luce qua(m) oderunt ophtalmici jam vero apostolis X(ris)tus <нрзб.> Vos estis lux.]^{м, xxxii}

И сию то^н мно быти тайну, что Х(ристо)с С(паситель) н(аш) ап(осто)лов, пастырей и всѣх истинны свидѣтелей нарекл солиу: «Вы есте соль земли».^{о, xxxiii} Для чего Х(ри-

^к в ркп. четыре предложения вписаны на левом поле через специальный знак; ^л в ркп. слово вписано над строкой; ^м в ркп. фраза вписана на правом поле; ^н в ркп. слово вписано над строкой; ^о в ркп. цитата подчеркнута;

сто)с не нарекл ап(осто)лов и их воспреемников златом, серебром, камением многоцѣнным, но солию? «Вы есте сол(ь) земли». Какая ми похвала быти солию?

Послушайтеж, кое в том нарыщании содержится таинство. Сол(ь) и истинна в товарищех ходят з собою. Соль брашна^п услаждает, истинно такожде всякия вещи утверждает. Соли аще много^р вкинешь в брашно, неприятно бывает брашно и отмѣтается. Истинна такожде на сем свѣтѣ, якоже соль. Аще кто много истинны употребляет, неприятен бывает и отмѣтается. //

л. 810

Соли не любит око.^с Кто истинну говорит, такожде любим ест(ь), якоже соль в оку. Правда очи колет. Соли терпѣти^т не может язва и рана. Истинны такожде не стерпѣвает грѣховная рана и язва. Се убо имате тайну, для чего Х(ристо)с С(паситель) н(аш) правдоглагол(ь)ников Своих, ап(осто)лов и их восприемников, нарекл солию. «Вы есть соль земли». Аки бы рекше: «Ап(осто)ли Мои, придет время, егда будете бл(а)говѣстити миру правду и истинну гла(гола)ти, вѣдайтеж о том, что так вас будут любити, яко сол(ь) в очеси, так вас будут любити, яко соль на ранах». [Opthalmici qui laborant ex oculis laedu(n)-tur dum lucem aspiciu(n)t: ap(osto)los X(ris)tus vocat lucem. Vos estis lux mundi. Ergo quod miru(m), quod h(omi)nes odio persequeba(n)tur ap(osto)los et omnes qui veritatem loquu(n)-tur. «Всяк бо дѣлаяй зло, ненавидит свѣта».^{xxxiv} у. xxxv Прелестный сей и окаянный мир правды и истинны не любит, и якоже брашно отмѣтает, в немже много соли, так и истинною гнушается.

Вѣрно слово и всякаго приятия достойно. А что сут(ь) грѣхи ч(е)л(овѣ)ч(ес)кие тол(ь)ко язвы д(у)шевные, так их Писание С(вя)тое нарыщает: «Возсмердѣша и согниша раны моя от лица (безумия моего).^{xxxvi} Пушайже кто начнет истинну гла(гола)ти и обличати кого о грѣсѣх, пушай той соли хотя мало вкинет на грѣховные язвы, хотящ их исцѣлители. О кол(ь) рана грѣховная сиевой соли не возлюбит.

Сиевою солию были ап(осто)ли ранам грѣховным нестерпимою. «Вы есте сол(ь)». Таковою солию был н(ы)нѣ празднуемый Златоуст с(вя)т(ый), язвами грѣховными

^п в ркп. два слова подчеркнуты; ^р в ркп. три слова подчеркнуты; ^с в ркп. предложение подчеркнуто; ^т в ркп. два слова подчеркнуты; ^у в ркп. латинские фразы вписаны на правом поле;

уязвлена была ц(а)рица Евдоксия, а найпаче лихоимством, лакомством ненасытным, здырством, хищением, обидами и утѣснением убогих. Толикия раны грѣховныя и гнилость(ь) д(у)шевную видячи, Златоуст с(вя)т(ый) начнет соли сыпати на раны, начнет правду и истинну говорити, аж рана соли не злюбила, аж Златоуст с(вя)т(ый) у ц(а)р(и)ци, яко сол(ь) в очеси. «Вы есте сол(ь) земли». И не престала злобная ц(а)рица враждовати, дондеже Златоустаго с(вя)т(аго) неправедному предаде изгнанию. Воздаша ми «злая за бл(а)гая и ненависть за (возлюбление мое)», «егда гла(гола)х им, боряху мя туне». //

л. 810 об. Павел с(вя)тый, галатов обративши к вѣрѣ с(вя)той, велию у них имѣл любовь, якоже пишет Gal 4: «Приястемя, — (рече),^ф — яко агг(е)ла Б(о)жия, якоже Х(рист)а И(ису)са, свидѣтел(ь)ствую же вам, яко, аще бы было мощно, и очеса ваша извертѣвши дали бысте ми». ^{xxxvii} Велие воистинну любление галатов к Павлу с(вя)тому. И Павел такожде с подобным озуется люблением к ним: «Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Х(ристо)с в вас». ^{xxxviii} Потом з так великого любления меж Павлом и галатами пришло до вражды. А за что? За истинну. Ibidem): «Враг бых вам, — (гл(агол)ет Павел),^х — истинну вам гл(агол)я?» ^{xxxix}

Так ест(ь) совершенно,^ц сосуде избранный Павле с(вя)тый, истинноглагол(ь)ство и между друзьями велию вражду творит. Хощеши ли имѣти неприятеля, рцыж ему тол(ь)ко правду, выговори всю истинну. Тот час хотя бы не вѣд(ь), каким другом твоим был, врагом будет. «Враг бых вам, истинну вам гл(аго)ля?»

О мире немирный! О правды и истинны ненавистниче и гонителю вселютѣйший.

Главо Златоустова очесам нашим, яко многоцѣнное сокровище здѣ подлежащая,^{хl} главо с(вя)тая, покаяния проповѣднице, трубо громогласная, правду и истинну гримящая, возгласи нам паки правду и истинну, якоже древле в Константинополи и в Антиохии гласила еси. «Возопий крѣпостию и не пощади, яко трубу вознеси глас свой»^{хli} и обличи люди сия о грѣсѣх их. Испущала ты нѣкогда громы, главо с(вя)тая, на лихоимание, на неправедные прибыли, на обиди и утѣснение убогих, на скверноствяжатель(ь)ство

^ф скобки использованы в ркп.; ^х скобки использованы в ркп.; ^ц в ркп. слово написано дважды, повтор зачеркнут;

Евдоксии ц(а)р(и)цы^ч Константинопол(ь)ской. Тѣмже недугом и болѣзнию лютѣ страждет и град сей, аки ц(а)-р(и)ца градовом и всего г(осу)д(а)рства вл(а)д(ычи)ца. Испусти громы твоя небоподобная, главо с(вя)тая, да поне твоим б(о)гогласным гримѣнием, устрашится, придет в чувство и о злобах своих покается. [NB: hic o częstych rozwodach.]^{ш, xlii} //

л. 811

Молчит глава с(вя)тая.^ш Знатно боится, чтоб и отсюду ей за правду и истинну не выкинули.

Но мы, слыш(ателие), не подобствуимо Евдоксии лихоимствующей лакомством ненасытным, лихоиманием, здырством и утѣснением убогих, не посылаймо паки Златоустаго на заточение.

Возлюбѣм правду, возлюбѣм истинну. Слушаймо, что Д(у)х С(вя)т(ый) в псалмѣ гл(агол)ет: «Милост(ь) и истинна стрѣстася, правда и мир облобизастѣся».^{xliii} Тамо милость Божия, где истинна. «Милость и истинна стрѣтостася». Тамо мир, где правда. «Правда и мир облобизастѣся».^б [Dictu(m) hoc pro concione Divi Nicolai.]^{ы, xliiv} То-то изрядный союз, то-то изрядное супружество, где мир с правдою, аки жених з невѣстою, любятся, об(ъ)емлются, лобизаються лобизанием с(вя)тым. «Правда и мир облобизастася».

То дивно, что мы хотим имѣти мир и желаем всѣм усердием мира в сих кровных треволнениях, а не имѣем правды. Не слышим ли псаломника, что мир не может быти без правды. «Правда и мир облобизастѣся». Правда, яко невѣста прекрасна, мир, яко жених преизрядный. Мы хотим имѣти жениха мира, а не имѣем невѣсты правды. Како могут сия быти? Какое то супружество жениха хотѣти, а невѣсты не имѣти?

Не тако, любимицы, не тако. Потщѣмся всѣм усердием и всѣми силами попецѣмся имѣти прекрасную невѣсту правду, а мир уже сам, яко жених, придет и к своей невѣстѣ правдѣ. «Правда и мир облобизастѣся». О Хр(и)стѣ И(и)с(у)сѣ Г(о)с(по)дѣ нашем, Емуже слава, чест(ь) и поклонение в вѣки. Аминь. Laus tibi X(ris)te.^{xlv}

[Drexelius in suo Davide c 3, § 3, fol. 799 pulchre disserit de dicenda veritate.]^{б, xlv}

РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592б. Л. 806–811

^ч в ркп. слово написано дважды (до и после Евдоксии), зачеркнуто до; ^ш в ркп. фраза написана под абзацем; ^ш в ркп. слово вписано над строкой; ^б исправлено, в ркп. облобизастѣся; ^ы в ркп. фраза вписана на левом поле напротив последующих слов;

^б в ркп. фраза написана после всего текста.

Комментарии

- ⁱ Не произнесено (*лат.*).
- ⁱⁱ Истина отовсюду изгнана и везде гонима, что явлено на примере святейшего изгнанника Иоанна Златоуста, к празднику которого приурочена проповедь. К вящей славе Божьей и в честь святейшего непорочного зачатия Пресвятой Девы Марии и Иоанна Златоуста. 13 ноября 1709 г. В патриаршей церкви (*лат.*). Имеется в виду церковь Двенадцати Апостолов в Московском Кремле.
- ⁱⁱⁱ «*Improbitas tanti, probitas tam denique parvi // Penditur, ut probum paene sit esse probum!*» — стихи из эпиграммы валлийского поэта Джона Оуэна (ок. 1564–1566 — ок. 1622–1628).
- ^{iv} «*O, quantum est in rebus inane*» — крылатое выражение из сатиры римского поэта Персия (34–62).
- ^v Истина, благочестие, божественные законы, добродетель, честность находятся в изгнании,
а в городах кроются преступление и нечестие.
Бесстыдство так велико, что порядочность уже так мало ценится, и постыдные поступки почти стали хорошими!
Ох, как полна ими ночь! Сколько в мире пустого!
И как все рушится злыми течениями!
Оттого, нечистый мир, я бы назвал тебя свиньей,
ты топчешь бисер и любишь зловонный кал (*лат.*).
За основу перевода первых двух строк взят перевод: *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М., 2000. С. 132.
- ^{vi} Когда Иоанн источает золотые реки речью,
По праву золотыми называются его уста (*лат.*).
Перевод Д. Д. Гальцина.
- ^{vii} Истина отовсюду изгнана. На день святейшего Златоуста (*лат.*).
- ^{viii} Мф. 5:10: «Блажени изгнани правды ради: яко тѣхъ есть Царствие Небесное».
- ^{ix} Предпосланное удивление (*лат.*).
- ^x Вававва освобожден, Христос осужден: так выбрал мир (*лат.*).
- ^{xi} Ин. 18:40: «Возопиша же паки вси, глаголюще: не Сего, но Вавравву. Бѣ же Вавравва разбойник».
- ^{xii} Пс. 54:10–11: «Потопи, Господи, и раздѣли языки их: яко видѣхъ беззаконие и прерѣканіе во градѣ. Днем и нощию обыдет и по стѣнамъ его: беззаконіе и трудъ посредѣ его, и неправда».
- ^{xiii} Пс. 5:10: «Яко нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху».
- ^{xiv} Пс. 11:2: «Спаси мя, Господи, яко оскудѣ преподобный: яко умалишася истины отъ сыновъ человѣческихъ».

^{xv} Мф. 23:37: «Иерусалиме, Иерусалиме, избивый пророки и каменiem побиваяй посланные к тебѣ, колькраты восхотѣхъ собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под крилѣ, и не восхотѣсте?».

^{xvi} Ин. 18:37: «Рече же Ему Пилат: убо Царь ли еси Ты? Отвѣща Иисус: ты глаголеши, яко Царь есмь Аз: Аз на сие родихся и на сие приидохъ в мѣръ, да свидѣтельствую истину: и всякъ, иже есть от истины, послушаетъ гласа Моего».

^{xvii} Ин. 19:6: «Егда же видѣша Его архиереи и слуги, возопиша глаголюще: распни, распни Его. Глагола им Пилат: поимите Его вы, и распните, аз бо не обрѣтаю в Немъ вины».

^{xviii} Пс. 84:12: «Истина от земли возсия, и правда съ небесе приниче».

^{xix} Мф. 10:25: «Довѣстъ ученику, да будетъ яко учитель его, и раба яко господь его. Аще господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашняго его?».

^{xx} Дан. 5:1–2: «Валтасаръ царь сотвори вечерю велию вельможамъ своимъ тысящи мужемъ, предъ тысящею же виномъ, и пия Валтасаръ рече при вкушении вина, еже принести сосуды златы и сребряны, яже изнесе Навуходоносоръ отецъ его изъ храма Господа Бога, иже во Иерусалимѣ, и да пьютъ в нихъ царь и вельможи его, и наложницы его и возлежащыя окрестъ его».

^{xxi} Эта морализация была передъ блаженнымъ видениемъ (лат.).

^{xxii} Дан. 5:5–6: «Въ той часъ изыдоша персты руки челоуѣчи и писаху противу лампады на повапленіи стѣны дому царева, и царь видяше персты руки пишущія. Тогда царю зракъ измѣнися, и размышления его смущаху его, и союзы чреслъ его разслабляхуся, и колѣна его сражастася».

^{xxiii} Дан. 5:25: «Се же есть писание вчиненное: мани, фекелъ, фарес».

^{xxiv} Дан. 5:26–28: «Се сказаніе глагола: мани, измѣри Богъ царство твое и сконча е: фекелъ, поставися въ мѣрилѣхъ и обрѣтется лишаемо: фаресъ, раздѣлися царство твое и дадеся мидомъ и персомъ».

^{xxv} Иудиф. 5:3: «И рече имъ: возвѣстите убо ми, сынове ханаани, кто людие сии живущіи въ горней, и каковы, въ нихже живутъ, гради, и множество силы ихъ, и въ чемъ держава ихъ и крѣпость ихъ, и кто поставленъ надъ ними царь вождь воинства ихъ?».

^{xxvi} Иудиф. 5:5: «И рече къ нему Ахиоръ вождь всѣхъ сыновъ Аммонихъ: послушай убо, господине мой, слова отъ устъ раба твоего, и возвѣщу тебѣ истину о людехъ сихъ, иже обитаютъ въ горней сей, близъ тебе живущие, и не изыдетъ ложь изъ устъ раба твоего».

^{xxvii} Иудиф. 5:21: «Аще же нѣсть беззаконія въ языкѣхъ ихъ, да преидетъ господинъ мой, да не когда защититъ Господь ихъ и Богъ ихъ по нимъ, и будемъ въ поношеніе предъ всею землею».

^{xxviii} Иудиф. 5:22: «И бысть яко преста Ахиор глаголя словеса сия, и возропташа вси людие обстоящи шатер и предстоящи, и рѣша вельможи Олоферновы и вси живущи в примории и в Моавѣ посѣщи его».

^{xxix} 2Цар. 12:1–7: «И посла Господь Нафана пророка к Давиду. И вниде к нему и рече ему: отвѣщай ми, царю, нынѣ суд сей: и рече ему: два мужа бѣста во единѣм градѣ, един богат, а другой убог <...> И рече Нафан к Давиду: ты еси муж сотворивый сие: сия глаголет Господь Бог Израилев: аз есмь помазавый тя в царя над Израилем, и аз есмь избавивый тя от руки Сауловы».

^{xxx} Пс. 108:5: «И положиша на мя злая за благая, и ненависть за возлюбление мое».

^{xxxi} Пс. 119:7: «Егда глаголах им, боряху мя туне».

^{xxxii} Здесь о свете, который ненавидели глазные врачи. Христос говорил апостолам: «Вы — свет» (*лат.*). Мф. 5:14: «Вы есте свѣтъ міра: не может град укрытиса верху горы стоя».

^{xxxiii} Мф. 5:13: «Вы есте соль земли: аще же соль обуяет, чим осолится? Ни во чтоже будет ктому, точию да изсыпана будетъ вон и попираема челоуѣки».

^{xxxiv} Ин. 3:20: «Всяк бо дѣлаяй злая ненавидит свѣта и не приходит к свѣту, да не обличатся дѣла его, яко лукава суть».

^{xxxv} Глазные врачи, больные глазами, страдают, когда смотрят на свет: Христос называет апостолов светом. Вы — свет мира. Поэтому что удивительного в том, что люди ненавистью преследуют всех апостолов и всех, кто говорит правду (*лат.*). Перевод Д. Д. Гальцина.

^{xxxvi} Пс. 37:6: «Возсмердѣша и согниша раны моя, от лица безумия моего».

^{xxxvii} Гал. 4:14–15: «И искушения моего, еже во плоти моей, не уничижисте, ни оплевасте, но якоже Ангела Божия пріясте мя, яко Христа Иисуса. Кое убо бяше блаженство ваше? Свидѣтельствую бо вам, яко, аще бы было мощно, очеса ваша извертѣвше дали бысте ми».

^{xxxviii} Гал. 4:19: «Чадца моя, имиже паки болѣзную, дондеже вообразится Христос в вас».

^{xxxix} Гал. 4:16: «Тѣмже враг вам бых, истину вам глаголя?».

^{xl} С середины XVII в. в Москве находилась афонская реликвия — голова Иоанна Златоуста.

^{xli} Ис. 58:1: «Возопий крѣпостию и не пощади: яко трубу возвыси глас твой и возвѣсти людем моим грѣхи их и дому Иаковлю беззакония их».

^{xlii} Здесь о частых разводах (*польск.*).

^{xliii} Пс. 84:11: «Милость и истина срѣтостѣся, правда и мир облобызастася».

^{xliv} Проповедовано на день святого Николая (*лат.*). Фрагмент был использован автором в проповеди на день Николая Чудотворца 6 декабря 1708 г., см.: РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1592в. Л. 945 об.–946.

^{xlv} Хвала Тебе, Христос (*лат.*).

^{xlvi} Дрексель в его толковании на Давида, ч. 3, § 3, л. 799, красноречиво рассуждает о произнесении истины (*лат.*). Имеется в виду трактат немецкого богослова-иезуита Иеремии Дрекслея (1581–1638). На полях экземпляра БАН есть пометы Стефана Яворского: НИОРК БАН. 1513-л. *Reverendi patris p. Hieremiae Drexelii societ. iesv presbyteri tomvs secvndvs indicibvs illvstratvs et avctvs concionatoriis*. См. также: Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского: Историко-библиографическое исследование. Киев, 1914. С. VIII, № 33.

Список литературы

- Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М., 2004. 360 с.
- Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: Материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М., 2000. 277 с.
- Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского: Историко-библиографическое исследование. Киев, 1914. 66, LXXXVIII с.
- Описание рукописей, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1906. Т. 2. Вып. 1. XII, 547 с.
- Попович А. О чем молчал Стефан Яворский? Непроизнесенные проповеди как уравнение с несколькими неизвестными // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11. № 4. С. 1393–1413.
- Терновский Ф. А. Очерки из истории русской иерархии в XVIII веке: Стефан Яворский // *Древняя и новая Россия*. 1879. Сб. 5. № 8. С. 305–320.
- Чистович И. А. Неизданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867. 112 с.
- Šerech Ju. Stefan Yavorsky and the Conflict of Ideologies in the Age of Peter I // *The Slavonic and East European Review*. 1951. Vol. 30. № 74. P. 40–62.

Т. В. МЕДВЕДЕВА

Институт славяноведения РАН, Москва

«Докладная записка об Удской старине» Н. Д. СВЕРБЕЕВА (1852)

Публикация вводит в научный оборот документ, посвященный истории и современному состоянию Удского острога, созданный в 1852 г. в ходе поездок по Сибири чиновника Н. Д. Свербеева. «Докладная записка об Удской старине» характеризует проблемы освоения Приамурья и управления краем, актуальные как в XVIII в., так и в начале 1850-х гг.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Приамурье, Удской острог, Н. Д. Свербеев, тунгусы, якуты, Китай

Имя молодого сибирского чиновника Николая Дмитриевича Свербеева (1829–1860) из окружения Н. Н. Муравьева-Амурского появляется на страницах исследований довольно часто: его упоминают в кругу декабристов или в контексте сплавов по Амуру, принятых генерал-губернатором.¹ За пять лет сибирской службы Н. Д. Свербеев совершил несколько важных поездок, принял участие в дипломатических переговорах с китайской стороной, успел близко познакомиться со многими ссыльными декабристами, породнился с семьей Трубецких, став мужем их младшей дочери Зинаиды, а также заслужил доброе отношение архиепископа Иннокентия (Вениаминова), с которым состоял в многолетней переписке.

«Докладная записка об Удской старине», составленная Н. Д. Свербеевым летом 1852 г., стала одним из важнейших итогов поездки по Восточной Сибири. В мае 1852 г. чиновник отправился из Якутска, где он успешно служил под началом Б. В. Струве, через Учурскую яр-

¹ См. о нем: Барсуков И. П. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1997. С. 318–320; Канн С. К. Тайный друг декабристов: Исторический очерк // Трудовая слава (Орловская область). 1986. 5, 15, 19, 26 июля. (Наши земляки: След в истории); Коваль С. Ф. Из архива Н. Д. Свербеева: Письма А. И. Герцена // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 203–216; Маланова А. В. Окружение Н. Н. Муравьева в годы решения Амурского вопроса (1848–1861 гг.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 4 (87). С. 269–274; Матханова Н. П. Сибирский чиновник Н. Д. Свербеев и его литературное и эпистолярное наследие // Россия и Сибирь: Интеграционные процессы в новом историческом измерении. XVIII — начало XX в. Иркутск, 2008. С. 228–238; Медведева Т. В. Путешествия Н. Д. Свербеева по Сибири (1852–1854) в эпистолярном и литературном отражении // Русский травелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом. Новосибирск, 2019. С. 7–51; Шахеров В. П. Из архива Н. Д. Свербеева: Письма И. И. Пущина // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 216–225.

марку и Удской острог до побережья Охотского моря, откуда затем прошел на байдаре до Аяна и вернулся в Якутск по почтовому тракту.

Формально «Записка» имеет вид исторического очерка: часть ее, посвященная XVIII в., изобилует ссылками на тщательно подобранные архивные документы. Однако в «Записке» содержатся важные наблюдения, необходимые для дальнейшего освоения края.² Начальник и друг Н. Д. Свербеева Б. В. Струве в своих воспоминаниях оставил подробное описание задач той служебной поездки: «В виду предстоявшего заселения Якутско-Аянского тракта и предположения на первых порах устроить зимнее сообщение с Петровским зимовьем через Аян, Нелькан и Удской острог, поселения первых пришельцев в Сибирь на берегу р. Уды, ...я счел необходимым командировать в этот дикий край, обитаемый только бродячими тунгусами..., Н. Д. Свербеева. Воспользовался я этою командировкой Свербеева, чтобы ему поручить по возможности подробное исследование действий некоторых якутских купцов в местах кочевья тунгусов на Учурской ярмарке и по улусам якутов... После великого праздника Св. Пасхи Свербеев... отправился в трудный поход по пустынным дебрям юго-восточной части Якутской области, откуда и вывез в высшей степени интересные и важные сведения, послужившие основанием многих знаменательных распоряжений по управлению краем».³ Здесь стоит заметить, что несколькими годами ранее Приамурье и, в частности, Удской острог, были обследованы с научными целями экспедицией А. Ф. Миддендорфа,⁴ о результатах которой было доложено Н. Н. Муравьеву. Некоторые вопросы, затронутые в «Записке» Свербеева, были подробно изучены Миддендорфом в 1844 г. Однако публикация материалов экспедиции состоялась только в 1860–1870-е гг. и, в отличие от текстов Свербеева, не была связана с оперативными решениями в крае.

Сложности управления тунгусами и якутами края были на практике исследованы Свербеевым — они нашли свое отражение в его официальных рапортах из Удского острога⁵ и в письмах родным в

² См. о «Записке» также: Матханова Н. П. Сибирский чиновник Н. Д. Свербеев... С. 231–232.

³ Струве Б. В. Воспоминания о Сибири: 1848–1854. СПб., 1889. С. 134–135.

⁴ Об Удском остроге см.: Миддендорф А. Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. Отд. 5: Сибирская фауна. Домашние и упряжные животные, повозки, суда, рыболовство и охота. СПб., 1877. С. 551–553; Отд. 6: Север и восток Сибири в естественном историческом отношении. Коренные жители Сибири. СПб., 1878. С. 723–772 и др.

⁵ См.: ГАИО. Ф. 774 (Семейный фонд Н. Д. и З. С. Свербеевых). Д. 12: Рапорт и докладные записки Свербеева якутскому гражданскому губернатору К. Н. Григорьеву о результатах обследования Удского края и жизни тунгусов Учурского ведомства. 1852; Д. 13: Докладная записка Свербеева Н. Н. Муравьеву о нарушении порядка в сборе ясачной дани в Удском крае. 1852; Д. 19: Дело о злоупотреблениях членов комиссий по торговле в Удском крае. 1854.

Москву. Мать путешественника, Екатерина Александровна Свербеева, пересказывала петербургским знакомым важные выдержки из писем сына: «Он узнал на опыте, как недостаточны и в применении трудны законы относительно управ[ления] инородцами, особливо бродячими, которыми он занимался все лето и быт их узнал подробно... Ознакомившись теперь с тунгусами Удского края, — пишет Николенька, — я первый вижу, что прежде об них не только никто не знал, но никто не старался об этом. Торговля, продовольствие, взимание ясака — все эти вопросы нетронуты, а как они здесь важны, об этом может понять только сибиряк, бывший на месте, стоя близ и кочевья, и говоривший с тунгусами».⁶ Сам Николай Дмитриевич с болью замечает в письме к матери: «Здесь край беден и вдобавок разорен... Удской замечателен только тем, что он последнее наше поселение к стороне китайской — строения в нем, кроме церкви и священ[нического] дома, развалины-избы и юрты, крестьяне ходят в лохмотьях и часто голодуют».⁷ Далее в письме он сообщал о работе над «Запиской»: «Занимаюсь архивом Удского острога... стараюсь воссоздать историю этой небольшой точки в Сиб[ирском] пространстве... — пишу записку об этом для Губернатора по собств[енному] желанию... et enverra cette note probablement au Générale»⁸.

Некоторые сведения, отраженные в «Записке», Свербеев опубликовал в Вестнике Русского географического общества в составе путевых записок. При этом, касаясь в своих статьях темы Удского острога и Сибири в целом, он всегда подчеркивал положительные стороны жизни в далеком крае, избегая даже слова «окраина»: экономические сложности, несправедливость управления, взаимные претензии народов оставались за пределами печатного текста. Здесь автор, в отличие от «Докладной записки» и личных писем, описывал Удской острог как идеальное романтическое место на стыке обитаемого и необитаемого миров посреди Сибири: «Впервые, показалось мне, нашел я место, где издавна жили люди, но где жизнь не была возмущаема тревогами окружающего мира, шумом исторических происшествий, и где одна только природа великими своими проявлениями пробуждала в душе живущего человека и мысль, и чувство».⁹

⁶ РГАЛИ. Ф. 472 (Д.Н., Е.А. и А.Д. Свербеевы). Д. 617: Письмо Е. А. Свербеевой А. Н. Попову. 01.11.1852 г. Л. 59–60.

⁷ ГАИО. Ф. 774. Оп. ОЦ. Д. 158: Письмо Н. Д. Свербеева Е. А. Свербеевой от июля 1852 г. Л. 17.

⁸ ГАИО. Ф. 774. Оп. ОЦ. Д. 158. Л. 17 об. И, вероятно, пошлю эту заметку Генералу (Н. Н. Муравьеву. — Т. М.; *фр.*).

⁹ Свербеев Н. Д. Сибирские письма. Письмо первое: Проезд с Учурской ярмонки до Удского острога. Удский острог. Население его. Несколько слов о торговле края // Вестник Императорского Русского географического общества. 1853. Ч. 8. Кн. 4. С. 102.

был мною в страшном беспорядке; объяснить это нетрудно: дела хранились в запасном магазине вместе с мукой и прочими предметами.

л. 3 Основание Удского острога, по нашему мнению, должно отнести ко времени покорения всего Сибирского востока, когда казаки становили свои укрепления в крае, обращая инородцев под державу русского царя, или немного позже.ⁱ Древность основания его свидетельствуется одним только известием. В 1777-м году удской священник Конюхов в сообщении своем, писанном в ясную избу, говорит о необходимости выстроить новую церковь, потому что старая // приходит в ветхость и служить в ней небезопасно; к этому прибавляет Конюхов, что о построении оной документов никаких не сохранилось, а из живущих никто не вспомнит о ее сооружении, ниже из преданий что знает. Это дает нам право отнести основание церкви по крайней мере к началу XVII столетия, ибо предание вмещает всегда в народной памяти более века.

л. 3 об. Хотя в Удском остроге не осталось следов укрепления, кроме 8 пушек (в запасном магазине), но и до сего хранится предание в рассказах жителей об том, что оно было — старики его помнят и утверждают, что крепость была разрушена в первых годах настоящего столетия. Стояла она на холме пониже того места, где построена недавно новая церковь. Высокий деревянный оплот с шестью башнями заключал в своей внутренности // старую церковь и цехгауз, около стен на колесах стояли две пушки — немного позади была пороховая, окруженная высоким тыном. На горке, где ныне воздвигнут деревянный крест, были хоромы комиссара, управлявшего краем, около них стояла яшашная изба с присутствием и зеркалом, а там, где теперь на берегу безымянной речки разбросано до десятка развалившихся избушек и юрт, стояли казармы и лазарет, принадлежащие роте, находившейся в Удском остроге, и до 150 солдатских и крестьянских домов.

Крестьяне в то время жили как люди,* имели большие огороды и много голов скота. С давних лет силились ввести хлебопашество, но все попытки оказались безуспешными, пахали землю на волах и лошадях, семена высылались из Якутска.

* Выражение рассказчика.

л. 4

После того как рота солдат // вышла из Удского острога, строения опустели, жители стали беднеть, не стало скота и огородов — и одни развалины свидетельствуют теперь о том, что было, при помощи воспоминаний старожил.

Вот все, что мы могли узнать из местных преданий!.. Сведения, собранные из Архива, свидетельствуют их истинность.

л. 4 об.

В начале прошлого столетия управление Удского края было сосредоточено в остроге, в так называемом Удском приказном правлении. Местные дела вершились в ясашной избе, при которой было присутствие. Начальником края и членом этого присутствия был управитель Удского острога, в иных бумагах он именуется Удского острога командир частных дел или комиссар. Таковыми были коллежский асессор, заседатель якутского нижнего земского суда Яков Фон-Гольц-Гаузен и Готовцев и боярские дети // Егор Борисов, Петр Михалев,* Тимофей Поратов и другие.ⁱⁱ Удское приказное правление было подчинено якутскому нижнему земскому суду, алданской воеводской и якутской провинциальной канцеляриям, а одно время — канцелярии Охотского порта.ⁱⁱⁱ Между старыми бумагами встречается много докладных регистров и журналов присутствия удской ясачной избы.

л. 5

Все делопроизводство сосредоточивалось в управлении тунгусами удского ведомства, в сборе с них ясака, выдаче провианта из запасного магазина, хранении казенного имущества и проч[ем]. Вообще все разобранные нами в удском архиве бумаги и дела свидетельствуют о том, что прежде управление краем было более самостоятельное, чем теперь и что Удской острог, как предполагать должно, утратил свое значение в административном отношении // в первой ¼ настоящего столетия.

Немногие сведения, заслуживающие особенного внимания, извлеченные из старых бумаг, относятся до 1. звериного промысла, 2. продовольствия края, 3. торговли, 4. пограничных отношений к Китаю и 5. некоторых распоряжений относительно местного управления.

1. Звериный промысел, составляющий исключительное занятие удских бродячих тунгусов, с давних лет обращал на себя внимание Правительства. Именным указом императ-

* Замечательно, что Михалев сменил в Удском ясашном правлении адъютанта Тюфилина с 1792 г.

рица Екатерина II поставляла в неперменную обязанность начальства о ревностном побуждении инородцев к упробышливанию пушного зверя, об исправлении ленивых, «а которые ослушливы будут и посечь не душевредно». //

л. 5 об.

Указом 1780 года июня 20 дня из Алданской воеводской канцелярии предписывалось Удского острогу дворянину Егору Кычкину:^{iv} «Въезд якутов в тунгуския селения прекратить по самой Уди реки и довольствоваться им промыслом на здешней стороне, где имеется часть хотя не превосходная, но средняя соболей, а лисиц с удовольствием, белка и горностаи в близости от Алдана и надеется, что на платеж ясака упробышлить могут; затем довольствуются скотоводством и санными покосами и нанимаются в своз в Охотске и в другия отдаленныя места на собственных своих лошадях казенной и партикулярной клади за получаемыя ими немалыя деньги, ибо они (якуты. — Н. С.) выманиваемые от тунгусов соболи не все вносят в казну за ясаки, но большую часть и лудчие // продают в партикулярныя руки».*

л. 6

Как видно из этого и некоторых других указов, намерение правительства было поставить реку Уд границей звериного промысла: левую ее сторону отдать якутам, а правую оставить неотъемлемой собственностью тунгусов и преимущественно удских. Но остановить бродячее племя в известных гранях едва ли возможно: тунгусы и, кажется, якуты не имели и не имеют понятия о собственности относительно промысленных мест, каждая река в каких бы она покатах не текла, и по которой соболю делает частые набег, почиталась вольною для промысла, к тому же полицейского надзора за ними иметь не могли.^v

л. 6 об.

Более интересны меры, которые принимаемы были // относительно 2. торговли. Вероятно, и прежде, как теперь, выезжающие в удские края торгующие крайней дороговизной припасов и товаров разоряли жителей.

В 1777 году Удского острогу управитель сын боярский Егор Борисов доносил Якутской провинциальной канцелярии, что «Якутского и Алданского ведомств якуты, приезжая в Удской острог с разными товарами, выкупают у тунгусов высоких цен соболей до ясака платя, а прочие чинят обиды, того ради по указу Ея Императорскаго Вели-

* Приводя выписки из указов, мы употребляем подлинныя слова с соблюдением конструкции и орфографии.

л. 7

чества в якутской провинциальной канцелярии определено тебе Борисову в Алданскую канцелярию в Комисарства, також в Кангаласский и Намский улусы послать указы и велеть, чтобы князцы родников своих под наижесточайшим штрафом обязали подписками с тем, дабы они за своими промыслами ездили с билетами от князцов // и оные объявляли Удскому начальнику, а денег и товаров отнюдь не возили из тунгуских мест и луков не упромышляли, також и рухляди у тунгусов не выкупали».^{vi} С ослушниками велено поступать строго и возвращать конвоем в их селения.

Указом того же года от 20 ноября предписывалось, чтобы якуты товаров в Удской край не возили и обид тунгусам отнюдь не чинили под наижесточайшим штрафом.

л. 7 об.

Впрочем, из указов не видно, воспрещалась ли вообще торговля в Удском крае или намерение правительства было только ограничить выезд якутов собственно по стойбищам. Хотя действительно существовавшие и существующие цены на продаваемые в Удском крае припасы и товары поражают крайней своей дороговизной, // однако нельзя думать, чтобы правительство хотело вовсе уничтожить торговлю, без которой жители окончательно лишены бы были всех средств к существованию. Впрочем, должно думать, что все меры были тщетны, дороговизна торгующих доселе тяготит удское народонаселение. Есть известие о том, что за звериным промыслом ходили за море, а именно на Шантарские острова. Так, в 1777 году иркутский купец Ситников получил позволение на такой вояж, о чем свидетельствует ордер Иркутского губернатора бригадира Немцова,^{vii} присланный управителю Удского острога.

л. 8

Еще в царствование Императрицы Елизаветы в 1747 г. посылаемы были удским пашенным* крестьянам казенные топоры и косы и разные железные вещи, которых по местной дороговизне на те орудия им купить немочно, причем предписывалось // управителю иметь рачение о том, чтобы крестьяне пашенные не умирали голодною смертию.**

3. Продовольствие Удского края обращало постоянно заботливость правительства, провиант и крупа ежегодно доставлялись в запасный магазин пластовым путем, как и

* Пашенными назывались крестьяне, вероятно, в отличие от поселенцев и тунгусов.

** Ясное доказательство, что хлебопашество не принималось на удской почве.

теперь. Но доставляемый из Якутска хлеб дороговизною цен не мог обеспечить благосостояние жителей, вот почему находим несколько указов о введении хлебопашества в крае.

л. 8 об.

В 1762 г. из канцелярии Охотского порта заказчику казацкому капралу Софронееву послан был указ: «Велеть тебе Софронееву присланному из Якутска в оный Уцкой острог для осмотра пашенных мест чинить в том и в прочих по сему делу обстоятельствах всякое вспоможение, да и тамошних // крестьян в похании орбою и в боронении земель, и в посеве семян и убории как пристойно хлеба понуждать неослабно, да и тебе самому над ними в том особливо, что они все то и в самое удобное время исправляли без[лен]ностно накрепко смотреть и все удобовозможныя меры употреблять, и когда и от кого пашенными крестьянами и кем именно на кого, сколько хлеба было в поставке и из онаго в которое время кем же именно сколько онаго хлеба было сеяно и по урожаю снято и куда оный когда, сколькож в расход употреблен и ныне налицо много имеется о том исправно сочинить ведомость и прислать сюда в скорости».

л. 9

В 1763 г. в Удской острог с казаком Карповым было послано для хлебопашества семян: 12 пудов ячменя, 4 п[уда] овса, 8 п[удов] ржи, 3 п[уда] конопли и железных вещей 9 пар серпов и топоры. // Но об успехах этих попыток мы не могли найти ни одного письменного памятника в бумагах архива; вероятно, они оказались тщетными. Живущие в Удском остроге старики помнят это время и утверждают, что хотя посеянный хлеб всходил и вырастал, но иней морозили зерно, а иногда и снег, выпадающий здесь около Петрова дни (годами. — Н. С.) по колено останавливал дальнейший рост.

л. 9 об.

В 1742 г. доносили крестьяне в яшашную избу и просили семян для засева, выписываем доношение их слово в слово. «Сего 1742 г. мая 1-го дня по силе данной Ин[стру]кции из канцелярии Охотскаго порта яшашному сборщику Титу Гладкову, который призвав нас в яшашную избу испрашивал об орании земли и о сеянии хлеба, с которого время начинается при Уцком // остроге сеять яровой хлеб; на которое мы показали ему сборщику с какого числа начинается: под яровой хлеб орать землю мая с девятого числа и сеять тогоже мая с четвертаго надесять и пятаго надесять

- чисел, а преж мая девятого числа орать землю и сеять яровой хлеб и також преж вышеписанных чисел ни по которой мере здесь в Уцком невозможно, для того что тогда земля бывает о то время мерзла и снега не стаивают и от моря бывает воздух и ветры студеные, також и орать о то время земля мокра, да ему ж сборщику в данной ин[стру]кции в пятом пункте написано: велено нам пашенным крестьянам все удобные места при Уцком остроге и пашни расчищать и землю распахивать, на которую землю велено ему,
- л. 10 сборщику, хлеб выдавать с расписного — та которое // мы пашенные крестьяне сим доношением в яшашную избу объявляем: по прежде показанные нами також и служилыми* местах, а именно при остроге на условии земли зарано пашенными Понкротом Кошеховым, Авраамом Александровым под яровой хлеб полторы четверти десятины, Яковым Хохлачевым, Василием Брянином зарано ж земли полторы четверти десятины, Степаном Каморинковым, Тихоном Дауркиным зарано ж земли две четверти десятины, прежде паханой и чищеной земли 1741 году на острову, который показан от острову в двух верстах а вышеписанная земля к севу хлеба удобна и сорона и назначена настоящим порядком, а кроме той земли при Уцком остроге к сеянию хлеба
- л. 10 об. изобрать лутче и оказать // не знаем, и боле той земли зорать на показанные нами места по Уде значенной к сеянию хлеба было невозможно для того, что данные нам лошади на той работе пристали ис которых одна от скорби и с поветку пашеннаго Панкрата померла одна лошадь. Того ради просим Уцкого острогу яшашную избу, чтоб повелено было нам выдать пашенным крестьянам для сеяния на заготовленную нами землю ярового хлеба разнаго сколько на ту землю посеется, тако ж и семя конопляннаго».
- Из этого мы видим, что действительно хлеб сеяли удские крестьяне и солдаты, в остроге стоявшие, но об урожае, как сказано выше, ни слова не сохранили письменные памятники — нельзя же отнести этого обстоятельства к одной случайности, // предполагая, что все ведомости об урожае затеряны; нам кажется, что все эти данные доказывает одно: неоднократные попытки ввести земледелие, но они были безуспешны. Это мнение подтверждаем следующими доказательствами: а.) об урожаях нет ни од-
- л. 11

* Вероятно, под ними разумеются солдаты стоявшей здесь роты, а может быть, и казаки.

ного письменного известия, b.) старожилы утверждают безуспешность этих попыток, c.) семена выслаивались из Якутска, что было бы излишне при правильном устройстве хлебопашества, d.) если бы урожаи вознаграждали труд обрабатывавших землю, то хлебопашество не прекратилось бы и доселе, выгода жителей побуждала бы их к труду, тягость которого без сомнения легче голода, e.) начальство, уверенное в плодородии удской почвы наблюдало бы за обработкой полей и принуждало бы жителей к хлебопашеству, если бы они от одной лени им не занимались, наконец, // f.) провиант не доставлялся бы ежегодно от казны в Удской запасный магазин.

л. 11 об.

Как ни грустно убедиться в этом, но трудно отрицать доказанное веками в противность законам логики — впрочем, можно еще испытать почву Удского края! Но не ожидая последствий этих новых попыток, как ни желаем мы им полного успеха, нам кажется, что начальство должно обратить свое внимание, поощрить и усилить другую отрасль земледелия — огородничество. Успехи его доказаны и доказываются доселе довольно обильным урожаем овощей в Удском остроге, хотя в настоящее время за недостатком семян садится ее весьма мало. Если хлеб не может родиться, то без сомнения картофель должен заменить его в продовольствии оседлых жителей. Усиление огородничества упрочит оседлость // удских крестьян, которые озаботятся устройством своего домохозяйства. В настоящее время развалины некогда правильного жилья их не заменяются новыми строениями, потому что рыбные и звериные промыслы летом и зимою отчуждают их от домов совершенно. Укрепление и упрочение оседлости малого числа крестьян и поселенцев со временем может быть убедит тунгусов в преимуществах этого быта перед бродячим — но вопрос этот разрешит время!

л. 12

Правительство обращало внимание и на скотоводство, которое, без сомнения, составляло одно из существенных предметов продовольствия в Удском крае. Указом из канцелярии Охотского порта в 1750 г. марта 7-го дня предписывалось ясащному сборщику Порамонову «Накрепко крестьянам подтвердить, чтоб // они имеющийся на их руках казенный скот всемерно хранили и в размножении оного скота имели тщательное и неленосное радение, ибо ежели онаго будет со удовольствием, то не кому иному но

л. 12 об.

тем же пашенным для их пользы и пропитания молоком довольствоваться могут и проч[им]». Сколько этого скота было — неизвестно, надо полагать, что все жители были им оделены поровну. Почему исчез он теперь почти совсем? На это даст ответ настоящее, по которому видно, что им пользовались и приедали командиры.

Что касается до 4. пограничных наших отношений к Китаю, то об них немного сведений в Удском архиве. Выпишем журнал присутствия Удской ясашной избы 1785 г. на 11 число августа, на котором сверху листа написано «по секрету»:

л. 13

«В должности комиссара дворянской // заседатель господин коллежский ассессор Яков Фон Гольц Гаузен в присутствие прибыл пополудни в 8-м часу. Слушал рапорт, поданный сего числа Аинкагирского роду наслег князца Абрама Чолбугина от старшины крещена Тараса Конюхова майского ведомства тунгусов Голодона Оснолжанова Титова Шемтухи Чочолгуновым, коим прописывается, что в прошлом де 784 г. зимним временем по нахождению его для промыслу на ясашной платеж наехали на живущих при реке Амгуне китайского государства Амгунского рода Сонони Сонатиц с товарищи на четырех человек китайцы, которые с великим озартом кидаясь наших хотели убить выговаривая при том, что де ведомства Якутской Области майского зимовья гослагайского роду наслег князца

л. 13 об.

Бачура // Арпаева родник тунгус Закали Тимошкин при означенной реке Амгуне запромыслом зверя, а которого году того не упомнят, отдал показанному китайцу Сононе свою званием хотуну по их вере законам за оную шубу мерлушечью за один китайский озям, а цены оному не показывает, за один лук костяной, за два ямлата немецкой китайки, за один топор, за десять поставу...^а луков — которая женка хотуна побыв у них недолго убежала, и прибыв в здешнее ведомство прошедшаго 784 г. пропала, и они имеют в том как на него Тимошкина, так и на прочих здешняго ведомства плательщиков зло, почитая яко оный Тимошкин непостоянный человек, отдав жену свою за колым и научил ее бежать в свое ведомство, да иное может де такового вложения, на что мы ублажая их отвечали им, что мы непричиною тому, // а оный Тимошкин что сделал всем оскорбление или нет того мы не знаем, и при том вашем

л. 14

^а Неразб.;

делови не были, сверх того у него Тимошкина есть Начальники, они могут вас, по просьбе вашей удовольствовать; на что и они, может видя нашу к ним ласку и приветство, отложат все оное кровопролитие, велели нам объявить оному Тимошкину, чтобы он показанную женку доставил или за оную взятый калым — а по неимению онаго в наличности других иждивением; естли же из оных к ним ничего доставлено не будет, то намерены они и прочие их ведомства китайцы с здешними плательщиками, яко сочтя вышеобъявленное себе за вящую обиду и притеснение, воевятся — и с тем отпустили нас без всякаго злоупотребления (в чем

л. 14 об. во уверение, за писанием // тогда знающих грамоте, дали нам знать наполочке зарубленной девять рубликов, которое значит вышеписанному их данному колыму) которое на рассмотрение в здешнее правление и представлен. На основании же разных повелений правительства о неимении здешних плательщиков с другого плательщиками родствов, и о непереходе за китайскую границу, Приказал: командировать казака за оным Тимошкиным, котораго по приводе в здешнее Правление допросить по сему делу и о всем господину подполковнику Якутскому коменданту Ал[ександру] Осип[овичу] Марчиловскому^{viii} и в Нижний земский суд донести рапортами — подписал Яков Фон Гольц-Гаузен».

Действительно, секретным указом 1780 г. от 30 сентября из Якутской пров[инциальной] канцелярии подтверждалось якутам за промыслом ходить // по самую Уд реку, а тунгусам в китайскую сторону ходить воздерживаться.

л. 15

Как видно, пограничные отношения были письменные и потому не имели важности относительно всего государства. Частные раздоры наших и китайских плательщиков (как их называли) между собою оканчивались, вероятно, удовлетворением убиженного^б и не шли дальше.

Гораздо важнейший вопрос представляется относительно самой границы — известна ли она была той провинциальной канцелярии Якутска, которая предписывала удскому правлению не переходить ее тунгусами? Не было ли это официально осторожностью областного начальства только на бумаге — нам кажется последнее!

Без сомнения, в Удском остроге, этом последнем поселении в Юго-восточном углу Сибири, // должна была бы

л. 15 об.

^б так в ркп.

л. 16

быть известна граница нашего государства, если бы такая была действительно окончательно определена. Не станем вдаваться в исторические подробности этого важного вопроса, на которой в наше время обращено внимание правительства, скажем только то, что в удском архиве нет ни одной строки, из которой видно бы было знание черты, отделяющей два великие государства, значит все меры, которые принимало якутское начальство о нехождении тунгусов за границу не могли быть действительны. Жители Удского острога на вопрос мой: «Далека ли от вас китайская граница?» — весьма наивно отвечали мне: «Вам, батюшка, должно быть лучше известно, а по-нашему до р. Амура будет около 1000 верст!» Из этого можно заключить, // что соседнее Китаю русское поселение почитает границей знаменитую реку — это мнение народное основано на преданиях, а сии последние, вероятно, — на каких-нибудь исторических данных, о которых говорить не наше дело. Интересно то, что по сказанию жителей китайцы почитают границей р. Удь, по правую сторону земля их, по левую наша.

Разноречащие мнения двух народов об одном и том же доказывает одно, что собственно определенной черты деления не существует, так, по крайней мере, нам кажется.

л. 16 об.

Из указа 1776 года, посланного из Якут[ской] пров[инциальной] канцелярии Удского острога комиссару Борисову видно, что за нашим тунгусом была китайская подданная Да-киргин, которая обратно в свою сторону бежала — велено было исследовать дело, и если попадется // сказанная женка, то препроводить ее за конвоем в Иркутск к генерал-губернатору. Борисов рапортовал, что означенная женка, живши с мужем на р. Голломе^{ix} недалеко от острога, казаку Архипу Вакулину давала на китайском диалекте письмо, которое она получила от китайской стороны для отсылки в Удскую яшашную избу — письмо это было в нее предоставлено и отсюда послано в Якутскую провинциальную канцелярию, а жена скрылась от своего мужа. Что происходило дальше по этому делу — неизвестно.

Перейдем теперь к 5. некоторым распоряжениям относительно местного управления.

Каково было управление в Удском в прошлом столетии, теснили ли комиссары население, об этом архив говорит весьма мало; жалобы народа на несправедливости власти

л. 17 не находят в нем места, // историю своего благосостояния или бедствия уносят жители вместе с собою в могилу! Новое поколение рассказывает, что в старину было лучше, но таковы всегда отзывы современников о старине, бывшее горе для них не чувствительно, внутренняя жизнь усопшего поколения темна. Здесь можно упомянуть частное замечание русского человека, что чужая душа потемки! Таково же отношение одного поколения к другому. Впрочем, как мы уже видели выше, об этом лучшем времени есть некоторые свидетельства и неоспоримые данные.

Географическое положение Удского края объясняет, почему, как и теперь, в нем господствовали болезни, бывали и поветрия, для прекращения которых правительство принимало деятельные меры. //

л. 17 об. *Близость моря,^{*} холодные восточные ветра и частое ненастье, туманы, дожди и бус — вот причины сырости воздуха! К этому должно присоединить неопрятность самих жителей, которые, по бедности и характеру более бродячей, чем оседлой жизни, легко подвергались разрушительному влиянию нездорового климата! Из болезней в особенности преобладали здесь цынга и сифилис. О том, как по временам сильно действовала первая из них на юго-востоке Якутской области, свидетельствует, между прочим, солдатская могила на р. Учуре и устье Селенди (5 верст от ярморочного места) где в 1800 годах в два дни умерло зараженные цынгой 70 человек солдат, следовавших в роту Удского острога. Эта местная болезнь** не прекратилась и

л. 18 доселе, хотя не поражает столько жертв, // мне кажется, что из эпидемической болезни она перешла в нормальную и обыкновенную, как холера (*cholera morbus*), по мнению некоторых медиков, в России и вообще Европе. Интересно бы было узнать историю сифилиса в Удском крае! Занесена ли была венерическая зараза извне людьми пришлыми — из другой стороны, а именно поселенцами,**^{***} солдатами, казаками, образовалась ли она естественно внутри самого края или, наконец, каким-либо образом не занесена ли тунгусами из китайских владений? Разрешение этого во-

* По измерению, сделанному нач[альником] эксп[едиции] заб[айкальского] края п[од]полк[овником] Генерального штаба Агте, Удской острог от устья Уди (Чумикона) отстоит [на] 70 верст.

** Удские жители лечат ее полевым луком, принимая его внутрь.

*** Удские жители утверждают, что занесена была поселенцами.

л. 18 об. проса бесспорно принадлежит медикам и потому не может подлежать нашему рассмотрению, но, по нашему мнению, началось объясняться из первой причины, ибо предположить ее возникновение в самом крае и потому приписать // сифилису начало самостоятельное [не] сообразно с характером и историей этой болезни.*

Как бы ни было, но венерическая болезнь господствовала в Удском крае еще в царствование Екатерины II и ранее. Ряд указов свидетельствуют о том, что правительство заботилось о ее излечении. Из журнала присутствия ясашной избы на 19 марта 1785 г. узнаем, что по случаю открывшейся на реках Голломе и Шивиле^{xi} неизвестной болезни определено командировать туда находящегося при Удском остроге лекарского ученика Якова Сивцова. Это сведение важно только потому, что доказывает, что край не был лишен медицинского пособия — мы видели уже из рассказов жителей, что в остроге был лазарет — и до известий подтверждаются и дополняются одно другим! //

л. 19 Без сомнения, венерическая болезнь, распространившись по всему краю, не могла быть искоренена в 1-х потому, что лечение ее весьма медленно и сложно; во 2-х что нужные лекарства могли недоставать или вовсе не находится в руках лекарского ученика по их дороговизне, в 3-х, что за здоровьем бродячего племени трудно усмотреть, а лечить и наблюдать за диетой еще затруднительнее; если вовсе невозможно; мы не должны упустить при этом из виду, что главное продовольствие жителей и почти единственное составляет сушеная и соленая морская рыба! Вот причины, почему венерическая зараза действует и доселе, переходя из одного поколения к другому в усиленной степени.

л. 19 об. О способах сообщения Удского правления с областным начальством не имеем вовсе сведений; // должно полагать (по получаемым прежде в разные времена года указам), что оно было чаще, чем теперь, и в особенности с Охотском, когда Удской острог был подчинен канцелярии порта.

Есть один только указ 1797 года, из которого видно, что начальство заботилось об устройстве казенного Удского

* Обыкновенно заражены сифилисом городские жители и окрестное население по весьма простой причине, что в городах от сгущенности населения происходит безнравственность, в окрестности заносится она из городов; в селениях, удаленных от городов сифилис не существует.

тракта, предписывая учредить перевоз и почтовой станок на р. Солурной* — по всем вероятностям это исправление дороги делалось не для почты, отправляемой один раз в год, как теперь! Удское приказное правление репортовало Як[утской] канцелярии, что приведение в исполнение ее указа невозможно за неимением оленных тунгусов; мы с своей стороны позволим себе здесь заметить, что никакое инженерное искусство не в состоянии устроить этого тракта — препятствует тому характер природы! //

л. 20

Удской острог (и край) всегда был притоком беглых и безбилетных людей всякого звания, его отдаленность, обширность и неизвестность обеспечивали житье тех, которые боялись полицейского преследования. Ряд указов свидетельствуют об удержании местным начальством беглецов и возвращении их под стражей в места прежних жилищ; то, что было, продолжается и теперь.

Странно, что в старых делах не сохранилось бумаг об учреждении или дозволении ежегодных торговых собраний на рр.** Бурукане, Бурее, Инкане и Уньми,^{xii} где съезжаются с давних лет тунгусы с торгующими для мены. Эти съезды основанием своим имели цель религиозную, сюда выезжали и выезжает удской священник для исполнения требы,^{***} но вероятно // и прежде, как и ныне, цель торговая не была упускаема из виду. Интересно бы было узнать от духовенства, когда были основаны часовни на вышеприведенных реках?

л. 20 об.

Удские жители говорили мне, что в прежние годы, предшествовавшие управлению пятидесятника Ионы Новгородова, ежегодно собирались тунгусы весною в Удской острог. Собрание это для крестьян было весьма выгодно относительно покупки обуви и меховой одежды, которые в настоящее время достать им не от кого. Можно предполагать, что прежде в самом остроге была ярмарка, почему отменено это собрание неизвестно ?...!

Из указа 1775 года июня 5 дня, данного управителю Егору Борисову, узнаем: «что определен[н]ые в Удском остроге сборщики почти ежегодно переменяемы были, //

* р. Салурная и брод через нее находятся в 200 верстах от Удского острога, она втекает в р. Немия, которая имеет вершину на восточном склоне Джугджура [?].

** На р. Бурукане, Бурее и Инкане существуют русские часовни, Инкская была сожжена китайцами в лето 1851 года.

*** Такие разъезды называются выездом в порохи.

л. 21 от которых они, по частой их смены великие обиды и крайнюю нужду (крестьяне. — Н. С.) претерпевали и едва положенный на них ясак в казну оплачивали, а определенной ныне указом из Якут[ской] воев[одской] канцелярии управителем ты, Борисов, по прибытии своем в Удской острог, вместо чинимых прежде бывшими командирами обид и разорений как при сборе в казну с них ясака, так и в разбирательстве их по ясашной избе дел, оказал великую ласковость и ни малейшаго им отягощения не причинял, что они почитая себе за совершенное удовольствие, которого уже несколько годов лишались — желают, чтобы ты, Борисов, с теми порядочными обхождениями на предбудущие годы у сбору с них в казну там в Удском остроге без смены был». //

л. 21 об. Вероятно, и Борисов был сменен так же, как его предшественники, и те же желания писались его преемнику... Из этого указа видно, что управление в Удском не отличалось и прежде человеколюбием и правдой — впрочем, так и должно быть! Там, где власть может пребывать долгое время безответно, злоупотребления всегда господствовали в большой или меньшей степени!

Интересно краткое описание торжества, бывшего в Удском остроге по случаю получения манифеста императрицы Екатерины II о рождении в[еликого] к[нязя] Константина Павловича в 1779 году 1-го декабря:* так, репортует управитель, в присутствии Удской ясашной избы прочтен был во всеуслышание высочайший манифест, за сим в Спасо-Николаевской церкви совершена была литургия с благодарственным молебном, после чего произведена //

л. 22 троекратная пушечная пальба, и в доме дворянина управителя Кычкина учинен здешней команде и случившемуся купечеству надлежащий трантамент.

Этими свидетельствами об удской старине ограничиваются все сведения, собранные нами из архива — мешать минувшего с настоящим не следует, а потому здесь оканчивается рассказ наш.

ИРЛИ. Ф. 57 (Архив С. Г. и М. Н. Волконских).

Оп. 4. Д. 235. Л. 1–22.

Рукописная копия XIX в.

* В[еликий] к[нязь] Константин родился в апреле! — только в декабре известие дошло до острога.

Комментарии

ⁱ Современные исследователи относят основание острога к середине — последней четверти XVII в. См., например: *Каберник Л. И.* Из истории Удского острога в XVII в. // Записки Гродековского музея. Вып. 5. Хабаровск, 2003. С. 24–32.

ⁱⁱ Сверхбеевым упомянуты: Яков Лукич Гольцаузен, коллежский ассессор нижнего земского суда в Якутске (1785–1790); Иван Готовцев, провинциальный секретарь верхней расправы в Охотске (1785), затем в Якутске (1786–1791); иркутский дворянин Петр Анисимович Михалев, комиссар Верховилийска (1782–1783), впоследствии служивший заседателем нижнего земского суда в Аленске (Оленске) в 1795–1796 гг. и в примечании, очевидно, имеется в виду сменивший Михалева подпоручик Алексей Васильевич Тюфилинов, казначей в Алдане (1781–1783) и Киренске (1785–1788).

ⁱⁱⁱ О связях Удского острога и Охотского порта в 1780-е см.: *Явловский П. П.* Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени. Т. 1: 1632–1800. Якутск, 2002.

^{iv} Егор Ефимович Кычкин — дворянин, впоследствии коллежский ассессор совестного суда в Охотске (1786).

^v Назовем здесь наиболее полную работу об удских тунгусах, созданную в XVIII в.: *Линденау Я. И.* Описание тунгусов, которые живут у Удского острога... 1744–1745 гг. // *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан, 1983. С. 77–101.

^{vi} Подробнее о «луках» и об особенностях сбора ясака в крае см.: *Элерт А. Х.* Ясачные оклады в Сибири во второй четверти XVIII в.: Региональные и этнические особенности (по материалам Второй Камчатской экспедиции) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 4. С. 43–49.

^{vii} Федор Глебович Немцов — иркутский гражданский губернатор в 1776–1779 гг.

^{viii} Марчиловскому — речь идет о подполковнике Александре Осиповиче Маркловском, коменданте Якутской области в 1784–1788 гг., впоследствии генерал-майоре (1798).

^{ix} На р. Голломе — очевидно, река Галлам, совр. Галам.

^x Здесь, рассуждая о расстоянии до побережья, Сверхбеев ссылается на данные военного топографа Николая Христиановича Ахте (Агте; 1816–1867), руководителя Забайкальской экспедиции, с которым автор встречался по пути в Удской острог, на реке Учуре.

^{xi} На ...Шивиле — очевидно, совр. река Шевли.

^{xii} Уньма — совр. название Ульма.

Список литературы

- Барсуков И. П.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1997. 814 с.
- Каберник Л. И.* Из истории Удского острога в XVII в. // Записки Гродековского музея. Вып. 5. Хабаровск, 2003. С. 24–32.
- Канн С. К.* Тайный друг декабристов: Исторический очерк // Трудовая слава (Орловская область). 1986. 5, 15, 19, 26 июля. (Наши земляки: След в истории).
- Коваль С. Ф.* Из архива Н. Д. Свербеева: Письма А. И. Герцена // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 203–216.
- Линденау Я. И.* Описание тунгусов, которые живут у Удского острога... 1744–1745 гг. // *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З. Д. Титовой; под общ. ред. И. С. Вдовина. Магадан, 1983. С. 77–101.
- Маланова А. В.* Окружение Н. Н. Муравьева в годы решения Амурского вопроса (1848–1861 гг.) // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 4 (87). С. 269–274.
- Матханова Н. П.* Сибирский чиновник Н. Д. Свербеев и его литературное и эпистолярное наследие // Россия и Сибирь: Интеграционные процессы в новом историческом измерении. XVIII — начало XX в. Иркутск, 2008. С. 228–238.
- Медведева Т. В.* Путешествия Н. Д. Свербеева по Сибири (1852–1854) в эпистолярном и литературном отражении // Русский травелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом. Новосибирск, 2019. С. 7–51.
- Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. Отд. 5: Сибирская фауна. Домашние и упряжные животные, повозки, суда, рыболовство и охота. СПб., 1877. II, 311–618 с.; Отд. 6: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. Коренные жители Сибири. СПб., 1878. IV, 619–864, VIII, VIII с.
- Свербеев Н. Д.* Сибирские письма. Письмо первое: Проезд с Учурской ярмонки до Удского острога. Удский острог. Население его. Несколько слов о торговле края // Вестник Императорского Русского географического общества. 1853. Ч. 8. Кн. 4. С. 95–109 (6-я паг.).
- Струве Б. В.* Воспоминания о Сибири: 1848–1854. СПб., 1889. 180 с.
- Шахеров В. П.* Из архива Н. Д. Свербеева: Письма И. И. Пущина // Сибирь и декабристы. Вып. 4. Иркутск, 1985. С. 216–225.

Элерт А. Х. Ясачные оклады в Сибири во второй четверти XVIII в.: Региональные и этнические особенности (по материалам Второй Камчатской экспедиции) // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. Т. 27. № 4. С. 43–49.

Явловский П. П. Летопись города Якутска от основания его до настоящего времени. Т. 1: 1632–1800. Якутск, 2002. 250 с.

Д. В. Долгушин

Институт истории СО РАН, Новосибирск

**«НЕ УДИВЛЯЙТЕСЬ, ВАШЕ ВЫСОЧЕСТВО, ЧТО Я
ОБРЕМЕНЯЮ ВАС ТАКИМИ ДЛИННЫМИ ПИСЬМАМИ...»:
ПИСЬМА П. А. ПЛЕТНЕВА НАСЛЕДНИКУ ПРЕСТОЛА
СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ***

В статье впервые публикуются письма П. А. Плетнева великому князю (затем — императору) Александру Николаевичу 1849 — 1865 гг. Они представляют интерес как для изучений биографий автора и адресата, так и для изучения придворной среды и общественной жизни России конца 1840-х — первой половины 1860-х гг. Среди тем, затронутых в письмах, — организация перезахоронения тела В. А. Жуковского на кладбище Александро-Невской Лавры, впечатления Плетнева от Франции 1850-х гг., скорбные и радостные события в семейной жизни Плетнева и Александра II.

Ключевые слова: российский императорский двор, П. А. Плетнев, Александр II, В. А. Жуковский, О. П. Лакиер

Публикуемые ниже материалы представляют собой завершение научного издания писем П. А. Плетнева великому князю (затем императору) Александру Николаевичу, начатого в предшествующих выпусках серии «Археография и источниковедение Сибири».¹

Публикуемые письма были написаны в 1849–1865 гг. В этот период общение между Плетневым и его бывшим учеником стало уже не таким частым, как прежде, но не прекратилось совсем. Можно было бы ожидать, что многочисленные заботы цесаревича, а затем и самодержца, его статус и положение сделают невозможным какой-либо другой стиль этого общения, кроме официального. Тем не менее, этого не произошло. Хотя письма Плетнева полностью соответствуют придворному этикету, в них присутствует и непосредственная человечность, доверительность, сложившаяся в отношениях между Плетневым и его учеником еще в 1830-х годах. Особенно она ощущается,

* Статья выполнена по теме госзадания «Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.: Сохранение и развитие традиций», № FWZM-2024-0006.

¹ Долгушин Д. В. «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья первая // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 442–469. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 41); Долгушин Д. В. «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья вторая // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 320–357. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 42).

конечно, в письмах, написанных под впечатлением радостных или трагических событий в семьях того и другого. Крестины сына Плетнева (№ 4), рождение дочери цесаревича (№ 6), смерть дочери Плетнева О. П. Лакиер (№ 5), тяжелая болезнь Плетнева (№ 8), смерть старшего сына Александра II (№ 9) оказываются темами, приоткрывающими глубину отношений, связывавших учителя и ученика.

Прямых попыток наставлять своего повзрослевшего воспитанника Плетнев, конечно, не предпринимает. Тем не менее, ему хочется видеть себя его помощником и сохранять интеллектуальное и эмоциональное влияние на него. Отзвуки поэтической дидактики школьных лет, наследие педагогического тандема Жуковского и Плетнева явно присутствуют в стихотворных цитатах, которые Плетнев отправляет Александру Николаевичу (№ 1, 6), в предложенном им проекте снабжать наследника престола выписками замечательных мыслей из разных книг (№ 2), в описаниях Плетневым заграничной жизни (№ 7).

Тексты публикуются по новой орфографии по автографам Плетнева (ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831). При этом сохраняется авторское написание некоторых слов (например, «Санктпетербург» и т. п.). Пунктуация и использование заглавных букв приведены к современной норме (при упоминании лиц императорской фамилии заглавные буквы сохранены только в сочетаниях «Его Высочество», «Его Императорское Величество» и т. п.) за некоторыми исключениями, отражающими авторский стиль.

№ 1

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
12 апреля 1849, Санкт-Петербург]

л. 46

Ваше Императорское Высочество!

Приближение дня, из всех в году праздников для меня самого радостного и драгоценного,ⁱ дает мне право беспокоить Ваше Высочество этим письмом. Примите искреннейшее поздравление мое и самые пламенные желания, чтобы все дни Ваши были твердыми, ровными, гладкими ступенями, по которым Провидению угодно вести Вас к высокому Вашему предназначению.

Сегодня с новым наслаждением, как это бывает всегда, я перечитал то, что за 31 год 17 апреля написал друг наш Жуковский:ⁱⁱ он перенес меня к Вам в Москву и оживил все прошлое. У него между прочим сказано:

л. 46 об.

О, как у всех душа заликовала,
Когда молва в громах Москве сказала
Исполненный Создателя обет! //
О, сладкий час, в надежде, в страхе жданный!
Гряди в наш мир, Младенец, гость желанный!

И вот что прибавляет он, обращаясь к счастливой августейшей матери:

Тебе его младенческие лета!
От их пелен ко входу в бури света
Пушай тебе во след он перейдет,
С душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный достойным счастья быть,
Великое с величием сносить,
Не трепетать, встречая рок суровой,
И быть в делах времен своих красой!
Лета пройдут — подвижник молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Он полетит в путь опыта и славы:
Да встретит он обильный чеством век,
Да славного участник славный будет,
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий: человек!

Как поэту и нам не блаженствовать, когда все это осуществилось!

Пусть же Божие благословение и святая любовь родителей веют над головой Вашей — и благодатный жребий Ваш никогда не изменится!

Вашего Императорского Высочества всенижайший и всепокорнейший слуга

П. Плетнев

12 апр[еля] 1849

С[анкт-]Петербург

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 46–46 об. Автограф

№ 2

[Письмо П. А. Плетнева

великому князю Александру Николаевичу,

22 апреля 1849, Санкт-Петербург]

л. 47

Ваше Императорское Высочество!

Давно меня мучит мысль, что я ничем не умею платить за то благоволение, которым Ваше Высочество постоянно устаиваете меня. Получивши лестное позволение видеть Вас, писать к Вам,ⁱⁱⁱ я пользуюсь таким преимуществом, какое должно быть наградою за одни высокие заслуги. Для

успокоения совести я придумал средство служить Вашему Высочеству тем, что собираю свою жизнь, которая преимущественно посвящена чтению и размышлению.

При многочисленных государственных занятиях у Вас не может оставаться лишнего времени на то, чтобы следовать за появлением примечательнейших книг. Но они, как нетленные сокровища, все же должны входить в достояние Вашего Высочества. Даже одна светлая мысль, в которой заключена многозначительная истина, часто обращается в источник прекрасных действий или соображений.

На этом основании я позволил себе, время от времени, доставлять Вашему Высочеству коротенькие листки: на одних я стану отмечать заглавия // книг, достойных быть помещенными в библиотеке Вашей; на других я намерен записывать (ежели удастся мне у какого писателя встретить, или что самому мелькнет) отдельные мысли разного содержания, лишь бы они способны были зарожать еще другие идеи.

Листки с названиями книг удобнее будет отсылать к Вашему библиотекарю,^{iv} который, смотря по надобности, или представит книгу Вашему Высочеству, или только приобретет ее для библиотеки, если бы случайно там ее не оказалось. Листки с выписками замечательных мыслей можно, судя по их ценности и применяемости, то класть под особый какой-нибудь пресс, то бросать в камин. Все это требует не более двух секунд в каждый раз.

Теперешняя домашняя жизнь Вашего Высочества содержит три особые сферы: собственно Вашу, Ее Высочества государыни цесаревны и Ваших детей.^v Вот почему я почел излишним упоминать о книгах из трех совсем различных разрядов. Немудрено, что мне случится иногда сказать и о давно известном Вашему Высочеству, тем еще легче, что я ценю вещи не по новизне, а по внутреннему, неизменному их достоинству.

Простите великодушно, что я принял смелость явиться к Вам с моею ничтожную услужливостию. В сердечной признательности извинительнее излишество, нежели недостаток чувства.

Вашего Императорского Высочества всенижайший и всепокорнейший слуга

П. Плетнев

22 апр[еля] 1849

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 47–47 об. Автограф

№ 3

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
16 июля 1852, Санкт-Петербург]

л. 48

Ваше Императорское Высочество!

Сию минуту я получил от вдовы В. А. Жуковского^{vi} письмо на имя Вашего Императорского Высочества. Поспешаю представить его Вам.^{vii}

Долгом считаю донести Вашему Высочеству, что, по уведомлению г-жи Жуковской, тело мужа ее, если не встретится чего особенного в пути, должно из Штетина прибыть на пароходе в Петербург 22 июля / 3 августа.^{viii}

л. 48 об.

Все, чтущие память нашего незабвенного поэта, изъявляют желание явиться на его погребение, и полагают, // что самый легкий способ уведомить всех о дне похорон состоит в том, чтобы напечатать об этом в газетах.^{ix}

Не полагая себя в праве приступить к чему-либо при этом случае, я ограничусь тем, что буду ожидать приказаний Вашего Императорского Высочества.^x

С глубочайшим высокопочитанием и беспредельною преданностью имею честь быть Вашего Императорского Высочества всенижайший и всепокорнейший слуга

П. Плетнев

16 июля 1852

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 48–48 об. Автограф

№ 4

[Письмо П. А. Плетнева
великому князю Александру Николаевичу,
27 августа 1852, Санкт-Петербург]

л. 49

Ваше Императорское Высочество!

Сегодня, в полдень, в городском дворце великой княгини Марии Николаевны^{xi} совершен был над сыном моим^{xii} обряд св[ятого] крещения. Место Вашего Высочества, по желанию великой княгини, заступал Его Императорское Высочество князь Николай Максимилианович.^{xiii} При этом обряде, столь важном и трогательном, великая княгиня изволила быть ко всем, находившимся со мною в церкви, столь милостива и снисходительна, что и пересказать невозможно. А к ребенку умиленное ее благоволение далеко превзошло все ожидания отца. Ее Высочество сама

л. 49 об. изволила носить младенца вокруг купели,^{xiv} назначив // священнику вписать в метрической книге имя Вашего Императорского Высочества, как кума.

Удостоите принять, Ваше Высочество, выражение моей сердечной и беспредельной благодарности за все милости, которые Вам угодно изливать на меня и даже на существо, едва явившееся в семье моей.

С глубочайшим высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Императорского Высочества всенижайший и всепокорнейший слуга

П. Плетнев

27 августа 1852

Санктпетербург

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 49–49 об. Автограф

№ 5

[Письмо П. А. Плетнева

великому князю Александру Николаевичу,

15 октября 1852, Санкт-Петербург]

л. 50

Ваше Императорское Высочество!

Во всех моих лучших радостях ни к кому не обращался я с такою верою в участие, как к Вашему Высочеству. Теперь беру смелость в Ваше же сердце повергнуть и величайшую мою горечь. Сегодня я лишился милой моей дочери Ольги Лакиер,^{xv} крестницы Вашего Высочества. Как растерзано сердце мое — это к несчастью слишком известно Вашему Высочеству по собственным Вашим отцовским чувствам.^{xvi} Дочь моя скончалась от воспаления после родов, оставив сына, которого назвала Петром, и последнюю свою волею передав его на воспитание нежнейшему другу своему, моей жене.^{xvii}

л. 50 об.

И так с сегодняшнего дня у меня два сына: одному из них два месяца с половиною, а другому через пять часов исполнится ровно шесть дней. Я привык с детства на Бога возлагать все упования свои — и, хвала Создателю! во всем видел // благотворящую Его руку. Но более, нежели где-нибудь, она была для меня ощутительна в пути, по которому провела меня к лицу Вашего Императорского Высочества.

По общему закону природы неблагоприятно было бы мне утешаться надеждою, что я долго, долго буду подпо-

рою детей моих. За старшего из них я должен быть спокоен, потому что сама святая Церковь наша дала ему право называть отцом Ваше Высочество.^{xviii} Следовательно, второму только я обязан молить у Вас покровительства наравне с первым.

Сердце мое начинает успокаиваться, лишь только я кончил последние слова. Я неизменно верую в нежную и высокую душу Вашего Высочества. Не на бумаге, а в ее памяти храниться будут строки этого письма, и они подымут в сердце Вашем мой голос, когда меня не будет более на земле.^{xix} //

л. 51

Простите, Ваше Высочество, смелым выражениям человека, безмерно чтущего достоинства Ваши, и отца, еще проливающего слезы над телом дочери, вечно ему милой.

Вашего Императорского Высочества всепреданнейший и всенижайший слуга

П. Плетнев

15/27 октября, 1852

Санктпетербург

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 50–51. Автограф

№ 6

[Письмо П. А. Плетнева

великому князю Александру Николаевичу,

10 октября 1853, Санкт-Петербург]

л. 52

Ваше Императорское Высочество!

При светлой радости августейшего семейства Вашего^{xx} и при всеобщем восторге России, осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашего Императорского Высочества и мое сердечное, искреннее поздравление.

За полстолетия перед сим поэт Державин, при подобном торжестве царского дома, написал следующее:^{xxi}

Чтоб отча в ней душа цвела,
Ум кроткой матери и нрав;
Чтоб ангел в ней на свет явился,
С Марией в благодсти сравнился,
Сирот и вдов богиней став!

Эти чистые желания, как неизменная молитва, изливающаяся из души всех русских, наполняют ныне и мою душу. //

л. 52 об. Всемилоостивый и всеблагой Господь столь святых и столь усердных и столь едиоодушных наших молитв, мы веруем, не отвергнет.

Вашего Императорского Высочества всенижайший и всепокорнейший слуга

П. Плетнев

10 октября 1853 года

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 52–52 об. Автограф

№ 7

[Письмо П. А. Плетнева императору Александру II,
8 апреля 1857, Париж]

л. 53

Всемилоостивейший государь!

Осмеливаюсь повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества всеподданнейшее поздравление. Этот день,^{xxii} в который столько лет имел я счастье являться пред вами лично, я нынешний год обречен судьбою провести далеко от Вашего Величества.^{xxiii} Но все мои мысли, все желания и молитвы окружают Вас, государь, и призывают благословение Божие на Вас и августейший дом Ваш. Ожидаемое Вами новое семейное счастье^{xxiv} пусть явится к Вам как новый залог Господней над Вами благодати и наполнит сердце Ваше и сердца Ваших подданных нескончаемою радостью. Проведши довольно времени среди народа, которого искусственная гражданственность сильно поражает внимание, я убедился, что тех отношений, которые у нас связуют государя с народом его, здесь ни понять, ни оценить не могут. //

л. 53 об.

Но здесь же, как мне показалось, есть другие черты, достойные подражания. Одна из них состоит в безотговорочном исполнении всеми каждого объявленного определения или постановления. От того самое мелкое полицейское распоряжение пользуется такою же силою, как и правило основного закона, или неизменная форма высшей администрации. Столь прочный механизм общественных дел обеспечивает сношения граждан между собою и внушает полную доверенность к действиям правительства. Другая главная черта в старой цивилизации, по-видимому, противоположна первой; но она вознаграждает за напряженное внимание к общественным распоряжениям. После исполнения их, всякому оставляется на волю держаться его при-

вычек, вкуса, или фантазии. В частной жизни, все странное, необыкновенное, даже смешное не подлежит ничьему преследованию, или замечаниям. Довольствуясь такою независимостию как человек, каждый охотно повинуется тому, в чем он стеснен как гражданин.

Эти черты, обратившиеся в народные нравы, чрезвычайно выгодны для правительства, которое в духе самого народа чувствует содействие ко достижению разных целей. Во время судебных, военных, ученых и других открытых делопроизводств, при чрезвычайно стечении народа, при отправлении публичных обрядов, сами действователи и зрители по какому-то инстинкту отвращают все, что могло бы привести к нарушению спокойствия, или порядка. Особенного внимания // заслуживает нынешняя полиция в Париже. Общая безопасность, в самые поздние часы ночи, нигде и никем не нарушается.

Вообще здесь удивительны формы администрации. Они по всем министерствам доведены до такого совершенства, что отвращают самое поползновение к злоупотреблениям. Пользуясь высокою милостию Вашёю, государь, я не могу описать, как сильно душа моя принимает все впечатления, чтобы я со временем мог чем-нибудь оправдать благодеяния Вашего Величества. Одно омрачает мою здесь жизнь, что зависит единственно от Бога: положение моей больной до сих пор несколько не поправилось. Это приводит меня в отчаяние особенно потому, что я провел здесь времени гораздо более, нежели сколько еще провести мне остается.

Вашего Императорского Величества верноподданный

П. Плетнев

8/20 апреля, 1857

Париж

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 53–54. Автограф

В правом верхнем углу л. 53 неразборчивая помета карандашом

№ 8

[Письмо П. А. Плетнева императору Александру II,
2 апреля 1864, Париж]

л. 55

Всемиловитейший государь,
августейший мой покровитель!

Приближение 17 апреля наполняет сердце мое не одним общим со всею Россиею чувством радости: нет, оно, несмо-

тря на отдаленность мою от отечества,^{xxv} вполне переносит меня к Вам, государь, когда, в этот день, я имел счастье на лице Вашего Императорского Величества читать выражение столь драгоценного для меня Вашего ко мне внимания и благорасположения. Невозможно мне высказать, что я каждый раз чувствовал в эти незабвенные минуты. Удостойте же, государь, принять заочно и всеподданейшее мое поздравление и пламенное желание Вам всех благ, и благодарность из глубины сердца моего за все Ваши ко мне милости.

Состояние здоровья моего, хотя медленно, но, кажется, понемногу улучшается: говорю это единственно потому, что нахожу в себе сил побольше прежнего, чтобы ходить по комнате. С 14-го ноября, т. е. со дня операции, я до сих пор ни разу не дышал еще на открытом воздухе. //

л. 55 об.

Я подвергался величайшей опасности, потому что хирургический инструмент проходил в груди подле такой артерии, которая если бы затронута была, то и жизнь прекратилась бы неминуемо. Но, благодаря видимой помощи Господней, искусство и опытность доктора Нелатона^{xxvi} отвратили от меня на этот раз очень близкую опасность.

Я не могу не назвать нелегким испытанием разлуку с отечеством, томление в столь продолжительной болезни и особенно лишение счастья видеть Вас, государь! Но чувствую и постоянно памятую, что было бы не только неблагодарно, но даже грешно, если бы я помыслил когда-нибудь роптать на Бога. В продолжение всей жизни моей, о чем бы я теперь ни подумал, как-то особенно я храню был Его благодать. Даже Вашему Императорскому Величеству памятно, каким до нынешнего времени я пользовался здоровьем. Семейная жизнь моя, на которую Вы, всемилостивейший государь, благословить меня удостоили, ничего не представляет мне кроме постоянных сердечных радостей. Самая служба моя, несмотря даже на то, что в следующем месяце ей исполнится уже пятьдесят лет,^{xxvii} не только никогда не была мне тягостью, но составляла постоянное мое удовольствие и отраду: это и не могло быть иначе, так как наибольшая часть этой службы прошла в непосредственном ведении трех императриц.^{xxviii} // Наконец, как выразить все: все, чем стала для меня служба с того дня, как я имел счастье быть представленным, еще отроку, Вашему Императорскому Величеству!^{xxix}

л. 56

И так да будет благословенно имя Господне, что ни последовало бы со мною! Вторая же молитва моя: да хранит Всевышний Вас, государь, и весь августейший дом Ваш! До сих пор десница Его не покидала Вас. Царственные деяния Ваши ознаменованы благодатию свыше. В самых отдаленных землях, повсюду, благословляют августейшее Ваше имя. Будьте же благословляемы во все годы прекрасной Вашей жизни!

Вашего Императорского Величества верноподданный

Петр Плетнев

2/14 апреля, 1864

Париж

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 55–56. Автограф

№ 9

[Письмо П. А. Плетнева императору Александру II,

8 мая 1865, Париж]

л. 57

Всемиловитейший государь!

С того горестного дня, когда Всевышнему угодно было посетить Ваше Императорское Величество, августейший Ваш дом и всю Россию тягчайшим испытанием,^{xxx} до сих пор я не находил в себе сил повергнуть пред Вами, государь, выражение душевной скорби моей и сердечного соболезнования. Я был в каком-то неопisanном оцепенении. При мысли о Вас, государь, меня не покидавшей, я мучился неразгаданностью судьбы всего земного. Наконец просиявшая в душе моей вера в благодать Провидения, тайными путями ведущего нас к известной только Ему цели, но всегда для нас в последствии спасительной, оживотворила меня.

л. 57 об.

Теперь я не перестаю молить Господа, да укрепит Он силы души Вашей, государь, и Ее Императорского // Величества, да ниспошлет Он благодатный мир во все помыслы Ваши и начинания, и наконец да откроет Он Вам неиссякаемый источник чистых радостей в предызбранной Им новой надежде^{xxxi} Вашего Величества и всей Вашей России.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Петр Плетнев

8/20 мая, 1865 года

Париж

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 831. Л. 57–57 об. Автограф

Комментарии

ⁱ Речь идет о дне рождения великого князя Александра Николаевича, 17 апреля.

ⁱⁱ Имеется в виду послание «Государыне великой княгине Александре Федоровне на рождение в[еликого] к[нязя] Александра Николаевича», написанное Жуковским 17–20 апреля 1818 г. по случаю рождения наследника престола (см.: *Жуковский В. А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. М., 2000. С. 93–97, 507–508). В 1849 г. стихотворение это было переиздано в составе третьего тома пятого издания сочинений Жуковского (Стихотворения В. Жуковского. 5-е изд. Т. 3: 1818–1821. СПб., 1849. С. 1–10). Показательно, что пятое издание вышло с посвящением великому князю Александру Николаевичу, датированным 17 апреля 1849 г. (Стихотворения В. Жуковского. 5-е изд. Т. 1: 1802–1812. СПб., 1849. С. II, IV).

ⁱⁱⁱ Очевидно, речь идет о впечатлениях от разговора с великим князем Александром Николаевичем, состоявшегося в ходе визита, который Плетнев нанес своему бывшему ученику в день его рождения, 17 апреля 1849 г.

^{iv} Заведующим библиотекой цесаревича в 1849 г. служил коллега Плетнева — один из бывших учителей наследника престола действительный статский советник Флориан Антонович Жиль (1801–1865), назначенный на эту должность в 1840 г. См.: Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1849 г. Ч. 1. СПб., 1849. С. 16; *Павлова Ж. К.* Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж: Жизнь и судьба. СПб., 2010. С. 81–84. О способах пополнения дворцовых библиотек см.: *Зимин И. В.* Библиотеки Зимнего дворца: Книги, библиотекари, императорские семьи (1762–1917 годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 10–23.

^v Речь идет о супруге великого князя Александра Николаевича Марии Александровне (1824–1880) и их детях — дочери Александре (1842–1849), сыновьях Николае (1843–1865), Александре (1845–1894), Владимире (1847–1909).

^{vi} Вдова В. А. Жуковского Елизавета (урожд. фон Рейтерн; 1821–1856). Лично не знавший ее Плетнев вступил с ней переписку в тот же день, как получил известие о смерти своего старшего друга, 21 апреля 1852 г. (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. № 118. Л. 1). Темой этой переписки стало как издание неопубликованных сочинений Жуковского, так и организация перевозки праха поэта в Россию (Жуковский скончался в Баден-Бадене 12 (24) апреля 1852 г. и был погребен на местном кладбище 14 (26) апреля). «Ко мне Жуковского жена написала из Ганнау письмо. Ей хочется тело мужа перевезти сюда в Россию. Я уже

писал о том к государю наследнику, который вполне одобрил предположение. Только не знаю теперь, где будет выбрано место его вечно-го покоя», — сообщал Плетнев Я.К. Гроту 21 мая 1852 г. (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 589).

Выбор места в конечном итоге был сделан Е. Жуковской также по совету Плетнева — на кладбище Александро-Невской Лавры, рядом с могилой Н. М. Карамзина (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. № 118. Л. 7). Во время всех этих переговоров и хлопот Плетнев находился в постоянном контакте с цесаревичем (он поспешил к нему сразу после получения известия о смерти Жуковского и 21 апреля 1852 г. был на аудиенции по этому поводу).

^{vii} Письма Е. Жуковской цесаревичу: РГБ. Ф. 104 (Жуковский Василий Андреевич). Карт. 2. № 27; письмо цесаревича Е. Жуковской: ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. № 708.

^{viii} Тело прибыло в Петербург 23 июля 1852 г. Накануне Плетнев получил уведомление из Кронштадта: «Тайный советник Прянишников, свидетельствуя свое совершенное почтение Его Превосходительству Петру Александровичу, имеет честь уведомить, что тело покойного Василия Андреевича привезено в Кронштат (sic. — Д. Д.) на почтовом пароходе Владимир и завтрашнего числа будет доставлено в Петербург, но куда будет привезено, ему неизвестно» (ИРЛИ. Ф. 284. Оп. 2. № 87. Л. 3, с датой 22 июня 1852 г. и пометой: «п[олучено] и о[твечено] 23 июля 1852»).

^{ix} Такое объявление было сделано. Например, «Во вторник, 29-го июля, в полдень, совершено будет погребение тела тайного советника Василия Андреевича Жуковского на кладбище Александро-Невской Лавры» (Северная пчела. 1852. № 166. С. 662).

^x Организация похорон Жуковского постоянно согласовывалась Плетневым с великим князем Александром Николаевичем. После получения известия о прибытии тела поэта Плетнев уведомил об этом цесаревича и просил назначить день похорон. Александр Николаевич выбрал 29 июля (до этого времени он был в отъезде). «Тело поставлено было в церкви Невского монастыря, — рассказывал Плетнев в письме Е. Жуковской. — В самый день похорон служили сперва обедню, а потом панихиду, к которой прибыли великий князь и в[еликая] к[нягиня] Мария. Стечение лиц посторонних, уважавших покойного, было необыкновенно большое. Много было членов Государственного Совета, министров, из университета все профессора и студенты, все члены Академии наук, литераторы и проч. и проч. Госуд[арь] наследник первый взялся, чтобы нести гроб с другими, и не отошел до самой могилы, со слезами провожая друга своего и наставника. В[еликая] к[нягиня] Мария обливалась слезами и не отхо-

дила от гроба, пока не опустили его в землю. Из Москвы на похороны приезжала мад[ам] Елагина. Много было и здешних дам» (ИРЛИ. Ф. 234. Оп. 1. № 118. Л. 13–13 об.).

Ср. описание похорон в газетной заметке: «Земля отечественная приняла в недра свои прах одного из благороднейших сынов ее. Во вторник, 29-го июля, происходило, в час пополудни, в Александро-Невской Лавре погребение Василия Андреевича Жуковского. При панихиде, совершенной над телом в церкви Сошествия Святого Духа, благоволили присутствовать Их Императорские Высочества государь наследник цесаревич и великая княгиня Мария Николаевна. Церковь наполнена была многочисленными друзьями и читателями покойного, в том числе лицами высших ученых сословий, Академии наук, университета, и т. д. По совершении панихиды, поднят был гроб, вынесен на новое кладбище, и при общем душевном умилении, при искренних слезах всех присутствующих, опущен в землю подле могилы Карамзина» (Северная пчела. 1852. № 171. С. 681).

^{xi} Речь идет о Никольской домово́й церкви в Мариинском дворце, подаренном Николаем I его старшей дочери, великой княжне Марии Николаевне (1819–1876) в честь ее брака с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским (1817–1852).

^{xii} Старший сын П. А. Плетнева Александр Петрович Плетнев (1852–1911) родился 1 августа 1852 г.; см.: Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 3. СПб., 1885. С. 410.

^{xiii} Речь идет о том, что старший сын великой княгини Марии Николаевны Николай Максимилианович (1843–1891) замещал отсутствующего на крещении крестного отца А. П. Плетнева — великого князя Александра Николаевича.

^{xiv} Великая княгиня Мария Николаевна была крестной матерью А. П. Плетнева.

^{xv} Дочь Плетнева Ольга Петровна Лакиер (1830–1852) скончалась 15 октября 1852 г. в 16 ч. 25 мин., на шестой день после родов (таким образом, комментируемое письмо написано Плетневым буквально в первые часы или минуты после ее кончины). Смерть дочери стала для Плетнева страшным ударом. «С тех пор я ношу на сердце камень, который, кажется, до смерти моей не спадет, — писал он 5 января 1853 г. П. А. Вяземскому. — Моя жизнь посвящена была только устройению счастья этого существа, кроткого и доброго» (Сочинения и переписка П. А. Плетнева. С. 411).

^{xvi} Речь идет о смерти старшей дочери цесаревича великой княжны Александры Александровны (1842–1849), скончавшейся 16 июня 1849 г.

^{xvii} Вторая жена Плетнева Александра Васильевна (урожд. княжна Щетинина; 1826–1901) была очень дружна с дочерью Плетнева от первого брака Ольгой и стала крестной матерью ее сына, Петра Александровича Лакиера (1852–1892). До семи лет П. А. Лакиер воспитывался в доме П. А. и А. В. Плетневых. Затем вернувшийся из длительного путешествия отец ребенка А. Б. Лакиер забрал его к себе в Таганрог. После смерти отца, скончавшегося в 1870 г., П. А. Лакиер уезжает из России, намереваясь получить образование за границей, но завершить курс наук так и не смог и занялся в Швейцарии фермерством, не приносящим ему большого дохода. По завещанию П. А. Плетнева П. А. Лакиер до конца своих дней получал от А. В. Плетневой ежемесячное пособие в 100 рублей. См.: *Соболева Н. А. Род Лакиеров // Гербовед. 2005. № 1 (79). С. 141–142.*

^{xviii} Речь идет о том, что великий князь Александр Николаевич был крестным отцом А. П. Плетнева.

^{xix} Тем не менее, Плетнев позаботился о том, чтобы оно сохранилось и на бумаге. Он снял копию с комментируемого письма и отправил ее своему молодому другу Я. К. Гроту с тем, чтобы тот в случае смерти Плетнева передал ее Александру Николаевичу. «Копию письма, которую ты прислал мне, буду я хранить как святыню, и если назначено свыше, исполню твое желание в точности», — пообещал ему Грот, и обещание свое выполнил. «Желание его было исполнено мною через в[еликого] к[нязя] Александра Александровича в первые же дни по получении известия о смерти Плетнева 29 декабря 1865 года», — сообщает он. Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 610–611.

^{xx} Речь идет о рождении дочери великого князя Александра Николаевича Марии (1853–1920) 5 октября 1853 г.

^{xxi} Далее следует цитата из стихотворения «На рождение великой княжны Елисаветы Александровны», написанного Г. Р. Романовым по случаю рождения дочери Александра I Елизаветы (1806–1809), см.: Сочинения Державина. Т. 2: Стихотворения. Ч. 2. СПб., 1865. С. 605. В процитированных стихах упоминаются родственники великого князя Александра Николаевича, лица императорской фамилии — император Александр I, императрица Елизавета Алексеевна, вдовствующая императрица Мария Федоровна, занимавшаяся заботой о «вдовах и сиротах». Несомненно, Плетнев выбирает именно эту цитату именно потому, что новорожденная дочь цесаревича получила то же имя, что и Мария Федоровна. Менее очевидным, но, может быть, еще более существенным для Плетнева контекстом было то, что это же имя носила и великая княгиня Мария Николаевна. В поэзии Жуковского Мария Николаевна ассоциировалась с образом ангела, младенца, «небесно-

го гостя» — так же, ангелом, Державин называет и великую княжну Елизавету Александровну, и именование это Плетнев переносит на новорожденную тезоименитую Марии Николаевне княжну. См.: *Долгушин Д. В.* «Мне привиделся сон; Как же весел был он...»: Неизвестное стихотворение В. А. Жуковского // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2018. № 51. С. 114–116)

^{xxii} Плетнев надеялся, что император Александр II успеет получить его письмо ко дню своего рождения, 17 апреля.

^{xxiii} 20 мая 1856 г. Плетнев впервые в жизни выехал за границу для поправления здоровья жены. Однако лечение водами на курортах Германии ей не помогло, и Плетневы поселились в Париже, чтобы пользоваться услугами ведущих медиков (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. С. 645).

^{xxiv} 29 апреля 1857 г. у Александра II родится сын Сергей (1857–1905).

^{xxv} Плетнев не мог лично поздравить Александра II с днем рождения, т. к. находился в Париже, куда выехал для оперативного лечения крайне запущенного гнойного плеврита.

^{xxvi} Огюст Нелатон (1807–1873) — лейб-медик Наполеона III, знаменитый хирург, директор хирургической клиники больницы Св. Людовика в Париже, лечащий врач П. А. Плетнева. Младший сын Плетнева Алексей так описывает эту тяжелую операцию: «Хорошо помню, когда, по приезде нашем в Париж, где мы остановились сперва в меблированной квартире на Елисейских Полях, был тотчас созван консилиум из следующих трех светил врачебной и хирургической науки: Нелатон, Вельио и Труссо. Осмотрев отца, последние два хирурга высказали мнение, что нужно сделать отцу прокол через спину с выходом в грудь.

Только Нелатон держался мнения, что достаточно сделать прокол вглубь со стороны груди. Его диагноз был принят и оказался более верным.

Отец не согласился подвергнуться хлороформу и стойко выдержал операцию в полном сознании. Последствием операции было моментальное облегчение его дыхания от накопившегося гноя и, улыбаясь матери, он радостно сказал, что чувствует себя сразу почти выздоровевшим. И действительно, после установки в рану дренажа, он настолько оправился, что скоро мог встать, ходить, читать и писать» (*Плетнев А.* Воспоминания о П. А. Плетневе. СПб., 1907. С. 8).

Облегчение, однако, оказалось временным, гной впоследствии снова накапливался, рана не зарастала, здоровье Плетнева слабело. 26 декабря 1865 г. случился инсульт, и через три дня Плетнев скончался.

^{xxvii} Плетнев ведет отсчет службы от своего выпуска из Педагогического института, который он закончил в 1814 г.

^{xxviii} Плетнев служил в Екатерининском институте (1814–1830), августейшей покровительницей которого была императрица Мария Федоровна, и в Патриотическом институте (1814–1833), августейшей покровительницей которого была императрица Елизавета Алексеевна. После их кончины эти обязанности на себя приняла императрица Александра Федоровна.

^{xxix} Занятия с великим князем Александром Николаевичем Плетнев впервые провел летом 1828 г. в Павловске.

^{xxx} Имеется в виду кончина старшего сына Александра II наследника престола великого князя Николая Александровича (1843–1865), последовавшая 12 апреля 1865 г. в Ницце.

^{xxxi} Речь идет о великом князе Александре Александровиче (1845–1894), ставшем наследником престола после смерти своего старшего брата.

Список литературы

Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1849 г. Ч. 1. СПб., 1849. XVI, 312, 6 с.

Долгушин Д. В. «Мне привиделся сон; Как же весел был он...»: Известное стихотворение В. А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 110–129.

Долгушин Д. В. «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья первая // Литература и история в контексте археографии. Новосибирск, 2022. С. 442–469. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 41).

Долгушин Д. В. «Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола. Статья вторая // Память о прошлом в письменных источниках XVII–XX вв. Новосибирск, 2023. С. 320–357. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 42).

Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. Т. 2: Стихотворения 1815–1852 гг. М., 2000. 839 с.

Зимин И. В. Библиотеки Зимнего дворца: Книги, библиотекари, императорские семьи (1762–1917 годы) // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 10–23.

Павлова Ж. К. Флориан Жиль и Императорский Эрмитаж: Жизнь и судьба. СПб., 2010. 310 с.

Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. Т. 3. СПб., 1896. VIII, 854 с.

Плетнев А. Воспоминания о П. А. Плетневе. СПб., 1907. 14 с.

- Соболева Н. А.* Род Лакиеров // Гербовед. 2005. № 1 (79). С. 139–152.
- Сочинения Державина. Т. 2: Стихотворения. Ч. 2. СПб., 1865. XIV, [2], 736 с.
- Сочинения и переписка П. А. Плетнева. Т. 3. СПб., 1885. XII, 746 с.
- Стихотворения В. Жуковского. 5-е изд. Т. 1: 1802–1812. СПб., 1849. VIII, [4], 311 с.
- Стихотворения В. Жуковского. 5-е изд. Т. 3: 1818–1821. СПб., 1849. [8], 295, [4] с.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ	— Археографический ежегодник
АН	— Академия наук
АО «НПЦАП имени академика Н. А. Пилюгина»	— Акционерное общество «Научно-производственный центр автоматики и приборостроения имени академика Н. А. Пилюгина»
БАН	— Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург)
БВАНЛ	— Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы (Вильнюс)
ВДНХ	— Выставка достижений народного хозяйства (Москва)
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ВКП (б)	— Всесоюзная коммунистическая партия (больше- виков)
ВЧК	— Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР
ГААО	— Государственный архив Архангельской области
ГАВО	— Государственный архив Вологодской области
ГАИО	— Государственный архив Иркутской области
ГАРО	— Государственный архив Ростовской области
ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАТО	— Государственный архив Томской области
ГИМ	— Государственный Исторический музей (Москва)
ГК	— Городской комитет
ГКАТ	— Государственный комитет Совета министров СССР по авиационной технике
ГМИИ имени Пушкина	— Государственный музей изобразительных искусств имени Пушкина (Москва)
ГПНТБ СО РАН	— Государственная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)

ИИ СО РАН	— Институт истории Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск)
ИИФиФ	— Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (Новосибирск)
ИМЭЛ	— Институт марксизма-ленинизма (Москва; 1921–1991)
ИРЛИ РАН	— Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
КПК	— Комиссия партийного контроля
МВД	— Министерство внутренних дел
МВТУ им. Баумана	— Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана
МГУ	— Московский государственный университет
МДА	— Московская Духовная Академия
МКБ	— Машиностроительное конструкторское бюро
НБ ТГУ	— Научная библиотека Томского государственного университета
НГУ	— Новосибирский государственный университет
НИА СПБНИИ	— Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН
НИОРК БАН	— Научно-исследовательский отдел редкой книги Библиотеки Российской Академии наук
НЭП	— Новая экономическая политика
ОКБ	— опытно-конструкторское бюро
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОПИ	— Отдел письменных источников
ОР	— Отдел рукописей
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи с 1649 года
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РАН	— Российская Академия наук
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГАНИ	— Российский государственный архив новейшей истории (Москва)
РГАСПИ	— Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
РГБ	— Российская государственная библиотека (Москва)
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА	— Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГНФ	— Российский гуманитарный научный фонд
РКП (б)	— Российская коммунистическая партия (больше-виков)
РНБ	— Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
РНФ	— Российский научный фонд
РПЦ	— Русская Православная Церковь
РСФСР	— Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РФ	— Российская Федерация
РФФИ	— Российский фонд фундаментальных исследований
СГУ	— Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина
СО АН	— Сибирское отделение Академии наук
СО РАН	— Сибирское отделение Российской Академии наук
СОКМ	— Свердловский областной краеведческий музей (Екатеринбург)
СССР	— Союз Советских Социалистических Республик
США	— Соединенные Штаты Америки
ТГУ	— Томский государственный университет
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы

УНР	— Українська Народня Республіка
УОЛЕ	— Уральское общество любителей естествознания
УрО РАН	— Уральское отделение Российской Академии наук
УФСБ	— Управление Федеральной службы безопасности
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов; с 1992 г. Российский государственный архив древних актов (Москва)
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив; с 1992 г. Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив; с 1992 г. Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
ЦК	— Центральный комитет
ЧОЛДП	— Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения
ЮУрГУ	— Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)

**К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ, ПРИСЫЛАЮЩИХ СТАТЬИ
ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ СЕРИИ
«АРХЕОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ СИБИРИ»**

К рассмотрению принимаются статьи и публикации, оформленные по правилам издания.

1. Все материалы, включая текст статьи, иллюстрации, дополнительные шрифты, если они использовались, предоставляются в редакцию по адресу электронной почты ais_siberia@mail.ru в текстовом редакторе Microsoft Word. Если текст содержит сложное форматирование и дополнительные шрифты, то статья прилагается также в формате PDF.

2. Шрифт статьи — Times New Roman, кегль — 12, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1,25, выравнивание — по ширине, без переносов. Поля: левое — 2,5 см, правое — 1,5 см, верхнее и нижнее — 2 см. Для постраничных сносок: кегль — 10, межстрочный интервал — 1, абзацный отступ — 1,25, выравнивание — по ширине.

Иллюстрации прилагаются отдельными файлами, подписи к ним — отдельным файлом. Если воспроизведение иллюстраций предполагается в самой статье, то в тексте следует указать место их расположения (Иллюстрация 1. Иллюстрация 2 и т. д.).

3. Текст статьи предваряют метаданные на русском языке: инициалы имени, отчества и фамилия автора, аффилиация (полное название организации — места работы или учебы, город, страна), выравнивание — по правому полю. Аннотация статьи (от 150 до 300 слов). Кегль — 12, абзацный отступ — 1,25, межстрочный интервал — 1, выравнивание — по ширине. Ключевые слова — не более 10 слов или словосочетаний. Кегль — 12, абзацный отступ — 1,25, межстрочный интервал — 1, выравнивание — по ширине. Подзаголовок «Ключевые слова» выделяется курсивом.

4. Подстрочные примечания к статье даются постранично со сплошной нумерацией. Примечания в конце статьи не допускаются. Цифра сноски ставится после знака пунктуации.

5. При библиографических ссылках в тексте и примечаниях необходимо сообщать следующие сведения: фамилия и инициалы автора (выделяются курсивом и отделяются друг от друга пробелом), название работы, название и номер издания (для статьи), место издания (без указания издательства), год издания, страницы. При повторном упоминании работы в тексте и примечаниях дается ее сокращенное название. Сокращение «Ук. соч.» и отсылка «Там же» не допускаются.

6. В тексте статей и примечаниях необходимо придерживаться сокращений, список которых публикуется в конце каждого выпуска серии «Археография и источниковедение Сибири». Просим ориентироваться на список сокращений, опубликованный в последнем из вышедших выпусков. Все прочие сокращения должны раскрываться после текста статьи.

7. Курсив, разрядка и полужирный шрифт используются только для выделения семантически значимых отрезков текста. Не допускается использование курсива вместо кавычек, обрамляющих цитируемый текст.

8. Древнерусские и древнеславянские тексты могут быть переданы средствами гражданской или церковнославянской графики.

В том случае, если текст передается средствами гражданской графики (желательно), набор используемых букв ограничивается дореволюционным гражданским алфавитом (включая — при необходимости — *і, ѣ, ѿ, ѡ*) и не допускается воспроизведение титла, надстрочных букв и знаков кириллической нумерации.

При этом авторам статей рекомендуется использовать следующие упрощения древней орфографии: *і* передается через *и*; *ѿ* через *ф*; *ѡ* через *пс*; *ѡу* через *у*; *ѡ* через *я*; *ѡ* через *е*; *ѡ* через *у*. *Ѣ* сохраняется.

Титла раскрываются в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. Выносные буквы вносятся в строку в соответствии с написанием подобных слов в данной рукописи. В том случае, если в рукописи нет соответствующих указаний, выносная буква вносится в слово в соответствии с современным написанием: *кнѡ*^с — князь. Выносное *ж* в качестве частицы передается через *же*, выносное *с* в окончании возвратных глаголов — через *ся* (если это согласуется с языком рукописи). Местоимение *и* (в отличие от союза) отмечается ударением. Кириллическая нумерация передается арабскими цифрами; цифры, написанные словами, сохраняют свое написание. К цифрам с падежным окончанием прибавляется дефис.

Пунктуация расставляется по современным правилам. Все иные случаи оговариваются в тексте статьи. Имена собственные, в том числе личные имена и географические названия, пишутся с прописной буквы, названия народов — со строчной, кроме тех случаев, когда название народа используется как название страны («и поиде в Половцы»). Текст членится на абзацы в соответствии с содержанием. Прямая речь заключается в кавычки. Если в языке соответствующей рукописи имеется смешение косвенной и прямой речи и прямая речь вводится с помощью слов «что», «яко» и т. п., то эти последние слова в кавычки не заключаются: «глаголаше бо, яко “прейду по Волхову пред всеми”».

В тексте, который передается буквами церковнославянской графики, сохраняются все буквы древней кириллицы и — при необходимости — титла, надстрочные буквы и кириллическая нумерация. Надстрочные знаки сохраняются лишь в том случае, если это мотивировано содержанием статьи.

9. Издание текста должно быть оформлено по следующим правилам. В тексте основного списка разделительным знаком (/ /) отмечаются границы между листами рукописи, в том числе между лицевой и оборотной (об.) сторонами листа, после чего в квадратных скобках курсивом проставляются соответствующие номера листов: [л. 2 об.]. Пропуски в основном списке отмечаются многоточием, а исправления выделяются курсивом (если исправлению подверглись лишь отдельные буквы, курсивом выделяются только они).

Публикация сопровождается двумя «подвалами». Если текст издается по одному списку, второй «подвал» отсутствует. Сноски, помещаемые в первом «подвале» и нумеруемые строчными буквами русского алфавита (а, б, в и т. д.), касаются основного списка. В издаваемом тексте знак сноски ставится после того слова, к которому он относится; в случае, если замечание относится к группе слов, знак сноски ставится после первого и последнего слова (в таком случае в сносках знаки соединяются коротким тире, например, а–б). В сносках первого «подвала» отмечаются палеографические особенности рукописи, правка в ее тексте, пропуски и нечитаемые места, исправления, внесенные в основной список издателем. Исправления должны быть оговорены публикатором, с указанием имеющегося в рукописи чтения (*испр.*, *в ркп.*). Сноски отделяются одна от другой точками с запятой, типовые слова сокращаются (*доб.*, *испр.* и т. д.), весь текст, принадлежащий публикатору, выделяется курсивом, заглавная буква используется только в начале первой сноски, все последующие идут со строчной. В тексте знак сноски делается вручную, без использования автоматического режима. Сноски, помещаемые во втором «подвале» и нумеруемые арабскими цифрами от 1 до 100 в автоматическом режиме (каждая новая сотня сносок отмечается римской цифрой, т. е. II, III и т. д.), дают разночтения других списков по отношению к основному. В издаваемом тексте знак сноски ставится после того слова, к которому он относится; в случае, если разночтение касается группы слов, то ставятся два знака сноски — одна цифра после первого слова и другая после последнего слова (в таком случае в сносках эти две цифры соединяются коротким тире, например, 1–2). Если знак сноски уже имеется для другого разночтения, им можно воспользоваться вторично (например, к тексту «Егда¹ седе² в Киеве³» разночтения: «¹Когда Б; ^{2–3}приде в Киев А; ³Кыеве Б»).

Разночтения отделяются друг от друга точкой с запятой, типовые слова сокращаются, весь текст, принадлежащий публикатору, выделяется курсивом. Условные обозначения списков ставятся после текста разночтений. Если какое-то слово основного списка отсутствует в другом, то в сноске это обозначается словом «нет» — курсивом. Если к какому-то слову основного списка в другом списке читается добавление, то знак сноски ставится после этого слова, а в сноске текст добавления предваряется сокращением «доб.» — курсивом. Если разночтение встречается в нескольких списках, то после текста разночтения перечисляются условные обозначения этих списков, не отделяющиеся друг от друга запятой.

Комментируемые фрагменты обозначаются малыми римскими цифрами в верхнем индексе, сами комментарии оформляются в текстовом режиме (не допускается оформление комментариев как концевых сносок). Например, к тексту «Егда¹ седе² в Киеве^{3 vii}» комментарий: «^{vii} Киев — столица Киевской Руси».

10. В конце статьи под названием «Список литературы» (выравнивание — по центру) приводится список использованной литературы в алфавитном порядке, без нумерации. Сначала приводятся работы на русском языке, затем иностранные. Шифры источников из архивов, рукописных отделов библиотек и музеев, а также старопечатные издания в список литературы не включаются. Газетные и журнальные публикации, которые исследуются в качестве исторических источников, в списке литературы не приводятся. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом. Для статей в Списке литературы указываются страницы всей статьи (С. 30–40), для монографий — общее число страниц (635 с.). Если в тексте статьи приводятся ссылки на отдельные статьи одного и того же сборника, то в Список литературы выносятся эти статьи, вынесение сборника в целом в Список литературы недопустимо.

11. Решение о публикации статьи принимается редколлегией после ее рецензирования. Плата за публикацию не взимается. Рассылку авторских экземпляров иногородним авторам редколлегия не осуществляет.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	5
<i>Н. С. Гурьянова</i> О новосибирской школе изучения старообрядчества	7
<i>Н. П. Матханова</i> Научно-просветительная деятельность Н. Н. Покровского как продолжение Тихомировских традиций	18
<i>Н. А. Старухин</i> Академик Н. Н. Покровский в письмах к профессору З. Я. Бояршиновой	33
<i>Н. А. Мининков</i> Начало родного города Н. Н. Покровского по документам ...	40
<i>Н. Н. Покровский-младший</i> Один день Николая Николаевича	51

Статьи

<i>А. А. Манохин</i> Вновь найденный список «Сказания о скончании седьмой тысячи» и вопрос об источниках «Просветителя»	71
<i>В. А. Мельничук</i> Чудеса-знамения в жизнеописаниях князей: По материалам Степенной книги	79
<i>Л. Д. Демидова</i> О Невоструевском списке Челобитной инок Авраамия	92
<i>Т. А. Опарина</i> «Греченин» из Эпира Федор Юрьев Макидонский	104
<i>С. А. Никонов</i> «Считали у себя в волости»: Механизмы контроля хозяйственной деятельности церковных приказчиков Русского Севера во второй половине XVII — начале XVIII в.	114
<i>Ю. С. Белянкин</i> Борьба эсхатологий в церковной полемике конца XVII — начала XVIII в.	126

<i>А. И. Алексеев</i>	
Авторское начало в анонимных историях Петровского времени	137
<i>О. В. Эдельман</i>	
Комплекс писем императрицы Елизаветы Алексеевны к матери маркграфине Амалии Баденской: Проблема полноты, границ и сохранности комплекса	149
<i>Л. М. Дамешек</i>	
Россия и исторические судьбы народов Сибири XVIII — начала XX в.: Концепты, закон и практика.....	156
<i>П. В. Ильин</i>	
Некоторые нерешенные задачи археографии в истории декабристов	170
<i>Л. В. Кальмина</i>	
«...Умны, любознательны и предприимчивы»: Сибиряки глазами современника. Век XIX	190
<i>Е. М. Юхименко</i>	
Филипповские соборы XIX — начала XX в.	207
<i>Н. А. Мудрова</i>	
Уральский священник, математик Иоанн Михеевич Первушин и книги из его библиотеки.....	216
<i>М. П. Мироненко</i>	
Воспоминания В. Л. Житомирского как источник по истории жизни и быта населения в черте оседлости на Украине в конце XIX — начале XX в.	233
<i>П. А. Афанасьев</i>	
Документальное наследие провинциального чиновника Е. П. Клевакина: Опыт публикации.....	246
<i>Т. Ф. Волкова, М. В. Мелихов</i>	
Вклад старообрядца С. А. Носова в создание и сохранение рукописно-книжной традиции на Нижней Печоре: По материалам базы данных о печорской книжности.....	261
<i>В. М. Рынков</i>	
Ведомственные журналы периода Гражданской войны: Источниковедческий анализ и оценка информационного потенциала.....	273

<i>Е. Ю. Нуйкина</i>	
Биографические сведения о православном духовенстве в документах судебно-следственных дел 1917–1930-х годов	291

<i>М. В. Зеленов</i>	
Опыт текстологического изучения «Краткого курса истории ВКП (б)»	299

Статьи-публикации

<i>Н. В. Соколова</i>	
Библиотека Великоустюжского и Тотемского архиерейского дома: По описным книгам стольника А. М. Вешнякова 1701 г.	321

<i>А. И. Попович</i>	
Непроизнесенная проповедь Стефана Яворского на день Иоанна Златоуста, 13 ноября 1708 г.: Текст и комментарии.....	336

<i>Т. В. Медведева</i>	
«Докладная записка об Удской старине» Н. Д. Свербеева (1852)	354

<i>Д. В. Долгушин</i>	
«Не удивляйтесь, Ваше Высочество, что я обременяю Вас такими длинными письмами...»: Письма П. А. Плетнева наследнику престола Статья третья	375

Список сокращений.....	393
------------------------	-----

К сведению авторов.....	397
-------------------------	-----

Научное издание

Археография и источниковедение Сибири
Выпуск 1 (43)

Утверждено к печати Ученым советом Института истории СО РАН,
протокол № 4 от 25 марта 2024 г.

Выполнено в рамках государственного задания
«Прошлое в письменных источниках XVI–XX вв.:
Сохранение и развитие традиций» (FWZM-2024-0006)

Адрес редакции
630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8,
Институт истории СО РАН, ком. 306.
Телефон: +7(383)330-36-71,
e-mail: ais_siberia@mail.ru,
<http://www.history.nsc.ru/publications/books/ais/index.htm>.

Свидетельство регистрации СМИ
серия ПИ № ФС77-86920 от 16 февраля 2024 г.

Редактор В. А. Ромодановская
Художник В. А. Хананов

Подписано в печать 20.05.2024.
Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 29,5. Усл. п. л. 28,25. Тираж 300 экз.

Институт истории СО РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Отпечатано в типографии «Апостроф»
630083, Новосибирск, ул. Большевикская, 177